

Н О В Ы Й
М И Р

Н О В Ы Й М И Р

1958

6

1958

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIV

№ 6

Июнь, 1958 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
АЛЕКСАНДР МИХАЛЕВИЧ — Из винницких дневников	3
Д. ГАМБУРГ, кандидат химических наук — Разговор о химии	26
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН — Волки, стихи	39
ЛЕВ СЛАВИН — По ту сторону холма, повесть	41
ГЕОРГИЙ КУЧИШВИЛИ — Из стихов разных лет. Перевели с грузинского Евг. Винокуров, В. Соколов, Евг. Евтушенко, Мих. Луконин, М. Максимов, Константин Ваншенкин, Юрий Полухин. Послесловие Карло Каладзе	85
С. СЛАВИЧ — Тишина, рассказ	99
РУДОЛЬФ ПЕТЕРСХАГЕН — Принудительное пребывание в «свободном мире». Главы из книги «Мятежная совесть». Перевела с немецкого Л. Рудная	116
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ	
ФЕДОР ГЛАДКОВ. (К 75 летию со дня рождения)	171
<i>К конференции писателей стран Азии и Африки</i>	
ИЗ ТУРЕЦКОЙ ПОЭЗИИ	
Орхан Вели. Даром. Я слушаю Стамбул.— Мелих Джемдет Андай. Дерево, потерявшее покой. Хиросима.— Октай Рифат. Уличные торговцы.— Фахри Эрдинч. Разве. Наследство. Африка. Перевели с турецкого Р. Фиш, А. Янов	173
ПОЛЬ НИГЕР — Я Африку такую не люблю, поэма. Перевел с французского С. Болотин	178
ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА	
ТАЦУКИТИ НИСИНО — Горести Кэндзо. Перевела с японского Е. Пинус	185
ПУБЛИЦИСТИКА	
ОЛЕГ ВОЛКОВ — Клад Кудеяра	192
Герман Соколов — Поговорим о садах	204

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ.	
ЛИДИЯ ОТМАР-ШТЕЙН — Встречи с Фурмановым	217
И. ПЕШКИН — О Серго Орджоникидзе. Из старых блокнотов	224
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. ОЗЕРОВ — О пролетарском гуманизме и абстрактном морализаторстве. Полемиические заметки	232
Е. ГАЛЬПЕРИНА — Африка гнева и надежды. (Заметки о современной африканской поэзии)	241
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	253
И. Эвентов. Роман в стихах. — Дмитрий Осин. Через бурные пороги. — С. Гиацинтова. Любовь побеждает. — Юрий Полетика. Судьба Неда Гордона.	
<i>Политика и наука</i>	263
Г. Давыдов. Синтез — тема журнала. — Доктор медицинских наук В. Загорянская. Книга о советском здравоохранении. — Олег Писаржевский. Искусство видеть мир. — Кандидат исторических наук А. Монгайт. Средневековая Москва. — Кандидат технических наук М. Кулаев. Человек на крыльях. — А. Бельская. Политика, противоречащая интересам народа.	
ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО	275
А. Храбровицкий. Горький и Имре Мадач. (Неизвестные письма А. М. Горького). — Кандидат филологических наук Л. Светлов. Автор стихотворения «Декабристам». — Л. Владимиров. Судьба одного архива.	
РЕПЛИКИ	280
Геннадий Фиш. Из опыта Хельсинки... — Н. Кузьмин. Посвяительство на грамматику.	
КОРОТКО О КНИГАХ	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	286

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

АЛЕКСАНДР МИХАЛЕВИЧ

★

ИЗ ВИННИЦКИХ ДНЕВНИКОВ

Знаете ли вы, читатель, нашу Винничину? Это одна из двадцати шести областей Украины, а если брать весь Советский Союз, то это еще меньшая административная величина — во всей стране у нас более ста двадцати краев и областей.

Нет на Винничине особых гигантов заводов, великих строек, грандиозных электростанций или городов с миллионным населением. Предприятия здесь больше пищевые.

Это наша украинская лесостепь. Скромный Южный Буг прорезает своей долиной Винницкую область с северо-запада на юго-восток. Сеют здесь много хлеба, растят свеклу — столько свеклы, что любители звучных сравнений называют Винницкую область «сахарным Донбассом». Доят на многочисленных фермах коров, откармливают свиней. Садов много в этих местах, есть на юге, ближе к Днестру, и виноградники.

С Винницкой областью граничат и Одесская, и Кировоградская, и Хмельницкая, и Черновицкая, и Киевская, и Житомирская области; Молдавия — тоже ее соседка. Винничане третий год соревнуются с липецкими колхозами Российской Федерации. Знают сюда дорогу, с пользой сравнивают, сопоставляют с винницкими свои успехи цепкие люди и в других областях.

У винницкой земли своя богатая летопись. Хмельницкий, Кривонос, Богун водили здесь свои храбрые полки. Кармалюк поднимал на панов бедноту. И недаром в Тульчине стоит памятник Суворову. Еще вспомните: ведь Некрасов-то родом отсюда, и Михайло Коцюбинский — земляк винничанам. А кто в Виннице не предложит вам показать усадьбу Пирогова?! Именем Данилы Заболотного, этого маршала охраны народного здоровья, названо его родное село близ знаменитого теперь колхозными успехами Крыжополя. Уже созданы книги о героическом подполье, о беззаветной партизанской борьбе в этих краях в годы Отечественной войны.

Но жгуче интересна сегодняшня винницкая действительность. В особенности «заглавного» Винницкого района — района устойчивого, все прогрессирующего передового опыта.

«...Образцовые волости или образцовые уезды сыграют не только крупную, но прямо решающую, историческую роль», — предвидел в свое время Владимир Ильич. Время все глубже раскрывает великий смысл этих ленинских слов.

Какую уверенную перспективу движения вперед создают передовые районы для соседей, показывает сравнение хотя бы того, что намечает сделать Винницкая область, с тем, чего уже добился Винницкий район.

	По Винницкой области наме- чается получить в 1958 году	В Винницком районе получено в 1957 году
	(в центнерах)	
Зерна с гектара	17,1	19,9
Сахарной свеклы с гектара	225	326
Мяса на 100 гектаров сельскохозяйствен- ных угодий	60	более 100
Молока на 100 гектаров сельскохозяйствен- ных угодий	207,3	более 300

Очень хорошо говорят в Китае: «Чтобы рассуждать, надо исследовать». Так вот давайте, читатель, совместно проведем кое-какие исследования, а затем и обсуждение некоторых явлений колхозной жизни — с винницкой «горки» многое яснее видно!

Это поможет еще больше отточить общественную мысль в борьбе за достижение поставленной партией задачи: на новом этапе развития колхозного строя, после реорганизации МТС, быстро поднять все колхозы и совхозы до уровня передовых.

Накануне 1958 года в отчетном докладе Винницкого обкома партийной конференции было отмечено: «Если в недавнем прошлом мы имели лишь один передовой — Винницкий район, то теперь к его уровню подтягиваются больше десяти районов области». Факт знаменательный, хорошо аттестующий, но и к очень многому обязывающий областных руководителей.

Радуюсь хорошим ковалям

Еду в этот раз на Винничину, а в памяти встают строчки как будто очень простого, но в то же время чем-то глубоко задевающего стихотворения про ковалей — сельских кузнецов. Написал эти стихи Борис Олейник, киевский студент.

Як у нашому селі
В крицю¹ вдарять ковалі,
Як у небі голубому
Закурличуть журавлі,—
Так і знай: не за горами
І з пахучими вітрами,
З солов'їними піснями
Йде весна по всій землі.

• • • • •
Того ранку у селі
Не кували ковалі:
Мого діда серед ночі
Вбили клятї куркулі.
Де осінньої пори
Сумно шепчуть явори,
Там сховали мого діда
На колгоспівській землі.

В сорок другому в селі
Не кували ковалі.
Там фашисти мого брата
Ізв'язали й повели...

¹ Криця — сталь.

Тишу постріл розірвав.
 Похилилася трава,
 І у матері від горя
 Посивіла голова.

В сорок третьому в селі
 Засмутились ковалі:
 Нам до хати із сільради
 Чорну звістку принесли.
 Десь під Харковом в гаю
 Впав мій батько у бою,
 Покотились сльози в мами
 На голівоньку мою.

Пронеслися ті роки злі,
 Їде весна по всій землі:
 Знов у кузні на світанку
 Б'ють у крицю ковалі.
 Я — з ковальської сім'ї,
 В руки молот взяв свої,
 Як ударю в груди криці —
 Аж луна понад гаї!
 Спи спокійно, діду мій,
 Спи спокійно, батьку мій,
 Спи, мій брате, не осоромлю
 Я ковальський рід міцний.
 Я на повну міць свою
 В сталь дзвінку невтомно б'ю,
 Те, що ви не докували,
 Я з синами докую!

Повторяю в дорозі эти епічески-мужественные, сильные, как взмахи кузнечного молота, строки и мысленно спорю со всеми, кто еще подчас поразительно мелко, бедно воспринимает нынешние колхозные дела, не успевает подумать о глубоких корнях, конечно же не вдруг родившегося нашего соревнования с Америкой — смелого похода за действительный достаток для каждой «души населения».

То, что деды да отцы недоковали, пришло время доковать теперь. Сколько пережито народом! Зато ни один коваль еще не ковал с такой силой и не был так близок к цели, как нынешние кузнецы изобилия...

Образ работающего, неунывающего, умудренного подвигом отцов коваля помогает мне лучше понять человека, с которым хочется сразу подружить читателя.

Он тоже молод — Иван Афанасьевич Бондарчук, секретарь Винницкого райкома партии. Сын участника гражданской войны, одного из первых организаторов колхоза в родном селе, Бондарчук потерял в годы фашистского нашествия отца, а брат его сложил голову под Кенигсбергом. Сам Иван Афанасьевич активно участвовал в партизанской борьбе, был в отряде комсомольским организатором. Он жадно учился после войны — кончил педагогический институт, партийную школу, а перед тем как его выбрали в 1956 году первым секретарем Винницкого райкома партии, был здесь же, в Виннице, председателем райисполкома, секретарем по зоне МТС.

...Кажется, уже исчерпала себя недоброй славой «мода» некоторых литераторов: больше всего радеть о том, чтобы герой не был «чересчур положительным», — хоть выдумывай, а найди трещину, изъян, порок,

червоточину! Что ж поделаешь, если Бондарчук и его товарищи всем своим поведением, характером, результатами труда как бы говорят вам: «Мы люди, действительно до мозга костей увлеченные соревнованием — ленинским, народным, коммунистическим соревнованием! Может быть, отсюда исходят еще не всеми понятые цельность, насыщенность — если хотите, азарт нашей жизни. Мы можем, на иной требовательный взгляд, быть в чем-то зеленваты, в чем-то лукавы и хитроваты, в чем-то недовоспитанны, но вот трещин в нас не ищите, червоточинами не награждайте! Чего нет, того нет...»

Как рад я рассмеяться в лицо всем вольным и невольным умалителям преимуществ нашего строя, подлым и унылым поносителям советского человека, не подозревающим, что винницкий Бондарчук, или неугомонный председатель из винницких колхозов, или доярка из Стрижевки находятся в прямом «родстве» и достигли таких же высоких орбит, как наши покорившие мир советские спутники Земли.

Увлеченность соревнованием... Я был свидетелем, когда Алексей Николаевич Блузер, председатель колхоза в Зарванцах, вместе с доярками размышлял:

— В Якушинцах суточный удои достиг четырнадцати килограммов на корову, почему же у нас в Зарванцах только тринадцать?

И колхозники начали доискиваться этого недостающего килограмма. Сравнивали рационы, проверяли досконально методы ухода за коровами, допытывались у соседей — как же так, на целый килограмм меньше! Рассуждал потом Блузер:

— Ведь как нынче дело идет? День не подумаешь — отстанешь обязательно! Не свой близкий сосед, так та же Буркацкая не по мясу, так по ягодам, не по ягодам, так по снижению трудовых затрат найдет статью и обгонит. А вы думаете, нам это переживать легко?..

Свои волнения и у председателя в Пурпуровцах, там, где колхоз «Перемога», у Лаврентия Дмитриевича Найколюка.

Еще к середине прошлого года колхоз «Перемога» успел получить по восьмидесяти центнеров мяса (главным образом свинины) на сто гектаров сельскохозяйственных угодий. Больше всех не только по району, но и по области. Всего лишь три года назад на те же сто гектаров в этом колхозе было произведено свинины... шесть центнеров. А в 1960 году колхозники из «Перемоги» обещают производить на сто гектаров земли уже по триста центнеров мяса. От шести к тремстам — в пятьдесят раз за какие-нибудь шесть лет!

Внешне Найколюк очень спокойный, рассудительный, немногословный человек. Сейчас ему сорок лет, он вернулся с фронта майором, с орденами, медалями. И азарт не написан на загорелом председательском лице, и совсем не пышет оно самодовольством — «вот, мол, какие мы хорошие, передовые». Нет, другие черты — какой-то уверенной внимательности и бодрого интереса к окружающему подкупают вас в собеседнике, когда вы разговариваете с Найколюком.

А придет час естественного, совсем непринужденного течения беседы, и голосом Найколюка вам выскажет что-то очень существенное, характерное нынешний наш хлебороб, вчерашний «мужик».

— Работа, ведь она одинакова...

Вы выждете паузу и услышите продолжение мыслей Найколюка:

— Одинаковая она, в общем, работа, одна и та же — все равно ее надо робить... Хорошо или плохо, с большим или малым результатом, а делаешь. Так лучше делать хорошо! И чтоб результат был... К примеру, шофер едет. Тебе, браток, все одно за рулем сидеть, за путем смотреть, баранку крутить. Так уж если ехать, то со скоростью, хорошо ехать, а не и машину и себя мучить.

Вспоминаются мне некоторые ранние сборники Остапа Вишни. Давайте любые скидки на сатирические преувеличения этого несомненного знатока сельского быта, но ведь как же ранили, жгли его сердце неподвижность, косность, застои якобы «извечного» мужицкого бытия — бытия по формуле: «Краще полежу... Якось то воно буде».

В одной из книжечек двадцатых годов можно набрести на очень горькую и едкую юмореску Вишни — «Про продуктивність праці в сільському господарстві...»

«— Марино! А чи не бачила ти, де я плуга восені засунув?

— Та за клунюю.

— Дивись, а я вже чотири дні голову собі кручу, де я його застромив?!»

И вот резкий, не щадящий иного нежного, воспитанного уха вывод сатирика:

«Продуктивність праці в нашій сільській господарстві. Це все одно, як би вам сказали:

— Пошукайте дівоцтво у цариці Катерини Великої... не знайшли б ви його...

Продуктивності тої, як у комара носа. От скілечки...»

Сколько же успели и перевернуть, и перетереть, и отшлифовать в крестьянском сознании годы советской жизни, чтобы сельскохозяйственные Вишневые усмешки воспринимались теперь в этом винницком селе, как далекая-далекая старина!..

Ведь не бежит, а ищет новой работы, жаждет еще и еще интересного, боевого поля деятельности сегодняшней Найколюк.

В Ивановке председателем Петр Назарович Кушнир — «наш ветеран», как говорят про него. Колхоз старейший, и председатель бессменный с более чем тридцатилетним стажем. Батрак, красногвардеец, один из первых в селе коллективистов, живое олицетворение многолетних уже «колхозных университетов», офицер Советской Армии в Отечественную войну, упорный восстановитель колхоза — сколько раз уже собирался Кушнир подвести черту своему председательству, «уступить дорогу смене».

Когда-то он испытывал удовлетворение просто от того, что отучил такого-то колхозника от хищений колхозного добра («сам выследил, почему на ферме сметана исчезала, — посидел в засаде ночью, схватил несознательную душу, провел ее утром за руку по селу, попросил на собрании народ обсудить»), или от того, что колхоз купил «жизненную машину» (Кушнир все машины делит на жизненные, то есть надежные, экономичные, производительные, и нежизненные, «кабинетные», считая, что и таких у нас еще немало). А потом желания росли, планы расширялись, мечты богатели, и Кушнир уже говорил:

— Вот начнет новый сад плодоносить, уйду тогда с председательства. Хватит!..

— Вот добыюсь, что колхоз меньше ста пудов не будет собирать, тогда выбирайте другого...

— Вот закончу животноводческий городок... Вот соорудим Дворец культуры... Вот построим столовую...

Но уже восемь лет подряд Ивановка не отступает от стопудового урожая. И новый сад уже щедро плодоносит. И животноводческий городок, как большая каменная крепость, укрепил село. И проложены в Ивановке ровные улицы с аккуратными заборами да веселыми палисадниками. И вкусные блюда готовят в колхозной столовой Ивановки, даже в Виннице заговорили о ней. А громадный Дом культуры в Ивановке не только открыт, но и принимает у себя артистов, музыкантов, лекторов, чтецов, спортсменов многих городов, не говоря уже о выступлениях своей отличной самодеятельности.

Однако Кушнир, поседевший в боях и труде ветеран новой жизни, все не выпускает из твердых рук колхозный руль, не устает смотреть вперед. Вот только не знаю, какой новый крайний рубеж намечает он теперь для своего долгого председательского пути.

Характеры у винницких председателей колхозов разные, но редко у кого не заметишь украинской любви к шутке, к острому слову. Однажды присутствую при споре: какие качества, какое умение важнее всего для председателя колхоза.

— Агрономом быть — вот что важно для председателя!

— А зоотехником? Тоже хорошо!

— А по-моему, экономистом. Экономика — основа всего!

— Нет, главное — быть хорошим политиком!

И вдруг свое особое мнение высказывает Юлиан Антонович Надкерничный, председатель колхоза имени Шевченко. Роста он невысокого, близорук, носит очки, похож на учителя.

— Вы думаете, что главное для председателя колхоза? Надо хо-о-ро-шим артистом быть. Не просто артистом, а, если хотите, дважды артистом! Почему артистом? А вот почему. Тут что ни человек — ты ему особую арию подбери. Старикам одна песня понравится, молодежи давай другой подход, для женщин ищи особое слово, да чтобы репертуар все время обновлялся. И помни, что ты все время на людях и от тебя должна быть зарядка и воодушевление людям.

Надкерничный — Герой Социалистического Труда еще с тех пор, как винничане кок-сагыз возделывали. «Вот только потом нас химия в соревновании обогнала, обошла без натурального каучука. И как знать, может быть, это не последняя победа химиков в состязании с земледельцами?» — улыбается Юлиан Антонович.

В Героя Социалистического Труда вырос и Прокоп Калинович Романенко, глава колхоза «Ленинский шлях», что в Сосонке, — человек твердый, смелый, решительный. Кроме Романенко, в колхозе еще двадцать коммунистов, — значительное число партийцев характерно, впрочем, для всех винницких колхозов. Директор школы Борис Борисович Шлайн — секретарь колхозной партийной организации. В данном случае такое сочетание вполне себя оправдывает. В школе есть своя ученическая МТС, в ней два стареньких трактора, гараж сооружается; школьники знают машины, знают работу на полях и фермах. Почти все они, получив аттестаты зрелости, остаются работать в колхозе.

Сорок комсомольцев в «Ленинском шляхе». Одному из них, Василию Сташко, недавно доверили заведовать свинофермой. Сташко учился в техникуме, был в армии.

— Тут главное — помнить, в какой год мне поручили ферму, — говорит Василий, — и юбилей Советской власти и соревнование с Америкой... Кое-что нового уже сделано...

Сташко потерял отца и брата в войну.

Те, що ви не докували,
Я з синами докую!..

«Пример внушает бесподобно!»

Как ни выросли люди в винницких колхозах, как ни захвачены они желанием обогнать Америку, а и этому району было не так просто взять новую ступень, овладеть новыми рубежами в животноводстве. Даже в известном смысле труднее, чем отстававшим соседям.

Те делают свой шаг вперед, скажем, за счет внедрения разовых опросов, хорошего зеленого конвейера или ликвидации яловости коров; они получают заметный прирост уже от того, что наведут элементарный по-

рядок на фермах, построят откормочные площадки и так далее. Для них это резервы, которые еще надо поднимать, использовать.

А колхозы Винницкого района в своем большинстве этот путь уже прошли, им надо черпать глубже, искать упорнее, еще больше обострить в себе чувство нового. Ну, можно не бояться за Пурпуровцы, они за год перешагнут через сто центнеров мяса на сто гектаров земли. И Зарванцы, очевидно, перешагнут, Найколюк с размахом ведет свиноводство, собирается взяться за кроликов. Блузер прямо-таки бредит десятками тысяч голов птицы. В Сосонке, у Романенко, резко увеличат долю белковых кормов — белок для следующего скачка и продуктивности животноводства особенно важен! — увеличат за счет богатейшего посева гороха, за счет многолетних трав, озимой вики, хорошего подсолнуха.

Но осияют ли за этот год такой серьезный, дерзкий переход Тютки, или Некрасово, или Горбаневка? Смогут ли быстро повернуться в Шкуринцах? Они тоже пошли вперед, Шкуринцы, но ведь и подводили они не раз район. Подавляющее большинство колхозов в районе идет с плюсом, но есть и минусы — например, в Гавришевке за пять месяцев свинины получили на шесть центнеров меньше прошлогоднего. И у пятничан пока минус, и в Студенице.

— «Сто на сто» — трудное, сложное дело, осилите ли его в районе за один год? — спрашивал я летом.

Иван Афанасьевич Бондарчук отвечал тихо, серьезно и очень убежденно:

— Ну, а для чего же мы здесь, районные руководители? Соревнование для чего? Нет, уж мы постараемся не ошибиться ни в расчете, ни в людях!

Характерны, между прочим, обороты речи Ивана Афанасьевича и когда он выступает, например, на конференции, в кругу своих партийных товарищей, и когда он в беседе накоротке делится тем, что на душе.

«Жить помаленьку да потихоньку — лучше вообще не жить», — любит повторять Бондарчук. Как он убежден в чудесной силе передового примера! «Пример внушает бесподобно!». «Неужели Смирнов, Вдовенко, Барчук, Костенко, Черный и все другие председатели наши не могут сделать с землей то, что сделал в Белоруссии знаменитый Орловский? Неужели у них не хватит разума, опыта, умения, воли научиться на передовом примере?»

Самотек не просто чужд, он ненавистен ему. Не книжными, не формальными, а своими словами он это по-разному выражает: «Хозяйство без расчета — это стихия, а стихия никогда до хорошего не доведет», «Напряжение вызывает творчество!», «Нужно такие цели ставить в соревновании, чтобы мозги трещали от мыслей, как же свое слово сдержать».

Кажется, что у этого молодого, растущего партийного работника вошло в плоть и кровь что-то особенно важное для правильного понимания роли и правильного поведения руководителя:

руководить — это не значит чувствовать себя «награжденным» портфелем и должностью;

руководить — значит организовывать;

руководить — значит помогать всем смотреть вперед, жадно изучать людей, разжигать и в себе и в других интерес к человеку;

руководить так, чтобы убыстрять движение района вперед, иначе и не берись за гуж;

руководить так, чтобы не было в одном месте густо, а в другом пусто;

руководить — и постоянно ощущать: здесь твое руководство прибавило килограмм молока к суточному надою, там добавило зерно колосу, или увеличило хоть на сто граммов вес свекловичного корня, или выжало из мотора лишний гектар выработки.

Ну как тут не вспомнить еще раз сказку Щедрина о некоем самокритичном губернаторе! Ведь поучительна она чертовски!

Герой этой сказки ведет разговор о том, «для какой причины губернаторская должность учреждена». В общем, он склоняется к тому, что «если бы нас всех, губернаторов, без шума упразднить, то никто бы и не заметил». А попутно высказывает довольно здравые мысли насчет того, почему без пользы разные губернаторы да тысячки: «разве он может хоть колос единый в снопе убавить или прибавить?.. Обучался он, может быть, чему-нибудь, да только не тому, чему следует... Статистики он — не знает, этнографии — не понимает; нравы и обычаи — не при нем писаны; где какая река куда течет, почему и в каком смысле... где и какую питательную ветвь надо провести, — все это для него — темна вода во облаках».

Интересно, что в уста этого губернатора Щедрин вкладывает и такую мысль: «И все у нас промыслы как-то местом ведутся. Тут — благодать, а рядом — нет ничего». Диво бы секрет разведения муромских огурцов, или поздеевской капусты, или копчения тамбовской ветчины умел губернатор людям привезти, передать. А то ведь, вместо этого, суетится, гамит. Спросят такого губернатора: «в каком, мол, положении у вас огородничество?»... «Ну, и отвечаешь на всякий случай, чтобы без хлопот: оставляет, мол, желать многого».

Эту сказку Щедрин назвал «Праздный разговор». И такой разговор не мог не быть праздным во времена Щедрина, когда власть была разьединена с народом, власть противостояла народу, служила подавлению и закабалению его.

Но времена переменились. И теперь это уже самый главный, коренной и злободневный вопрос о том, чтобы в любом районе и области, в любом колхозе были такие руководители, вожаки, такие проводники решений партии, такие организаторы народного труда, которые бы своим руководством действительно добавляли побольше колосьев каждому снопу, умели практически взять от одного и передать другому «секреты» получения дополнительного количества мяса, молока, масла.

Механизм наисложнейший

И увлеченно и озабоченно Бондарчук иногда говорит:

— Если жизнь вообще сложный механизм, то жизнь района — механизм наисложнейший!

Продолжая это сравнение, можно сказать, что действительно «машина» руководства районом не проста, она управляется при помощи многих рычагов, и если не все рычаги надежны, безотказны в работе, то машину или что-то стопорит, или бросает из стороны в сторону — во всяком случае, она не действует на полную мощность, не до конца вам послушна... Подобно, например, тому, как землеройный механизм может брать глубоко, но не давать нужной скорости, или действовать как будто с нужной скоростью, но не обеспечивать достаточной широты захвата, — так и в районе, где руководство недостаточно квалифицированное, часто какой-то рычаг оказывается не включенным вовремя в работу, и район «недобирает» то в одном, то в другом...

Все ли рычаги непрерывного подъема Винницкого района уже правильно оценены? Не осталось ли что-нибудь в тени?

Когда из номера в номер читаешь винницкую районную газету «Шлях к коммунизму», беседуешь о газете в колхозах, наблюдаешь, какое действие оказывают ее страницы — меткие, составленные коллективной рукой селькоров обзоры всех сторон районной действительности, все эти немногословные, подчас язвительные, поддевающие, написанные с юмором

заметки или даже обыкновенные сводки, поданные всегда не формально, не равнодушно, а ярко, броско, прокомментированные со знанием дела, — невольно думаешь: вот кто здесь всегда подливает масла в огонь соревнования! Вот та самая постоянная гласность, сравнимость результатов работы коллективных хозяйств, о которой так заботился Владимир Ильич, глядя далеко вперед, думая о реализации коренных преимуществ нового строя...

В газетный лист заверстана небольшая рамка, и там только три фразы, набранные крупно: «В Майданском колхозе поджили 240 гектаров озимых. А сколько в Пятничанах? Только 32 гектара». Всё! Но в густую краску вгонит председателя Пятничанского колхоза эта лаконичная справка вслух, которую слышат в любом уголке всех тридцати трех колхозов района.

Газета не устает следить, сравнивать, в каком колхозе надоено больше молока, снято с откорма больше свиней — с начала года, за месяц, за декаду. Бывает разница в десятке килограммов, но как ревниво учитывает весь район эту разницу! Это предмет внимания действительно всех. Это одних окрыляет, возбуждает, других больно задевает, вызывает новое упорство, заставляет лучше и лучше рассчитывать силы, находить резервы.

Может быть, в этой газете есть и недостатки — да конечно же есть! — но многое простишь, если вдруг встретишь на газетном листке то довольно злой, то добродушно-наставительный, то по-товарищески предостерегающий разговор с... минусистами.

Минусисты — что еще за племя такое?

Иная газета печатает очередную сводку, скажем, удоев молока, и в редакции аж скучают: опять, мол, «принудительный ассортимент»! А в винницкой районной газете жадно набрасываются на каждую сводку — внимательно, всем коллективом ее проанализируют, выведут каждому колхозу его плюс или минус по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, по сравнению с соседями, по сравнению с планом и обязательством. И если ты идешь с минусом, с тобой обязательно объяснятся на миру, на народе, докопавшись с помощью селькоров, специалистов до подюготной каждой цифры, каждого зигзага в сводке.

Прежде всего юмористический уголок «Ижачок» откликнется — ведет он, по мере надобности, «радиопереклички минусистов»:

«Внимание, внимание! Мой микрофон на ферме Луки Мелешковской... Уважаемые минусисты! После первой радиопереклички из ваших рядов выбыли Зарванцы, Писаревка, Пурпуровцы и Телепеньки... А вот здесь минус растет как на дрожжах... Вы слышите меня? Я проверяю слышимость, потому что коровы-то режут! Может быть, бригадира-кормовика Опанаса Тимофеевича Червотюка высматривают и непрерывно голосят: «Му-у-у!» Пусть, впрочем, нам объяснит их поведение заведующий фермой. Прошу вас, Александр Сергеевич, к микрофону!..»

Может быть, кто-нибудь думает, что у винничан сплошное безмятежное преуспеяние? Нет, нет, противоречия жизни не остановились перед шлагбаумом Винницкого района, на каком бы хорошем счету он ни был! И газета не отворачивается от них, она все время вытаскивает на свет кусочки жизни, старается размотать иные сложные узелки, активно стать на сторону честного, нового в столкновении с цепкими привычками прошлого.

Как важна эта гласная, общественная, принципиальная оценка «будничных» конфликтов повседневной районной жизни!

Пришел колхозник в газету, рассказал редактору В. Шаповалу как будто мелочный факт: бригадир отказался предоставить ему коней, чтобы

отправить тяжело заболевшего сына. В редакции заинтересовались: что стоит за этим фактом? Оказывается, бригадир бессовестно сводил счеты с колхозником за то, что тот, заколов как-то кабана, отказал бригадиру в магарыче. Газета не только напечатала письмо колхозника, — она рассказала потом читателям, как обсуждало правление колхоза заметку об этом поступке бригадира, выявило и другие факты его недобросовестности, равнодушия к быту людей.

Мне запомнилось, как газета несколько месяцев вела острый разговор с молодыми выпускниками школы в одном из сел, стараясь поставить их на путь активного участия в соревновании. В жгучий спор о месте молодого человека в жизни, о его трудовой чести были вовлечены и лучшие производственники, и старые коммунисты, и комсомольские активисты. Разговор не остался бесплодным. Помню, что та самая девушка, которую одно время стыдили за эгоизм, пассивность, безделье, через некоторое время стала хорошей производственницей, комсомольским вожаком села, селькором газеты.

О людях самых различных профессий газета старается рассказывать хотя бы коротко, но из номера в номер. О старом столяре Ковардинском, о лучшем письмоносе Бибке, о контролере сберкассы Довгаль, об уважаемом киномеханике Пивовар.

Газетный лист, открыто и неутомимо воюющий с «мелочами жизни», не щадящий недостатков и в то же время не забывающий поддержать все честное, растущее, здоровое, — какая это, в самом деле, драгоценная пружина, способная все время толкать район вперед!..

Полезное для всех должно быть у всех

Всегда очень меток народ в оценке руководителей!

Как-то пришлось услышать своеобразный отзыв об одном руководителе района:

— Вообще-то голова у него набита. А чего-то не хватает. Наверное, практического творчества, организационного творчества — вот чего не хватает.

Голова не пустая, голова «набитая», — может быть, и хорошими решениями, и марксистскими цитатами, и правильными речами, и благими намерениями набита, а вот нет этого шкива, привода «практического творчества» — и вертится иной солидный на вид мотор, увы, на холостом ходу.

И не богатыми почвами, не обильными осадками, не какими-нибудь особыми условиями или щедрой помощью сверху, нет, именно этим «практическим творчеством» своих руководителей, своего актива, своих рядовых тружеников больше всего силен Винницкий район.

Живинка организаторского творчества... Такой, например, семинар в районе.

Собрались однажды руководители всех колхозов, расселись по машинам и начали «жизненный маршрут» — доргой нового!

Сначала мимо свеклы в Бохониках. Это уже не сводка, а живое поле! Обработана свекла чисто, развитие отличное. Смотрите, сопоставляйте все со своими плантациями. Может быть, у кого-нибудь еще лучше, чем в Бохониках? Тогда раскрывайте всем, за счет чего... Хуже у вас? Краснейте, занимайте ума в Бохониках.

От свеклы — поворот к новому птичнику упрощенного типа. Перспективная вещь, может во многих хозяйствах привиться не меньше, чем привились известные винницкие свинооткормочные площадки. Птичник построен за месяц, строительные материалы обошлись колхозу всего в восемнадцать тысяч рублей, затраты на одно птице-место в несколько раз меньше, чем требуется при постройке типового птичника... Ну, давайте

критикуйте, товарищи председатели, давайте заключение — стоящая вещь или нет?

Дорога прошла дальше, мимо полей Горбаневки... С одной стороны заехали, с другой. Ну, не та обработка свеклы! Начинается «подковыривание», неважно себя чувствует горбаневский председатель Барчук.

Еще один птичник по пути. И его обсудили. Район готовится к скачку по птицеводству, коллективная мысль работает, как практически, экономнее, по-хозяйски размещать быстро растущее количество птицы...

Еще один заезд. Хороший полевой стан для механизаторов. Это «наука наук» — забота о человеке. Кто соорудил хуже, у кого руки не дошли позаботиться о трактористе, не ищите оправдания, ищите способ сделать лучше...

Так строился этот маршрут. Закончили его в колхозном клубе, и там уже, на основе живых и свежих наблюдений, аргументов практики, обобщая новое, вели откровенный разговор о насушных делах района.

Это тоже какая-то пружина, «секрет» движения вперед широким фронтом. Никому не отсидеться в кустах от передового, нового!

Полезное для всех должно быть у всех!

В районе исключительная нацеленность на развитие животноводства. Можно сказать, хором считают каждую каплю молока, живут каждым текущим процентом выполнения плана по мясу!

Но — присмотримся.

Как-то в районе «вдруг» собрали большой слет работников полеводства. Не зимой, не весной, как это общепринято, а еще летом, имея в виду урожай следующего года. Бондарчук потом рассказывал о слете: «Прове- ля его со здравым смыслом и с опережением».

Опережение несомненное: еще летом создавалось боевое напряжение в борьбе за урожай будущего года. Принципиально обсудили возможность серьезного разрыва между взятыми темпами развития животноводства и производством зерна.

Я знаю, что не избежал и Винницкий район обычной участи передовиков — ряд лет нагружали его хлебозаготовками относительно больше, чем соседей. Приходилось подчас делать и такие обидные нелепости: сдавать, «закрывая» хлебную сводку, в заготовку свой горох, а потом рыскать всюду, чтобы, переплачивая, где-то на стороне приобрести белковый корм. Все это и трудодень как-то зажимало.

Если бы в районе научились только сетовать на хлебозаготовительные перипетии, гадали, получит район «облегчение» в хлебозаготовку тысяч на тридцать центнеров зерна или не получит, недалеко бы здесь ушли. Предстояло подумать, как дополнительно произвести не только эти тридцать тысяч центнеров, а и все сто, а потом и двести тысяч центнеров дополнительного зерна! Так, чтобы зерно не только не лимитировало, а еще и подхлестывало и без того бурный рост животноводства.

Вот какая идея была главной в этом слете:

— Повысить интенсивность использования земли. Любой клаттик земли мы обязаны занять для послеуборочных, пожнивных, уплотненных посевов — все это корма. Но и это — часть задачи. Почвы района неважные, надо упорно создавать их новое плодородие. Как это мы до сих пор терпели: Медвежье Ушко вносит на гектар в среднем только две с половиной тонны навоза, потому и зерна берет только тринадцать центнеров с гектара. Ивановка вносит на гектар семь тонн навоза, там и урожай зерна на круг все двадцать четыре центнера с гектара. Это уже подходяще. Но ведь у Орловского в Белоруссии вносят и пятнадцать тонн!..

С еще большим опережением, еще до начала лета 1957 года, в районе стали полным ходом вывозить удобрения под урожай нынешнего года.

Самый «невидный» в прошлом колхоз — имени Чкалова в селе Некрасове — вызвал всех «китов» на соревнование!..

В старину крестьяне говорили: «Навоз бога обманет». Куда уж выше оценка — даже самого бога, если он наказывает недородом, и то благодаря навозу перехитрить, «провести» можно!..

Садов в Винницком районе много, но их почти не удобряли, урожай снимали пестрые. Год назад партийная конференция, а потом специальная сессия районного Совета начали готовить людей к повороту и в области садоводства:

Делается это не только ради красоты садов и любви к фруктам. И уж, конечно, не для красного словца. Трезвый расчет: если район приведет в порядок сады да в два-три раза расширит ягодники, только эта отрасль добавит к колхозным доходам двадцать пять — тридцать миллионов рублей в год.

Есть у винничан такое выражение: «Освежить работу наукой». Когда брались за молоко, за свинину, освежали наукой животноводческую отрасль, редкий животновод района не побывал в Терезине под Киевом, на опытной станции и экспериментальной базе Института животноводства, а научные работники и этого института, и Института кормов, и Института экономики много раз были желанными гостями района.

Этот же стиль и с садами. Договорились с Институтом садоводства в Китаеве, направили туда на специальный многодневный семинар всех бригадиров-садоводов района. А дальше — углубление связей с наукой плодородства. Всем районом побывали в образцовом садоводческом совхозе «Билки». Задолго до сбора урожая отправили людей за новыми знаниями еще на один семинар. Потом они будут в колхозах по-хозяйски организовывать сушку и переработку фруктов.

Узнали, что в Млееве, на опытно-садоводческой станции, есть оригинальное сушильное устройство для фруктов. Притянут, обязательно притянут эту конструкцию к себе! Заказали заблаговременно в том же Млееве прессы для фруктов и овощей. Заранее предусмотрели, откуда взять, как приготовить больше бочкотары.

Главное, чтобы не одним колхозом, а всем районом поворачиваться лицом к садам, «освежать себя наукой»!

Даже тот «последний» колхоз, который замыкает сводку Винницкого района, произвел в 1957 году на сто гектаров земли в полтора раза больше и мяса и молока, чем было произведено в среднем по всей области. Значит, в привычном понимании здесь нет отсталых хозяйств. Зато колхозы-«середняки» — вот ныне предмет особого беспокойства и забот районных руководителей: именно они могут задержать развитие района.

Бондарчук так говорит на этот счет:

— Колхоз-«середняк» — такое хозяйство, где начали использовать резервы и остановились. Застыла жизнь, успокоились. А это бывает даже хуже, чем если бы не начинали подьема. Понимаете, внешне колхоз не отстает, и награды имеют люди, и заслуги, а бациллу отставания носят в себе.

Как же растормошить середняков?

Для этого, решают в Виннице, очень важно, чтобы не один секретарь райкома увещевал, скажем, товарища Барчука, председателя в Горбаневке, и стыдил его за временную потерю темпов, а было втянуто в это побольше людей — то ли из соревнующегося с этим колхоза, то ли из какого-нибудь другого хозяйства, где жизнь бьет ключом. Так, чтобы бригадир поспорил с бригадиром, садовод с садоводом, животновод с животноводом, бухгалтер с бухгалтером и все сообща доискались бы истины.

Взаимопроверка использования резервов — так можно сформулировать такой метод. Горьковатое лекарство приходится кое-кому принимать на народе, на миру. Но подлечило оно уже не одного товарища Барчука!

А знаете ли вы, какие праздники установили у себя винничане? Ну, «День животновода» это и в Рязани проводили и в Виннице не первый год бывает. И «День механизатора» тоже. А вот слышали ль вы о ежемесячном «Празднике молодых победителей соревнования»?

Это комсомольцы из Селищ предложили:

каждого молодого механизатора, который выработает за месяц не меньше 25 нормо-дней, пригласить в Винницу на праздник;

и каждую молодую доярку, которая выполнит месячное социалистическое обязательство и найдет молока в январе не меньше 280 килограммов на корову, в феврале — не меньше 290, в марте — не меньше 315, и так далее;

и каждую молодую свинарку, если она добьется на откорме свиней точного прироста не менее 500 граммов;

и каждого школьника, активно участвовавшего в уничтожении вредителей в саду, в сборе металлолома, помогавшего доглядывать молодняк на фермах, собирать птичий помет, —

тоже пригласить на «Праздник молодых победителей соревнования».

Первый такой праздник проходил в областном музыкально-драматическом театре. Район узнал множество новых имен. Победителей было более тысячи. Они получили грамоты, почетные вымпела, красные знамена. Пели, танцевали, смотрели спектакль «Чудесный сплав». Коллективно разработали и приняли условия участия в следующем празднике. Чапушки тут же складывались:

Молодь у Селищах ось як працює!
А коли про лучанську молодь почуєм?

Такие винницкие праздники хорошо показывают и утверждают силу масс — коллективного героя соревнования.

С песней — на гору!

Как-то в Каменке (ныне это районный центр Черкасской области) лет десять назад мне довелось слышать, как выступал с «накачкой» секретарь райкома. Он говорил один, все безмолвствовали. И как говорил! Кажется, и сейчас слышу монотонный голос и эту удивительную речь, в которой все слова следовали друг за другом без всяких пауз, ударений, смысловой окраски, абзацев, точек, запятых, сливаясь в одно невероятное, бесконечное предложение.

«...С нас спросят но и мы спросим пока мы сидим в этом кресле пусть не думают отсидеться в кустах даже если ты сейчас зеваешь Петренко смотри как бы не пришлось тебе отсюда уйти без партбилета и еще человек пять которые допускают издевательство над вышеуказанными директивами полагаю разработанные мероприятия должны идти с выполнением на сто процентов иначе с нас спросят но еще раньше мы спросим...»

Я вспомнил об этой сцене, очевидно, по явному контрасту, когда в конце прошлого года присутствовал на собрании актива Винницкого района. Еще октябрь тогда не кончился, еще ноябрь и декабрь были впереди, а представители всех хозяйств и всех профессий района с воодушевлением, с деловитостью обсуждали доклад райкома: «Об организации борьбы за выполнение обязательств 1958 года». И с таким накалом, да-

же подчас тревогой, обсуждали, как будто год этот уже на исходе. Опе-режение!

Это был резкий разговор о текущих и о будущих делах — не надо думать, что все здесь идет как по маслу, не осталось косности, не нужна борьба с отсталостью. Но если сопоставить то, что слышал я сейчас, и слышал тогда, десять лет назад, то этот разговор характеризовал принципиально иную ступень развития колхозной демократии, иное качество руководства колхозами.

Все дело, по-моему, в том, что у винничан разбужены, воспитаны, вызваны к жизни такие внутренние силы хозяйственного творчества, когда на бой с недостатками, с распущенностью, с медлителями всякого рода всегда готовы выйти не один Бондарчук с председателем райисполкома Вольянкиным, не одно бюро райкома, «руководящее ядро», а сотни, тысячи людей, и в том числе такие, от которых этого еще вчера никто не ждал.

Присматриваюсь: человек пятсот в зале районного Дома культуры. Многие приехали издалека, некоторые ночью, но я не вижу сонных, вялых, равнодушных лиц.

— Мы стали работать конкретнее, и это дало первые плоды, — говорит секретарь райкома, и я лишний раз убеждаюсь, каким емким, содержательным является для Бондарчука понятие «конкретная работа», какое прямо-таки наслаждение он испытывает, добираясь до чего-либо нового, предметного, осязательного, дающего для всех осязаемый результат...

Рядом со мной сидит рослая молодница, она аккуратно повязана цветным платком, в нарядном полубубке, на ногах высокие резиновые боты. Спрашиваю ее между делом: из какого колхоза?

— Из Телепенек...

— Что-то не вспоминают в докладе ваши Телепеньки, — закидываю я ей, когда Бондарчук говорит о достижениях «конкретной работы».

Только бровью повела... Проходит несколько минут. И вдруг у Бондарчука целый абзац о Телепеньках.

— Развеяна легенда, будто Телепеньки не могут быть передовыми. По суточным удоям мы уже видели этот колхоз в первой пятерке. Душа радуется за эти перемены!

Молодица чуть повернула ко мне голову после этих слов:

— Ну что?..

Потом, продолжая внимательно слушать Бондарчука, не спеша достала из кармана конфету и с удовольствием «закусила» ею похвалу докладчика Телепенькам.

Это совещание актива — словно живое отражение собранных, как в фокусе, различных сил района. Бросается в глаза какая-то особая слитность всех, кто сюда пришел, взаимное дружеское уважение и в то же время острота коллективной мысли.

О, здесь давались, и весьма язвительно, уроки логики!

— Если в Медвежьем Ушке умудрились суточный надой на корову снизить до пяти литров молока, зачем же, собственно, такой ферме именоваться молочной? Лучше сразу меняйте вывеску и направление, всем так и скажите — нет у нас больше молочного скота!

— Мизяковские Хутора жалуются: у нас, мол, крупное хозяйство — триста коров, нам не так просто средний удой держать в зимнее время на уровне десяти килограммов. Но ведь Крыжопольский район, как таковой, еще большее хозяйство? У них тысячи коров! А средний удой? Все двенадцать!

На трибуну поднимается невысокий лысоватый человек, говорит рассудительно, неторопливо — его, товарища Костенко, когда-то в районе уважали как хорошего судью, сейчас это не менее уважаемый председатель-тридцатитысячник.

— Может быть, загодя договоримся, как будем подводить итоги 1958 года? Подсчитаем выход продукции каждого колхоза, и всё тут, или и себестоимость будем расшифровывать? Мы, например, присмотрелись к птице — в наших условиях птица может быть выгоднее говяжьего мяса. Думаю, что наш колхоз не ошибется, если на сто гектаров угодий еще и двадцать центнеров птичьего мяса произведет.

Докладчик хорошо говорил о птице, Костенко добавил веский аргумент, а жарче, задористее, доходчивее всех получилось у комсомолки-птичницы Ольги Кирисюк из Луки Мелешковской.

— Где ваши очи, люди добрые? — обратилась она к представителям таких сел, как Хижницы, Тютюки, где за год и пяти десятков яиц не получили от курицы. — Когда же вы возьметесь работать обдуманно, а не сонно? В таком районе живете, а птичьего языка не понимаете. Да, да, не смейтесь, тут не смеяться — плакать надо, если председатель одними удоями увлекается, а птицы не понимает...

Слово просит «хозяйка свинофермы» в Шкуринцах Пилипчук.

— Если все условия будут благоприятствовать, — не без хитрости начала она, — тогда что же нам останется делать?.. Но зачем нарочно ухудшать условия работы? Иной раз принесешь председателю целый сундук литературы, доказываешь, что требуется животным. А он и в ус не дует... Давайте спросим друг друга: у всех ли на фермах топка подвезена? Так почему же мы об этом молчим? Частенько приказывают: топите соломой! А выгодно ли это? Почему обходится воз соломы? Это тоже ляжет на себестоимость. Посчитайте-ка! Может быть, брикеты дешевле обошлись бы.

Мария Мазур из Гавришевки мягким голосом, но совсем не робко вставляет в свой рассказ такую реплику:

— Хотелось бы спросить нашу передовую Стадницу: мы к Доске почета еще не привычные, а за двадцать дней взяли и построили птичник, почему же Стадница не имеет такого птичника?

Это самой Стаднице гласный укор, той Стаднице, которая нынче борется за пять тысяч килограммов молока на корову, за сто тридцать центнеров мяса на сто гектаров угодий. Да, трудно зазваться в этом районе!

У Алексея Николаевича Блузера, председателя колхоза из села Зарванцы, вырвалось от души:

— У нас не было электрификации страны — у нас она есть. У нас не было искусственного спутника Земли — у нас он есть. У нас не было ста центнеров мяса на сто гектаров — у нас они есть!

И этот пафос одних и будничные заботы других как-то органически объединяло всегда меткое, своеобразное слово Бондарчука:

— ...Мы же видим, как сейчас делается история, — молодо, искренне размышлял он на трибуне, произнося заключительное слово, и я чувствовал, что не было в зале человека, который не откликнулся бы на его мысли, его порыв. — Не долгими десятилетиями история сейчас делается и даже не годами, теперь новые скорости, любой месяц, даже неделя подчас решает...

...Самое опасное — недооценить свои возможности, занизить новые обязательства... В тихой жизни — черти водятся. В легкой борьбе в большого человека не вырастешь!.. Перестраховщику будет трудно брать новую гору, двигаться на крутой подъем в будущем году... Пройдут первые месяцы, и будет пыхтеть и крихтеть, чтобы не отстать на горе! Теперь все идут вперед, — не размахнемся смело заранее, Крыжополь или другой район обязательно будет сидеть на наших плечах. А тот, кто правильно сейчас разгонится, — что называется, с песней на гору выскочит!

Единой надежной цепью движутся вперед все колхозы, все участники соревнования — вот что выковано в Винницком районе! И, очевидно, не

так просто точно определить, сосчитать все живые силы, сообщающие этому району уверенное движение вперед.

Можно лишь посочувствовать близорукости некоторых наблюдателей колхозной жизни, связывающих все перемены в судьбах данной местности с одной личностью — скажем, секретаря райкома, пусть самого талантливого. Такой-то, мол, вытянет! Этот может!

В Винницком районе, помимо крепких председателей колхозов, секретарей парторганизаций, работают тридцать пять агрономов. Сама цифра эта, может быть, теперь и не удивит, в соседних районах, наверное, столько же, но там специалисты часто меняются, с ними еще нет тесного контакта ни у колхозников, ни у руководителей. Здесь же, в Винницком районе, шестнадцать агрономов трудятся непрерывно в колхозах уже по десяти и больше лет, четырнадцать из них — коммунисты. Район все квалифицированнее начинает решать назревшие вопросы культуры земледелия применительно к своей зоне.

Отложим в памяти еще некоторые подсчеты «действующего начала» в винницком соревновании. Возьмем среднее звено: из числа бригадиров и заведующих фермами сорок пять человек к началу 1958 года имели среднее образование, двадцать пять из них были по специальности зоотехниками и агрономами; восемнадцать учились заочно, в том числе пять в высших учебных заведениях, например Анастасия Илык, бригадир огородников из колхоза «Украина», являлась заочницей Украинской сельскохозяйственной академии, заведующий свинофермой колхоза «Россия» Михаил Полищук учился на четвертом курсе заочного отделения сельскохозяйственного института.

А кто цементирует ряды животноводов? Около ста коммунистов трудится непосредственно на фермах. Добавьте к ним почти пятьсот комсомольцев и комсомолок. Только среди доярок сто комсомолок, многие со средним образованием. И каждая третья надоила уже более четырех тысяч килограммов молока в год, повторив, казалось, еще недавно недостижимое достижение Александры Петровны Островской, доярки с более чем двадцатипятилетним стажем!

...Есть такой французский социолог Альфред Фриш, который доказывает, будто на тысячу индивидуумов в среднем лишь десять способны проявлять творческую инициативу. Это, мол, чистая элита, редкое отборное семя!

«Творческая элита» и «пассивные массы» — так до сих пор пытаются делить общество иные западные «мудрецы». Сто двадцать избранных, какая-то десятипроцентная населения США с годовым доходом свыше одного миллиона долларов, — это, очевидно, сверхэлита в стране хваленного предпринимательства?

Хорошо, что в мире каждый день рождается, могуче заявляет о себе другая статистика.

Как, например, сосчитать «винницкую элиту», если в одном Винницком районе, не говоря уже о недавнем его награждении правительством, сложился такой итог: только по результатам участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке за один год колхозники этого района получили 38 Больших золотых медалей, 68 Малых золотых медалей, 228 Больших серебряных медалей, 503 Малых серебряных медалей; премированы семью автомобилями «Победа», сорок одним мотоциклом, шестьюдесятью четырьмя велосипедами, сотнями радиоприемников, часов, швейных машин. Это не считая дипломов, наград, премий колхозам — библиотек, радио, киноустановок, ветродвигателей и так далее.

Кто же у нас истинный, главный герой соревнования за изобилие: «одухотворенные одиночки» или миллионы возвращенных партией, увлеченных творчеством, строительством новой жизни людей?

О полноте жизни

Отшумел юбилейный год со всеми своими радостями и тревожностями, пришли, кажется, обычные трудовые будни, но Бондарчук говорит: — Думается мне, 1958 год будет еще более значительным...

Взгляд его падает на лежащую перед ним газету с текстом Обращения Центрального Комитета КПСС и Советского правительства ко всем труженикам сельского хозяйства, где говорится о больших конкретных задачах в 1958 году.

Великое, всепроникающее «Вперед!», достигающее до каждого села, наполняющее жизнь бодростью, борьбой, — вот что захватывает Бондарчука в этом партийном документе.

Вижу я, как в Обращении Бондарчук особенно тщательно подчеркнул то место, где сказано: «Учить людей на новых фактах достижений более интенсивному ведению всех отраслей сельского хозяйства».

Не это ли ключ к его новым исканиям в начавшемся году?

— Да, нам всем надо научиться «превращать» один гектар земли для начала хотя бы в два и три гектара, — переводит Иван Афанасьевич на язык действия свое отношение к новым задачам, выдвигаемым партией. — Тогда сможем мы не только быстрее догнать, но и намного перегнать уровень производства мяса, молока, масла в Америке!.. Предположим, резко увеличим поголовье, лучше механизуем фермы, а где взять нужное количество кормов? Удобрения, прежде всего местные органические удобрения, — вот что вместе с травами, с комплексом агротехники превратит нам один гектар земли в два и три. Мы получим столько кормов, как будто бы удвоились земельные угодья Винницкого района... А кто не верит — пусть справится в Сокиринцах, например у Веры Подорожняк!

Что же сделала Вера — не где-нибудь далеко, на особых, благодатных почвах, а тут, под боком Винницы, где и песочек и заплывающую глину встретишь, где и осадки не всегда балуют? Вера Подорожняк в прошлом году собрала со своим звоном по девятьсот тридцать шесть центнеров зеленой массы кукурузы с гектара. 936! Обращение какую цифру называет? Средний урожай зеленой массы кукурузы не должен быть меньше трехсот центнеров с гектара. Ну а уж раз речь зашла о том, как из одного гектара делать два и три, то надо, чтобы десятки, сотни звеньев и бригад переняли опыт Веры. Вот тогда смело давай и двадцать и двадцать пять коров на сто гектаров земли.

И почему, собственно, другим не повторить достижение Подорожняк? Звено у нее комсомольско-молодежное, так разве в других звеньях нет такой же напористой молодежи? Вера сеяла кукурузу после свеклы, добавила тонн по двадцать навоза на гектар, внесла в каждое гнездо при посеве двести — триста граммов органо-минеральной смеси; доглядала свою кукурузу, конечно, лучше, чем обычно относятся к посевам на силос. Сама она свое рекордное достижение так оценивает: должно было быть еще больше, но потери при уборке допустили. Подтвердила она это убеждение новым замечательным обязательством: нынче на своем участке взять почти в полтора раза больше — тысячу пятьсот центнеров зеленой массы с гектара... Теперь Вера не одна, она веселей будет за свои полторы тысячи бороться.

Бондарчук, как что-то очень дорогое и ценное, берет тетрадку, где уже много страничек заполнено перечнем новых обязательств:

- «В. Подорожняк (Сокиринцы) — 1500
- О. Подоляк (Телепеньки) — 1500
- М. Паламарчук (Стрижевка) — 1300
- Е. Дойник (Горбаневка) — 1200
- О. Сташко (Ивановка) — 1000...»

Далее следует запись, где указывается, кто борется за сто и более центнеров кукурузы уже в зерне:

«Г. Чижик (Стрижевка) — 115
 М. Шевченко (Якушинцы) — 100
 Ф. Солоненко (Сосонка) — 100
 М. Стецюк (Ксаверовка) — 120...»

И еще, и еще фамилии.

Крутые ступени собираются взять люди в один год! Вникнем в такие факты. Двести звеньев записали в своем обязательстве: получить по тысяче и более центнеров силосной кукурузной массы с гектара; без малого полтора ста звеньев не помирятся на урожае кукурузы меньше чем во семьдесят — сто двадцать центнеров зерна с гектара. А почти пятьдесят звеньев, решивших «выбороть» урожаем картофеля по двести — триста центнеров с гектара? Наконец, есть и такие колхозы, которые борются за пятисотенный урожай сахарной свеклы.

«Где это видано, где это слышано?!» Как поучительно будет вернуться осенью к результатам этого массового дерзания, даже если в первый год эти результаты окажутся по тем или иным причинам еще неодинаковыми...

— Когда мы шли с Обращением партии и правительства к колхозникам, — рассказывал Бондарчук, — мы знали, что все его богатое содержание вызовет живой отклик в каждом доме, люди еще лучше осознают итог своей работы, зорче всмотрятся в свое будущее. Но то, как потянулся народ к смелым практическим делам, чтобы вдвое-втрое крепче сделать кормовую базу в районе, как с новой силой ухватился за кукурузу, как зажегся новым интересом к удобрению почв, — это, признаюсь, превзошло наши ожидания... То, что мы делали в прошлом, позапрошлом годах, сейчас кажется лишь первыми репетициями нынешних больших событий. Может быть, мы увлекаемся, переоцениваем обязательства людей, ведь зима — коварная, неизвестно, что еще преподнесет? Но факт остается фактом: в прошлом году сто тысяч тонн удобрений, наверно, за полгода на поля вывезли, а теперь — за один январь больше ста десяти тысяч! А каждая тонна винницких удобрений что-то весит на весах истории, как вы думаете?

Право, нравится мне Бондарчук за то, что он на такой короткой ноге с историей!

«Целый переворот у нас с удобрениями, честное слово!» — говорят мне в районе. Я не хочу пропустить ни одной существенной черты этого «переворота», узнать, расспросить о том, что сегодня занимает его участников, представить, насколько глубокими могут быть результаты...

«Удобрения», «добриво», «компосты» — эти слова действительно не сходят тут с языка, они в сводках, на страницах колхозных газет, на заседаниях, в беседах, на плакатах.

Но что, собственно говоря, они открывают нового? Разве крестьянин издавна не знал навоза, разве не накопили сельскохозяйственные учреждения фолианты научных отчетов, говорящих о пользе удобрений?

Да, наука годами исследовала множество приемов и вариантов внесения удобрений в землю. Но, может быть, впервые наше село получает возможность таких сплошных, дружных, массовых действий, позволяющих резко поднять плодородие полей.

И никто не смеет забывать: вся та полнота жизни — богатство, красота, радость, долголетие, — к которой мы стремимся, она осталась бы для миллионов мечтой, фразой, благопожеланием, если бы в великом походе за изобилие для всех не зарождались сейчас, не возникали, не вспыхивали вот такие, как у винничан, революционные почины.

Председатель колхоза «Украина» в селе Стадница Петр Федорович Вдовенко новый порыв колхозников к удобрению земли обосновывает очень трезво:

— Года два назад мы вносили всех удобрений по четыре тонны на гектар земли. Тогда и брали на круг только по пятнадцать центнеров зерна. В прошлом году внесли уже по семь тонн перегноя, это не считая дефеката, минеральных удобрений, золы, жижи. Урожайность сразу ответила — перешагнула через двадцать центнеров зерна, через четыреста центнеров сахарной свеклы. Ну, а как добиться, чтобы у нас на том же высоком уровне были и травы, и кукуруза, и картофель, и овощи, и сад? Нам надо на гектар пашни давать круговую не четыре и не семь тонн, а по крайней мере двенадцать тонн удобрений. Но это в сумме для всего колхоза означает больше двадцати тысяч тонн навоза. Подсчитали свои резервы: из хозяйства, из дворов колхозников больше чем двенадцать-тринадцать тысяч не получишь. Где выход? Торф! Есть у нас на территории колхоза торф. Мы хорошо продумали, установили сдельщину на заготовке и вывозке удобрений, премии объявили, учет поставили точный — все не «на глазок», а через весы идет.

Даже Стадница — передовой колхоз района — не знала таких кипучих темпов заготовки и вывозки удобрений, какие были в нынешнем январе.

Длинные, высотой метра в два, бурты торфокомпостов сторожат уже большинство участков звеньев. Как здесь клались эти бурты? Слой торфа, присыпанный минеральными удобрениями, дефекат, затем слой навоза. Вновь слой торфа, потом навоз и так далее. Каждый бурт, как правило, рассчитан на удобрение четырех гектаров площади под кукурузу, картофель и другие культуры. А кроме того, звеньями заготовлены тысячи центнеров птичьего помета, золы, да и фекалии пошли в дело.

Нет, массовая борьба за «1000» и «100» не будет лотереей, игрой в случайности. Такой штрих важен. В те самые дни, когда, например, Евгения Дойник и Мария Бараболя — звеньевые из Горбаневки, — назвав смелую цифру «1200», делились своими думками: «Нелегко будет взять столько, ну а разве высокие урожаи свеклы нам сами в руки дались? Не хочется и по кукурузе получать такие себе средненькие урожаи», — в эти дни агроном из Горбаневки Н. Яцюк приводил в районной газете точный агрономический расчет: какие приемы, какие удобрения, какие сроки работ позволят добиться «1200».

И когда Онисья Вознюк, почти тридцать лет проработавшая звеньевой, заявила: «Старая я уже, думала — на пенсию пора, а как услышала, что задумали девчата с кукурузой совершить, так рассудила: успею на пенсию! Если в прошлом году этими старыми руками больше пятисот центнеров свеклы вырастила, то и кукурузы в дружбе с механизаторами больше тысячи получу», — с искренним голосом Вознюк сливались многие голоса и трактористов и агрономов. Со своими обоснованиями тысячных урожаев выступил среди других агроном колхоза «Шляхом Ленина» Л. Камова, а агроном из Сосонки Т. Романенко написал статью «Густота — тоже надежный резерв», и агроном В. Ванжула из Стадницы свои думки вынес на общую трибуну: «Что нам дадут торфокомпосты».

...Где-нибудь в далеком от полей городе представляют ли товарищи, с какой страстью и упорством ведут передовые колхозники соревнование за повышение плодородия земли, за лучшее удобрение полей?..

Разбужено огромное рвение к обогащению земли. Спешила бы наука помочь разумно использовать каждую каплю этого рвения так, чтобы никто из звеньевых, бригадиров, трактористов не действовал на авось и на ура, а овладевал с системой повышения плодородия земли!

Мартовские рассветы

Бурный март 1958 года с его предвыборными встречами и праздником всенародного голосования, с переживаниями награждения без малого сорока пяти тысяч украинских передовиков, с жарким обсуждением коренного преобразования работы МТС, с великим множеством предвесенних дел и забот... И с погодой, то и дело меняющейся, капризной, крученной. Как в той поговорке: «Сім погод на дворі: сіє, віє, мутить, крутить, рве, зверху ллє, знизу мете».

Собрался в дорогу — сухо, чуть морозно, даже уютно в пути. И вдруг заснежило, закрутило, черная пашня начала на глазах сесть, серебриться, браться туманом, а потом сразу даже асфальт шоссе потонул в слякоти и стекла машины захлестало мокрым снегом.

Рыжевато-зеленоватая озимь, кажется, тоскует и печалится — такой март часто испытывает ее судьбу. Это — по одной стороне дороги, а по другой уже спокойно забелела накрытая снежком чернота зяби.

Успеть бы добраться засветло до райкома, где условлена встреча с Иваном Афанасьевичем Бондарчуком.

В республиканской газете прочитал высказывание секретаря Винницкого райкома, подписанное впервые «И. Бондарчук, Герой Социалистического Труда». Речь в этой статье о тезисах предстоящего доклада Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР. Читаю статью и думаю: разве одно то, что в Винницком районе зажглось нынче столько звезд Героев, не говорит со всей убедительностью о действительно новой силе колхозов, о том, что сама жизнь подготовила более высокую ступень развития колхозного строя? Вот кому здесь указами от 26 февраля 1958 года присвоено это почетное звание: второй золотой медалью «Серп и Молот» награждены председатель колхоза имени Шевченко Юлиан Антонович Надкерничный и председатель колхоза «Ленинский шлях» Прокофий Калинович Романенко; Героями стали председатель колхоза «Украина» Петр Федорович Вдовенко, председатель колхоза имени Сталина Петр Назарович Кушнир, председатель колхоза «Перемога» Лаврентий Дмитриевич Найколюк, стадницкая и стрижевская доярки — Агриппина Максимовна Илык и Александра Петровна Островская, а также бывший и нынешний первые секретари райкома — Маркиян Сергеевич Слободянюк и Иван Афанасьевич Бондарчук. Эти люди стали Героями, но не отнимешь геройского труда и от тех, кто удостоен других наград — орденов, медалей, а таких людей в одном этом районе сотни.

Пишет Бондарчук в газете:

«Время идет вперед. Колхозы Винницкого района не те, какими они были вчера. В прошлом году их доходы превысили шестьдесят миллионов. В неделимый фонд отчисляется двенадцать миллионов, а техника МТС, которую намерены купить колхозы, будет стоить примерно пять—шесть миллионов. Выходит, что колхозы смогут в кратчайший срок рассчитаться за технику, приобретенную в МТС.

Реорганизацию мы начинаем с дальнейшего укрепления всех участков хорошими кадрами — от районного звена до бригады. У всех объем и содержание работы неизмеримо возрастают...»

Эти деловые строки сразу расцветаются красками жизни, когда при встрече в ответ на обычный вопрос «Что делаете?» Бондарчук говорит:

— Революцию делаем... Только нынешние революционные дела совершают на селе люди с огромным колхозным опытом, с социалистическим сознанием! На одном собрании так разумно выступили трактористы, так по-хозяйски отнеслись в своих предложениях и к технике, и к земле, и к колхозу, что заслужили, прямо сказать, высшую похвалу. «Вы, — сказал им кто-то из присутствующих, — не просто наши механизаторы, вы марксисты-механизаторы!..»

И вот мы думаем вслух с Иваном Афанасьевичем.

...Говорят, Геродот назвал когда-то Украину страной золотого плуга. «Однажды разверзлось небо и пал на землю золотой плуг». И хотя некий автор, приводивший это предание в дореволюционном издании «Живописная Россия», восторженно писал, что оно характеризует и народ и особенно природу украинскую, это не помешало ему в специальной главе «Как и чем кормится Украина» меланхолически заметить: «Не тому следует удивляться, что земля на Украине родит мало, не тому, что она приносит несравненно худшие, нежели прежде, урожаи... но тому, что она и вовсе не отказывается производить хлеб...»

Оснований для такого горького суждения, как свидетельствуют теперь факты истории, было больше чем достаточно. Вспомним, что до революции миллионы украинских крестьян были безземельными, почти каждый второй крестьянский двор не имел не только простого железного плуга, но и вообще каких-нибудь орудий, как не имел и рабочего скота; каждый шестой двор не имел своих посевов, и, даже по официальной статистике, больше половины крестьян жило впроголодь.

И если дождалась украинская земля своего «золотого плуга», то не с неба он пал, а выковали его для даровитого нашего земледельца путиловский рабочий вместе с харьковским и помогали ему в этом и донецкие, и уральские, и одесские, и приднепровские, и многих других городов труженики и умельцы.

Ленинским знаком дружески скрещенных Серпа и Молота был озарен непростой путь нашего селянина в последние десятилетия. И, как золотые искры от вначале трудно входившего в слежавшуюся старую землю чудесного рабочего плуга, зажглись теперь на дорогах медалей наших Героев полей эти неоценимые знаки дружбы города и села — Серп и Молот.

Да, не решетом в воде эти звезды ловлены...

Награждение тысяч передовиков села — это вестник зрелой силы колхозов, это достигающий всюду сигнал к новому громадному наступлению передового опыта, это глубочайшей человеческой силы призыв поступить в колхозных делах по-ленински, так, как Владимир Ильич говорил: «Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен...»

Было время, мы говорили, что машинно-тракторные станции — это наши крепости в сельском хозяйстве. Но сейчас разве не пришло время положить на каждую колхоз, как на такую крепость?

Не только золотые плуги для этого выкованы социалистическим городом — золотые люди воспитаны партией. Посмотрите на «марксистов-механизаторов». Им ли сегодня делить: это — колхозное, это — эмтээсовское!

Я не знаю, к кому непосредственно относилась на колхозном собрании эта похвала. Может быть, к вельмишановному Ивану Степановичу, которого я когда-то встречал здесь на свекловичной плантации. Без шума и особых почестей больше двадцати лет — всё на «Универсале», всё в упорной схватке с сорняками, всё в заботе о богатом урожае. Прямо художник на поле, знаток своего дела. Немолодой человек, а сколько в нем бодрости, веселости, жадности к жизни — первый остролов на поле и первый посетитель лекций, библиотеки. Кто-то подсчитывал: за год со своим агрегатом выполнил работу, которая при ручном труде потребовала бы более тридцати тысяч человеко-дней.

А может быть, к Григорию Ивановичу, бригадиру трактористов с десятилетним стажем, которому, помню, перед Октябрьским праздником колхоз торжественно вручал премию «от себя» — именные часы. Или к

Василию Петровичу, механику-комбайнеру, молодому человеку другого пути: окончил десять классов, пошел на работу в МТС, трудится прекрасно и заочно заканчивает техникум механизации. Или к братьям-середователям — Ивану и Василию Бондарям. Оба бригадиры, оба передовые... Или к тем смелым парам механизаторов, которые берутся сейчас и в Зарванцах и в других селах вырастить и убрать кукурузу на ста пятидесяти гектарах вдвоем с помощью машин и без ручного труда.

Может быть, к этим людям обращена была похвала колхозников, а может быть, и к другим — ведь уже не первое поколение славных механизаторов вырастает у машин, стальных коней, побудивших самого заскорузлого, неподвижного, стихийного и вымученного прошлым человека-селянина сказать: «Я — за коммунию!» — и благословить новые силы жизни...

Тракторы становятся органической частью хозяйства колхозов — это одна сторона дела. А другая — это то, что вместе с машинами механизаторы принесут в колхозы, в среду колхозных комсомольцев, молодежи рабочую гордость, подтянутость, все лучшее, что годами копилось в рабочих коллективах машинно-тракторных станций.

Ну, а если вы не замечали до сих пор своих новых резервов, богатейших возможностей? Если не оглядывались на «хвосты», терпели запустение в какой-то части колхозов, думали: в ином колхозе люди возу ладу не дадут, а ему технику совершенную?

Жизнь еще суровее подхлестнет медлителей и умалителей. Всем станет предельно ясно ее требование: он выкован для всех, «золотой плуг», научитесь и хотеть и уметь пользоваться им всюду!

Может быть, самой ценной чертой практической перестройки работы машинно-тракторных станций в Винницком районе является то, что она здесь не проходит изолированно от других жгучих «текущих» дел, не отодвигает и не заслоняет их, а умно сочетается с ними — все равно, идет ли речь о вывозке удобрений или о новом смелом походе за передовым опытом. Во всем ощущение необыкновенного простора для развития производительных сил села.

Техника получает одного хозяина, колхозная энергетика становится намного мощнее, слитнее, трудовая семья колхозников еще больше укрепляется механизаторами, — какие же теперь пойдут темпы, какое соревнование и каким еще более гармоничным, цельным должно стать развитие каждого колхоза! Эти мысли пронизывают каждое собрание, каждый семинар с председателями, бухгалтерами, специалистами, бригадирами. Они проводятся сейчас в Винницком районе для того, чтобы каждый работник на своем посту лучше, быстрее понял новую обстановку на селе.

Вслушиваюсь в районные новости, в свежую хронику «организационного творчества», передаваемую мне в этот поздний вечер Иваном Афанасьевичем Бондарчуком, — живее, живее заструилась кровь по всем жилам района!

Два крупных специалиста МТС — бывший главный агроном Белоконь и старший зоотехник Алексеев — уже стали во главе двух «серьезных» колхозов.

Сессию исполкома райсовета провели. Насущный вопрос — строительство... Сумели поднять богатства местных удобрений, теперь такой же поход за местные стройматериалы...

Съездила большая группа председателей колхозов на Одещину, к Посмитному, за «секретом» — как получать с гектара земли до трех тысяч рублей дохода и как лучше село перестраивать. И к житомирским соседям ездили, в Радомышль, «по науку» к знаменитой Марте Худолий и ее ученикам — присмотреться, как они удобряют картофельное поле. Культуре земледелия посвятили специальные совещания актива. И еще

провели очередную поездку — «дорогой нового» внутри района. Между прочим, поразился кое-кто неожиданному заезду в скромное Некрасово, а там гостей полотчевали медом, причем около каждой чашки с медом хозяева положили мешочки... с семенами фацелии — вот откуда, мол, мед, мотайте на ус, кто еще не завел у себя медоносов...

Не бывает таких бесед с винницким секретарем, когда бы не поделился он свежими экономическими расчетами, что сверлят ему сегодня голову.

— Разве можно нашему району успокоиться на шестидесяти миллионах рублей дохода? — говорит он. — Сто миллионов надо брать! Мы, можно сказать, обстреляли со всех сторон эту цифру на недавней районной экономической конференции! Шестидесят миллионов — это потому, что и сады, и огороды, и пасеки, и кроли, и птица до сих пор, по сути, числились во «второстепенных отраслях». А они давно требуют первостепенного внимания!..

Мартовские рассветы — еще не очень ранние, но какой ночи хватит для того, чтобы переговорить обо всех событиях этой бурной зимы! И какой нужен день, чтобы переделать все предвесенние дела!..

* * *

По-разному можно было бы судить о наших винницких картинках, но, кажется, вполне уместно здесь вспомнить и привести нехитрое словцо «оселок», именно о с е л о к! Предмет сей, как известно (проверьте у Даля!), — не что иное, как тонкий брусок, кремнистый камень, на коем точат или правят режущие орудия.

Еще такое можно было раньше слышать: деньги — оселок человеку, испытание, проверка человека. А в наши дни? Передовой опыт — вот оселок! На отношении к нему, на способности отточить лучшим опытом, передовым знанием свое умение, пожалуй, прежде всего проверяется сейчас работник.

Легковато иной раз твердили у нас: бери передовой опыт и переноси к себе... Точно курицу-наседку — с одного гнезда на другое. Увы! Нельзя просто «взять» хороший опыт и готовеньким, тепленьким «перенести» к себе.

Но вот, скажем, к примеру, на таком твердом, кремнистом оселке, как винницкий, отточить с в о е умение, проверить, направить с в о е оружие соревнования, получить такое «лезвие», чтобы у себя, самому безошибочно срезать всякие бюрократические наросты, расправляться со всякого рода медлителями и умалителями, — это не только доступно, но в этом сегодня святой долг каждого, кто хочет быстрее идти вперед.

Киев—Винница.
1957—1958 гг.

Д. ГАМБУРГ
Кандидат химических наук

★

РАЗГОВОР О ХИМИИ

«Сейчас ставится одна из важнейших и неотложных задач — в короткие сроки обеспечить ускоренное развитие химической промышленности и создать мощную промышленность по производству полимеров. Этот вопрос в современных условиях приобретает огромное государственное и политическое значение».

(Из доклада Н. С. Хрущева на майском Пленуме ЦК КПСС).

Вспомним слова Максима Горького: «Химия — это область чудес, в ней скрыто счастье человечества, величайшие завоевания разума будут сделаны именно в этой области».

Веками жила таинственная сказка о философском камне алхимиков, добыв который человек сможет получать золото из малоценных металлов. В наши дни превращение одних элементов в другие, например, кобальта в никель, серы в фосфор, азота в углерод, уже осуществляется не только в лабораториях физиков и химиков, но и в промышленности.

В течение столетий жила мечта человечества о живой воде, о великом эликсире, исцеляющем болезни людей и дарующем им многолетие. Химическая наука превратила и эту мечту в реальность, сбросив с нее оболочку сказочности и потусторонности. Всем нам привычное слово «витамины» (vita по-латыни — жизнь) означает органические вещества, необходимые для нормальной жизнедеятельности человека и животных. И никого уже теперь не удивляет заводской синтез этих биологически активных химических веществ, предохраняющих человека от ряда заболеваний и продлевающих его жизнь.

При помощи средств современной химии люди взрывают горы, прокладывают тоннели, изменяют течение водных магистралей. Химики дали такое горючее, которое позволяет совершать полеты в стратосферу и космос. Сооружение могучих плотин, преграждающих течение рек, постройка громадных заводских корпусов, мостов стали возможными благодаря химии, создавшей бетон и сталь.

Мы знаем о страданиях людей на плантациях гевеи где-либо на Цейлоне или в Малайе, в изнуряющем зное добывающих драгоценный млечный сок, чтобы затем превратить его в резину, в автомобильные покрышки, в прорезиненные ткани, приводные ремни. А ныне трудами химиков тот же каучук получают из спирта, нефти, из газообразного ацетилен. Химическая переработка кубометра древесины дает две-три тысячи метров чудесного шелка. Из тонны фенола можно получить капрон для изготовления двадцати — двадцати пяти тысяч пар легких, изящных и прочных чулок.

В своих лабораториях химики добывают вещества, по твердости не уступающие алмазу; получают материалы прочнее стали, которые обла-

дают легкостью дерева, прозрачностью стекла и гибкостью каучука. Средствами химии повышают урожай почвы, делают ее более плодородной. Ученые научились синтезировать аминокислоты — основу белка, носителя жизни.

Можно написать многие тома с описанием изумительных вещей и материалов, которые создает химия, но эти книги никогда не были бы закончены, ибо каждый день и каждый час приносит новые сообщения о все новых и новых открытиях. Поистине широка и необъятна по своим возможностям та неопределимая польза, которую химическая наука приносит сейчас и будет еще больше приносить человеческому обществу. Не случайно свыше двух веков назад один из гениальных ее основоположников, Михайло Васильевич Ломоносов, говорил: «Широко распространяет химия руки свои в дела человеческие... Куда ни посмотрим, куда ни оглянемся, везде обращаются пред очами нашими успехи ее прилежания».

Технология меняет курс

Анализируя современную технику, можно видеть, что по мере ее развития и совершенствования механическая обработка вещества все более уступает свое место химическому на него воздействию. Это становится ведущим началом новой технологии, так как приводит к наибольшей экономии человеческого труда и средств при получении готовых продуктов. Вот несколько иллюстраций к сказанному.

Известно, что из хлопка механическим прядением и ткачеством изготавливают ткань. Если же подвергнуть хлопок химическим методам обработки, из него можно получить бездымный порох, кинолентку, коллодий, нитролак. Срубленное в лесу дерево чаще всего используется в строительстве, идет на изготовление мебели. Но та же древесина при ее химической обработке служит исходным материалом для получения искусственной шерсти и бумаги, спирта и кормового сахара, уксусной кислоты и терпентина, белковых дрожжей, ацетона и многих других ценнейших продуктов, стоимость которых в десятки, сотни, а иногда и в тысячи раз превосходит стоимость своего исходного сырья, то есть древесины.

Пользуясь простыми физическими средствами, из нефти вырабатывают лишь керосин, бензин, незначительный ассортимент смазочных масел, битум, асфальт. А вот методами химии из нефти можно получить промежуточные продукты для синтеза каучука, пластмасс, искусственного волокна, различные спирты и растворители, применяемые в лакокрасочном производстве, препараты для получения лекарственных веществ и сотни других продуктов, необходимых в пищевой промышленности, для изготовления душистых веществ, удобрений, средств борьбы с сельскохозяйственными вредителями и болезнями растений и так далее.

Миллионы кубических метров водорода, окиси углерода, метана, этилена, пропилена, ацетиленов ежегодно получают химики на основе каменного угля и нефти. Эти газы — своеобразный фундамент, на котором покоится мощное здание современной химии органического синтеза. Здесь происходит великое множество технологических процессов, начиная от получения моющих средств и кончая синтетическими тканями.

Химические процессы, в первую очередь процессы горения, являются мощным источником энергии. Как справедливо указывает академик Г. М. Кржижановский, «трансформация химической энергии должна быть включена в круг тех трансформаций энергий, которые находят свое завершение и свое определяющее начало в электрификации».

Химия еще долго будет оставаться основой питания энергетики. Сейчас она дает человечеству больше десяти тысяч миллиардов киловатт-

часов энергии в год. Увеличить эти ресурсы за счет наиболее рационального использования химической энергии топлива — важнейшая задача энергохимии.

Средства химической техники

«Ускоренное развитие химической промышленности должно стать всенародным делом», — говорится в постановлении майского Пленума Центрального Комитета нашей партии. Действительно, успешная химизация народного хозяйства может быть осуществлена лишь усилиями миллионов людей самых различных профессий и специальностей. В этом нетрудно убедиться, обратившись к рассмотрению хотя бы тех средств воздействия на вещество, которые составляют, так сказать, ядро химической техники.

С тех пор как человек научился применять огонь для изготовления пищи и отопления, использовать лед для предохранения продуктов от гниения и порчи, он начал сознательно применять воздействие температуры на вещество. Долгое время пределом нагревания в технике была температура 1800—2000°C. Положение резко изменилось с изобретением электрической дуги. Если электрическую дугу осуществить под давлением в 800 атмосфер, можно достичь температуры поверхности солнца. В лабораторных условиях удалось получить температуру 55000°C.

Вся современная металлургия есть химия высоких температур. В доменных, в мартенах, в электропечах, где выплавляется чугун, кислотоупорная, нержавеющая, броневая, сверхтвердая сталь, в печах, где получают карборунд и искусственные рубины, варят стекло и плавят базальт, — всюду необходимы высокие температуры. На стройках, на заводах, в депо железных дорог сияют невыносимо яркие голубые огоньки. Это бушует пламя ацетиленовой или водородной горелки. В струе кислорода горит газ — ацетилен или водород. Этим пламенем можно резать стальную броню толщиной более чем 50 миллиметров.

Температуры, полученные при атомных взрывах, исчисляются в сотни миллионов градусов. При этих температурах тяжелый водород, дейтерий, и сверхтяжелый водород, тритий, соединяются, образуя элемент гелий и освобождая громадное количество энергии. Так в условиях Земли человек научился воспроизводить звездную температуру. Нет сомнения в том, что в ближайшем будущем ученые овладеют этими температурами для целей созидания.

В руках химиков имеется и такое мощное средство воздействия на вещество, как низкие температуры, которые уже вплотную приблизились к абсолютному нулю в минус 273,2 градуса.

Холод нужен не только для консервирования и сохранения продуктов, но и для выделения из воздуха газов, необходимых в электро- и радиотехнике, металлургии, светотехнике. Но, чтобы использовать высокие и низкие температуры, необходима очень сложная аппаратура. Многотонные электропечи, работающие в условиях высоких температур, требуют развитой электротехнической промышленности. Аппараты глубокого охлаждения и разделения смесей таких газов, как воздух, коксовый газ, аппараты для ожижения гелия и водорода под силу создать только специализированным заводам химического машиностроения, имеющим очень высокую культуру производства.

Эффективным средством воздействия на вещество с целью его переработки служит давление.

Еще совсем недавно, в конце XIX века, давление в несколько десятков атмосфер считалось в технике очень высоким. В настоящее время в за-

водских условиях применяется давление в две тысячи атмосфер и выше, а в лабораторных условиях достигнуто давление в 100 тысяч и более атмосфер.

Давление резко повышает выход ценного продукта и делает экономически выгодными многие важные технические синтезы. Под давлением в 100 тысяч атмосфер и при температуре 2700°C синтезирован алмаз. Давление ускоряет течение ряда химических процессов, а когда нужно, то и тормозит побочные реакции. Известно, что тонна газообразного азота при нормальном (атмосферном) давлении занимает объем 800, а тонна водорода еще больше — 11 тысяч кубических метров. На заводах, перерабатывающих тысячи тонн этих газов, пришлось бы строить аппараты-небоскребы и тратить для этого огромное количество ценных металлов. Но вот при давлении в пять тысяч атмосфер тонна водорода занимает объем всего лишь девять кубометров. Сокращение объема в тысяча двести двадцать два раза!

Современное машиностроение в состоянии изготовлять компрессоры, которые сжимают сотни тысяч кубических метров газов в сутки. На заводах выпускаются аппараты высокого давления из высококачественных сталей, имеющие длину в 15—20 метров и диаметром больше метра, весом свыше ста тонн. Эти аппараты должны выдерживать давление таких агрессивных газов, которые, будучи нагреты под высоким давлением, проходят через обычную сталь, как через решето. Разумеется, для создания такой аппаратуры требуются уникальные станки и металлургия высококачественных сталей.

В ряде процессов необходимо разреженное пространство — вакуум. Современная техника имеет и здесь исключительные успехи. В соответствующей аппаратуре можно достигнуть вакуума менее одной миллиардной доли атмосферного давления.

Некоторые металлы при их выплавке легко реагируют с кислородом воздуха, образуя окислы, загрязняющие металл и делающие его непригодным для определенных технических целей. Плавка в вакууме позволяет получать медь, титан, цирконий в исключительно чистом виде. Это особенно ценно для производства легированных сплавов, жаростойких, нержавеющей магнитных сплавов, сплавов из легких металлов, легко окисляющихся на воздухе. Химически чистые металлы и сплавы вносят коренные изменения в технологию, дают возможность получать в них новые, ранее не известные свойства. Металлический хром до последнего времени считался непластичным материалом, если же освободить его от примесей, при плавке под вакуумом он приобретает новое качество — пластичность.

Вакуум-насосы, аппараты, работающие при высоких разрежениях, отличаются большой сложностью. Их изготовление предъявляет машиностроителям и приборостроителям весьма ответственные требования.

В промышленной химии большое место занимает электрохимия. Эта наука изучает методы получения новых веществ путем воздействия на химические соединения электрического тока. Она определяет пути и возможности на основе химических процессов получать электрический ток. Интересно отметить, что у колыбели химии, когда еще не было основных понятий электрохимии, созданной трудами таких корифеев науки, как Фарадей, Петров, Гемфри Дэви, Гроттус, Аррениус, гениальный Ломоносов совершенно ясно связал электричество и химию, сказав, что «без химии путь к пониманию истинной причины электричества закрыт».

Химическая промышленность является сейчас одним из наиболее крупных потребителей электрической энергии. Любопытны такие данные. На производство легкового автомобиля затрачивается 1,5—1,8 тысячи

киловатт-часов электроэнергии, на производство трактора — 8 тысяч. А вот на производство тонны алюминия в электрохимическом процессе расходуется 21 тысяча, на тонну магния — 16—20 тысяч киловатт-часов; на производство тонны искусственного ацетатного шелка расходуется 20 тысяч киловатт-часов. Химия — самая электрифицированная область индустрии. Коэффициент электрификации силовых процессов в химии составляет в настоящее время 98 процентов. Электроэнергия, вырабатываемая гидростанциями на Волге, Каме, Днепре, Ангаре, превращается в сотни тысяч тонн пластмасс, искусственного каучука, шелка и шерсти, красящих и фармацевтических препаратов; это миллионы тонн минеральных удобрений для сельского хозяйства, качественных сталей для машиностроения.

Электрохимия значительно упрощает многие технологические процессы. Она позволяет получать ряд побочных продуктов, которые по своей ценности подчас превосходят основные. Так, при электрохимическом рафинировании (очистке) меди в качестве отхода выделяется шлам, содержащий золото и серебро; при очистке никеля можно получить платину и палладий. Громадным преимуществом электрического воздействия на течение химических процессов является возможность наиболее полного использования сырья. Не столь давно газ хлор добывался химическим путем из соляной кислоты, которая, в свою очередь, с затратой дорогой серной кислоты получалась из поваренной соли. Применение электрохимии в корне изменило это производство. Появилась возможность, во-первых, извлекать хлор непосредственно из поваренной соли, минуя стадию получения соляной кислоты, во-вторых, получать из поваренной соли такой полезный продукт, как едкий натр.

Без электрохимических методов мы не смогли бы наладить в широких масштабах производство таких металлов, как алюминий, магний, кальций, натрий, бериллий. Электрохимические методы помогают защищать металлы от коррозии, изготавливать металлические копии с неметаллических образцов, получать ряд ценнейших химических продуктов.

За каждым из упомянутых методов воздействия на вещество стоит огромный, разнообразный человеческий труд. Труд металлургов, энергетиков, строителей машин и приборов, нефтяников, угольщиков — всех тех, кто снабжает химию сырьем и производственным оборудованием. Без создания мощной сырьевой базы — нефти, угля, природного газа, сланца, торфа, древесины, минерального сырья, — без высокоразвитого машино-, аппарато- и приборостроения, без высокоразвитой энергетики, без серьезного владения всеми методами воздействия на вещество нельзя говорить о создании мощной химии.

Так ускоренное развитие химической индустрии вовлекает в свою орбиту многомиллионную армию трудящихся, становится поистине всенародным делом.

Наука превращения веществ

Нынешнее столетие можно смело назвать веком создания веществ с заранее заданными физико-химическими свойствами. В основном это так называемые полимеры. Широкое их производство обеспечивает быстрый технический прогресс в самых различных отраслях народного хозяйства, получение новых неисчерпаемых ресурсов высококачественного сырья для выпуска товаров народного потребления.

Полимеры представляют собой гигантские молекулы, получаемые в результате цепной реакции полимеризации сравнительно простых молекул, называемых мономерами. В каждой из молекул полимера в определенной последовательности связаны сотни, тысячи и даже миллионы

атомов. В зависимости от строения этой молекулы, ее величины, чередования в ней атомов тех или иных элементов свойства полимеров могут изменяться в самых широких пределах. Если, например, простые молекулы присоединяются друг к другу в полимере в одном направлении в виде цепочки, то получается продукт, из которого можно изготовить синтетическое волокно, обладающее качествами, зависящими от того исходного вещества, которое было взято для полимеризации. Если же молекулы в результате цепной реакции соединяются в разветвляющиеся цепи в виде сетки, получается пластмасса. Изменяя характер исходных соединений, их состав, условия синтеза и методы химической и механической обработки полимера, можно в широких пределах изменять его свойства. Полимеры могут быть горючими и даже взрывчатыми материалами, можно также получить абсолютно невоспламеняющиеся и теплостойкие полимерные вещества. Они могут растворяться в воде и быть стойкими к органическим растворителям, маслам и щелочам, влагоустойчивыми и звуконепроницаемыми. Есть полимеры, заменяющие кровяную плазму в медицине, и полимеры, которые сшиваются, как ткани, прессуются, вальцуются, отливаются в любые формы, обрабатываются на токарных, фрезерных и других станках для механической обработки.

По прогнозам академика Н. Н. Семенова, через пятнадцать — двадцать лет производство синтетических полимерных материалов по своим масштабам (объему выпускаемой продукции) станет сравнимо с масштабами современного производства стали. Уже в настоящее время мировая продукция полимеров в несколько раз превышает выплавку алюминия, цинка, меди и других цветных металлов.

Область применения пластических масс буквально необозрима. Они успешно вытесняют цветные металлы в кабельной промышленности, в машиностроении, в электро- и радиотехнике. Легкие нержавеющие трубы из полиэтилена — соперники металлических труб. Бакелит обладает прочностью металла, но в два раза легче алюминия. Плексиглас прозрачен, как стекло, и легче дерева. Паллопас упруг, как сталь, и прозрачен, как стекло. Карболит обрабатывается, как дерево, отливается и прессуется, как металл. Тэфлон по своей химической стойкости превосходит золото, платину и нержавеющие стали, он не разрушается при действии самых агрессивных кислот и щелочей. Тонкие небьющиеся пленки из пластических масс хорошо пропускают ультрафиолетовые лучи и хороши для парниковых рам. Но, чтобы осуществить синтез полимеров с теми или иными свойствами, необходимо иметь в своем распоряжении весь арсенал воздействия на вещество. Здесь и высокое давление, и высокая температура, свет, электричество, радиационные излучения, вакуум.

Раньше химия объясняла природные процессы и, объяснив, воспроизводила их. Вещи в себе она превращала в вещи для нас, как это подчеркнул Энгельс в своем ставшем классическим примере с индиго. Сейчас химия не только познает природу и, познав, воспроизводит, задача ее гораздо сложнее — переделать природу, то есть создать такие новые вещества с таким сочетанием наперед заданных свойств, которые природе не известны.

Под словом «броня» мы обычно подразумеваем сталь, основой которой является система железо-углерод с присадками хрома, вольфрама, молибдена, никеля и других металлов. Эта сталь тяжела и непрозрачна. Химики синтезировали новую сталь, в состав которой не входит никаких металлов. Она по своей прочности не уступает обычной стали, но зато гораздо легче ее и полностью прозрачна. Насколько прочен материал синтетических волокон, можно судить по такому факту: разрывная прочность стали составляет 55 килограммов на квадратный миллиметр, а

разрывная прочность капроновой нити — 85 килограммов, то есть капрон более чем в полтора раза прочнее стали.

Химия позволила получать новые электроизоляционные материалы не только в твердом виде, но — что очень важно — и в жидком и в газообразном. А как полезны для нас клеи, которые склеивают металл с металлом, или со стеклом, или с деревом, или с камнем, камень со стеклом, бетоном! Химиков, синтезирующих высокополимерные материалы, можно сравнить с геологами. Они открывают для народа новые неисчерпаемые месторождения интереснейших материалов со свойствами, которые действительно ищет производство и быт.

Развивая это направление, химия дает возможность получать материалы с целой гаммой свойств, имеющих различные промежуточные оттенки и взаимные переходы. Синтез свойств позволяет получать конструкционные материалы с такими качествами, какими не обладают в отдельности ни металл, ни дерево, ни текстиль, ни камень, ни стекло. Например, можно изготовить пластмассу крепче стали и легче ее в несколько раз; эта пластмасса кислотоупорна, и из нее можно делать сосуды для химической промышленности. Изменяя технологический процесс, мы можем из того же исходного материала получить водостойкую пластмассу, которая служит превосходным заменителем кожи. Детали машин из пластмасс отлично заменяют бронзовые и баббитовые детали, причем в десять — пятнадцать раз дешевле их. Больше того, пластмассовые шестерни бесшумны в работе, подшипники не требуют для своей работы смазки, не корродируют. Все это подсказывает необходимость совершенно по-новому решать ряд проблем техники.

Величественная программа развития синтетических полимерных материалов, намеченная нашей партией, требует очень больших усилий, создания мощного тыла — тяжелой химии. Для того чтобы получить тонну вискозного или ацетатного шелка, термостойкого каучука или другого синтетического материала, подчас нужно затратить несколько тонн самого разнообразного химического сырья. Рост производства шелковых тканей и искусственной кожи, пластмасс и каучука повлечет за собой увеличение производства аммиака и серной кислоты, азотной кислоты и сероуглерода, водорода и мочевины, глицерина и щелочей, фтора, хлора и сотен других материалов, многие из которых в свою очередь являются сложными продуктами синтетической химии. Ведь только за семь ближайших лет производство важнейших химических продуктов возрастет не менее чем в два-три раза, а производство искусственных и синтетических волокон и пластических масс — в четыре с половиной — восемь раз.

Предстоит в короткое время, в течение 1958—1965 годов, построить, реконструировать и оснастить оборудованием, снабдить сырьем и пустить в ход 257 предприятий химической промышленности и смежных областей. Уже в текущем году план капитального строительства по предприятиям химической промышленности увеличен против фактического выполнения за 1957 год на 68 процентов!

Задачи, поставленные майским Пленумом ЦК КПСС, требуют привлечения колоссальных материальных средств, дополнительной рабочей силы. Но это еще не всё. Нужно привести в действие все резервы химической промышленности. Еще многое надо сделать для усовершенствования технологических процессов по переработке синтетического сырья. Лучшее использование оборудования, более рациональная организация труда, бесперебойное снабжение сырьем — важные факторы ускоренного развития химической промышленности.

Все это означает, что в действие должна вступить новаторская инициатива, активная рабочая смекалка. Это означает также, что научная и инженерная мысль должна работать сейчас острее, плодотворнее.

Проблемы сырья

Забота об экономном и рациональном расходовании ресурсов — это повседневная борьба за снижение количества отходов и отходов в производстве, за высокоэффективное использование сырья.

Подсчеты дают неутешительные цифры: в некоторых ныне действующих химических производствах потери сырья очень велики. Вот несколько красноречивых фактов.

В отходах сернокислотного производства, выбрасываемых в отвал, содержится медь, мышьяк, золото, селен, теллур, таллий. Вместе с этими дорогими элементами в отвал уходят сотни тысяч тонн железной руды в виде огарка. А ведь килограмм таллия стоит в пять тысяч раз, а теллура в восемьсот раз дороже килограмма серной кислоты — основного продукта производства.

Летучие горючие вещества и смолы, заключающиеся в мировых запасах твердых минеральных топлив (угля), те самые вещества, что гибнут в топках при сжигании топлива в натуральном виде, при правильном энергохимическом использовании топлива представляют собой потенциальный ресурс, в десять—двадцать раз превышающий ныне разведанные запасы нефти. Только газообразная часть этих летучих, которая может быть уловлена при процессах коксования и полукоксования, в десятки раз превышает все мировые запасы природного газа.

Ряд ярких примеров привел Н. С. Хрущев на майском Пленуме ЦК КПСС. Каменноугольная смола и бензин считались ранее мешающими производству отбросами, то же относилось к вольфраму и никелю. Бесхозяйственно сжигались попутные газы нефтедобычи, опилки и отходы лесопереработки. Отбросами считались шлаки доменных печей и огарок сернокислотных заводов и ряд других отходов промышленности и сельского хозяйства. Между тем все это ценные ресурсы для развития химии.

Условия социалистического производства позволяют внедрить особую форму использования ресурсов, в общем виде недоступную капиталистическому обществу. Речь идет о комплексном использовании сырья и энергии и о возникающем на этой почве комбинировании предприятий различных отраслей индустрии внутри единого технологического процесса. При таком комбинировании само понятие отхода или отброса производства теряет свой смысл, исчезает. То, что для одного процесса является отбросом, становится исходной точкой развития другого процесса.

В цветной металлургии из тонны медного колчедана с содержанием 2,5 процента меди и 45 процентов серы получается 22 килограмма меди и 1,26 тонны серной кислоты, которая по своей стоимости в несколько раз превосходит стоимость меди. Ранее вся эта сера в виде флотационных хвостов и серосодержащих обжиговых газов выбрасывалась в атмосферу и уходила в отвал: В настоящее время, при комплексном использовании сырья, отбросы цветной металлургии становятся базой роста химии. Но медь и серная кислота являются лишь началом этого комбинирования. Индий, таллий, галлий, германий извлекаются из пыли и отходов медеплавильных, цинковых, сернокислотных заводов. Отходы сернокислотных заводов, работающих на железном колчедане, являются базой для получения селена, губчатого железа. При комплексном использовании руд золотых, медных, оловянных, свинцовых месторождений попутно получают вольфрам, молибден, сурьму, кобальт, кадмий, висмут, индий.

«Отбросов и отходов не должно быть!» — провозглашает свой принцип современная химия.

Комплексное использование железных руд с содержанием титана и ванадия дает возможность получать эти ценные металлы из доменных шлаков. При этом, извлекая из некоторых железных руд содержащийся в них мышьяк, мы не только получаем медицинский и химический препа-

рат, но и улучшаем качество железа, чугуна, стали, получаемых из этой руды. Шлаки доменного процесса служат превосходным сырьем для получения шлако-портланд цементов. При введении в домну обогащенного кислородом дутья можно получать из доменных газов синтетическое жидкое горючее, спирты, аммиак. При переделе чугуна, содержащего примесь фосфора, получают фосфорные удобрения. Таким образом, на базе доменного производства возникает мощный комбинат, в состав которого входят металлургические предприятия, химические заводы, цементные заводы.

Вот еще пример полезного комбинирования. При механической обработке древесины используется лишь менее трети всей древесной массы. Постройка деревообрабатывающих, лесопильных заводов в системе лесохимических комбинатов позволит полностью использовать древесную массу. Из одного кубического метра сухих отходов древесины можно получить 185 литров этилового спирта, 44 килограмма белковых дрожжей, 5 килограммов фурфурола (для получения пластических масс), 60 килограммов углекислоты, 350 килограммов лигнина для получения сажы, 3 килограмма метилового спирта, 8 килограммов алебаstra, 0,5 килограмма сивушных масел.

Химическая наука открывает новые источники и виды промышленного сырья. Она создает важнейшие материальные ценности из наиболее простых веществ, отходов и отбросов различных производств.

Интереснейшие проблемы встают перед химической наукой в области изготовления таких предметов народного потребления, сырьем для которых обычно служит сельскохозяйственная продукция. Искусственную шерсть, шелк можно получать из древесины, соломы, из продуктов переработки нефти и каменного угля. Изготовление обуви, чемоданов, хозяйственных сумок, ремней требует громадных ресурсов натуральной кожи. Химическая промышленность в состоянии производить синтетическую кожу, которая по ряду показателей превосходит кожу из сельскохозяйственного сырья. С помощью химической обработки страна получит искусственную замшу, кожу непромокаемую и теплую, кожу, стойкую к действиям кислот, щелочей и смазочных масел.

Предусматривается, что выпуск обуви с применением искусственной кожи составит в 1965 году 93 миллиона пар. «Чтобы получить натуральную кожу для этого дополнительного количества обуви,— говорил Н. С. Хрущев,— нужно было бы забить около двух с половиной миллионов голов крупного рогатого скота и четыре миллиона свиней и мелкого рогатого скота».

Еще более разительны примеры с заменой сельскохозяйственного сырья в изготовлении волокна. Синтетические волокна превосходят по своим механическим свойствам волокно из шелка, шерсти, льна и хлопка. Эти волокна сохраняют тепло, не страдают от моли, плесени, сырости, не мнутся. Искусственное волокно капрон в двадцать пять раз прочнее тканей из натурального шелка, а новое волокно энант, полученное на основе газа этилена, еще прочнее капрона.

Завод вискозного штапельного волокна производительностью 100 тонн в сутки дает в год такое количество ткани, на которое пошел бы урожай льна, собранный с 220 тысяч гектаров, или хлопка с 50 тысяч гектаров посевной площади. А продукция завода, изготовляющего ежегодно 30 тысяч тонн синтетической шерсти, эквивалентна тому количеству шерсти, которое можно получить от 18 миллионов овец.

Громадных ресурсов пищевого сырья требовало до сих пор производство синтетического каучука из спирта (следует заметить, что этиловый спирт необходим примерно в трехстах различных производствах, кроме

производства синтетического каучука). Развитие нефтехимии, лесохимии и здесь положит предел этому расточительству. Заменяя растительный каучук, естественный шелк, жиры, масла синтетическими, химия раскрывает безграничные перспективы небывало быстрого и массового получения продуктов, которые скупю и медленно дает нам природа.

Химия экономит общественный труд

«С развитием химии,— указывал К. Маркс,— превращение товара из одного агрегатного состояния в другое, его соединение с другими телами... искусственно ускоряется...» Со времени, когда Маркс писал эти строки, химия далеко шагнула вперед в деле сокращения рабочего времени, необходимого на изготовление тех или иных продуктов производства, в деле интенсификации производственных процессов.

Химическая промышленность все в большей степени переходит на непрерывные процессы и на проведение процессов по замкнутому циклу. Непрерывный процесс — это более высокая производительность труда, лучшее качество готовой продукции, бóльшая возможность автоматизации и механизации производства. Переход на непрерывный процесс в производстве суперфосфата увеличивает в два раза съём готового продукта с аппаратуры одной и той же емкости, а в некоторых производствах — почти в восемь раз. Недаром Д. И. Менделеев указывал, что «...непрерывность есть первый принцип заводского дела...» Надо отметить, что наша промышленность, отказываясь от периодических процессов, в этом отношении далеко оставила позади себя химическую промышленность зарубежных стран.

Одним из наиболее сильных средств интенсификации многих химических производств является катализ. Катализатор — вещество, ускоряющее, а в некоторых случаях направляющее течение химической реакции. Нередко катализатор убыстряет химическую реакцию в тысячи, а иногда и в десятки тысяч раз. Этот метод применяется в химии сравнительно давно, но лишь в наше время принял особенно широкие масштабы. И хотя раскрытие природы действия катализаторов до сих пор является предметом непрерывных исследований и поисков ученых, мы уже вступили в то время, когда возможно сознательное и планомерное применение каталитических процессов и катализаторов для целого ряда химических реакций. Раскрытие механизма действия катализаторов вообще, биокатализаторов в частности сулит человечеству новые, совершенно необычайные возможности проведения ряда таких процессов, которые еще и до сих пор считаются привилегией живого вещества природы, тратящей на это многие годы.

Замена хлопкового волокна вискозным уменьшает затраты труда на единицу продукции в два с половиной — три раза. Чтобы получить тонну спирта из зерна или картофеля, нужно затратить 160—200 человеко-дней, а чтобы получить его из нефтяных газов — только десять. При получении тонны синтетического каучука общие затраты времени на производство сокращаются в триста пятьдесят раз по сравнению с натуральным каучуком.

Характерно то, что химия, интенсифицируя процессы химической промышленности, в то же время предоставляет средства для интенсификации других отраслей народного хозяйства.

Появление в 1905 году стали с присадками вольфрама, кобальта, хрома произвело революцию в машиностроении. Резцы из быстрорежущей стали позволили увеличить скорости резания металлов с 5—10 метров в минуту до 30—80 метров. В начале двадцатых годов, когда химики научились изготавливать твердые и сверхтвердые сплавы, скорость резания в

машиностроении сразу скакнула вверх, поднявшись до 150—160 метров в минуту. Советская химическая техника дала в руки машиностроителей такие сплавы, которые позволили довести скорость резания металлов до 700—800 метров и выше в минуту. Необходимо добавить, что видную роль в этом деле сыграли и те химики, которые дали в руки машиностроителей поверхностно-активные вещества в виде жидкостей, паст, эмульсий, снижающих поверхностную твердость обрабатываемых металлов и позволяющих, таким образом, сильно повысить эффективность резания и шлифовки металлов.

Интенсификация коснулась не только промышленных процессов, она глубоко вторгается и в сельское хозяйство. Есть химические вещества, которые ускоряют созревание плодов, стимулируют более быстрый рост растений. Академик Намёткин синтезировал первый стимулятор роста растений, а в настоящее время синтезировано уже большое число ростовых веществ, или «гормонов», растений. При опрыскивании такими веществами овощей, кустарника, деревьев можно значительно ускорить рост дерева, созревание плода, увеличить их урожайность. Уже сейчас применение некоторых «гормонов» растений увеличивает плодоношение определенных фруктовых деревьев и овощей в пять-шесть раз. Одного килограмма этих катализаторов роста достаточно, чтобы обработать десятки гектаров посевов. Или вот такой пример. Известно, что очень долгое время механизации хлопкоуборочных работ мешали листья хлопчатника. Химия стала вырабатывать вещества — дефолианты, которые удаляют листья хлопчатника, не затрагивая самого хлопка.

Химия и продукты химических производств нередко поражают нас своими замечательными качествами. Но, пожалуй, в числе наиболее удивительных веществ, которыми одарила нас промышленная химия XX века, следует указать на иониты. Иониты, или ионообменные смолы, тоже продукты синтетической химии. Основной их особенностью является поглощение ими из различных сред необходимых или, наоборот, ненужных веществ. Поглощенные ионитами вещества затем простыми способами извлекаются, а иониты, таким образом, регенерируются и готовы вновь к работе. Процесс этот организуется как непрерывный. Сточные воды различного рода фабрик и заводов загрязняют и отравляют водоемы, губят рыбные богатства. Иониты извлекают из сточных вод соединения мышьяка, фосфора, вредные фенолы, цианистые соединения. Иониты улавливают из некоторых сточных вод соли меди, цинка, серебра, хрома, никеля, возвращая их вновь народному хозяйству. Иониты извлекают из руд и концентрируют такие ценные металлы, как золото и платина, германий и гафний.

Известно, какую ценность имеет в медицине свежая человеческая кровь. Она спасает человеческие жизни. Кровь, так необходимую для переливания, трудно и сложно хранить, но достаточно профильтровать ее через ионообменную смолу, и она приобретает способность долго хранить свои исцеляющие качества.

Людам нужны негорючие, водонепроницаемые ткани, лаки, смазки. Если применить в электротехнике электроизолирующие материалы, выдерживающие температуру более 200° С, это дало бы возможность по проводам небольшого сечения пропускать сильные токи, не опасаясь порчи изоляции теплом, рожденным сопротивлением проводника. Такие электроизоляционные материалы в настоящее время синтезируются. Они позволяют значительно снизить размеры и вес электрических машин, увеличить срок их эксплуатации, поднять их мощность.

Какие бы новые и сложные задачи ни ставило народное хозяйство перед химической наукой, можно не сомневаться, что советские ученые найдут решение этих задач в неисчерпаемом арсенале поистине безграничных возможностей, которыми обладает химия.

Химические знания — народу

Химия охватывает все стороны нашей жизни — науку и культуру, индустрию и сельское хозяйство, строительство и быт. Естественно, что ее ускоренное развитие, разумное использование ее плодов открывают новые громадные возможности для дальнейшего, еще более быстрого роста материального благосостояния нашего народа. Встает неотложная задача вооружения широких масс населения теми элементами химических знаний, «химического» мышления, которые помогли бы наиболее успешно претворить в жизнь программу, намеченную майским Пленумом ЦК КПСС.

Пропаганда химических знаний начинается в школе. Следовало бы в первую очередь создать для подрастающего поколения серию книжек, объединенных общей идеей — проложить читателям тропу на завод и в химическую лабораторию. В этой серии, на наш взгляд, должны быть изложены основные идеи и принципы химической технологии, материаловедения, методы анализа и синтеза. Пусть авторы расскажут и о методах добычи и использования источников сырья и энергии для современной химии.

Делом первостепенной важности является создание популярной энциклопедии по химии для людей всех возрастов и профессий. Такой труд должен сконденсировать ту сумму химических знаний, которая в равной степени нужна производственнику, колхознику, строителю, учителю, врачу, литератору.

Не нужно забывать, что развитие химии и, в частности, химии высоких полимеров, их исследования, синтез и особенно расширение областей применения — дело не только химиков. К решению этой проблемы должны быть привлечены физики и биологи, механики, технологи и машиностроители, весь научный мир нашей страны, вся ее интеллигенция. В поход за ускоренное развитие химии, за химизацию нашего хозяйства идет весь народ. Поэтому пропаганда химических знаний должна ставить совершенно конкретные задачи, преследовать практические цели.

Как использовать и бережно хранить минеральные удобрения — это важно знать каждому колхознику. Ведь множество тонн этого материала плодородия полей, с таким трудом добываемого на химических заводах, гибнет благодаря небрежному, неправильному хранению, неумелому применению.

Использование пластических масс в строительстве, машиностроении. Правильная эксплуатация изделий из каучука и резины. Опыт применения химических клеящих веществ в промышленности. Синтетические моющие средства в быту... Подобного рода темы, изложенные доходчивым языком, будут вооружать трудящихся конкретными химическими знаниями.

Думается, что сейчас назрело издание научно-популярного журнала по химии. Задачи этого журнала представляются весьма благодарными. Здесь и пропаганда новых открытий и изобретений в области химии. Здесь и трибуна для ученых и изобретателей, где они могли бы беседовать о волнующих их вопросах. Здесь и широкая информация об отечественном и зарубежном опыте.

До сего времени ничтожно мало было сделано в области популяризации химических знаний нашим кино, радио, телевидением. Можно полагать, что слабость работы в этом направлении связана с недостаточной осведомленностью сотрудников этих органов с химией, с ее возможностями, достижениями, методами.

А почему бы не создать конференцию, своеобразный семинар работников культурного фронта?

На этом семинаре ученые-химики должны рассказать о химии и ее задачах. Здесь могло бы зародиться то плодотворное сотрудничество, которое приведет к созданию интересных радиопередач, киносценариев.

Не менее важна такая встреча-беседа и с писателями. Посвящение в химию открывает им новый мир людей и вещей.

Кто хоть раз побывал в цехах химических заводов, тот не может не написать о людях, которые из воздуха и воды создают минеральные удобрения, из нефти — каучук, из каменного угля — яркие краски.

А сколько тем исторического плана о тех или иных открытиях, о замечательных корифеях химической мысли! Ведь Бородин был химиком и замечательнейшим музыкальным мыслителем. Менделеев — химиком и глубочайшим философом. Или взять чудесную жизнь химика-шлиссельбургца почетного академика Морозова, который в крепости делал химические открытия. Интереснейшая творческая биография у академика Лебедева, создавшего первую в мире промышленность синтетического каучука, тончайшего ценителя искусства и поэзии. Писатели и поэты еще даже не тронули этой целины мыслей и чувств. Напомним, кстати, что Лукреций Кар написал бессмертную поэму «О природе вещей», где в глубоко поэтической форме излагаются понятия древних римлян о химии.

А сколько поэтических строк о химии рассыпано у Петрарки, Данте, Шекспира, Гёте, в сказках «1001 ночи»!

Издательства, выпускающие литературу о химии, должны найти форматы привлечения в авторский актив крупнейших ученых для написания популярных произведений. Пусть академик Н. Н. Семенов напишет популярную книгу о процессах горения, цепных реакциях.

Очень будет хорошо, если академик С. И. Вольфович расскажет широкой читательской аудитории о вкладе химиков в дело повышения плодородия почвы, в борьбу за высокие урожаи.

Академик А. Е. Арбузов мог бы порадовать советских читателей беседой о работе Казанской школы химиков, последователей и учеников Бутлерова, о своих работах в области создания препаратов для защиты растений от вредителей и болезней.

Мы ждем доступной для широких читательских кругов книги президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова о новой области науки — химии элементоорганических соединений с ее интереснейшими перспективами и задачами.

А разве не полезно узнать народу об электрохимических процессах, исследованиями которых занимается академик А. Н. Фрумкин?

Совершенно новую оригинальную главу в химии — механохимию — развивает академик П. А. Ребиндер. Много важного и ценного смог бы узнать о его трудах читатель химик и машиностроитель, нефтяник и шахтер.

Долг советских ученых — обогатить научно-популярную литературу интересными, глубокими книгами, которые проходили бы через всю нашу жизнь постоянными и верными ее спутниками и учителями, подобно книгам Тимирязева, Ферсмана, Фарадея, Максвелла, Аррениуса и других.

Распространение химических знаний в широких массах должно стать задачей нашего старейшего Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева, Общества по распространению естественнонаучных и политических знаний, кафедр химических вузов и студенческих обществ, всех химиков нашей страны.

Многообразны и широки средства научной и технической пропаганды химии. Но все они должны быть направлены к единой цели: показать, как химия своими средствами в руках советских людей содействует осуществлению принципов коммунистического общества.

В глазах — остановившаяся злоба
К живому, что укрылось взаперти.
Они идут. Смотри, товарищ, в оба,
Не медли, находящийся в пути!

Опять деревня — спящая, ночная.
По улице пустынной при луне
Они выходят в поле, оставляя
Охотничью сторожку в стороне.

От дыма папиросного густого
В сторожке синь. Теплом струится печь.
Там утра ждут. Там все уже готово:
Шнуры, флажки, трещотки и картель!

* * *

Свою торжественную статью,
Свою строптивость и свободу
Природа любит показать
Тем, кто не хочет знать природу.

С пилою сунешься к стволу
Нетерпеливо, неумело —
И ствол зажмет твою пилу,
Чтобы она уже не пела.

Присядешь перед костерком,
Едва затихнет вой метели,—
И вдруг, подтаяв, снежный ком,
Давя огонь, сорвется с ели.

В горах, где солнце и покой,
Где самоцветы — глаз отрада,—
Неосторожною киркой
Разбудишь грохот камнепада.

Так среди гор, лесов и льдов
Мы познаем, идя сквозь годы,
Величие людских трудов
И всю значительность природы.

ЛЕВ СЛАВИН

★

ПО ТУ СТОРОНУ ХОЛМА

Повесть

Нарбутас разозлился.

— Левей! Говорят тебе: левей, камбала ты подслеповатая!

И он добавил в сердцах:

— Шел бы ты лучше в мороженщики, Губерт, право...

Молотобоец, высокий юноша с плечами атлета и пухлым, еще детским ртом, оскорбленно нахмурился.

«Ему что, — злобно подумал он, — потюкивает себе ручником, и все. Видать, всю память отшибло у старого черта...»

— Дай-ка мне, — вдруг сказал Нарбутас своим гудящим баском.

Губерт боязливо посмотрел на кузнеца: неужто старик прочел его мысли? Подручный считал маленького въедливого Нарбутаса чем-то больше обыкновенного человека.

Кузнец выдернул кувалду из рук опешившего молотобойца и натянул рукавицы.

— Ухватывай покрепче, — прогудел он.

Губерт зажал клещами длинную багровую полосу стали. Вспоминая движения Нарбутаса, он робко ударил маленьким ручником, как это делают кузнецы, указывая подручным, куда бить.

— А ну, не суйся, — отмахнулся Нарбутас.

Он легко занес кувалду и с силой обрушил ее на поковку. Потом второй раз, третий. И пошел бить.

У соседних горнов ребята обернулись. По звуку они поняли, что работает мастер.

— Что, Антанас, еще не вечер? — крикнул молодой кузнец Саша Копытов. Он сам когда-то был в подручных у Нарбутаса и знал, каково это.

Нарбутас весело подмигнул. Копытов засмеялся. Как всегда, он с любопытством озирался по сторонам и, казалось, только и искал повода, чтобы радостно расхохотаться.

Нарбутасу стало жарко. Он расстегнул продымленный комбинезон, на минуту спустил его с плеч и отер пот. Голые грудь и спина были заколпачены.

Нарбутас не похож на кузнеца — коротенький, юркий, с небольшими руками. Встретишь его в субботу вечером на проспекте Сталина — размашистая походка, ухарски заломленная шляпа, ловко прикрывающая седеющие виски, пестрый развевающийся галстук, — ни дать ни взять прифрантившийся «сеledочный» морячок из Клайпеды.

Только когда Нарбутас раздевался, становилось видно, как он крепок. Ни капли жира на смуглом торсе, точно откованном из бронзы. Под загорелой кожей ходят мощные бугры мышц. «Еще не вечер» — излюбленное его присловье. Он и сейчас недурно бегаёт стометровку. А не более чем

лет двенадцать назад в республиканских состязаниях по боксу вышел в полусреднем весе на второе место. Что же касается танцев, то на площадке в Доме офицера нет более удалого заводилы, чем Антанас Нарбутас. В такие минуты даже девушки забывают о его возрасте.

При этом Нарбутас нисколько не кичится своим здоровьем. Он просто не замечает его. А если кто, не достигнув и пятидесяти, начинает поскрипывать и отнимать время у медиков, так это, по мнению Нарбутаса, несчастный случай, а то, может, попросту, извините, и вранье.

Он ударил кувалдой еще раз и спросил:

— Соображаешь?

Сейчас Нарбутас добивался от Губерта, чтобы тот понял наконец, что такое согласованность, когда усилия двух человек достигают полного слияния в работе. «Чесать языком» старый кузнец не считал нужным. Он только показывал. По его мнению, это гораздо красноречивее, чем нудноватые разговорчики о «чувстве ритма», о «рациональных движениях» и прочая болтовня, которую обычно разводят заучившиеся инструкторы из учебно-методического отдела.

«Не знаю, — говорил он, — может, где-нибудь там, в балетной школе, оно и к месту. А у нас, в кузне, знаете, по-простому: смотри на меня и делай, как я. У меня подручный знает как? Бровью поведу — все понял! А как же! Работа наша огненная! И будьте покойны, не одного доброго молотобойца вырастил я на своем веку вот из таких же молочных телят, как этот Губерт...»

— Ну? Раскусил? — нетерпеливо повторил Нарбутас.

Подручный нерешительно кивнул головой.

— Валяй, действуй.

Губерт замахнулся кувалдой и с выражением отчаяния на лице ударил.

— У, губошлеп безглазый! — прогудел с досадой кузнец. — Возьми глаза в руки и смотри на меня как вкопанный.

Нарбутас принялся бить кувалдой. Удары сыпались один за другим, мерные, меткие, мощные. Подручный, повинувшись жестам кузнеца, клал на наковальню то нижник, то верхник, то штамп. Стальная метровая полоса под кувалдой пыкала искрами, то вытягивалась, то сгибалась и все больше становилась похожей на крюк — из тех, что висят на стрелах подъемных кранов.

Завернувший в кузницу токарь Костас Слижюс так и застыл с резцами в руках, глядя на Нарбутаса. Копытов толкнул его в бок.

— Дает жизни, а?

Слижюс, крупный курчавый брюнет с добродушно-насмешливым лицом, уважительно покачал головой.

— Класс!

В этот момент Нарбутас пошатнулся. Острая боль резанула его по сердцу. Кувалда со звоном грохнулась на пол.

Слижюс и Копытов подбежали к Нарбутасу.

Он отстранил их и нагнулся к кувалде. Но не смог поднять ее. Не хватило силы. Словно вся она вдруг куда-то вытекла.

Ощущение это было так непривычно, что Нарбутас даже не испугался. Он только очень удивился.

Он еще раз попробовал поднять кувалду. Теперь, хоть и не без труда, это удалось. Он с торжеством посмотрел на встревоженные лица товарищей, весело подмигнул и сноровистым движением занес кувалду.

Но тут снова та же боль длинной иглой вонзилась ему в грудь и мгновенно протянулась по всей левой руке до кончиков пальцев. Вокруг точно исчез воздух. все поплыло.

Рабочие подхватили Нарбутаса и вынесли его во двор.

Он не до конца потерял сознание. Смутно чувствовал он, как посадили его на зеленом откосе спиной к забору, в тени старой цветущей липы. Все кругом тускло, затихало...

Когда Нарбутас очнулся, он увидел, что мир снова яркий и гулкий. Рядом сидят на траве кузнецы Виткус, Копытов, Зайончковский, токарь Слижюс. Они облупливают крутые яйца и, посолив, отправляют в рот.

Нарбутас шевельнулся и замер тревожно, — но нет, ничего, игла в груди больше не появляется. И дышится так легко. И все кругом так явственно видно, облака в небе и даже крошечные конопушки на длинном унылом лице Виткуса. А липа так славно распушилась над головой. Медленно кувыряясь в воздухе, падает желтый лепесток...

Нарбутас осторожно напряг мускулы. Порядок! А ну, еще разок, по-сильнее... Так, так, хорошо!

Он с силой сжал кулаки, напряжинил руки, ноги, живот, все тело. Он словно выкрикивал боль, задирая ее: «Эй, ты, как тебя, где ж ты там? А ну-ка давай сюда, померяемся!» В то же время он боязливо прислушивался к чему-то внутри себя. Но нет, оно больше не появляется.

Во всем теле сладкое изнеможение, как после хорошей баскетбольной встречи. Деревянный забор нагрелся на солнце и приятно согревает затылок. От множества трубчатых лесов, скопившихся во дворе, протянулись по земле длинные сквозные тени. От земли, от травы, от липы — нежный, чуть пряный запах. А из кузни тянет горьковатым, но непротивным дымком курного угля. И ко всему примешивается какой-то лекарственный запах. Камфара, что ли?

Слышен бубнящий голос Виткуса:

— На пароходе когда едешь, кругом море, а на поезде — кругом земля...

Нарбутас улыбнулся. Это все, что Виткус мог рассказать о своей недавней поездке в Сухуми, в дом отдыха. Душевный мужик Иозас Виткус и кузнец толковый, но о нем говорят, что, когда он подходит к горну, огонь сам собой угасает — просто от скуки.

Нарбутас глубоко вздохнул, наслаждаясь тем, что воздух свободно вливается в его широкоую грудь, и сказал:

— А на мою долю чего-нибудь оставили, мужчины?

— Воскрес? — спросил Стефан Зайончковский, лысый широкоплечий мужчина с седоватыми отвислыми усами.

Это старейший кузнец завода. Он работал здесь еще в польские времена, когда на этом месте была небольшая ремонтная мастерская.

Нарбутас встал. Он потянулся всем своим коротким сильным телом. Слижюс сказал:

— Вали, Антанас, в поликлинику. Сигнал им дан.

Нарбутас язвительно сощурился.

— Да? В самом деле? А в институт красоты ты сигнала не давал?

Пробасил гудок. Нарбутас повел глазами вокруг себя и увидел долговязую фигуру подручного, который слонялся по двору.

— Губерт! — крикнул кузнец. — Хватит прохлаждаться, пошли работать.

Слижюс сказал недобрым голосом:

— Минуточку.

Слижюс вспыльчив. Он считал это крупнейшим своим недостатком и боролся с ним. Когда он понижал голос и начинал медлительно чеканить слова, друзья переглядывались. Его подчеркнутое спокойствие было не чем иным, как замаскированной яростью.

Он повернулся к Виткусу и сказал тихо, но веско:

— Иозас, ты проводишь Антанаса в поликлинику.

— Да ну тебя с твоими провожатыми! — буркнул Нарбутас. — Сам дойду.

Слижюс сдержал улыбку. Прием сыграл: всегда нужно запросить немножко с лихвой — получится точь-в-точь. Слижюс не мог знать, что Нарбутаса только что опять кольнуло в грудь.

Виткус вынул из нагрудного кармана пузырек.

— Возьми-ка, Антанас, с собой. Водичка подходящая: камфара с валерьянкой. По дороге в случае чего...

— В случае чего, — огрызнулся Нарбутас, — я хвачу кружку пива.

Подчеркнуто молодцеватой походкой кузнец зашагал к воротам. По дороге он остановился и крикнул:

— Завком когда?

— В шесть. С активом. Ты успеешь. Приходи, будет жарко, — отозвался Копытов.

Нарбутас кивнул и пошел, стараясь держаться с преувеличенной прямизной.

Друзья посмотрели ему вслед.

Копытов покачал головой. Он был непривычно серьезен.

Слижюс спросил:

— Что? Думаешь, старик сработался?

Виткус вяло замурылкал:

— Старость есть старость...

Копытов прервал его:

— С нашей кузней...

Он не дождался, махнул рукой и пошел в цех.

Слижюс нахмурился. Это был упрек ему как парторгу. А что он мог сделать? Старая кузня осталась неизменной со времен буржуазной Литвы. Скоро ее сменит новый цех. Но как скоро?..

Слижюс посмотрел в дальний угол двора, где строили новую кузню. Обширный травянистый пустырь был охвачен отовсюду невысоким заборчиком. Стены были где по колено, а где по шиколотку.

Каменщик в бумажной шапочке, тихонько посвистывая, шлепал раствором по кирпичам и неспешно выкладывал стенку.

Посреди пустыря плашмя лежал пневматический молот, прикрытый рогожей. Он был похож на спящего могучего зверя, вроде бегемота.

На него присела девушка. Она склонилась над ведром и размешивала раствор. При этом она напевала песенку. Рядом стоял Губерт и, поглядывая на девушку, безмятежно курил. Все его юное долговязое существо выражало явное наслаждение неожиданным бездельем.

Эта идиллическая картина, видимо, окончательно вывела из себя Слижюса. Он процедил сквозь зубы крепкое словечко и пошел к себе в цех.

Высокая светлая токарная была заполнена негромким жужжанием станков. Цех был новенький, и все здесь блистало опрятностью и индустриальным изяществом.

Слижюс подошел к станку. Это был оливковый красавец, грузный и мощный, как зубр. Повинуясь Слижюсу, он деликатно засвиристал. Тоненькая стружка поползла из его могучего зева, вивась бесконечной спиралью.

Иногда Слижюс нажимал кнопки, снимал блестящую сине-стальную деталь, менял резцы и снова пускал станок, а перед глазами у него все стояло маленькое, сильное, вдруг обмякшее тело Нарбутаса и то, как они тащили его из дымных пределов старой кузни.

В поликлинике Нарбутаса прежде всего повели в кабинет, набитый диковинными приборами. Здесь были высокие клетки, вроде попугайных, но с человеческого роста. Стояли аккуратные ящики цвета слоновой кости, обвешанные резиновыми присосами и коленчатыми рычагами, похожими

на конечности воображаемых марсиан. Больные взирали на все это почтительно и с верой.

Но кузнец оставался равнодушным. Он делал все, что от него требовали, — садился и ложился, дышал и не дышал, засучивал рукава и штанины, обнажал грудь и возлагал на себя влажные тряпки с электропроводами. Он не задал ни одного вопроса, как это обычно делают больные, а молча подчинялся, презрительно помаргивая ресницами.

Потом его посадили у дверей с надписью «Терапевтический» и сказали, чтобы он ждал вызова. Он скрестил руки на груди и поглядывал по сторонам все с той же враждебной насмешливостью.

Все здесь оставалось для него странным и неприятным. И безжизненная белизна стен, и люди со скучными и встревоженными лицами, сидевшие в очереди к врачам, и сами врачи с их накрахмаленными ермолками, со свисавшими на грудь резиновыми трубками фонендоскопов, с блестящими металлическими дисками на лбу, делавшими их похожими на фокусников или на сказочных колдунов.

Все это, а особенно аптечная вонь, пропитавшая воздух, не только было чуждо никогда не болевшему Нарбутасу, но и возбудило в нем мучительные воспоминания. Да, и эти люди, и этот въедливый запах, и эти врачи с их пугающе озабоченными лицами — все это было вокруг него много лет назад, когда он сидел в больнице у постели умирающей молодой жены...

Нарбутас встал и подошел к окну.

Над рекой шелестели липы. Нерис быстро катила светлые воды среди крутых зеленых откосов. Высокий юноша сидел на скамье под деревом, мечтательно закинув лохматую голову. Попискивая, носились стрижи. От дальнего берега отвалил паром и медленно пополз поперек реки. Проплыла длинная шестивесельная гичка. Нарбутас узнал цвета спортивного общества «Жальгирис». Чистое удовольствие смотреть на эти молодые гибкие тела, которые мерно сгибались и разгибались, вынося весла и снова четко и сильно врезая их в воду.

Из кабинета, хлопнув дверью, вышла молоденькая медсестра. Она сказала повелительно:

— Гражданин больной! К доктору Стубра!

Нарбутас оглянулся, чтобы увидеть, к кому обращаются.

Девушка повторила еще строже:

— Я вам говорю, гражданин больной!

— Мне? — спросил глубоко удивленный Нарбутас.

И, как ни тяжело ему было сейчас, он, поддавшись врожденной насмешливости, сказал:

— Можете называть меня просто: гражданин покойник.

— Гражданин больной, не позволяйте себе... — сказала девушка обиженно.

Доктор Стубра, рослый старик с седыми кудрями вокруг красного грубого лица, одобрительно посмотрел на атлетический торс Нарбутаса и сказал:

— Молодцом! Живота нет.

Нарбутас слегка пожал плечами. У кого ж это он, интересно, в горячем цехе видел живот!

Врач посмотрел пленку кардиограммы, подняв ее на свет против окна. Удовлетворенно мотнул головой. Потом заглянул в разные бумажки и сказал:

— Что ж, ничего... И давление приличное. Прилягте, пожалуйста.

Он долго выслушивал Нарбутаса, передвигая холодную мембрану по обширной груди кузнеца, мял живот под ребрами.

— В данный момент не обнаруживаю ничего угрожающего, — заявил он, отвалившись наконец от Нарбутаса. — Можете успокоить ваших друзей. Они только что опять звонили с завода.

Нарбутас вздохнул с облегчением. Теперь доктор Стубра казался ему удивительно симпатичным и даже красивым.

— Значит, ничего?

Он переспросил просто для того, чтобы доставить себе удовольствие еще раз услышать эти приятные слова.

Врач не отвечал. Он усердно строчил в толстой тетради, а потом на узких длинных полосках бумаги.

— Я вам, голубчик, все распишу. Щадящая диета. Никаких супов. Ничего жареного. На ночь не есть. Не курить...

— Я не курю, — радостно вставил Нарбутас.

Доктор Стубра продолжал, склонив над бумагой свое топорное лицо, окаймленное артистической шевелюрой:

— ...небольшая прогулка перед сном. Ни в коем случае не утомляться. Вы, — он поднял глаза, — вы кем там на заводе?

— Я, доктор, кузнец. Я, значит...

— Кузнечную работу придется оставить. Легкие паровые куриные котлетки...

— Оставить? — переспросил потрясенный кузнец.

— Ну, — сказал врач, — какую-нибудь там легонькую работенку вы можете выполнять.

Нарбутас смотрел на него с ужасом: понимает ли этот медик, что он говорит?

— Доктор, — спросил Нарбутас тихо, — какая у меня болезнь? Говорите прямо, не бойтесь. Мы с вами мужчины...

Стубра улыбнулся, сверкнув не по летам молодыми зубами.

— Бог с вами, голубчик. Ваша болезнь называется: возраст. Вам нужно прежде всего хорошенько отдохнуть. Лучше всего в санатории. Знаете, там и процедуры...

— Подождите, доктор...

— Да вы не беспокойтесь, путевку мы вам обеспечим.

Кузнец отер с лица пот.

— Понимаете, доктор, тут вот какая штука: мы взяли шефство над колхозом, нам надо отремонтировать...

Врач прервал его нетерпеливо:

— Вы инвалид. Понятно?

И он повторил раздельно:

— Ин-ва-лид.

Взглянув на притихшего Нарбутаса, доктор смягчился и сказал:

— Хватит, дружок, поработали. Вам давно пора на пенсию.

Нарбутас крикнул:

— Бросьте вы это! Я же никогда в жизни не болел...

Доктор положил руку кузнецу на плечо. Темное, грубо сколоченное лицо врача вдруг осветилось жалостью.

— Да, да... — сказал он мягко. — Я понимаю... Затянувшаяся молодость. Я сам пережил это... Что делать! Все когда-нибудь кончается.

Нарбутас пробормотал:

— Так скоро...

Стубра укоризненно покачал головой.

— Уж вам-то плакаться грех. У вас подъем длился долго.

Нарбутасу всегда казалось, что жизнь только-только началась.

— Конец, значит... — сказал он.

Врач нахмурился:

— Ну, ну, нельзя так распускаться. Да, мы с вами уже перевалили через вершину жизни, и сейчас мы, так сказать, по ту сторону холма.

Но если разумно жить, то этот спуск под откос можно весьма и весьма удлинить и даже сделать довольно приятным.

— А вырваться?..

— Куда?

— Обратно, на эту сторону?

— Друг мой, это процесс необратимый.

Нарбутас сидел, опустив голову. Его небольшие сильные руки с взевшейся копотью набухли кровью. Он сказал умоляюще:

— Доктор, я не буду очень напрягаться. Не буду подменять подручного. Я только...

Врач вздохнул и пожал плечами.

— Работа в горячем цехе вам противопоказана. Возьмите.— Он протянул Нарбутасу листок бумаги.— При соблюдении этого режима вы, голубчик, будете жить и жить.

Кузнец посмотрел на врача исподлобья.

— А при несоблюдении?

— Ну, знаете,— рассердился Стубра,— в конце концов вы сами хозяин своей жизни.

Он встал.

— Минутку, доктор,— сказал Нарбутас жалобно,— а как насчет спорта?

Врач покачал головой.

— Повремените.

— Доктор, совсем немного. Я ведь тренированный. Я же не прошу у вас штангу или борьбу. Немножко настольного тенниса. Это ведь легкий спорт, дамский, детский...

— Ну,— сказал врач, колеблясь,— если не переутомляться, если в меру...

Нарбутас обрадовался. Он сказал вкрадчиво:

— И чуточку баскетбола, доктор, а?

— Вы со мной, голубчик, не торгуйтесь,— ответил Стубра устало.

— Но вот настольный теннис я у вас все-таки оторвал! — воскликнул кузнец бодрясь.

— Не у меня, чудак вы этакий, поймите вы это, у себя отрываете, от своей собственной жизни...

Вернувшись на завод, Нарбутас прошел в красный уголок. Небольшой зал казался еще меньше, оттого что был наполнен людьми. На трибуне стоял Слижюс. Говорил он, как всегда, без единого жеста, только легкими наклонами туловища подчеркивая отдельные слова. Виткус, сидевший на маленькой эстраде, поманил Нарбутаса.

Кузнец отрицательно покачал головой. Он сел в задних рядах, неподалеку от двери. Сосед, старый литейщик Кирвайтис, шепотком спросил:

— Ты разве уже не в цехкоме?

— В цехкоме.

— Так иди в президиум.

Нарбутас пожал плечами. Он решил немножко посидеть и незаметно уйти. Ему хотелось побыть одному и подумать о том несчастье, которое неожиданно свалилось на него.

— А я в техконтроль перешел,— вдруг сообщил Кирвайтис.

Нарбутас отрывисто спросил:

— На легкий хлеб потянуло?

Кирвайтис вздохнул.

— А что поделаешь! Разливать сталь мне уже не под силу. А сидеть дома на пенсии тоже не могу: тоска берет. А так все-таки работа... Не

то, конечно. Скучновато. А что поделаешь? — повторил покорно старый литейщик. — Старость, закон природы.

— А я считаю, незаконные природы, — зло сказал Нарбутас и пересел на другое место.

Он прислушался к Слижюсу.

— Я вам, товарищи, сейчас покажу одну интересную вещь, — говорил токарь. — Вы же знаете, что график работы мы не выполняем.

Стефан Зайончковский, сидевший на подоконнике, свесив длинные ноги, крикнул:

— Кузнецы план перевыполняют!

Слижюс резко, всем телом повернулся к нему:

— Да, перевыполняют. Но как? Чохом. А по отдельным видам продукции? А? Молчишь, товарищ Зайончковский?

Он выждал несколько секунд и продолжал:

— А молчишь ты потому, что тебе нечего сказать. Самые важные, самые тонкие, самые ответственные заказы старая кузня не в состоянии выполнить. Верно? А что, разве у нас мастера плохие? Дай бог! За нашими кузнецами охотятся. Техника черт его знает какая! Доисторическая!

Стефан шутливо погрозил Слижюсу пальцем и лукаво улыбнулся под сивыми усами, как бы говоря: «Ай, шутник! Хочешь обшутить нас? Не выйдет, дорогой!»

Звонкий девичий голос — из того ряда, где сидели лаборантки в белых халатах:

— Когда же наконец будет новый кузнечный цех?

— Когда? — повторил Слижюс. — А вот я вам сейчас покажу что-то, товарищи.

Он подошел к окну и сказал:

— Вы видите тот башенный кран над недостроенной кузней?

Выкрики из зала:

— Видим!

— Давно намозолил глаза!

— Полгода как ни с места!

— Ну так вот, — сказал Слижюс, — в его стреле птицы свили гнездо. Достоялся!

Зал дружно захохотал. Несколько ребят выбежали во двор и принялись бить палками и крючьями по крану. И действительно, с верхушки его ажурной стрелы, устремленной в небо, вспорхнули две птицы.

Зал продолжал гудеть и смеяться. Слижюс возвысил голос, перекрывая шум:

— Здесь присутствует представитель стройтреста № 17. Может быть, он объяснит, почему строители выполнили свой план только на двадцать процентов?

Поднялся худой небритый мужчина с портфелем под мышкой.

— Товарищи, — сказал он, убедительно прижимая портфель к груди, — вы не представляете себе нашего положения. У нас не хватает материалов. У нас не хватает рабочей силы...

— На трибуну! — кричали ему.

Но строитель упорно не шел на трибуну, а продолжал говорить с места, и голос его тонул в гуле голосов, топоте, шуме передвигаемых стульев.

Виткус огорченно качал головой и что-то шептал. И хотя Нарбутас не мог его слышать, он хорошо знал, что тот шепчет. Виткус всегда сокрушался, когда видел, что совершается какое-то зло, от которого страдает общее дело. В таких случаях он имел обыкновение причитать: «Ох ты, горе мое, горе...» Вот и сейчас он по-настоящему страдает, как

если бы это зло было совершено его родным любимым ребенком, а не строительным трестом № 17.

Наконец ожесточенными ударами ключа о графин Слижюс навел порядок, и на фанерную трибуну вошел бровастый молодой человек в синей спецовке. Нарбутас знал его, это был инженер из конструкторского бюро, фамилию его кузнец позабыл.

Молодой конструктор начал энергично.

— Вы нам очки не втирайте! — сказал он, обращаясь к строителю. — Материалов у вас хоть завались, и мы вам помогли с материалами. И рабочая сила, я уверен, нашлась бы. А в чем же дело, товарищи? — продолжал он, обращаясь уже ко всему залу. — А в том, что тресту выгодно строить фундаменты да стены. А всякая другая работа — все, что помельче, — им невыгодна. Вот они и понаставили всюду коробки безглазые, безголовые и — исчезли...

— Без них обойдемся! — крикнул Нарбутас.

Впервые за сегодняшний день он забыл о том тяжелом, непоправимом, что стряслось с ним. Ему захотелось рассказать людям о кузне. Да, конечно, строителей надо взять за бока. Но — полегче со старушкой кузней! Она еще не сказала своего последнего слова. Нарбутас встал и знаками попросил слова. Слижюс радостно закивал головой и тотчас вписал Нарбутаса в лежавший перед ним лист бумаги.

Молодой инженер меж тем говорил:

— От новой кузницы с ее мощными механизмами нам, товарищи, будет какой прок? А вот какой. Читайте сами. Экономия металла — раз. Снижение расходов на труд — два. А третье — не будет таких печальных историй, как сегодня с кузнецом Нарбутасом, который сейчас лежит с сердечным припадком на больничной койке...

Нарбутас вздрогнул. Все его возбуждение пропало. Он взял себя за пульс. Ему показалось, что в зале душно и что ему не хватает воздуха. Он встал и пошел к выходу. Он был уже в дверях, когда внимание его привлекли слова Саши Копытова, поднявшегося на трибуну.

— Не буду говорить о старой кузне, — сказал Копытов, — уже всем все ясно: она нам давно не по росту, она, можно сказать, трешит, как детское платье на взрослом парне. Скажу другое: со временем почти весь наш завод превратится в кузню. Не смейтесь, товарищи! Я дело говорю.

— Увлекаешься, Саша!

— Он дело говорит! — раздались поощрительные возгласы.

— Наука доказала, — продолжал Копытов, воодушевляясь все больше, — что резание, сварка и прочие работы над металлом во многом уступят место штамповке, давлению, то есть, товарищи, кому? Нам, кузнецам! И это дело нельзя остановить, оно совершится на наших глазах довольно скоро, уже к началу будущего столетия...

Столетия? Нарбутас растерянно повел глазами вокруг себя. Значит, Сашка Копытов перевалит в двухтысячные годы? Тут дрожь над каждым днем, а эти молодые ребята швыряются столетиями...

Мысль о том, что что-то будет после него, что что-то будет без него, наполнила Нарбутаса тоской и гневом.

Он вышел из зала.

Уйдя с завода, Нарбутас побрел, сам не зная куда. На одной из улиц возле парикмахерской он увидел зеркало на стене. Кузнец подошел к нему. В зеркале отразилось румяное молодое лицо.

Но Нарбутас взгляделся пристальнее. Он увидел морщины возле ушей, дряблые складки на шее, устало обвисшую кожу на веках... Конечно все это появилось не сегодня. Но до сих пор он как-то не обращал внимания... Когда же она успела подкрасться, эта проклятая старость?

По зеркалу прошла тень. Что-то неуловимо знакомое почудилось Нарбутасу в очертаниях тощей фигуры. Кузнец обернулся. Но тень исчезла. И Нарбутас, погруженный в свои трудные мысли, тотчас забыл о ней.

Засвистел милиционер. Еще раз. Еще. Тут только резкая трель проникла в сознание кузнеца.

«Чего он хочет? Ах, я перехожу улицу там, где нельзя. Да ну его к черту!..»

Регулировщик продолжал назойливо свистеть, и кузнец пошел прямо на него. «Вот наконец на ком можно будет сорвать все, что у меня на душе!»

Но, сделав несколько шагов, Нарбутас подумал: «В конце концов он же не виноват в том, что произошло со мной», — и вернулся на тротуар.

Милиционер искоса следил за Нарбутасом: пойдет ли он теперь, как полагается.

Но кузнец больше не стал пересекать мостовую, а пошел по тротуару вдаль, словно ему все равно было, куда идти.

А ему действительно было все равно. Он шел без цели, шел просто потому, что не мог не двигаться. Ему казалось, что, если он остановится, он упадет.

Он огляделся. Да ведь это площадь Кутузова! Машинально пришел он к месту, которое больше всего любил в этом городе. Под университетской стеной качались, поскрипывая, высокие старые тополи. Распахнулись чугунные ажурные ворота, из дворика выкатилась шумная стайка велосипедистов. Блестели обнаженные ноги, и пестрели на головах туго натянутые цветные шлемы. С металлическим шорохом обтекали они, весело перекликаясь, старого кузнеца. За оградой Дома офицера нежно мурлыкал духовой оркестр, репетируя танцы. Ах, как хороша жизнь!

«Черт! — прервал свои мысли кузнец. — Сейчас я его поймаю».

Он спрятался за колонну.

А через минуту выскочил и оказался носом к носу с Губертом.

Тот испуганно шархнул.

— Куда ты? Стой! — Нарбутас схватил его своей железной рукой.

— Пустите, дядя Антанас! — взмолился молотобоец.

— Кто тебя держит? Иди.

— Так вы ж меня держите.

— Ах, ты заметил? — деланно удивился кузнец. — Смотрите, пожалуйста, какой сообразительный. Ну, рассказывай.

— Что?

— Все. Зачем шпионишь за мной?

— Я? Шпионю? Накажи меня бог! Что, разве я не могу гулять, где я хочу?

Нарбутас слегка сжал ему руку.

— Ой, дядя Антанас! Ну ладно. Мне товарищ Слижюс приказал, чтоб я незаметно сопровождал вас. Вы же больной, мало ли что...

Нарбутас отпустил руку юноши.

— Иди своей дорогой, — сказал он.

Но Губерт не отставал.

— Дядя Антанас, — робко спросил он, плетясь за кузнецом, — а что вам сказал доктор?

— Доктор? Вот что, Губерт, переходи-ка ты к Виткусу. Тебе с ним будет неплохо. Мужик он справедливый, толковый. Я поговорю, чтоб он взял тебя в подручные.

Губерт остановился. Мальчишеское лицо его дышало обидой.

— За что вы меня так, дядя Антанас? Думаете, я совсем неспособный? Это я такой только поначалу. Вот увидите... Я нажму... Честное слово...

Голос его прерывался от волнения. Он уже забыл, как он мысленно обзывал Нарбутаса «старым придирой», как он завидовал подручным других кузнецов. Теперь он страстно хотел одного: работать вместе с этим вспыльчивым маленьким чертом, то веселым, то яростным, но всегда таким горячим, что рядом с ним все другие в кузне казались скучными.

Нарбутас покачал головой и сказал:

— Сеанс окончен. Я уже не кузнец. Все. Я больше не вернусь в кузню.

— Не вернетесь? — недоверчиво переспросил Губерт. — Ну, да вы меня разыгрываете.

— Слушай, ты, теленок, — сказал кузнец, — видишь вон того красавца?

Впереди ковылял одноногий старик, стуча костылями.

— Вали к нему и скажи: «Я извиняюсь, гражданин Рубль-Двадцать, вы часом не участвуете в эстафетном пробеге по городу на приз газеты «Советская Литва»?»

Губерт рассмеялся.

— Ну что вы сравниваете, дядя Антанас! Он же хромым, а вы...

— А я тоже хромым: на сердце, — сказал Нарбутас, резко повернулся и пошел.

Подручный, опешив, долго смотрел вслед маленькой, быстро удалявшейся фигурке кузнеца, потом побежал за ним.

Он догнал его, когда тот входил в троллейбус.

Нарбутас с досадой посмотрел на запыхавшегося юношу.

— Ты еще долго будешь у меня на буксире?

Худенькая черноволосая девушка приподнялась и вежливо сказала:

— Садитесь, пожалуйста.

Кузнец нахмурился. Дожил! Девушка ему уступает место!

Кто-то сзади добавил:

— Садись, папаша. Старикам у нас всюду почет.

Нарбутас бросил на девушку взгляд, который он считал неотразимым, и сказал:

— У мужчин нет возраста.

Девушка смущенно улыбнулась. Она ничего не ответила, но, видимо, была другого мнения, потому что через минуту весело разговаривала с Губертом.

Все же Нарбутас сел. Он чувствовал усталость. Он все время прислушивался к чему-то внутри себя. Ему казалось, что сердце его как-то странно трепещет.

«А может, — подумал он, — это тряска троллейбуса?..»

Он рассердился на себя:

«Какого черта, в самом деле! Я становлюсь мнительным, как баба...»

Ему казалось, что все смотрят на него и читают его мысли. Осторожно, с притворным равнодушием он обвел взглядом окружающих. Никто не смотрел на него. Человек, назвавший его «папашей», дремал, запрокинув голову.

«Да ведь он старше меня!» — мысленно возмутился Нарбутас и оглядел его с головы до ног. Седые космы, запавший рот, увядшая шея, руки со склеротическими жилами. Не отрывая глаз от его крупной согбенной фигуры, широких плеч, сильных кистей рук, кузнец подумал: «Да, это был человек...»

А почему, собственно, «был»? Он есть! Вот же он сидит рядом, живой, сильный еще.

Но в глубине души Нарбутас не мог не признать, что все живое, сильное, беспокойное, что было в этом человеке, ушло из него, и при этом безвозвратно.

И кузнецу стало жалко себя до слез.

На остановке он встал и вышел из троллейбуса. Губерт, увлеченный разговором с девушкой, не заметил этого.

Нарбутас без конца бродил по городу. Он любил Вильнюс и словно прощался с ним в тот день.

Взобравшись на башню Гедимины, он прислонился к кирпичному парапету и долго смотрел вдаль. На востоке небо уже наливалось темной, а запад еще пылал...

Ветер подвывал в бойницах старой крепости. Над головой трещал флаг, словно где-то рядом раздирали полотно. Черепичные кровли, синие прожилки переулков, столбы дыма над крышами, древние колокольни, лесистые холмы, обставшие город,— все это сквозь волшебную линзу пространства выглядело легким и нарядным.

Почувствовав усталость, кузнец спустился вниз, в Сад молодежи. Он сел на скамью. Рядом стояло дерево. Нарбутас уставился на него с таким вниманием, словно впервые в жизни увидел сосну. Боже ж ты мой, до чего хорош этот мир! Кора внизу пестрая, как тигровая шкура. А повыше убрана нежными бронзовыми чешуйками. Ствол немыслимой прямизны — кузнец задрал голову — уходит вверх, туда, к кудрявой, игольчатой, недоступной верхушке.

А еще выше — облака. Закатное солнце мазнуло по ним буро-золотой краской. Тут, на земле, ветер гонит косяки пыли, свистит в листве, тревожит, томит. А там, в небе,— мир, покой и эти недвижимые нежные громады, подернутые бурым золотом...

Сзади послышалось тяжелое железное скрипение.

Кузнец оглянулся. В воздухе плыла большая пальма. Подъемный кран осторожно нес ее к свежевырытой яме.

Кругом стояла толпа. Люди, не отрываясь, смотрели на пальму, дивясь ее приторной, не нашей красоте. Она и шуршала как-то по чужому своими глянцевыми саблевидными листьями.

Стрела крана остановилась и принялась бережно спускать в яму толстый кольчатый ствол пальмы, опутанный мохнатенькой темносерой паутинкой.

— Анекдот, а не дерево, верно? — обратился к Нарбутасу сосед.

Кузнец отвернулся и быстро пошел. Он почти и не видел пальмы. Но он хорошо разглядел крюк, к которому она была подвешена.

Это был его крюк, один из тех, которые он ковал своими руками. Раз он не может больше делать их, он и видеть их не хочет! С этой жизнью покончено. Он уйдет на пенсию. Да, да, подальше от кузни! Подальше от Вильнюса! Он вспомнил, что у него были дальние родственники где-то в Укмерге. Правда, они могли оттуда уехать. Он не видел их много лет. Но он их разыщет. Они примут его. Да, решено, он поселится в Укмерге или еще там где-то, будет копать в огороде, качать на колене малых ребят и медленно утухать.

Но крюки словно сговорились не отставать от него. В городе много строили, и всюду торчали ажурные ручищи подъемных кранов. Крюками, изогнутыми, как кисти рук, они хватили ящики с кирпичами, бадьи с раствором, балки, бетонные плиты. Нарбутас никогда не замечал, что их так много, этих железных ладоней, повисших в воздухе над городом.

Измученный, забрался он в старинные переулки. Здесь ничего не строили. Он углубился в тесную, как расщелина, улицу Гедрио и побрел по лабиринту старого Вильню.

Закат еще не померкнул, но первые звезды уже загорались на узких полосках неба над стенами старых домов. Тут было темно, почти безлюдно. Идти бы так вечно в этом полумраке, не привлекая ничьих взглядов и сам никого не трогая, шагать без мыслей, без цели, не тревожа надломленного сердца.

Коленчатый переулочек неожиданно вывел кузнеца на шумную улицу. Она была налита доверху музыкой и машинным грохотом. Гудели автомобили, где-то заливалось радио, мотоциклы пронеслись с пулеметным треском, в окнах надсаживались патефоны. Люди сталкивались, расходились, смеялись, спорили, толпились у витрин, где ослепительно трепетало голубоватое химическое зарево газосветных ламп.

Ах, как любил прежде Нарбутас этот бойкий квартал, нескончаемое снование прохожих, хлопающие двери пивных, смутный уличный гам, тонкие силуэты женщин, казавшихся неотразимо прекрасными в этот сладко-томительный вечерний час! Еще вчера, смыв с себя копоть и распутив по ветру цветастый галстук, гулял он здесь, беспечный, счастливый.

Сейчас, с поникшей головой, кузнец тащился вдоль стен, мечтая об одном: поскорее вынырнуть из этого веселого кипения жизни. Он все прислушивался к чему-то внутри себя. Ему казалось, что он не может заглотить в грудь достаточно воздуха. Он приложил руку к сердцу. Но, услышав его мягкие частые толчки, тотчас отдернул ладонь. Сердце ужасало Нарбутаса своей неподвластностью его воле. А вдруг этому самостоятельному существу наскучит его однообразная стукотня, и оно вздумает остановиться? Может быть, это произойдет в следующую минуту, а?

Кузнец замер на месте и с пугливой мольбой повел глазами по сторонам. Но никто не видит его, он стоит под кленом на краю тротуара, дерево прикрыло его своей широкой тенью.

Кто-то рядом грубо выругался.

Нарбутас машинально повернул голову.

У ворот, прислонившись к стене, стояли три парня. Молчаливые, неподвижные, с руками в карманах, они пренебрежительно оглядывали прохожих и иногда отпускали им вслед издевательское или бранное словцо. Люди поспешно проходили мимо, стараясь не смотреть на парней.

Нарбутас оперся о дерево. Ему показалось, что в груди у него что-то стеснилось. Он зажмурился в тоскливом предчувствии: вот-вот она опять вонзится в сердце, эта проклятая длинная игла. Ему чудилось, что он уже чувствует ее холодное колкое острие.

Рядом кто-то сказал:

— Оставьте меня! Ну пустите же!

Девушка лет семнадцати, тоненькая, с косицами, уложенными вокруг головы, с книжками в руках, видно школьница, мегалась по тротуару. Один из парней, посмеиваясь, не давал ей пройти. Это был стройный белокурый юноша, хорошенький, с бледным и нежным лицом алебастрового херувимчика. Расставив руки, он преграждал девушке дорогу: она направо — и он направо, она налево — и он туда же. Двое других, прислонившись к стене и дымя сигаретками, с усмешкой наблюдали и изредка раздражались поощрительными возгласами.

— Брось ломаться, пойдем с нами, — говорил херувимчик, отесняя девушку к стене.

Другой, сутуловатый верзила с впалой грудью, с утиным носом на истасканном лице, выплюнул окурок и сказал негромко:

— Чего там с ней цацкаться. Хватай ее за то самое и тащи во двор.

Херувимчик рассмеялся и притянул к себе девушку. Она вскрикнула и рванулась. На тротуар посыпались книги, тетрадки, покатились вставка, запятнанная чернилами. Темные косы разлетались. Девушка беспомощно озиралась. А юноша не выпускал ее плечика, сияя своим нежным, точеным лицом и уверенный, что он не может не нравиться.

Вдруг девушка наклонила голову и укусила его в руку.

Херувимчик выругался. Он грубо обхватил ее и поволок к полутемному подъезду. Другой рукой он зажимал ей рот.

Нарбутас вышел из тени. Все его горе, все его сердечные муки вдруг пропали. Сейчас он чувствовал одно: бешеную ярость. Так могла бы чувствовать бомба за секунду до взрыва.

Он схватил херувимчика за шиворот и сильно потряхнул его. Тот вырвался и отскочил. Жестокая гримаса, искажавшая его красивое лицо, сменилась удивленным выражением. Он поправил воротничок, усмехнулся и посмотрел на приятелей. Они переглянулись. Потом все трое неспешно с разных сторон стали приближаться к кузнецу, окружая его.

Внезапно верзила с утиным носом толкнул Нарбутаса. Он попал в объятия херувимчика, который отшвырнул его к третьему парню. Это был шеголь с напояженной головой, низким лбом и круглой спиной, похожий на элегантную обезьяну. С неожиданной в таком щуплом человеке прытью он толкнул Нарбутаса в грудь. Кузнец влетел в подъезд. Вся эта операция была проделана бесшумно и молниеносно. Нарбутас понял, что он дал провести себя: они загнали его в темный подъезд, как шар в лузу, и здесь возьмутся за него.

Он хотел сказать: «Ребята, что ж это за мода такая: втроем на одного...»

Но надо было дать девушке время исчезнуть. Отступая в глубь арки, он видел, как она подобрала книги, оглянулась и опрометью побежала вдоль по улице.

Кузнец расставил ноги пошире, опустил подбородок к груди, выдвинул левое плечо. Кулаками он прикрыл лицо, локтями — сердце и печень.

Парни не заставили ждать себя. Они ринулись на него разом.

Нарбутас отразил удар напояженной обезьяны и увернулся от кулака херувимчика, нырнув ему под руку. Но его настиг верзила. Правда, удар пришелся в ухо, а не в сонную артерию, куда, видно, тот метил. Все же в голове у кузнеца сильно загудело, и по щеке тепло заструилась кровь.

Нарбутасу опять захотелось попросить: «А может, хватит, ребята? Я инвалид все же...» Но гордость не позволила ему сказать это.

А вскоре он и вовсе забыл о своей болезни. Он никогда не мог делать два дела сразу. Болеть так болеть. А уж драться так драться.

Он дрался расчетливо. Он не нападал, а только старался отражать удары. Он вертелся между тремя парнями с такой быстротой, что всюду, куда они ни совались, они встречали сухие и твердые кулаки кузнеца. Он бился покуда в полсилы. Он берег себя. Он стремился выиграть время. Он надеялся, что девушка приведет милицию. Не может быть, чтобы она бросила его на растерзание хулиганам.

Слышалось тяжелое сопение, шарканье ног, глухой хряск ударов. Дрались молча. Только херувимчик натужно ухал, замахиваясь. Люди, проходившие по улице, косились на тени, мечущиеся в подъезде, и ускоряли шаги.

Нарбутас старался подобраться к стене. Путь к ней преграждал верзила с утиным носом.

Кузнец внезапно атаковал его, не обращая внимания на двух других. Он едва доходил верзиле до плеча. Хулиган поначалу опешил под яростным натиском этого неистового маленького старика. Но быстро оправился и сильным тычком в грудь швырнул кузнеца наземь. Нарбутас тотчас вскочил, но все же успел получить несколько чувствительных ударов. Один из них, в темя, был настолько болезненным, что у кузнеца на несколько секунд помутилось в голове.

Тем не менее он решил завоевать стену во что бы то ни стало. Он переменял тактику и стал действовать хитростью. Он оставил верзилу и накинуся на того, кто казался ему слабейшим из трех, — на обезьяноподобного франтика, державшегося несколько позади. Двое других, как Нарбутас и ожидал, тотчас бросились на помощь франтику.

Тогда кузнец повернулся на сто восемьдесят градусов и, описав рукой крутую молниеносную дугу, всадил верзиле кулак под самую грудинную кость, в солнечное сплетение.

Хулиган бессильно вскинул руки, сделал несколько неверных шагов и грохнулся наземь.

Теперь Нарбутас стоял у стены. В голове у него продолжало гудеть, из расплющенного уха капала кровь. Но в общем стало легче. Очевидно, это ощущение на миг притупило бдительность Нарбутаса, потому что в тот же момент он получил увесистый удар в зубы от херувимчика.

Он слизнул кровь с разбитой губы и схватился с херувимчиком, не очень обращая внимание на франтоватого типа, по-прежнему державшегося несколько позади. Теперь кузнец дал волю своей атлетической силе. Им овладел жуткий восторг драки. Все, что он когда-то знал и умел в боксе, все сокровенные приемы, ложные выпады, удары на поскоке — все это постепенно всплывало в памяти Нарбутаса. Он размеренно обрабатывал херувимчика классическими крюками в корпус и неотступно теснил его вдоль стены к воротам.

Вдруг он почувствовал боль в ноге, да такую резкую, что упал на колени. Оба хулигана тотчас набросились на него сверху. Особенно старался франтик с напوماженной головой.

Кузнец медленно подымался, опираясь спиной о стену и закрываясь от ударов. Но костлявые, по-обезьяньи длинные руки франтика прорывались сквозь эту ограду. Правый глаз Нарбутаса вспух, в боку томительно заныло. Он задышался. В ушах стоял звон. Цветные спирали вертелись перед глазами. Было похоже на бред. Кузнецу чудилось, что он видит красное лицо доктора Стубры. Оно тоже кружилось и что-то кричало...

Новая резкая боль вернула Нарбутаса к сознанию. Он заставил себя открыть глаза. К счастью, левый глаз еще видит.

Ах, вот оно что! И как ни было плохо кузнецу, он в гнев рванулся вперед с такой силой, что хулиганы невольно подались назад. Оказывается, что в то время, как этот напوماженный шимпанзе обрабатывал Нарбутаса сверху, херувимчик молотил его снизу ногами.

Вот и сейчас кузнец едва увернулся от страшного удара каблуком в пах. Нарбутаса взяла злоба. Вот как, значит, дерутся эти молодчики! Ему приходилось на своем веку влипать в уличные драки. Но никогда люди не били друг друга ниже пояса.

Нарбутас вздохнул полной грудью (наконец опять дышится!) и извлек из сокровищницы своих ударов самый верный, самый точный, самый меткий. Когда-то это был его коронный удар, который он приберегал для нокаутов.

Он оттолкнулся носком правой ноги и ударил херувимчика в подбородок, так что в удар влилась сила не только руки, но всего тела, его масса, его тяжесть, вся его мощь, истраченная еще не до конца.

Херувимчик тихонько хрюкнул, дважды повернулся вокруг своей оси и пал бледным точеным лицом на асфальт.

Нарбутас не позволил себе ни секунды затратить на передышку или на смакование успеха. Он повернулся к шуплому франтику. И вовремя. Тот подбирался сбоку неслышной кошачьей походкой. Черные волосы его, гладко зачесанные назад, матово блестели в тусклом свете лампочки. Шаги его были легки, скользящи. Круглая спина, казалось, изогнулась еще больше и руки стали еще длиннее. Он был похож сейчас на сжатую пружину.

Значит, один на один. Кузнец вздохнул с облегчением. Пусть лицо измолочено, пусть правый глаз не открывается и под ребрами ноет. Но самое тяжелое позади. Уж с одним-то он во всяком случае справится. Да еще с самым слабым из них.

Кузнец сам двинулся на хулигана. Чего там с ним канителиться! Дать ему левого крюка в челюсть, и он смирнехонько уляжется рядом со своими приятелями, которые валяются на грязном асфальте подъезда, суча ногами и обморочно всхлипывая. В этот момент Нарбутас увидел, что в руке у обезьяны блеснул нож.

Кузнец отпрянул к стене и крикнул:

— Ты брось это, слышишь? Давай кончаем так на так, а?

Франтик не отвечал. Он медленно приближался, морща низкий лоб и не сводя глаз с Нарбутаса. Нож он держал в опущенной руке лезвием кверху.

«Хочет пропороть снизу...» — с ужасом подумал кузнец.

Он не знал, что делать. Вперед, на улицу? Поздно, не успеешь. Назад, во двор? Страшно повернуться спиной...

Хулиган продолжал медленно надвигаться, и кузнец так же медленно отступал. Между ними сохранялось одно и то же расстояние в пять-шесть шагов.

«Хочет загнать меня во двор, — лихорадочно соображал Нарбутас, — и там, где-нибудь в закоулке...»

Он покосился назад. Она была уже совсем близко, темная молчаливая ямина двора.

Нарбутас решил. Он быстро шагнул назад, словно собираясь нырнуть во двор.

Франтик бросился за ним.

Тогда кузнец резко остановился и швырнул свое маленькое тело под ноги хулигану. Тот споткнулся и упал.

Оба вскочили. Но кузнец на мгновение раньше. Это решило. Он успел, пока шимпанзе поднимался, с ходу двинуть его левой рукой в голову, правой в подбородок и левой туда же. Эти три удара следовали с такой быстротой, что слились в один.

У франта дернулась голова и клацнули зубы. Глаза его стали мутными, как у пьяного.

Но удары Нарбутаса уже не имели прежней силы, и хулиган устоял на ногах. Качаясь, он занес над шатавшимся кузнецом нож.

Нарбутас с трудом поднял обессиленную руку. Ударить он уже не мог. Его хватило только на то, чтобы ткнуть разбитыми костяшками пальцев в напояженную голову франтика.

Однако этого движения оказалось довольно. Голова хулигана мотнулась и повисла. Нож со звоном упал. Франтик как-то странно взвизгнул и покотился по земле.

Кузнец оперся о стену. Кровь с безумным шумом носилась по его жилам. Целый мир грохотал и вопил в ушах. Перед глазами бушевали радужные вихри. Последней ясной мыслью его было:

«Я здоров... Здоров!..»

Он скользнул спиной по стене и, теряя сознание, повалился на бесчувственные тела хулиганов.

В таком состоянии и застал его прибежавший миллионер.

— Оглох, что ли? Левей, говорят тебе, чурбан ты безглазый!

Теперь Губерт не обижался на Нарбутаса. С радостной готовностью хватил он по поковке. Он был уверен, что не промахнулся.

Но кузнец прогудел досадливо, совсем как прежде:

— Дай-ка мне.

Губерт испуганно обеими руками прижал кувалду к груди.

— Нет, нет, дядя Нарбутас, вам нельзя!

Юноша сказал это намеренно громко, почти выкрикнул.

От соседних горнов двинулись Копытов и Виткус.

Но Нарбутас успел выхватить кувалду из рук Губерта и с силой обрушил ее на поковку. Потом вызывающе посмотрел вокруг себя. Правый глаз его был прикрыт повязкой, ухо забинтовано, скулы, лоб, подбородок — в черных крапинках пластыря. Но то, что оставалось от лица, расплылось в озорной подмигивающей улыбке. А единственный глаз лукаво сощурился: еще, мол, не вечер, мужчины!

Копытов засмеялся и вернулся к своей наковальне.

Виткус неодобрительно поджал тонкие губы.

— Ай-ай-ай! — сказал Копытов насмешливо.

С притворным сожалением покачал он своей низко остриженной головой. Он сохранил не только мальчишеские ухватки, но и стрижку подростка: по бокам коротко, впереди чубчик. В утешение Виткусу он добавил:

— Ну, тюкнул человек разочек. Подумаешь! Ничего ему не сделается.

В обеденный перерыв кузнецы уселись на зеленом откосе под забором. Заводскую столовую все еще перестраивали, а тащиться в закусочную за два квартала по жаре не хотелось. Так славно сидится на травке в прохладной тени старой липы. Зайончковский перевернулся на спину, смотрел, шурясь, на ослепительно синее небо и медлительно перебирал четки. Виткус сорвал одуванчик, дунул на него и задумчиво следил, как оседают разлетевшиеся в воздухе крошечные парашютики. Нарбутас смежил единственный глаз и, казалось, дремал. Дремал и подсевший к кузнецам Слижиус. Всеми овладела сладостная лень обеденного перерыва. За изгородью шумели могучие ели в парке Вингис, ветер гнал оттуда свежий, чуть пряный запах хвои. Один Копытов хлопотал, раскладывая на чистых газетах помидоры, желтоватый просоленный сыр с тмином, сочные ломти копченого угря, источающие розовый жир. Потом он вынул из сумки бутылку пива и выразительно щелкнул по ней ногтем.

Нарбутас очнулся и протянул пластмассовый стаканчик. Друзья переглянулись. Все знали, что он прежде не пил даже пива.

— Слушай, герой, — сказал Слижиус, — ты все-таки не зарывайся.

Виткус покосился на стаканчик Нарбутаса и сказал:

— Смотрите на него, клебонишкой обзавелся.

— Чем, чем? — удивился Копытов.

Он говорил по-литовски не хуже, чем по-русски, но некоторых разговорных словечек все-таки не знал. Большой рот его заранее складывался в веселую улыбку.

Виткус пояснил: *

— Клебонас — это клебонас. Ну что ты не понимаешь! Это главный ксендз в костеле, настоящий по-вашему, или как там его. Ну, у него рюмка, значит, по чину, солидная, грамм на сто, клебонишкой она называется.

Зайончковский буркнул:

— Не остроумно.

— А что, скажешь, в народе так не говорят?

Зайончковский, как всегда, ответил не сразу. Мгновение длилась эта пауза, но именно она лишала его речь прямоты.

— Мало ли чего в народе говорят, — недовольно сказал он наконец. Он не любил насмешек над всем, что относилось к церкви.

Нарбутас высоко поднял свою «клебонишку» и комически-торжественным голосом провозгласил тост, подмигнув при этом в сторону Зайончковского:

— Ну, мужчины, дай бог, чтобы бог дал!

Все засмеялись.

Копытов отправил в рот кусок угря и проговорил невнятно:

— Пускай Антанас лучше расскажет, где его путевка.

— А я ее сунул под бюст Иозаса.

Грохнул смех, да такой громкий, что с мохнатой ели, переваливавшей через забор, взлетела стая ворон, треща крыльями и гортанно отругиваясь.

Кто бывал у Нарбутаса дома, тот знал, что там на комодe стоит гипсовая статуэтка Гоголя, приобретенная когда-то из-за поразительного сходства с Иозасом Виткусом. Великий сатирик, ссутулившись и уныло свесив длинный нос, меланхолически взирал на пылившиеся под его пятой прошлогодние квартирные жировки, старые письма, пожелтевшие театральные программки. В этот бумажный хлам Нарбутас сунул путевку в Кисловодск, добытую для него завкомом.

— Смейтесь, смейтесь, мужчины, — укоризненно сказал Виткус. — А все-таки курорт — это курорт. Когда я в Сухуми...

Кузнецы закричали:

— Слышали! Слышали!

— Когда едешь парходом, кругом море. Прямо чудеса!

Виткус процедил, обиженно поджав тонкие губы:

— Обратно я не морем, я летел.

— И кругом, верно, был воздух, а? — с ехидной вежливостью осведомился Нарбутас.

Виткус попробовал было оскорбленно надуться, но не выдержал и присоединился к общему смеху. Некоторое время все молча ели. Наконец заговорил Зайончковский. Он обтер свои отвислые седоватые усы, закурил, привалился спиной к забору и, дремотно глядя вдаль, сказал:

— Прошлый год жена ездила в Друскеники. Пила там какую-то тухлую водичку. Помогло это ей, как мертвому греку банки. Только потрагилась.

— А что врачи говорят? — лениво поинтересовался Слижюс, тоже закурив.

Зайончковский пренебрежительно пожал плечами. Потом:

— Дура она, что ли, по врачам бегать.

Слижюс сокрушенно покачал головой:

— А ведь с виду, Стефан, ты как будто человек культурный.

Копытов закричал:

— Ай, Костас, иди ты со своими врачами! Что, ты не видишь по Антанасу, чего они стоят, все эти твои врачи с их шприцами и порошочками, чтобы их разорвало!

Подручные, из подражания кузнецам также расположившиеся на траве со своей ездью, жадно прислушивались к их разговору.

После случая с Нарбутасом в кузнице было принято подтрунивать над медициной. Вот они, наши лекари! Хотели упеть Антанаса в инвалиды. Ничего себе калека, а? Один, голыми руками расклепал трех вооруженных хулиганов.

Описание этого боя каждый мог прочесть в свежем номере цеховой стенгазеты «Механизатор». Там же красовалась вырезка из «Советской Литвы» с рассказом о мужестве старого кузнеца. И рядом — приказ по

милиции и благодарность Нарбутасу, а также письмо от спасенной им девушки. А над всем этим фотография кузнеца — в шляпе с лихим заломом, с веселой, хитроватой улыбкой на моложавом лице.

Копытов не умолкал:

— Так что, ты говоришь, наши мудрецы медики у тебя там нашли, Антанас? Аппендицит? Холеру?

Зайончковский язвительно вставил:

— Сердечко у него, видишь ли, цыплячье, у этого бугая.

Виткус добро улыбался всем своим длинным лицом и повторял:

— Потеха, мужчины!

А Копытов не унимался:

— Как? Как? Повтори еще раз, Антанас. Процедуры? Легкие куриные котлетки? Ой, не могу, чтоб меня разорвало! А еще что? Может, мамку, чтоб она тебя кормила на ночь титькой?

Кузнецы заставляли Нарбутаса без конца рассказывать о поликлинике. Он охотно соглашался. Каждый раз он украшал свой рассказ новыми фантастическими подробностями. Сейчас он уверял друзей, что «у этого красноречивого доктора Стубры карманы полны камешками. Ну что вы не понимаете? Разрезал больному печенку или там мочевой пузырь, а они, оказывается, здоровые. Так он больному под нос камешек — вот, мол, дорогуша, что я выудил из вашего пузыря...»

Потом шли рассказы других кузнецов. Никто не хотел отстать.

Слижюс поначалу смеялся вместе с другими. Он знал, что этот молодецкий «треп» не более чем бравада, предназначенная для подручных, благоговейно внимающих разговору кузнецов. Слижюс знал, что эта четверка «мушкетеров» из старой кузни — ребята не простые и каждый из них гораздо серьезнее, чем казался на вид. Виткус, например, — страстный любитель-ихтиолог и вывел несколько новых рыбок. Стефан Зайончковский повидал свет, был даже по ту сторону океана. Саша Копытов — студент-заочник. Ну, а об Антанасе и говорить нечего — о чем ни спроси его, он все знает.

Но когда Копытов, давась от смеха, выволок на свет древнюю легенду о ноже, забытом рассеянным хирургом в брюхе больного, а Зайончковский, солидно покашливая, предъявил басню о какой-то чудотворной иконе, которая, представьте себе, воскрешает даже безнадежных доходяг, и даже молчаливый Виткус, разжав тонкие губы, промурлыкал заплесневелый анекдот о покойнике, чихнувшем в гробу по дороге на кладбище, — Слижюс не стерпел. Повысив голос (специально для подручных), он заявил кузнецам, что от их болтовни вянут уши, и потребовал прекратить это «дуракавалянье», недостойное, по его словам, взрослых людей.

А кузнецы, растоптав в прах медицину, подымались с травы и шли, окруженные восхищенными молотобойцами, к своим наковальням и там до ночи били, гнули, крутили и распинали огненно-желтый покорный металл.

Время от времени, хотя ему решительно там нечего было делать, появлялся в кузнице Слижюс. Словно ненароком, проходил он мимо Нарбутаса, искоса бросая на него беглый пытливый взгляд.

Эта оека начинала раздражать кузнеца. Неужели он не доказал, черт побери, знаменитой дракой с хулиганами, что в нем еще вдоволь здоровья и силы! С таким трудом, даже с риском для жизни, он вернул себе молодость, а они своими заботами хотят затолкать его обратно в старость. Нет, черта лысого!

Он возобновил встречи с одной старой знакомой. Ее звали Агота Даргене. Она работала кассиршей в закусочной. Он и раньше захаживал туда с приятелями — сам-то он не пил, но любил шумную, веселую компанию. А кроме того, ему немножко льстило, что он нравится этой хотя уже и не очень молодой, но все еще довольно приятной на вид женщине.

Она встречала его с удовольствием. Она любила веселых, живых людей. К тому же он такой щеголь. Ни за что не скажешь, что он простой кузнец и что ему уже столько лет.

Нарбутас даже подумывал, не покрасить ли ему волосы. Ему посоветовали хороший, стойкий восстановитель. Но в конце концов он нашел, что седина ему больше к лицу. Теперь, когда он смотрел в зеркало, он задира голову так, чтобы кожа на шее натягивалась. В таком положении она выглядела еще довольно свежей. При этом он слегка зажмуривал глаза, чтобы видеть себя неотчетливо.

Первое время Нарбутас остерегался тяжелой работы. Но это длилось недолго. Все чаще он выхватывал молот из рук Губерта. Воспоминания о победоносном бое с хулиганами подбадривали старого кузнеца. Мало-помалу страхи его исчезали. Постепенно Нарбутас перестал бояться физического напряжения. Наоборот, он словно играл своей силой, щеголял ею. Он стал работать на двух горнах и вызвал на соревнование Зайончковского. Теперь у Нарбутаса было два подручных, и обоим он задавал жару. А так как на завод поступил крупный и срочный заказ, то любое ускорение темпов было всем на руку. В этой горячке работы память о бывлой болезни Нарбутаса постепенно испарялась.

Как-то на завод — в связи все с тем же заказом — приехал министр. Он несколько разочаровал рабочих своим видом: сухонький, юркий, никакой солидности. Только Виткус уважительно пробормотал:

— Министр — это министр...

Заводское начальство провело гостя по всем цехам, кроме кузни. Но министр был, видать, тертый малый. Он остановился во дворе, повел носом туда-сюда — точь-в-точь старый опытный пойнтер, почуявший дичь, — и сказал:

— А где у вас тут кузница, товарищи?

Войдя в кузню, министр сказал с деланным удивлением:

— Так это мы где, собственно?

Директор бессильно улыбнулся и сказал:

— В кузнечном цехе.

Министр посмотрел на директора с обидной жалостью.

— Вы в этом уверены? А по-моему, мы в историческом музее. Экспонат: кузнечное производство в восемнадцатом веке.

Директор, главный инженер, главный технолог и прочие главные приворно засмеялись.

Кузнецы переглянулись. Виткус, увидев в глазах у Нарбутаса опасный огонек, дернул его сзади. Но поздно: старый кузнец уже ринулся в бой. Он сказал, скрестив на выпуклой груди голые, закопченные, могучие руки:

— А я вот, например, товарищ министр, в этом музее даю сто восемьдесят процентов сверх плана. Да и другие ребята ненамного отстали...

Он обвел жестом товарищей и добавил, дерзко блеснув глазами:

— Вот они все здесь перед вами, наши музейные работники.

По кузне пошел сдержанный смешок.

Министр внимательно посмотрел на Нарбутаса.

— Честь вам и слава, товарищи, — сказал он. — Но мы хотим выжимать эти сто восемьдесят процентов, а может, и больше, не из вашей мускульной силы, а из механизмов, из технологии. А у вас тут техника на уровне эпохи царя Гороха.

Министр поправил себя:

— То есть я имею в виду не весь завод, а именно кузнечный цех.

Он добавил, усмехнувшись:

— А потом, ведь вы даете эти проценты как? Навалом! А вот взять, к примеру, товарищ...

Он вопросительно посмотрел на окружающих. Ему тотчас охотно подсказали: «Нарбутас».

— Товарищ Нарбутас,— продолжал он,— лопатки для этих небольших турбин — ну вы знаете, конечно,— так вы же ни одной не сделали. Я вас не обвиняю, тут нужна машиннаяковка.

— Сделаем! — вдруг сказал Нарбутас.

Копытов, Стефан и прочие кузнецы с ужасом посмотрели на него.

— Руками не сделаете,— сказал министр серьезно. Потом улыбнулся и добавил: — Я ведь сам немножко из кузнецов.

— Ну, не знаю из каких. А я сделаю, товарищ министр! — вызывающе повторил Нарбутас.

Министр с насмешливым сожалением посмотрел на него, кивнул кузнецам и пошел прочь, маленький, порывистый, немного похожий на Суворова.

Потом министр осмотрел строительство новой кузницы, язвительно отозвался о строителях и обещал нажать на них.

В этот день, закусывая на траве под липой, кузнецы судачили не о медиках, а о министрах.

Зайончковский мечтательно вспоминал:

— Весной к нам приезжал замминистра тяжелой промышленности. Вот это мужчина! Килограмм на сто пятьдесят! Помнишь, Антанас? А этот? Писклявый, вертлявый, всюду нос сует.

Даже справедливый Виткус признал, что в этом министре, как он выразился, «смотреть не на что».

Нарбутас презрительно усмехнулся:

— Тут, под забором, вы все храбрые. А что ж вы в цеху молчали, как пацаны? Приезжает, понимаешь, раз в год на полчаса, и на тебе: не кузня, а музей. Так каждому молчать?

Зайончковский солидно подтвердил:

— Верно! Стоит, понимаешь, на пороге и носом крутит. А сам в кузнечном деле, видать, ни бе ни ме.

— Да он сам из кузнецов,— вмешался Слижюс.— А что кузня наша допотопная, так кто ж этого не знает.

Тут кузнецы напустились на него хором.

— Кузня — это кузня,— проворчал Виткус.

Нарбутас запальчиво вскричал:

— Ты, стружкогон, ты нас с токарным не равняй!

— Свободнаяковка — это что? Рука и глаз. Вот наши механизмы,— степенно заметил Зайончковский.

Копытов замахал руками:

— Ты, Антанас, говоришь это просто из озорства. Но вы, мужчины, Стефан и Иозас, вам совсем не к лицу такие, понимаешь, речи. Не мальчишки, слава богу.

— А Антанас что — мальчик? — недовольно сказал Виткус.

Копытов, нахмурившись, уставился на Нарбутаса и заключил уверенно:

— Все-таки немножко мальчик, чтоб меня разорвало!

Все засмеялись. А громче всех Нарбутас. Слова Копытова были ему приятны.

— Интересно, Антанас, как ты вывернешься с этой лопаткой? — спросил Слижюс.— Она хоть и маленькая, но ведь кривизна там чертова. А министр, учти, мужик въедливый. Вдруг спросит?

Нарбутас засмеялся и ничего не ответил.

Вмешался Стефан. Он пожал своими дюжими плечами и сказал веско:

— Знаешь что, Костас, мы твоих станков не касаемся, так и ты бы в наше хозяйство не совался.

Он посмотрел на Нарбутаса, ожидая от него признательности за поддержку.

Но тот насмешливо сощурился и сказал:

— А из тебя, Стефан, нет-нет да и выглянет хозяйчик.

Слижюс поспешил прервать разговор, который угрожал принять острый характер.

— Ладно, мужчины, сегодня обо всем договоримся. Слышишь, Стефан, приходи к двум. Соберемся во дворе. Всего разговору на полчаса.

Нарбутас успокоил Слижюса:

— Придет. Все придем.

В одном из закоулков заводского двора стояли скамьи и вбитый в землю большой стол. Двое ребят из сборочного цеха играли здесь в настольный теннис. В стороне плотник строгал сосновую доску. Увидев приближающегося Нарбутаса, ребята обрадовались.

— Дядя Антанас, посудите нас!

— Нельзя, ребята. А ну снимайте вашу декорацию. Видите — люди пришли.

— А нам можно послушать?

Слижюс объявил:

— Все свободные рабочие могут присутствовать на заседании представителей цехкомов. Дело общее, касается всех.

Когда все расселись, Слижюс сказал:

— Товарищи! Повестка у нас простая. Один вопрос. Сегодня нас посетил министр. Многие слышали его критику кузнечного цеха. Какие выводы? Кузня действительно остается позорным пятном на нашем предприятии.

На скамьях, занятых кузнецами, послышался глухой ропот.

Слижюс поднял руку успокаивающим жестом:

— Тихо, кузнецы. Вы же сами называете нас, токарей, стружкогонями. Правильно! Мы и есть стружкогоны. Вы знаете, что вот месяц еще не закончен, а наш цех отправил уже полтораста тонн лома. И почти весь он — стальная стружка. Чувствуете?

Виткус сокрушенно покачал головой и что-то зашептал.

— Значит, выходит так, — продолжал Слижюс, — что наши товарищи сталевары заняты главным образом производством лома. Это же получается полное безобразие!

Заговорили все враз.

Копытов вскричал:

— Видали, нам привезли для новой кузни прессы и молоты — прямо богатыри! Когда они задышат....

— Твои богатыри, — прервал его Нарбутас презрительно, — пока что валяются во дворе.

— Вот именно! — поддакивал Зайончковский. — А чем план выполнять? Увлечлись мы... План завышен. Надо просить министерство пересмотреть....

Слижюс, пристально взглянув на Стефана, продолжал:

— Вот я сейчас вытаскиваю болты. Знаете, во сколько нам сейчас обходится болт? Около полутора рублей! А высадить его в кузне обошлось бы в одиннадцать копеек! А ты еще споришь, Антанас!

— Да не спорю я, — с досадой сказал Нарбутас. — Но ведь новая кузня — это покуда мечта.

Он простер руку. Все повернулись в сторону стройки. По-прежнему это был пустырь, окруженный невысокими стенами. В желтой осенней траве спал дремучим сном пневматический молот, прикрытый рогожей. Все было так, как в начале лета, если не считать того, что под одной из стен выросла внушительная груда ящиков с деталями кузнечного оборудования.

Плотник дернул Копытова за рукав.

— Когда же новая кузня будет достроена?

— Что-то мне сегодня об этом не докладывали, — ответил Копытов, подмигнув стоявшему рядом с ним Нарбутасу.

Плотник покачал головой и вернулся к своей доске. Снова раздался бодрый визг рубанка, и полетели на землю опрятные сосновые стружки, иногда с янтарными слезками смолы.

Собрание затянулось. Пошел дождик. В пылу споров никто не обратил на него внимания. Нарбутас с жадностью вдыхал влажный воздух. Дальние холмы на горизонте, такие явственные в солнечный день, сейчас едва видны были сквозь дымку тумана.

Слижюс перестал сдерживаться. Он обрушился на кузнецов:

— У вас в кузне определенно отсталые настроения. Об этом надо прямо сказать. Именно вы, кузнецы, давно должны были драться за срочный пуск кузни, а не ждать, пока приедет высокое начальство, и хныкать ему в жилетку. Дожили до того, что наш лучший кузнец Нарбутас бахвалится огульным выполнением плана по количеству. Мало того, он берет на себя в присутствии министра явно невыполнимое обязательство. Недостойно это тебя, Антанас! Что, ты со мной не согласен?

— Я скажу, — спокойно ответил Нарбутас.

— Копытов занимается, понимаешь, фантазиями о каких-то будущих заводах, — продолжал Слижюс, — а того, что под носом, не видит. Так, так, Саша. А Зайончковский договорился до того, что требует снижения плана. Стыд!

— Ты меня не понял, товарищ Слижюс, — сказал Стефан, с глубокой укоризной глядя на Слижюса, — я хотел только сказать, что некоторые работы, ну, например, штучные или там малосерийные, все ж таки выгоднее делать на токарном станке, чем штамповать в кузне. Верно ведь?

Дождь усилился. Кто-то крикнул со смехом:

— Холодный душ сейчас не помешает!

Люди стали расходиться.

— Стойте! — крикнул Нарбутас.

В голосе его была такая властность, что все остановились. Он стоял, опершись кулаками на стол, маленький, быстроглазый, все еще стройный по-юношески. Убедившись, что люди готовы слушать его, он сказал:

— Слижюс прав. Кроет нас за дело. Что это такое в самом деле? Половину своего металла мы ухаем в лом! А в это время валяется под дождем миллионное оборудование для новой кузни. Довольно разговорчиков, товарищи! Давайте всем заводом двигать стройку. А заводилами будем мы, кузнецы. Надо нажать на все кнопки, в Москву написать, поднять шум в министерстве, пробрать в газете! Сделаем, одним словом! А если Антанас Нарбутас говорит «Сделаем!», то так оно и будет!

Люди захлопали. Нарбутас не сдержал довольной улыбки. Его по-детски тешили внешние приметы успеха.

Ему захотелось продолжать свою речь, вызывать новые аплодисменты, но Зайончковский посмотрел на часы, сделал озабоченное лицо и крикнул:

— Вторая смена, пора в кузню!

В кузне Нарбутас сразу принялся за работу над лопаткой. Она была совсем небольшая, вся трудность заключалась в ее причудливом изгибе. Воодушевленный похвалами, Нарбутас был в тот день сверх обычного деятелен, радостно подвижен, удачлив в работе. Лопатка давалась ему легко.

А незадолго до обеденного перерыва, расплывшись тяжким, как обвал, ударом раскаленный стальной брус, старый кузнец вдруг вскрикнул, схватился за грудь и упал.

Его отвезли в больницу.

Там он пролежал пластом двадцать девять дней.

Когда он вышел из больницы, с каштанов падали листья и ветер гнал вдоль обочин их желтые шуршащие потоки.

Нарбутас плотнее запахнул пальто и пошел против ветра, словно боядя его своей прямой, по-бычьей наклоненной головой.

В тот же день друзья собрались у Нарбутаса.

Он жил в гористой части города. Отсюда хорошо видны были далекие заречные холмы. Лесистые склоны нежно багровели под заходящим солнцем. Ветер унялся, спускались тихие смугло-золотые сумерки. В раскрытые окна заплывали паутинки, и даже здесь, в комнате, чувствовалась пронзительно-сладкая прель осени.

Нарбутас оглушительно острил, рассказывал невероятные байки о больнице, чрезмерно часто наливал пиво. Да и другие были шумливы. Но в этом веселье было что-то напряженное: шутки натянуты, смех преувеличенно громок. Казалось, гости знают какую-то горькую правду, о которой они избегают говорить.

Один Губерт чувствовал себя безмятежно. Он был впервые у Нарбутаса и считал это большой честью для себя. С почтительным восторгом юноша созерцал обиталище своего божества: диковинную палку-топорик, привезенную кузнецом из поездки в Ужгород, знаменитый бюст Гоголя — Виткуса, маленькую чугунную модель наковальни, некогда выкованную искусными руками Нарбутаса, боксерские перчатки, пылившиеся в углу, и всякую другую любопытную всячину, накопившуюся за долгую жизнь кузнеца.

Губерт удивился обилию книг — целых два шкафчика и еще этажерка. Такую библиотеку, по мнению юноши, можно было встретить только у ученого. По живости своего характера старый кузнец интересовался всем на свете — от истории античного Рима до способов приготовления домашнего кваса. Книги были расставлены по отделам, а внутри отделов — по алфавиту. Нарбутас любил порядок во всем:

Слижюс меж тем говорил с несколько неестественным оживлением:

— Смотрю я на эту фотографию, Антанас, и берет меня удивление. Лет тридцать тому, а? Гляньте, мужчины, человек как будто сегодня снимался.

Все подхватили с вялым воодушевлением:

— Как вылитый!

— Чтоб тебя разорвало, Антанас, почему ты не стареешь?

— Даже волос, смотри, не поседел...

Губерт взглянул на старого кузнеца. Седины-то у него, положим, вдоволь. Но дело не в этом. И даже не в том, что на лице его обозначились какие-то отвислости, вмятины, оползни, вроде как на этом старом, прохудившемся чемодане, что валяется в углу. Нет, другое поражает: Нарбутас работает под когдатошнего себя. Но как ни ярится он, как ни сверкает глазами, гудит, машет рукой, а того Нарбутаса все же полностью не получается. Что-то взвинченное, жалкое в этих усилиях остаться самим собой...

Встретившись глазами с кузнецом, Губерт поспешно отвернулся. По лицу Нарбутаса нельзя было понять, заметил ли он сострадание в глазах своего подручного.

Старик забарабанил пальцами по столу и сказал хмуро:

— Ну, а ты, Губерт, за это время не разболтался? Смотри, завтра начнем с тобой наворачивать по-старому.

— Значит, вы все-таки придете в кузню, дядя Антанас?

Нарбутас взвихрился:

— То есть как это «все-таки»?!

Он подозрительно оглядел товарищей.

Губерт испуганно залепетал:

— Да нет... Я думал...

— Что ты думал? — грозно гудел Нарбутас, до красноты наливаясь гневом.

Он срывал на юноше раздражение за весь этот нескладный вечер.

— Что ты привязался к парню? — вступился Зайончковский. — Парень думал, что ты не вернешься в кузню. Что ж тут такого?..

Прежде чем рассвирепевший кузнец успел ответить, в разговор стремительно вломился Слижюс:

— Это кто такой «не вернется»? Как даже думать так можно! Кто ж отпустит с производства нашего лучшего кузнеца? Мы его поставим на техконтроль, и он там покажет такой класс!

На техконтроль?! Губерг подумал, что он ослышался. В наступившей тишине раздался негромкий голос Нарбутаса:

— Что, и приказ уже подписан?

— Ты за приказ не беспокойся, — сказал Копытов уверенно, — главное, утрясли мы все с дирекцией.

Нарбутас все тем же голосом, таким непривычно кротким, что Губерту сделалось страшно, продолжал:

— Может, дирекция меня еще отхожие места чистить поставит? Дермо выносить за вами?

Он вскочил, опрокидывая стул, и заорал яростно:

— На техконтроль! Меня! На место девчонки!

— Ну, ну, успокойся, тебе волноваться — смерть, — сказал Зайончковский.

— Чудак человек, тебе же условия создают, а ты... — бормотал Виткус.

— У тебя же был инфаркт, пойми ты, Антанас, — умоляюще сказал Копытов.

Нарбутас помрачнел.

— Ну и был. Ну и что? — пробормотал он.

Он приложил руку к сердцу и заговорил со страстной убедительностью:

— Так все же там зажило, мужчины! А с сосудами этими сердечными дело, в общем, такое же примерно, как с железными балками или трубами: после сварки треснувшее место становится еще крепче, чем было раньше, вы же знаете. — Жалобно поглядывая на друзей, он гулко ударял себя в грудь, словно для того, чтобы показать, как она еще крепка.

— Так-то оно так, — заметил Зайончковский. — Да ведь у тебя твои сердечные трубы того... проржавели...

— А ну тебя, Стефан! — перебил его сердито Слижюс.

— А я, Костас, простой человек, — сказал Зайончковский, поигрывая четками. — У меня, знаешь, что на уме — то и на языке.

— Давайте споем, мужчины, — предложил Виткус, чтобы прекратить неприятный разговор.

Они затаили: «Мы кузнецы, куем земное счастье». Это была любимая песня Нарбутаса. Но сейчас она не тешила его. Он слышал в ней что-то надоедливо поучающее, как будто это была не песня, а доклад о пользе бодрости. А бодрость не приходила..

Когда они прощались, Нарбутас сказал Слижюсу:

— Спасибо тебе, секретарь, за веселые поминки.

Растерявшийся Слижюс промолчал.

На улице он обрушился на Зайончковского:

— Кто тебя за язык тянул? Что это за разговорчики о сердечных трубах и тому подобная ересь! Нарочно это или ты в самом деле такая дубина?!

Зайончковский пожал плечами.

— А зачем он ерепенится, зачем лезет в молодые? Если он сам не понимает, что он уже старый свистун...

— А ты кто? Подумаешь, комсомолец! Еще вопрос, кто из вас старше.

— Старше я. Но я другое дело,— самодовольно сказал Зайончковский. — Из меня молодость выходит долго, незаметно, по капле. А из него выскочила вся вдруг.

Он помолчал и сказал:

— Антанаса нельзя в техконтроль.

Слижюс откликнулся сердито:

— Да уж теперь ясно, что его туда трактором не затянешь.

— И слава богу, а то ведь с Антанасом в техконтроле мы все горим.

Представляете?

И так как все смотрели на Стефана с недоумением, он пояснил:

— Крюки-то наши хоть и прочные, но ведь за красотой мы, как Антанас, не гоняемся. Зачем крюку красота?

— Крюк есть крюк,— подтвердил Виткус.

— Я и говорю,— продолжал Зайончковский.— Вот он и загонит все наши крюки во второй сорт. Этак плана никогда не выполнишь.

— Да ты не паникуй,— перебил его Копытов.— Не придет он.

— Придет,— уныло сказал Слижюс.— Придет, но только не в техконтроль. Что, ты Антанаса не знаешь? Он за молот схватится. Разве его удержишь?..

Но Нарбутас не пришел.

Губерт наткнулся на него в коридоре заводоуправления. Старый кузнец стоял у стены, уставившись глазами в только что вывешенный приказ. Видимо, он перечитывал его снова и снова.

Юноша приблизился и прочел из-за плеча Нарбутаса: «...освободить от работы в связи с выходом на пенсию. За многолетний честный, плодотворный труд дирекция объявляет тов. А. Нарбутасу благодарность и премирует его трехмесячным...»

Губерт обрадованно улыбнулся и только собирался поздравить своего бывшего мастера, как тот повернулся. Юноша отпрянул к стене. Лицо Нарбутаса было таким страшным, что Губерт не решился заговорить с ним.

Кузнец гневно глянул на Губерта, пробормотал что-то невнятное и зашагал по коридору своей походкой решительного мальчика.

В этот день его видели в приемной директора, в завкоме, в бухгалтерии. Но в старую кузню он так и не пришел.

Тщетно друзья пытались увидеть Нарбутаса. Комната его всегда была заперта на ключ. Иногда ясно было, что он дома, но притворяется отсутствующим.

Он не хотел никого видеть. Он погружался в старость. И делал это с той же страстностью, с какой делал все в жизни.

Многочисленных знакомых своих он избегал потому, что считал, что они равнодушны к нему, а немногих близких друзей — потому, что не хотел, чтобы его жалели. Ему неприятно было видеть стариков — они напоминали ему его самого. А от молодых он отворачивался потому, что завидовал им.

А вместе с тем его живая, обшительная натура страдала от одиночества. Подолгу сидел Нарбутас у окна и смотрел на уличную толпу. Наступала ночь. Он не зажигал света. Он жадно вслушивался в шум большого города.

Почувствовав голод, он забегал в столовку и, не глядя ни на кого, наскоро закусывал. Первое время по привычке он заходил в парикмахерскую. Но зрелище собственного лица причиняло ему страдания. Он стал бриться дома на ощупь. «Старая шкура», — с отвращением думал он, пробривая слежавшиеся складки на лице. А вскоре и вовсе перестал бриться.

Единственное место, куда он начал иногда заглядывать, — это поликлиника.

Ему полюбился там доктор Бражюнас, высокий, застенчивый, совсем еще молодой, недавно с институтской скамьи. Несмотря на свою молодость, он прославился несколькими удачными исцелениями тяжелобольных. Нарбутаса подкупила горячность, с какой доктор Бражюнас принялся за его лечение. Молодой врач, по-видимому, жалел кузнеца и загорелся страстным желанием вернуть ему утраченную мощь.

— Заново построить вас нельзя, — объяснял он кузнецу, — но реставрировать можно. А вы знаете, что реставрированные дома подчас крепче новых.

Бражюнас применял к Нарбутасу различные методы лечения.

— Я хочу атаковать вашу болезнь отовсюду, — говорил он.

В исстрадавшееся сердце кузнеца влилась волна надежды. Под влиянием молодого врача он уже не относился к медицине с презрительной насмешливостью, как когда-то. Электрокардиограммы и рентгеновские снимки, анализы крови и мочи, исследования желудочного сока, и не только процедуры, но даже самые названия их, звонкие, магические — дарсонваль, соллюкс, — внушали ему теперь уважение и веру.

Аккуратно, как прежде на работу, ходил теперь кузнец в поликлинику. Послушно ложился он под быстрые ладони массажиста, погружался в радоновые ванны, распластывался под шипящим феерическим светом кварцевых ламп. За полчаса до еды он почтительно глотал какой-то ультрасовременный препарат, а спустя десять минут после еды благоговейно вливал в себя ложку какой-то еще более сногшибательно модной микстуры. Со старческим педантизмом следил он за тем, чтобы не просрочить ни секунды. Единственно за что Нарбутас иногда мягко корил медицину, это за то, что она так непостоянна в своих привязанностях и нередко объявляет смертельным то, что только накануне считала спасительным. И наоборот.

Изредка среди пациентов появлялись молодые. Нарбутас смотрел на них издали с тайным удовлетворением. Но не подходил к ним. Он, который еще недавно не отделял себя от молодых, сейчас стеснялся их, как ребенок стесняется взрослых. Ибо он был убежден, что есть какая-то врожденная мудрость молодых, гораздо более глубокая и ценная, чем пресловутый опыт стариков.

Он делал исключение только для врачей. Он считал, что у медиков нет возраста, как нет у них и пола.

Но больше всего он скорбел сейчас не о минувшей молодости, а о пролетевших средних годах, наполненных спокойной силой и таких долгих, что, казалось, они никогда не кончатся, — об этой обширной и прекрасной вершине холма, лишенной, правда, взлетов юности, но и свободной от ее падений.

Несмотря на усердное лечение, кузнецу казалось, что ему становится все хуже. В руках, на вид еще таких сильных, появилось какое-то странное томление. То же и в ногах. Посреди ночи он вдруг просыпался и тревожно прислушивался к биению сердца. Начиналась одышка. «Это у меня от страха», — старался он утешить себя. Он распахивал окно и садился на подоконник. Бесконечный океан воздуха омывал Нарбутаса, а ему удавалось зачерпнуть из него только крошечные глоточки. В полузабытьи чудилось кузнецу, что он лежит на берегу реки и не может дотянуться до воды иссохшими от жажды губами.

Кое-как досиживал он до утра и бежал в поликлинику. В ожидании врача он примыкал к небольшой компании, где всегда кипел возбужденный разговор. То были, как и он, неутомимые пациенты поликлиники, ее, так сказать, гвардия, старые волки инфарктов и инсультов, гроза врачей и медсестер. Они вечно судачили о своих болезнях, о причудах врачей, о новых чудодейственных лекарствах.

Нарбутас почти и не слушал их. Он нетерпеливо дожидался удобного момента, чтобы врезаться в разговор. С недавнего времени он вообще предпочитал говорить, а не слушать. Он считал, что он уже достаточно наслушался за свою долгую жизнь. И он говорил, говорил длинно, торопливо, точно боясь, что остатка жизни ему не хватит, чтобы рассказать все, что ему хотелось.

Так в кузнеца вползала старость исподволь, подло, и он не замечал, что уходит все дальше от прежнего Антанаса Нарбутаса. Все ему теперь быстро приедалось, все вокруг выцветало, становилось тусклым, скучным. Постепенно он начал остывать и к медицине. Изредка, по привычке, он заходил к доктору Бражюнасу и, невнимательно выслушав его советы, уходил. Такой аккуратный когда-то, чистюля, шеголь, он перестал следить за своей внешностью. Ему лень было переодеваться. Бессменный костюм его покрывался пятнами. Когда на одном башмаке порвался шнурок, Нарбутас заменил его веревочкой.

Однажды доктор Бражюнас мягко намекнул кузнецу, что надо бы почаще менять белье. После этого Нарбутас перестал ходить в поликлинику. Он окончательно охладил к медицине, которая оказалась не в силах вернуть ему молодость. Теперь он подолгу лежал на кровати и предавался воспоминаниям. Но работа памяти тоже утомляла его. Да и воображение уже не имело прежнего огня. Это были какие-то серые, полустертые видения... Он забывался в тревожном сне.

Как-то раз, когда Нарбутас вышел из дому, чтобы пойти в столовую, у самых ворот кто-то хлопнул его по плечу.

Кузнец оглянулся и увидел Сашу Копытова.

— Ага, попалась пташечка! — воскликнул молодой кузнец и торжествующе захохотал.

Впрочем, он тут же оборвал смех и с беспокойством оглядел Нарбутаса. Его поразила даже не столько неопрятность старого кузнеца, сколько то, что в лице его появилась какая-то неопределенность, расплывчатость, та бездумная детскость, которая иногда возвращается к человеку в старости. Чтобы скрыть свое огорчение, Копытов сказал весело:

— А где ж твой фасонистый галстук? Где шляпа? Ой, Антанас, смотри, дамочкам перестанешь нравиться.

Нарбутас потянул носом. От Копытова пахло дымом, кисловатым духом металла и еще чем-то непередаваемым, что составляет запах кузни. Нарбутас с бессознательным удовольствием вдохнул его.

— Ну как ты? — вяло проговорил он, просто чтобы сказать что-нибудь.

— Да вот на второй курс перевалил, — сказал Копытов.

Он принялся рассказывать о своей работе. Он хотел раззадорить Нарбутаса, выманить его из этого состояния странного равнодушия. Когда-то старый кузнец сам уговорил его поступить на заочный факультет политехникума и всегда горячо интересовался его учебой. Но сейчас, о чем бы ни рассказывал Копытов, Нарбутас безразлично молчал, механически кивая головой. Один раз только он вроде слегка оживился, когда Саша заговорил о министре:

— На днях он опять заявился к нам. Вообще, знаешь, оказался ничего парнем. Простецкий такой и здорово, видать, знает дело. А главное, прижал строителей. В общем, новые цеха уже под крышу вытягиваются, ты не узнал бы. Так он заглянул и к нам, в кузнию, и, что ты думаешь, вспомнил о тебе, чтобы меня разорвало! Спрашивает: «А где ж у вас был тут такой пожилой мальчик, который брался вручную делать турбинную лопатку?» Слышишь?

Копытов толкнул Нарбутаса в бок и захохотал.

— Пожилой мальчик...— повторил Нарбутас и с неприязнью посмотрел на Копытова.— Да... В молодости мы не соображаем, что через некоторое время постареем...

Копытов удивился:

— Через некоторое?

— Да... И довольно короткое.

Копытов почесал в затылке. Черт его знает, как оторвать старика от этих нудных думок!.. Копытов заговорил о спорте. Он смачно расписывал недавнюю встречу заводских баскетболистов со спортсменами Теплоцентрали:

— Первый тайм — полный порядок: двадцать семь на семнадцать! Мирово? Мирово! А после перерыва? Полная перемена декораций! Теплоцентральщики заграбастали мяч и дуют раз за разом в нашу корзину. Представляешь? А у наших мазил полный переполох: передачи неточные, мячи теряют, словом, дело дрянь... Что тебе сказать, Антанас, теплоцентральщики вклеили нам девяносто один на пятьдесят. Ребята прямо выли с досады. Спросишь, почему так получилось? Тренер — дерьмо! Знаешь, этот костлявый Банайтис из «Спартака». Ребята прямо говорят: «Готовил бы нас, как прежде, Нарбутас, так разве мы влипли бы в последнюю шестерку?» Слышишь? В общем, учти, Антанас, это — дело нешуточное: если ты нам не поможешь, так мы с этим скелетом Банайтисом в конец погорим и, наверно, останемся совсем без места.

Нарбутас пожал плечами и пробормотал:

— Ну и оставайтесь...

Некоторое время они шли молча. Потом Копытов снова заговорил. На этот раз он повел речь о кузне. Он пытался пробудить в Антанасе профессиональную гордость. Он даже намеренно оскорблял его:

— Тебе уж за нами не угнаться. Куда там! Посмотрел бы, как Стефан дает жизни. О нас я уже не говорю, с других заводов приходят люди, с комбината Эйдукавичюса, с «Эльфы», экскурсии прут, прямо как на выставку. Да что там, из других городов приезжают! — самоотверженно врал Копытов.

Нарбутас молчал. Он даже как будто и не слышал. Молодой кузнец растерялся. Черт возьми, старик, видать, погряз по горло в этом могильном отупении. Неужели в нем на самом деле умерло все человеческое? Копытов попробовал возбудить в Нарбутасе жалость. Он стал плакаться на свое здоровье:

— Знаешь, поджимает у меня где-то внутри. Не знаю, сердце или селезенка. Ну и, бывает, потею. И вообще что-то такое, знаешь...

Не зная, что еще придумать, Копытов сделал неопределенный жест. Нарбутас поднял голову и пристально посмотрел на него. Молодой кузнец тотчас скроил на своем жизнерадостном краснощеком лице плаксивую мину. Он подумал с удовлетворением: «Кажись, пробирает».

— Хочешь послушать меня, Саша? — сказал Нарбутас с остатками прежней задушевности в голосе.— Так вот тебе мой совет: никогда не лечись. Понял? Не лечись!

— Новости! Почему?

— Потому что, если болезнь легкая, так ты и без медицины выздоровеешь. А если болезнь тяжелая, так ты и с медициной помрешь.

Копытов даже остановился от удивления. Потом сказал решительно:

— Зашли выпить по маленькой.

Они зашли в закусную. Нарбутас сделал глоток и с отвращением отставил стопку. Тело его по-прежнему противилось алкоголю.

— А ты пей, через силу пей,— убеждал его несколько захмелевший Копытов.

— Не могу. Противно.

— Привыкнешь.

— Не успею уже...

— Да ну тебя! Встряхнись, Антанас! Уж очень ты смиренный. Взбунтуйся! Что это у тебя, ей-богу, за жизнь?

И он повторил, вперив в Нарбутаса горящие глаза:

— Ну, какая это, к черту, жизнь! Знаешь что...

Он задумался, опершись лбом на руку и запустив пальцы в чуб. Потом с видом человека, которого осенила блестящая мысль:

— Приходи-ка назад в кузню. А в чем дело? У тебя же богатырский вид. Прямо жених, чтоб меня разорвало! Сколько тебе лет?

— Один год, — вдруг сказал старик. — А может, полгода.

— Что? — опешил Копытов.

— Полгода, — подтвердил Нарбутас, мотнув головой. — Это вы, молодые, считаете от рождения. А мы, старики, ведем счет с другого конца: сколько осталось... А может, и месяц...

На следующий день Копытов рассказал друзьям об этой встрече.

Зайончковский удивился:

— Ты что, вконец сбрендил — звать его к горну! Он же загнется в два счета.

— Пусть! — твердо сказал Копытов. — Лучше пусть умрет, как человек, с молотом в руках, чем вот так гниет, как сейчас. Какой мужик был!.. Да ты не беспокойся, он не придет. Ему теперь на все наплевать.

— Нет, мужчины, как хотите, а Антанаса сейчас одного оставлять никак нельзя, — сказал Виткус. — Кто его знает, еще чего-нибудь сделает с собой.

— Может! — убежденно подтвердил Копытов.

Решено было почаще проводить Нарбутаса, по возможности каждый день. Первым вызвался Стефан Зайончковский.

— Только ты с ним культурненько, — предостерег его Слижюс. — Учти его состояние. А то ведь ты можешь ляпнуть такое...

Стефан задумчиво потер свой извилистый нос и сказал:

— Мне пришла в голову одна идея... Если выйдет, мы получим обратно Антанаса в полной целостности и сохранности.

— А что ты придумал? — с сомнением спросил Слижюс.

— Для начала мы с ним маленько дернем...

— Не принимает! — решительно заявил Копытов.

— Примет!

— Чудак человек! Так я же с ним вчера просидел целый час в павильоне. Ни в какую! Разинет, понимаешь, пасть — и как дыхнет на меня трезвостью. Аж жутко.

— Так что ж ты все-таки придумал, Стефан? — допытывался Слижюс.

Зайончковский загадочно улыбнулся и ответил:

— Увидите...

На следующий день привалили новые заказы, и с ними было столько возни, что даже в субботу кузнецам не удалось уйти пораньше. Только в воскресенье утром, побрившись и надев свой лучший костюм, Зайончковский пошел к Нарбутасу.

Увидев его, старик буркнул раздраженно:

— Хвастаться пришел?

Стефан посмотрел на него сурово и сказал:

— Не хвастаться пришел я, Антанас, а помочь тебе, старому дурню. Посмотри на себя: где тот орел? Куча мусора!

— А ты что, в черти завербовался? К христианской душе приторговываешься? Что ж, я загал бы, пожалуй. Только учти, по дешевке не отдам, — сказал Нарбутас насмешливо.

— А я скупкой старья не занимаюсь, — в тон ему ответил Зайончковский. — Нет, кроме шуток, ты знаешь, что тебе нужно?

— Ну, что? — нехотя спросил Антанас.

— Пойдем, — коротко ответил Стефан.

Они миновали центр и вышли на улицу, подымавшуюся в гору. Нарбутас узнал место: это были так называемые Острые Ворота, или Остробрама. Поперек улицы, на высоте второго этажа, протянулась арка — остаток древней крепостной стены. В толще ее помещалась часовня с знаменитой католической святыней, образом Остробрамской богородицы. Сквозь большие окна нежно поблескивал золототканый занавес, прикрывавший икону. По фронтону арки шли латинские слова: «*Mater misericordiae! Sub tuum praesidium confugimus*».

Нарбутас не однажды проходил мимо Остробрамы. Но никогда он не обращал внимания на эту надпись. Сейчас слово «*praesidium*» удивило его своей современностью. Он слабо улыбнулся.

Зайончковский строго посмотрел на него и перевел:

— Всемиловитейшая мать! Под твое покровительство прибегаем мы.

Они вошли в часовню и, поднявшись по крутой лестнице, приблизились к иконе. Молящихся было еще немного. По бокам небольшого алтаря висели доски с приваренными к ним серебряными сердцами. Под иконой, все еще завешенной, матово мерцал изогнутый, как лук, серебряный полумесяц.

Зажглись свечи, занавес раздвинулся, сверкнул золотой убор на иконе, и Нарбутас увидел смуглый склоненный лик девы Марии. Раздалось стройное пение.

Стефан прошептал:

— Это к царице небесной, значит, появился архангел Гавриил и информирует ее о воплощении спасителя. Соображаешь?

Антанас не слушал. Он смотрел на Марию. Как она прекрасна! Но в ней нет ничего небесного. Нет, это земная красота. Слишком земная! Черт побери, можно понять бога! Девически чист миндалевидный овал лица и ослепительный стебель шеи. Но в горделивом изгибе тонких бровей, и в огромных глазах, опущенных с дразнящей скромностью, и в капризной складке прекрасного рта есть потаенная страстность.

Между тем часовня наполнялась прихожанами. Некоторые опускались на колени. Другие окунали пальцы в сосуды со святой водой. Старушка с потертым кошельком на ремне, какие носили сборщики подаяний, подобралась к цветочному горшку у алтаря. Она сорвала астру и нюхала ее со сладострастным благоговением. Седоватый крестьянин в домотканой куртке застыл перед иконой. Он молитвенно сомкнул ладони и аперил в божественную красавицу влюбленные глаза.

В алтаре появился ксендз, облаченный в белый стихарь. Это был старичок с важным и добрым лицом.

— Сам клебонас нынче служит! — обрадованно шепнул Зайончковский.

Нарбутас покосился на товарища и подумал: «А мы не знали, что Стефан и в самом деле такой святоша...»

Клебонас раскрыл молитвенник с золотым обрезом и звучно заговорил по-латыни. В то же время он проделывал целый ряд вещей, которые, по-видимому, имели отношение к обедне: раскрывал шкафчики в алтаре, что-то переливал из одного сосуда в другой, вдруг звонил в колокольчик, раздавал облатки и прочее.

По воспоминаниям детства Нарбутас знал, что все это были знаки каких-то священных смыслов. Но хотя он давно забыл содержание церковных обрядов, все же непонятные слова и движения священника были ему сейчас приятны. Нахлынули сладостные картины детства. Где она, та

безмятежная пора: когда он, держа за руку мать, стоял под низкими сводами сельского костела и веровал со всем пылом мальчишеской души! Нарбутасу вдруг до боли стало жаль себя и своей тающей жизни. Глаза его наполнились слезами.

Зайончковский посмотрел на него и сказал удовлетворенно:

— Я же знал, Антанас, что в тебе не все погасло.

Нарбутас, недовольный тем, что его уличили в чувствительности, прикрылся грубоватой насмешкой:

— А ты, Стефан, оказывается, вовсе не черт, а, наоборот, чем-то вроде сверхштатного ангела на этом предприятии...

Когда обедня кончилась, ксендз удалился, и занавес снова закрыл икону. Часовня быстро опустела. Двинулся к дверям и Нарбутас, но Стефан удержал его. Вернулся клебонас. На нем была сейчас старенькая, затрапезная ряса, и вся важность слетела с него. Теперь это был просто маленький приветливый старичок. Он дружелюбно кивнул кузнецам.

Зайончковский почтительно поцеловал ему руку и сказал:

— Отец мой, это тот самый Антанас Нарбутас...

В Антанасе проснулась подозрительность. «Хотят охмурить меня», — подумал он.

Несколько мгновений ксендз и Нарбутас молча смотрели друг на друга. В глазах клебонаса засветилось сострадание. Он положил руку на плечо кузнеца и сказал:

— Сын мой, не вооружайтесь внутренне против меня.

Нарбутас даже вздрогнул от удивления, что священник так здорово разгадал его состояние.

А тот чуть улыбнулся, не отводя маленьких умных глаз от Антанаса.

— Да, я понял вас, — сказал он. — Но в этом нет ничего чудесного. Двум старикам нетрудно понять друг друга.

Он говорил сейчас не тем звучным, торжественным, как бы органичным голосом, каким служил обедню, а усталым, теплым, домашним говорком:

— Я вовсе не хочу вовлечь вас в лоно церкви. Я просто хочу успокоить ваше истстрадавшееся сердце. Вы для меня не заблудшая овца. Вы несчастный, измученный человек. Все, что я хочу, — это вернуть вашей душе мир и покой.

Кузнец насторожился. «Что ж, мир и покой — это подходит», — подумал он.

— А мир и покой, — продолжал ксендз, — это и есть бог.

«Ну, понес свою муру», — снова насторожился Нарбутас.

— Я знаю, вам странно слышать это. Но скоро вы сами поймете, что это так. И вам станет хорошо. Да, сын мой, вы постигнете, что жизнь вечна, ибо смерти-то, в сущности, нет.

Нарбутас встрепнулся.

— Нет? — переспросил он.

— Нет, — отозвался, ласково улыбнувшись, ксендз.

— Но...

— Нет, — твердо повторил ксендз. — То, что мы называем смертью, есть переход в другое состояние, более совершенное, более возвышенное, более счастливое...

Стефан значительно посмотрел на Антанаса. Тот впал, казалось, в глубокую задумчивость.

А священник продолжал:

— Вы видите, сын мой, я такой же старик, как и вы. Но я чувствую в себе вечность жизни и вечность радости, и отсюда моя сила над смертью...

По мере того как клебонас говорил это, голос его креп, стан распрямлялся, весь он, казалось, вырос, помолодел. Кузнец не мог отвести от него глаз.

— И ты, сын мой, — заключил священник и снова положил руку на плечо Нарбутасу, — и ты будешь такой, как я, как все мы здесь...

Так мягко и успокоительно струился голос старого ксендза под сводами тихой часовни, что душа кузнеца невольно потянулась навстречу этому благодному покою, подобно тому, как тело, изнуренное за долгий день, к ночи алчет сна.

Нарбутас посмотрел вокруг себя. Все здесь умиротворяло, все тешило глаз: и цветные стекла в окнах, приятно умерявшие дневной свет, и благосклонные лики гипсовых угодников. А с потолка улыбались нежные, сияющие ангелочки, порхавшие среди облаков.

Среди этих небожителей один показался ему до странности знакомым. Кузнец взгляделся пристальнее в его хорошенькое слобное личико, украшенное крылышками, и разом вспомнил: «Ну, конечно же! Он! Херувимчик!»

Кузнец огляделся. Клебонас и Стефан уставились на него, застыв в молчаливом ожидании. Сзади, сбоку, отовсюду смотрели все эти святители, архангелы, боги. Они молча окружали Нарбутаса, словно надвигались на него.

Кузнец вздрогнул.

— Верует! Вижу, он верует уже! — вскричал Зайончковский, посвоему истолковав молчание Нарбутаса.

— Бог не оставляет уверовавших в него, — мягко проговорил ксендз.

Старый кузнец поднялся, приблизил лицо к священнику и сказал тихо, словно поверяя важную тайну:

— Вам-то я, пожалуй, еще поверил бы. А вот богу вашему я не верю — обязательно надует, старый плут.

Священник тихо ахнул. Зайончковский прошипел в ужасе:

— Как ты смеешь, богохульник!

Кузнец глянул на них, и на изможденном лице его на мгновение блеснуло выражение лукавства и удали, как в ту пору, когда он говаривал: «Еще не вечер, мужчины!»

Он повернулся и пошел, гулко шаркая по плитам пустынной часовни.

Зайончковский устремился за ним. Но клебонас удержал его.

— Оставь его. Он все равно что мертвый. И не в наших человеческих силах воскресить его.

— Но как же... — начал растерянный Зайончковский.

— Нам, живущим, — прервал его ксендз, вздохнув, — остается только возносить молитвы о спасении души усопшего раба божьего Антанаса Нарбутаса.

Зайончковский покорно склонил голову.

Назавтра в кузне Зайончковский объявил коротко:

— Антанаса лучше не трогать.

— Почему?

Зайончковский махнул рукой.

— Ты к нему с добром, а он к тебе с дерьмом. Конченный человек. Псих.

Это вызвало возмущение в кузне. Через несколько дней к Нарбутасу отправился Иозас Виткус. Назавтра он сообщил товарищам:

— Антанас уехал. Кажется, в Укмерге или еще куда-то. Словом, к родичам своим каким-то, что ли...

— Что ж, — степенно сказал Зайончковский, — это правильно. Калеке одному тяжело.

— Калеке! — простонал Копытов.

В действительности же Нарбутас, ускользая от тягостной опеки друзей, снял комнату за городом, в дачном поселке. А соседям солгал, сказав, что уезжает в другой город погостить у родственников.

Дачи были безлюдны и по-осеннему печальны. Ветер, завихряясь, свистел под нависающим козырьком крыши. Бледное солнце не грело. Невдалеке урюмо шумел лес. Но эта грусть, и безлюдье, и умирание природы были сейчас по душе кузнецу. Он никого не видел, кроме хозяйки, тугухой старухи, приготавливавшей ему незатейливую пищу, да письмоносца, раз в месяц приносившего пенсию.

Нарбутас мало сидел в комнате. Ему понравился пустынный берег за лесом. Там, лежа на холодной иссохшей траве, подолгу смотрел он, как быстрая речка с грохотом перекатывает камни и вдруг делает смелый поворот почти под прямым углом. Чем-то она напоминала Антанасу его самого, каким он был еще недавно.

Иногда вдруг он словно опоминался. На него находило нечто вроде просветления. Ему казалось, что стоит только понатужиться, и старость спадет с него, как заношенная одежда. Он возвращался в Вильнюс, брился, мылся, заказывал себе с утра быть в хорошем настроении. Его по-прежнему тянуло поссориться с соседями, накричать на ребят, играющих во дворе, на письмоносца, на официантку, на всех в мире. А он заставлял себя через силу говорить ласково и улыбаться с былым очарованием.

Увы! Улыбка получалась такой слащаво-зловещей, а голос до того ехидным, что дети испуганно шарахались.

Впрочем, эта маска вежливой змеи тоже быстро утомляла Нарбутаса, и он с наслаждением погружался в ставшее для него привычным притупленное и вместе раздражительное состояние духа.

Наконец построили новый кузнечный цех. Огромный, как двор, двухсветный и многопролетный, с громадными окнами и стеклянной крышей-фонарем, он напоминал чистотой и обилием света большую операционную или спортивный зал. Впечатление это усиливалось оттого, что цех был еще пуст. Новые механизмы, ковочные и чеканочные прессы, штамповочные молоты, кантователи, дисковые пилы лежали во дворе в рогоже и ящиках. Только в дальнем конце пролета грузно темнело объемистое сооружение, похожее издала на пьедестал памятника. Это был пневматический молот, наконец поднятый и утвержденный на фундаменте.

Несподалеку от нового цеха видна была старая кузница. Ее огни тускло светились сквозь закопченные стекла, да и вся она рядом с красавцем цехом казалась еще ничтожнее и грязнее, чем обычно. Там по-прежнему работали, но дни старой кузницы были сочтены. Ребята оттуда то и дело бегали любоваться на новое оборудование.

Одновременно с этим цехом была перестроена столовая. В первый же день кузнецы облюбовали уютный столик в углу, подалее от крикливого радиорупора.

— А ну, и я к вам! — сказал, подходя, Слижюс.

Заказали обед, поставили пиво и вспомнили о Нарбутасе. Копытов сказал, обводя широким жестом столовую с ее цветами на столах и картинами на стенах:

— Как бы это понравилось Антанасу, а? Он ведь знал толк в красивых вещах.

Виткус подтвердил:

— Да, уж такого шеголя, как наш Антанас, надо поискать.

Чем дальше, тем больше маленький старый кузнец становился легендой завода. Юнцы, только пришедшие в цех из ремесленных училищ, по правде сказать, считали Нарбутаса личностью вымышленной. Они просто не верили всем этим живописным байкам о его необыкновенной силе, фатовстве, ошеломительном остроумии и непревзойденном искусстве кузнеца. Еще в училище их предупреждали, что для старых подручных нет большего удовольствия, чем разыгрывать желторотых ремесленников.

Зайончковский пожал плечами.

— Так-то оно так, — сказал он, — Антанас — мужик невредный. А все ж, между нами говоря, он был порядочным задирой и хвастуном. И за что только люди его так любили...

Виткус вздохнул и сказал:

— Любовь есть любовь...

На этот раз никто не спорил с Виткусом: да, любовь есть любовь...

— А все-таки, мужчины, — сказал Копытов, хмурясь, — надо бы раздобыть адресок его родичей и черкнуть ему парочку слов туда, в Укмерге, или где он там. Старику это было бы приятно...

Он замолчал. Потом буркнул:

— Да и вообще...

— Что вообще? — спросил Слижюс.

— Ну, вообще... как он там и что... Мы ж ни черта о нем не знаем...

Друзья переглянулись. Одна и та же мысль мелькнула у всех. Никто не решился высказать ее. Сделал это со свойственной ему резкостью Зайончковский:

— Жив ли он еще?

Наступило молчание.

За соседним столиком кто-то сказал:

— Жив.

Там сидели подручные, расположившиеся, как обычно, рядом с кузнецами.

— Кто это сказал? — спросил Слижюс.

— Я... — ответил, смутившись, Губерт.

— А ты откуда знаешь?

— Кто? Я?..

— Тебе сказал кто-нибудь? Да что ты молчишь?

— Я ничего не знаю, — проворчал юноша.

— А почему ж ты сказал, он жив?

— Я просто так думаю.

— Ах, ты просто так думаешь. А ну-ка, подойди поближе... Давай, давай веселей.

Подручный нехотя приблизился. Копытов и Слижюс взяли его в оборот, и в конце концов Губерт признался, что случайно встретил Нарбутаса на улице и проводил его домой.

— Что ж ты молчал до сих пор?

Губерт пробормотал, отвернувшись:

— А он не велел мне говорить...

Чувствовалось, что Нарбутас по-прежнему оставался для своего бывшего подручного высшим авторитетом. Губерт ни за что не хотел сказать, когда он встретил старого кузнеца.

— Он мне сказал — не говорить, — упрямо повторял молотобоец.

Только после того, как Слижюс напугал Губерта, что из-за него «старик подойдет, как пес под забором», а Копытов добавил, что «может, он уже сейчас труп», струхнувший подручный признался, что встреча произошла вчера.

Рано утром — еще не было пяти часов — Слижюс пришел к кузнецу. Он спал. Слижюс растолкал его.

Комнату, видать, давно не убирали. Все было покрыто толстой мохнатой пылью. На полу — кучи объедков. Книги, знаменитая библиотека Нарбутаса, ссыпались с этажерки и валялись у стены беспорядочной грудой. Воздух в комнате пропитан затхлой кислятиной.

Нарбутас не проявил удивления, увидев Слижюса. И это равнодушие огорчило токаря больше всего. Казалось, в кузнеце не осталось ничего от прежней живости. Слижюс не мог без боли смотреть на его лицо, неподвижное и напряженное, как у слепца. Что бы ни говорил токарь, все его

уговоры, все призывы воспрянуть духом, вспомнить старых товарищей, вернуться к жизни тонули, как в подушке, в этой странной флегме.

— Оставь меня, — сказал старик хриплым, словно заржавевшим от молчания голосом. — Когда вы наконец оставите меня в покое?..

Такая мольба была в его голосе, что Слижюс содрогнулся от жалости.

— Послушай, Антанас, — сказал он неуверенно, почти убежденный словами Нарбутаса, но все еще не в силах покинуть старого кузнеца, — ведь я к тебе по-доброму. Пойми, я хочу убедить тебя, чтобы ты...

— Ах, — прервал его Нарбутас, — чем ты можешь убедить меня? Сам бог пытался убедить меня, и то не вышло.

В этих словах на миг прозвучало что-то от прежнего Нарбутаса, от его насмешливой гордости. И это несколько подбодрило Слижюса.

— Так тебе бог что предлагал? Могилку небось? А я тебе предлагаю дело. Твою прежнюю работу, слышишь? У горна. Молотом.

Когда они подошли к заводу, улицы были еще темны. Только краешек неба далеко на востоке начинал бледнеть. В цехах светились огни, завод работал безостановочно в три смены.

Они приблизились к новому корпусу. Под стенами его громоздились ящики с механизмами. Цех был еще пуст. Даже ворота еще не были навешены. Внутри вкусно пахло свежей краской. Сквозь стеклянную крышу мерцали звезды. Гул завода приходил сюда смягченным. Как всегда, множество шумов из разных цехов сливалось в одно мерное мощное дыхание. Иногда полутемный пролет, где брели они, спотыкаясь, вдруг озарялся ослепительными вспышками. Это в соседнем цехе опорожняли ковш с пылающей сталью. Меркли звезды, и на секунду выплывала из мрака кряжистая спина Слижюса, шагавшего впереди. Эхо его шагов дробно прокатывалось под высокими сводами.

Сзади тащился Нарбутас, неслышно волоча ноги в галошах и опираясь на клюшку. Ему было скучно и зябко. Из окон, не всюду еще застекленных, несло холодом. То и дело токарь, словно ненароком, касался кузнеца рукой, чтобы убедиться, здесь ли он еще.

Наконец они остановились. Слижюс включил свет. Загорелась тусклая лампочка.

Он коротко сказал:

— Ну, вот он.

Они стояли перед пневматическим молотом. До сих пор Нарбутас видел такие только на картинках. Никогда в Вильнюсе ни в польские времена, ни позже, при Сметоне, да и во всей старой Литве не было этих механических геркулесов.

Что-то вроде удивления мелькнуло в тусклых глазах кузнеца.

— Самый маленький, — продолжал Слижюс. — Мы его установили первым. Другие, — он махнул рукой в сторону двора, — ты же видел, еще там, на улице. То громадины, там на каждом будет целая бригада — и кузнец, и подручный, и машинист. А на малюжке этой, — он слегка коснулся могучей станины молота, — весь штат: один кузнец.

Он значительно посмотрел на Нарбутаса и, помолчав, добавил:

— С начальством я дотолковался. Говорю: человек заскучал на пенсии. Ну, они же все-таки с пониманием. Ох, говорят, если бы нам вышло вернуть Нарбутаса! Пусть, говорят, попробует себя на пневматическом пока цех еще не вступил в строй. А вдруг, а? А не выйдет, никто не узнает. А я почему-то думаю, Антанас, что выйдет. Это ж все-таки не кувалдой махать, а?

Ничего не выразилось на сонном лице Нарбутаса. Он огляделся.

— Горн — вот он, — показал Слижюс.

И прибавил извиняющимся голосом:

— Покуда старый. Твой же. Скоро поставим камерную печь.

Помолчал и снова:

— И манипулятор наладим. И обдувной вентилятор. И вообще все будет, как говорится, высший сорт «А». Как в самой Москве.

Он хлопнул Нарбутаса по плечу, рассмеялся и сказал:

— Ну что, Антанас, еще не вечер, а?

Кузнец ничего не ответил. Он скинул пальто и снова поискал глазами вокруг себя.

Слижюс сказал дурашливым голосом:

— Вот гардеробчика, извиняюсь, не приготовили.

Он развел руками с комическим сожалением. Он пытался развеселить Нарбутаса.

Кузнец молча и все с тем же отсутствующим выражением на лице положил пальто на каменный пол.

Потом он разжег горн. Все он делал медленно, словно нехотя. Видно, холод донимал его. Он жался к горну. Слижюс смотрел на кузнеца с беспокойством.

Старенький, жалкий, с бессильно повисшими руками... А против него это стальное чудовище с угрожающе вытянутой мочучей станией-спиной, с многопудовыми кулачищами-бойками... Оно, казалось, только и ждало момента, чтобы наброситься на старика и раздавить его.

Слижюс тряхнул головой, чтобы развеять это странное наваждение.

Вдруг Нарбутас сказал глухо:

— Слушай, Костас...

Токарь тревожно откликнулся:

— Что, Антанас?

— Ты мне, пожалуй, не нужен.

Слижюс потоптался на месте: уйдешь, а старик убежит — и тогда нищи ветра в поле!

— Ну ладно, — сказал он, вздохнув, — пойду, скоро моя смена...

Он все еще не уходил.

— А заготовки — вот они.

Кузнец нетерпеливо мотнул головой. Он давно заметил стальные бруски на столике у горна.

Оставшись наконец один, Нарбутас медленно обошел вокруг молота. Теперь он узнал его: да, это тот самый бегемот, что все лето валялся на заводском дворе, укутанный в рогожи. Теперь, значит, зверюга проснулся и просится на волю...

Кузнец потер в раздумье небритый подбородок. Потом нерешительно нажал черную кнопку на стене. Двигатель включился и с шумом заработал. Было похоже на то, что молот задышал. Но он оставался недвижим.

На исхудалом лице Нарбутаса была нерешительность. Он протянул ногу к педали, но медлил нажать ее. Он только чуть коснулся.

Из цилиндра, как из пасти, выскочил короткий и толстый стальной хобот и с громоподобным звуком обрушился на нижний боек. Дрогнул пол, загрохотали своды, кузнец в испуге отскочил. Ему стало стыдно. Он оглянулся. Цех был темен и пуст. Нарбутас рассердился на себя — не за бегство от молота, а за то, что оглянулся. Трусость не в том, что испугался молота, а в том, что оробел перед людьми.

Он снова обошел вокруг молота, внимательно вглядываясь в него. Теперь Антанас нашел, что он пытается походить на обыкновенные кувалду и наковальню, но грубо, в удесятеренном размере, как если бы великан пытался прикинуться лилипутом. В огромной, массивной глыбе шабота можно разглядеть очертания наковальни, гигантски разбухшей. А из нутра этой грузной бабы, свисающей сверху, просвечивает ее зернышко — тонкая, изящная кувалда.

Заглянув в лежавший на столике паспорт, Нарбутас прочел: «Вес падающих частей 400 килограммов». Кузнец усмехнулся: молоточек!

Самая тяжелая из его кувалд — та, любимая, что с березовой ручкой, — весила десять килограммов. Какая сила теперь у меня в руках! Какое там «в руках», — в пальце!

Антанас с опаской посмотрел на молот. А захочет ли это чудовище слушаться меня?

Он присел на краешек ящика для окалины и снова в раздумье потер серую шетину на подбородке. К чему, я вас спрашиваю, столько силы? Свободнаяковка — работа деликатная. Какой расчет устраивать извержение вулкана только для того, чтобы прикурить папиросу? Верно, а?

Кузнец тихо засмеялся. Что-то в нем просыпалось от старого бедсвого Нарбутаса. Может, все-таки попробовать, раз уж я здесь?

Он натянул брезентовые рукавицы и подошел к горну. Пламя яркое, слегка коптящее. Правильное пламя! Раскаленный металл бледнел и принимал светло-вишневый цвет. А впрочем, ведь мне не крюк ковать, а так только, поиграть, потюкать молоточком, пощупать, каков он в ударе...

Нарбутас вытащил раскаленную заготовку из печи и швырнул ее на столик возле молота. Поспешно сбил окалину, она разлетелась елочными огоньками, тускнея на легу. Потом он стиснул брусок челюстями клещей и перенес его на молот.

Осталось нажать педаль. Нарбутас чувствовал себя, как укротитель на пороге клетки с тигром.

Ба-бах!.. Гром, искры. Еще удар! Еще! Еще!

Стоп!

Баба замерла в воздухе, как вертолет. Она подрагивала, словно в возбуждении.

Нарбутас посмотрел на поковку. Смята, как глина! Кузнец был взволнован. Ведь он не делал никакого усилия! Просто нажимаешь кнопку, как у входной двери, а потом — педаль, как на велосипеде. А кроме того, он тебе и молот, он же тебе и молотобоец. Уже не зависишь от подручного, от его неопытности, или неспособности, или лени. Вещь!

Нарбутас стал пробовать разные удары. Он «объезжал» молот, как дикого жеребца.

Первое время, готовясь к сильному удару, он по привычке всей жизни напрягал мускулы. Но вскоре он понял, что мощь человеческих мышц так ничтожна по сравнению с этим пневматическим колоссом, что здесь достаточно усилия не большего, чем то, которое делает швея, чтобы взмахнуть иглой, или мать, чтобы погладить ребенка по головке.

Нарбутаса беспокоило, что он не может точно рассчитать силу удара. Он чувствовал себя неумелым, как мальчуган-ремесленник. Он начинал горячиться. Лицо его пылало. В глазах разгорелся запальчивый блеск. «Черт собачий! — пробормотал он, обращаясь к молоту. — Так я же тебя подомну!» Но удары получались то сильнее, чем он хотел, то слабее, то медленнее, то быстрее.

Он остановил молот.

«Спокойненько, — сказал он сам себе, — спокойненько, Антанас, еще не вечер...»

Он оперся на столик с измерительным инструментом, закрыл глаза и стал глубоко дышать — прием, которым он когда-то на спортивных площадках укрощал свое волнение.

Потом он вернулся к молоту. Проработав сосредоточенно около часа, он наконец как будто стал улавливать эту тонкую связь между нажатием педали и силой удара.

Иллюзия была так велика, что временами кузнецу казалось, будто у него в руке рукоять его старой кувалды.

Теперь по самому звону стали он начинал догадываться, насколько она прокована. Он чувал, как в нем самом мало-помалу нарастает то восхитительное состояние, которое можно назвать «чувством удара».

Бегемот словно покоряется. Он признал в нем своего господина. Работа с этим послушным исполином начинала доставлять Нарбутасу удовольствие. Как сладко опять ощущать себя сильным, не знающим усталости! Да и какая тут, к черту, может быть усталость — работаешь ножкой, прямо как танцор на именинах!

Ну что ж, можно, пожалуй, приниматься за дело, за свой первый крюк...

Он заглянул в печь. По цвету каления — густо-оранжевому — он увидел, что брусок еще не дозрел до ковочной температуры.

Подождем. А пока еще малость порезвимся.

И Нарбутас пошел бить. Удары, мерные, мощные, вырывались из окон, плыли по обширному двору, забирались в литейную, в токарный, в инструментальный. И весть о том, что старый кузнец вернулся к горну, вскоре облетела завод.

Услышав это, Виткус покраснел от радости так, что даже на секунду перестали быть видны конопушки на его длинном унылом лице. А Копытов с чувством пожал Слижюсу руку и сказал:

— Это да!

И когда гудок возвестил о конце смены, многие устремились не в душевую, не в столовую, не домой, а в новую кузню — посмотреть собственными глазами на воскресшего Антанаса Нарбутаса.

Нарбутас подошел к горну. Брусок стал соломенно-желтым. Дошел, стало быть. Да, пора! Не то пережог — кошмар, преследующий молодых кузнецов.

Он вытащил заготовку из горна, положил на столик и снова закусил клещами, чтобы перенести на молот.

Вдруг голос:

— Слышишь, молот освободи. Забыл?

Нарбутас вздрогнул и поднял голову.

Там, в темных недрах цеха, неясно мелькали фигуры. Кузнец взгляделся и увидел, что тут все они — и Саша Копытов, и Стефан Зайончковский, и Слижюс, и Виткус. А подальше этот мальчуган Губерт и с ним целая куча ребят, не разобрать кто.

Нарбутас побагровел от гнева. Цирк себе устроили из меня? Я тут, можно сказать, сердце сжигаю, а они развлекаются...

Между тем Стефан приближался, укоризненно качая головой и повторяя:

— Сейчас налажу тебе. Эх ты, все как есть позабыл.

Нарбутас резко шагнул навстречу. Нахмуренное лицо его не предвещало ничего доброго.

Копытов схватил Слижюса за руку и прошептал:

— Ой, он сейчас стукнет Стефана, чтоб меня разорвало!

Но Нарбутас вдруг улыбнулся, точно вспомнил что-то смешное, и проговорил негромко:

— Куда ты! Это тебе не костел.

Стефан ничего не ответил, только нервно зевнул, повернулся и мгновенно исчез в темноте.

Старый кузнец обвел взглядом остальных, кто там был в цехе, и сказал:

— А ну, айда отсюда! Все! Мигом!

Уходя, Виткус толкнул Слижюса в бок и сказал восхищенно:

— Слышал, Костас?

— Что?

— Голосок.

— А что?

— Гудит. Как когда-то!

Убедившись, что цех опустел, Нарбутас вернулся к молоту. Черт бы их взял, только время из-за них потерял! Действительно, брусок остыл, потемнел. Кузнец перенес его обратно в горн. Теперь жди!

Он решил на всякий случай проверить, все ли под руками. Вот его старые шаблоны. Вот ролик для гибки, который он сам когда-то отковал по своему вкусу. Вот его любимые оправки особого фасона, им придуманного. Ничего не скажешь, ребята позаботились неплохо: тщательно подобрали все его старое хозяйство. Знаю, это, конечно, главным образом Виткус. Пороха он не выдумает, но по душевности нет в кузне равного Иозасу.

Тут же лежали эскизик крюка и технологическая карта. Ну, уж это ребята перестарались. Будто они не знают, что я ковал их всегда наизусть. Да, наизусть! И притом без припусков, хоть сейчас вешай на кран. Это даже нахальство подсовывать мне шпаргалки. Штучки Стефана, надо думать. Он же каждый день ставит перед собой эскиз, как икону. А у меня вся эта технология и всякие там диаметры сечений в голове, в пальцах, в крови!

Нарбутас повернулся к горну. Ну, пожалуй, пора. Брусок принял цвет, который на языке кузнецов называется «очень светло-желтый». Это значит градусов тысяча двести.

Кузнец принялся вытягивать заготовку из пламенного зева печи. Но тут вдруг вспомнил, что он все еще не освободил молот от прежней поковки.

Крепко ругнув себя за это, кузнец метнулся к молоту, снял с бойка мягый брусок и швырнул его в ящик. Потом прыжком — откуда только прыть взялась! — обратно к горну.

Но при этом он нечаянно задел педаль. Баба не преминула с грохотом обрушиться. Вверх-вниз! Вверх-вниз! По два грохота в секунду. Нарбутас испугался, не полетели бы бойки от холостых ударов.

Он кинулся к стене и нажал красную кнопку. Молот замер и послушно опустил свой могучий хобот. Бойки? В порядке! Кузнец вздохнул с облегчением и снова поспешил к горну.

Но по дороге он споткнулся о бачок с водой и — о черт! — чуть не упал. Он понял, что дело неладно.

Да, он вернул себе чувство удара. Но спокойствие, то хозяйское спокойствие, та уверенная в себе сила к нему так и не вернулись.

Поднявшись с колен, он приказал себе:

— Спокойненько, Антанас, спокойненько.

Не спеша, нарочито замедленными движениями перенес он раскалившуюся добела заготовку к молоту, схватил ручник и ребром его сбил огненную чешую окалины.

Неторопливо, насвистывая песенку, Нарбутас лепил раскаленную сталь. Молот, повинувшись нажатиям его стопы, то обрушивался с пушечным грохотом, то деликатно потюкивал по металлу. Постепенно концы бруска утончались, и он становился похожим на длинную рыбу, вроде щуки.

Нарбутас снова подогрел его, а потом, подставляя разные приспособления, изогнул поковку в виде вопросительного знака.

Вот уж почти и крюк. Носок заострен, хвост вытянут, гребень откован на конус. Недостает только нужной кривизны очертаний.

Нарбутас вставил во внутренний изгиб округлую оправку и осторожными точными ударами довершил творение крюка.

Он положил его на столик и самодовольно оглядел. Да, давненько не встречались мы с крюком! Какой же он вышел ладненький, изящный! Ни одной вмятины, ни одной складочки, ни одного бугорка. Как выутюженный!

Нарбутас оглянулся. Никого! Теперь кузнец пожалел, что цех пуст. Есть что показать людям. Поучился бы!

Нарбутасу нравилось учить. Недаром как-то в одной газете о нем писали: «Кузнец кузнецов». Да, жаль, что рядом нет Сашки Копытова или хотя бы этого мальчугана Губерта. Не потому, что он, Нарбутас, мог бы на них опереться. А потому, что они могли бы опереться на него. Нарбутас принадлежал к числу тех людей, чья энергия возрастает, когда им есть кого опекать.

Он не отводил от крюка влюбленных глаз.

И как быстро сделано! Да притом как легко! Он нисколько не устал. Да их можно выпекать, как баранки! Ну-ка, следующий!

Но он не спешил. Ему не хотелось расставаться со своим первенцем. Он смотрел на крюк, не отрываясь, и покой нисходил в его душу.

Он сладко потянулся всем своим коротким сильным телом. Потом ухватил клещами красавец крюк и бросил его в ящик. И — в ужасе вскрикнул: крюк разломился надвое...

Неподвижный, словно окаменев, смотрел кузнец на него. Потом нагнулся, и тут он увидел, что крюк не разломился. Это была трещина, глубокая и темная, как рана. На изломе явственно обозначались крупные зерна металла. Нарбутас застонал, точно его ударили. Он понял, что сделал детскую ошибку: ковал пережженный металл...

Он боязливо оглянулся. Цех был по-прежнему пуст. Да, вот что значит отстать от дела... Стефан прав: он забыл, забыл все на свете. Ушла память. Ушла из головы, из глаз, из рук. И не вернется. Не успеет...

Он почувствовал, что ему холодно. Он поднял с пола пальто и надел его. «Зачем же я дал уговорить себя Слижюсу?.. Ах ты, боже мой, ясно зачем. Ведь, в сущности, я все время тайно жаждал вернуться в кузню. Вот в чем самая гибельная ошибка! Не в том, что я пережег металл, не в том, что я не согнал с него окалины, а в том, что я вернулся в кузню!

Сейчас они придут сюда и увидят все. Но меня они больше не увидят...

Нет, нет, я не дезертир! Не смейте так говорить! Разве это я бегу из кузни? Это кузья убежала от меня, как убежала от меня молодость...»

Он снова оглянулся. Никого... Он накинул пальто, взял клюку и быстро зашагал по длинному пролету цеха, пустынному и темному, как туннель.

И двор пуст. Все еще не рассвело. Редкие фонари на столбах распространяют неяркий свет.

В новой токарной светились окна. И в новой столовой тоже. Верно, готовят завтрак для смены. Надо всем ровный, безостановочный шум. Нарбутас, сам того не замечая, прислушивается к этому мощному, ритмичному дыханию завода, которое сопровождало всю его жизнь.

Трубчатые леса проштриховали двор полосатыми тенями. А дальше еще темнее. Там стояли сплошными рядами новенькие башенные краны. мачтовые подъемники, предназначенные к отправке. Они клали на землю длинную тень.

Нарбутас быстро нырнул туда. Скорей, скорей!

Он старался отогнать от себя мысли о том, что случилось. Он шагал под стеной, образованной кранами. Ему страшно было выходить на свет. На кранах висели таблички с названиями станций назначения. Нарбутас машинально читал: «Сталинград», «Омск», «Куйбышев», «Брест»... И так же машинально он подумал: «А здорово пошли наши краны...»

Он рассердился на себя за эту мысль. Какое ему дело до завода!

Стена оборвалась. Надо пробежать открытое пространство мимо ящиков, набитых чем-то черным. А там уже недалеко и проходная.

Скорее! Вот старая узловатая липа под забором... Здесь его уложили когда-то. Это было начало конца... Порыв ветра вдруг принес из-за забора, из парка Вингис, свежий запах хвои. Кузнец вздрогнул и ускорил шаг.

Когда он поравнялся с ящиками, он увидел, что в них лежат крюки. Он остановился. Взял один крюк. Увидев на внутреннем изгибе складки,

он горько усмехнулся. Нет, я так не работал. Взял другой. Наметанные пальцы его нащупали на внешней стороне крюка две вмятины. Работка! Он брал один крюк за другим. Он рассматривал их придирчиво, как контролер. Он уже не думал о том, что его могут увидеть. Он вертел в руках эти железные ладони, полусогнутые, словно нацелившиеся таскать кирпич, балки, плиты.

Казалось, что все крюки на одно лицо. Но у каждого кузнеца своя хватка, и Нарбутас без труда узнавал то руку Копытова, то Зайончковского, то Виткуса. Он подумал снисходительно: «Нет, ничего, в общем ребята работают неплохо. Но это, конечно, не м о и крюки...»

Он посмотрел назад. Там, вдали, темнеет громадина новой кузни. Виден пустынный пролет, длинный, как улица. И по-прежнему в конце его тускло желтеет лампочка. А под ней, покорно согнув могучую чугунную выю, — молот.

Старый кузнец смотрел на него с минуту. Тихонько выругался. Повернулся и зашагал обратно.

Он возвращался прежним путем, мимо башенных кранов, с головой окунаясь во мрак, мимо трубчатых лесов, покрываясь чересполосицей света и тени, мимо старой липы, мимо забора, из-за которого могучие ели посылают волны хвойной свежести, мимо новой столовой, новой токарной, старой кузни. Он шел и старался ни о чем не думать. Подобно тому, как раньше он отстранял от себя мысли о том, почему он бежит из кузни, так сейчас он запрещал себе думать о том, почему он возвращается туда. Возвращается — и все.

Слижюс и три кузнеца давно издали наблюдали его. Когда он приблизился, они отступили в тень.

Дойдя до молота, Нарбутас вздохнул с облегчением. Он скинул пальто и со снисходительной ласковостью потрепал молот по холодной станине, как треплют по загривку пса. Потом раздул горн, подбросил кокс, раскалил брусок и начал ковать крюк.

Слижюс стоял в воротах новой кузни и никого туда не впускал. Только Стефан Зайончковский и Саша Копытов тихонько подобрались к молоту и издали наблюдали. Вернувшись, Стефан сказал Слижюсу с оттенком одобрения в голосе:

— Антанас борется с тем молотом, как патриарх Иаков с богом.

Копытов рассмеялся.

— Чудило ты, Стефан! Он же борется с собой. Он же сам себе бог.

Нарбутас был очень осторожен. Эскиз лежал перед ним. Он не пережег металла, и не забыл очистить его от окалины, и в пору закончил ковку.

Но он забыл другое. Он забывал простейшие вещи. Он упустил из виду усадку металла, то есть его свойство, остывая, уменьшаться. И крюк потом сам себя догнул на глазах раздосадованного Нарбутаса. Крепкий-то он получился крепкий, по какой-то сдавленный, ни в какие допуски не лезет.

Кузнец только стиснул зубы сильнее, отер пот с лица и снова ринулся в бой. Он словно учился ковке с азов, как мальчишка. Правда, эту учебу он прошел довольно быстро, часа за два. Старые навыки возвращались к нему.

Вскоре Нарбутас выдал третий крюк. Друзья собрались вокруг него и разразились преувеличенными похвалами. Старый кузнец молчал. Да, крюк приличный. Во всяком случае, техконтроль пропустит его. Но ведь когда-то крюки мои были такие, что хоть сразу сдавай их заказчику. А этот... Над ним еще здорово попотеют, пока сгонят с него лишний металл.

Он принялся за четвертый крюк. Но Слижюс отчеканил:

— Баста! На сегодня довольно.

Никакие крики Нарбутаса «Еще не вечер!» не помогли. Даже Копытов не стал на его сторону.

— Хорошего понемножку, — сказал он, успокоительно помахивая ладонью. — Ты бы лучше в дирекцию смотался оформить обратный прием.

Стефан, державшийся с Нарбутасом как ни в чем не бывало, тащил в столовую.

— Ты ж ее еще не видел, Антанас. Интересно, что ты скажешь.

Все подхватили это. Но старый кузнец наотрез отказался.

Больше всех был разочарован Губерт. Он раструбил по всему заводу, что Нарбутас придет завтракать, и в столовую уже набились молодые ребята из свободных смен, жаждавшие увидеть наконец старого кузнеца.

После его ухода Виткус сказал:

— Да, крюк еще не тот...

Копытов сказал невесело:

— А человек тот?

Стефан обратился к Слижюсу:

— Хоть бы ты, Костас, сказал Антанасу. Неудобно получается: пришел в какой-то рванине, обросший, запущенный. Все ж таки это завод, а не свалка утиля.

Слижюс задумчиво покачал головой:

— Я его разгорячил, а дальше он уж должен сам догибаться.

Стефан мрачно пробормотал:

— Или догнется или сломается...

Копытов спросил испуганно:

— А ты как думаешь, Иозас?

Виткус ответил:

— Антанас есть Антанас...

— Ты опять за свое, — с досадой сказал Слижюс.

Он знал, что скрывается за уклончивым ответом Виткуса, и это выводило его из себя. Дело в том, что Виткус, как и этот мальчуган Губерт, считает Нарбутаса не совсем обыкновенным человеком.

«Эти два дурня, пожалуй, всерьез верят, — подумал Слижюс, — что обычные законы природы над Антанасом не властны».

— Это вы там у себя в старой кузне обросли мохом, — сказал он сердито. — А у нас в токарном да и во всех новых цехах давно уже знают, что механизация продлевает человеку жизнь.

— Ну?! — искренне удивился Копытов.

Он был так молод, что мысль о смерти еще не приходила ему в голову.

Зайончковский подумал, что слова Слижюса — богохульство.

— Посмотрим, — сказал он неопределенно, — мы же еще не знаем, как все обернется с Антанасом. А не проводить ли кому-нибудь его домой?

Нарбутас запретил провожать себя. Ему хотелось побыть одному. Он не показывал вида, что взволнован. Но все в нем бурлило.

В глубокой задумчивости пришел он домой.

На крыльце сидела маленькая босоногая девочка. Вставив пальцы в рот и старательно надувая щеки, она осваивала разбойничий свист.

Увидев Нарбутаса, девочка испуганно вскочила.

Но кузнец схватил ее своей железной рукой и силой усадил рядом с собой на ступеньках.

— Нет, милая, — сказал он, — так у тебя ни черта не выйдет. Вот я тебе сейчас покажу, как свистел старик Кестутис, когда сзывал своих рыцарей к Зеленым озерам.

Нарбутас вложил пальцы в рот, да не два, а целых четыре, и, подмигнув девочке, свистнул.

Это был свист! Переливчатый, какой-то трехслойный и с такой залихватской пронзительностью, что в соседних дворах разом залаяли собаки, — словом, первоклассный разбойничий свист.

— Научить? — спросил Нарбутас.

Девочка смотрела на кузнеца обожающими глазами. Нарбутас не только обучил ее стопроцентному разбойничьему свисту, но и вдобавок подарил стекавшимся отовсюду дворовым ребятам ватную фехтовальную грудь, не новую, правда, но довольно хорошо сохранившуюся.

Дети целый день ходили за кузнецом, как зачарованные.

Проработав на молоте недели две, Нарбутас вспомнил об Аготе Даргене.

Они шумно ввалились в закусную всей компанией, как встарь.

Заказали кто что, а Нарбутас попросил бутылку своей любимой грушевой воды. На нем был новый щегольской костюм, галстук был завязан шикарным узлом, а шляпа лихо заломлена, совсем как когда-то.

Увидев его, Агота вскричала:

— О, где же вы пропадали? Уезжали? В командировку, да? Или в отпуск? Куда? Далеко? Наверно, на юг?

Она засыпала его вопросами, не дожидаясь ответов.

Зная это ее обыкновение, он молча улыбался и потягивал воду.

Да и все они посмеивались и переглядывались.

Но она настаивала:

— Где же вы все-таки были? А?

Нарбутас подмигнул Копытову.

— Саша, где же я все-таки был, а?

Молодой кузнец рассмеялся.

— Где он был, наш Антанас? Да там... — Саша махнул рукой вдаль. — По ту сторону холма.

Агота поняла это буквально: за холмами, окружающими Вильнюс, то есть где-нибудь в Балакумпяй, или в Веркяй, или в какой-нибудь другой дачной местности.

— Ну и как там? — разочарованно спросила она просто из любезности, желая показать, что интересуется его жизнью.

Нарбутас повторил с насмешливым изумлением:

— Как там? Мужчины, она спрашивает, как там.

Теперь смеялись все. Виткус утирал слезы и повторял:

— Потеха, мужчины.

Слижюс широко улыбался. Копытов хотел что-то сказать, но от смеха не мог выговорить ни слова.

Один Нарбутас не смеялся. Он вдруг помрачнел. Агота с удивлением увидела, что в глазах его мелькнул страх и лицо на миг потемнело, словно легла на него тень холма. Кузнец обнял одной рукой Слижюса, другой — Копытова. Потом упрямо мотнул головой и сказал с непонятной гордостью:

— Вот... Вернулся!

ГЕОРГИЙ КУЧИШВИЛИ

★

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

Георгий Кучишвили — один из зачинателей грузинской пролетарской поэзии. Умер он в 1947 году, но до сих пор его стихи не выходили на русском языке в центральных издательствах и журналах. Таким образом, этот выдающийся поэт почти совсем не известен всесоюзному читателю. Мы публикуем подборку его стихов разных лет.

НА МОГИЛЕ ДЕВЯТИ НАДЗАЛАДЕВСКИХ БРАТЬЕВ¹

В ночь,
когда спать
нет силы,
в ночь,
когда
бодрствую я,
в ночь,
когда
вдруг у могилы
песнь зазвонит
соловья, —

В ночь эту
голос знакомый
слышу
у окон,
в саду,
дальним
призывом
влекомый,
тихо к могиле
иду.

Сжав кулаки,
со слезами
клятву шепчу я
во тьму:
«Зная, что поднято
вами,
не отдадим
никому!»

1908 г.

Перевел с грузинского Евг. Винокуров.

¹ Погибли в 1905 году на посту революции.

СМЕХ НАД МЕРТВЫМИ

Оплакивают
 мертвые
 бессмертных.
 Кто им судья?
 Да хоть бы я судья!
 Им,
 проливателям фальшивых слез несметных,
 советую
 оплакивать
 себя!
 Безжизненность сквозит в их глаз мерцаньи,
 и мертвенность —
 в любом движеньи их...

Смеюсь я над живыми мертвецами!
 Горжусь за мертвых,
 но зато живых!

1912 г.

ОТВЕТ НА УКОР

«Ты ходишь
 и голодный
 и холодный
 по улицам...
 Чем к ним ты привлечен?!
 Фамилии «Чхеидзе» благородной
 ты имя
 «Кучишвили»¹
 предпочел.
 Ты был бы первым
 на балах,
 помолвках,
 ты воспевал бы женщин
 и весну.
 А ты —
 о чем ты пишешь! —
 о помойках?
 О нищих?
 О рабочих?
 Ну и ну!..
 Безжалостна в своем отмщеньи музыка,
 и все непозитичнее
 твой стих...
 Что улицы?
 Лишь кладовые мусора...
 Плюют на них,
 но не поют о них...»

¹ Кучишвили (груз.) — сын улицы.

цветы
 я для потомков
 берегу.
 Стихи,
 как звезды,
 светятся на свете,
 и нету в целом мире звезд нежней...
 Я отряхну
 на землю
 звезды эти,—
 ей-богу,
 на земле
 они нужней!

1922 г.

БУДЬ СЛУГОЙ РАБОЧЕГО КЛАССА

Будь слугой рабочего класса,
 а не мудрствующим мудрецом,
 чтоб
 в подсумок
 твой стих
 клался
 уходящим
 в атаку
 бойцом.
 Бесполезен
 стих бесхребетный —
 в нашем веке
 нужен
 хребет!
 Пусть мой стих,
 словно марш победный,
 грянет
 в бурях
 боев и бед!
 Пусть бубнят:
 «Риторика, дескать...»
 Отвергаю
 эстетский хлам.
 Нам не нужно
 игрушек детских,
 а оружия
 надо
 нам!
 Чтобы враг от бессилия трясся,
 ощущая себя мертвецом,
 будь слугой рабочего класса!
 Быть певцом —
 это быть бойцом!

1922 г.

Перевел с грузинского Евг. Евтушенко.

ОКТЯБРЬСКОЕ УТРО

Утро смеется,
 Октябрьское утро —
 Алое море.
 Алое небо,
 Алое солнце
 Алому смеху
 Вторят!

О упоенье!
 Гром песнопенья!
 Сердце запело,
 Затрепетало.
 Алым орлом,
 Налетающим смело,
 Знамя взлетело,
 Плещется ало.

Льются широко
 Потоки
 Народа,
 Улицам тесно.
 Песню, товарищ!
 Песню свободы!
 До небосвода —
 Город как песня!

Волны знамен,
 Лейтесь в алое море!
 Красные реки —
 Песни и стяги.
 С нами, товарищ!
 Свергнуто горе,
 В гимне трудящихся
 Голос отваги!

Алого солнца
 Алые нити
 Нам вышивают
 Алое знамя,
 Маком оно
 Распустилось в зените!

С нами, товарищи! —
 Солнце ведь с нами!

1923 г.

Перевел с грузинского М. Максимов.

БУДЕМ ГОТОВЫ

Глядите:
 подступают горы,
 что новую грозу
 ведут!
 Но если вражеские орды
 границы

наши
 перейдут,
 то горе им!
 Октябрьским ветром,
 потопом
 красным
 землю мы
 зальем.
 И станет царство тьмы
 труда и мира царством светлым.
 Сметем
 границы и межи,
 раздоры,
 споры,
 грабежи.
 Река кровавых слез
 исчезнет.
 В труде счастливом
 мир воскреснет.
 Согласно будут жить
 народы.
 И на очищенной огнем
 земле
 взойдут
 живые всходы
 того,
 что счастьем мы зовем.
 Так мы осуществим
 мечту.
 Огонь, что сжечь сумел уродов,
 родить сумеет
 красоту!

1930 г.

Перевел с грузинского В. Соколов.

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Что за шум?
 Что за возгласы?
 Осень
 или весна?
 Что там,
 в чьи это волосы
 гроздь
 вон та
 вpletена?
 Вьются
 платья нарядные.
 Всюду
 пляшут
 и пьют.
 И поют
 виноградари...
 Как поют!
 Как поют!

И кувшины зарытые
тоже тянутся
 петь,
и кувшины
 завидуют —
да уж надо терпеть!
Пляшут с гиканьем, лихо!
И, броженьем полно,
виноградарям
 тихо
подлевает
 вино...

1930 г.

Перевел с грузинского Евг. Евтушенко.

НА УЛИЦЕ

Проснитесь!
 Эй, спящие кто там!
Навстречу заре
 идем.
На улицы —
 мощным потоком.
Пусть флаги
 пылают огнем!

Считите —
 что требует слова,
Кто красками
 выразит век?
Нам заново надо,
 снова
Воспеть
 индустрии бег.

Инженеры души —
 поэты, —
Трубите
 песенный сбор,
Сравнитесь,
 стихом разогреты,
С Арагвой,
 слетающей с гор!

1935 г.

Перевел с грузинского Мих. Луконин.

ВЕЛИКОЙ РОДИНЕ

Покуда дышу я,
покуда живу,
знай,
Родина,
верь:
буду петь тебе славу,
петь буду хвалу
 твоему торжеству

Верю —
 и мертвого
 вспомнит меня горячо
 В час заупокойного круга.
 Над столом он поднимется,
 не опустит лица.
 Скажет:
 налейте бокалы —
 и встанем.
 Вспомним:
 Ненавидел покойный
 пресмыкающегося
 и подлеца,
 В борьбе с недостойными
 был неустанным!

1946 г.

Перевел с грузинского Мих. Луконин.

* *

«Кучишвили» — псевдоним Георгия Андукпаровича Чхендзе, — если перевести его дословно, означает «сын улицы».

Выступление в девятидесятых годах юного поэта под таким псевдонимом само собой уже являлось революционным новаторством.

Тот, кто по русским переводам знаком с грузинской поэзией, знает, с какой страстностью воспеты в ней чувства любви и преданности родине, знает о бурной жизни народа, веками отстаивавшего свою свободу. Песни о чарующей красоте грузинских долин и гор, о колорите городов и сел не раз сменяются в ней песнями о радостях и печалах грузинского народа. Однако революционный гул тбилисских улиц русский читатель услышит прежде всего в пламенных стихах Георгия Кучишвили. В грузинской революционной поэзии XX века Георгий Кучишвили занимает выдающееся место. Первые песни известного грузинского поэта Иродиона Эвдошвили на заре нашей эпохи стали не только запевом для гражданской лирики Георгия Кучишвили, его воинствующей трибунной поэзии, — эти песни звучали тогда в каждом селе, на каждой улице, они были на устах участников бесчисленных революционных демонстраций того времени. Великий Маяковский, еще в отрочестве познакомившийся с творчеством Эвдошвили, ценил его стихи, такие, как, например, «Друзья»:

К испытаньям наготове,
 Все вперед, друзья, вперед!
 Пусть на теле клейма крови
 И с чела струится пот.

Все вперед, друзья, невзгоды
 На пути у нас кругом.
 Знамя правды и свободы
 В муках гордо пронесем!

(Перевел А. Гатов).

По этим строкам Эвдошвили молодой рабочий поэт Георгий Кучишвили равнял и свои первые шаги.

Впоследствии в стихах Кучишвили революционный гул улиц зазвучал еще сильнее и отчетливее. Читатель сам увидит, что стихи поэта того периода пронизаны лозунгами рабочего класса. Чувствуется, что автор не сторонний наблюдатель, а взволнованный участник народного возмущения против царящей социальной несправедливости.

В поэзии Георгия Кучишвили ясно и четко зазвучал голос грузинского рабочего. Твердо опираясь на традиции грузинского классического стиха (вспомним Акакия Церетели — его прозвучавшее призывом стихотворение «Долой правительство!»), Георгий Кучишвили создал пронизанные революционным горением и ораторским пафосом прекрасные стихи о революционной тбилисской улице. Поэтическая фраза стихотворе-

ний Кучишвили проста, ясно направлена и лаконична. Стихи эти, как слова народного трибуна, доходят до самого сердца читателя.

Тему и художественные образы для своих стихотворений поэт брал непосредственно из окружающей его жизни, и потому в них так живо отражаются минувшие дни. В годы черной реакции и поражения первой революции, в отличие от многих других поэтов того времени, он не предавался безнадежности и пессимизму. Слово его звучало с мужественным напряжением боевой энергии. В то время голос Георгия Кучишвили был исполнен надежды. Темные силы самодержавия не могли надломить его волю к победе. Рабочий поэт не раз подвергался преследованиям, арестам, он менял профессии, трудился, работал без устали, чтобы выдержать «превратности судьбы».

Его стихи переписывались и через рукописные журналы переходили из рук в руки. Они публиковались в революционной прессе, но в большинстве случаев распространялись изустно и становились популярными среди народа. Не было в Грузии города, села, населенного пункта, улицы, где бы поэт, окруженный взволнованными слушателями, не декламировал стихов своим мужественным прекрасным голосом.

Георгий Кучишвили пользовался огромной популярностью. Кому хоть раз довелось послушать этого высокого сухощавого человека, смотреть на его скульптурно-пластичное лицо, губы, видеть его горящий взор, тот никогда его не забудет. Бархатный, но четкий и выразительный голос с естественной грузинской интонацией, чуть приподнятый ораторским пафосом, походил на призыв борца, стоящего на скале, но отнюдь не напоминал распространенную в те времена мелодраматическую камерную напевность эстрадных декламаторов...

Кучишвили, так же как Маяковский, создавал свои стихи на свой лад, на свой голос и с первых же строк покорял аудиторию. Почти все свои произведения он помнил наизусть. Он всегда бывал среди народа. Вот почему установление Советской власти в Грузии явилось его торжеством, его победой.

После Октября улица Георгия Кучишвили украсилась победными знаменами нового строительства. Он стал восторженным певцом новых дней этой улицы и всего трудового народа. Он никогда не был парадным и холодно-напыщенным одописцем. Он был верным художником рабочего класса и с первых же дней революции органически оказался в ряду пролетарских писателей. И это было в то время, когда многие его соратники по перу долго еще продолжали пребывать «голуборожцами» и «лефовцами», не умея высвободиться из когтей декадентской литературы.

Георгий Кучишвили являлся защитником и продолжателем реалистической линии грузинской классической литературы. Во многих его стихотворениях, поэмах и рассказах с художественной простотой и непосредственностью отражены наша природа и традиционно разработанные темы любви и героизма. И все же главным и самым значительным в его поэзии является тема грузинского рабочего класса.

Он был всегдашним участником горя и радости своего народа. Во время Великой Отечественной войны, уже в пожилом возрасте, поэт выехал на Кавказский фронт, посетил воинские части и читал перед грузинскими воинами свои проникновенные стихи, призывая их к самоотверженной защите великой Советской Родины.

Георгий Кучишвили является также любимым детским поэтом. Не раз пионеры украшали его грудь своими почетными значками и алым пионерским галстуком.

Кучишвили, сам рабочий, был сыном бедных родителей. Он писал о том, что пришлось пережить ему самому. Его знали как благородного, великодушного и скромного человека, и, так же как лучшие его стихотворения, он был любим всеми. Не такой уж большой срок отделяет дату его рождения от даты смерти (1886—1947), но революционные шаги, которыми он прошел свою жизнь, звучат до сих пор. Его творчество навсегда вошло в духовную жизнь грузинского народа. Его стихи распевают в городах и селах Грузии.

Улица Георгия Кучишвили ныне в строительных лесах. Строится, украшается она и с песнями устремляется к коммунизму. На этой улице живет своим творчеством Георгий Кучишвили.

Карло КАЛАДЗЕ.

С. СЛАВИЧ

★

ТИШИНА

Рассказ

1

В громадной котловине отчетливо виднелась каждая заросшая лесом и присыпанная снегом складка. Морозный воздух был прозрачен и почти осязаем. Однако под вечер он, как застоявшаяся на солнце ключевая вода, помутился. Через кромку хребта, поднявшегося над котловиной с юга, бесшумно перевалила и скользнула вниз гряда туч. Словно море, скрытое за хребтом, доплеснуло сюда свою пену.

Напоровшись на острие Голого шпиля, туча обвисла на нем. Пошел снег, невесомый и липкий, как пух. Но постепенно туча растаяла, изошла снегом. Сквозь жиденькую мутную пелену, которая еще висела в воздухе, еле проглядывали месяц и звезды. Потом расплывшиеся точки звезд выкристаллизовались, затвердели; четкими стали линии месяца. Похолодало.

От этого холода Новоселов и проснулся. Собственно, он всегда вставал на рассвете, чтобы проверить посты, но на этот раз мороз особенно настойчиво забирался под полушубок, не давая спать. Стрелки на тускло мерцающем фосфором циферблате часов показывали без нескольких минут четыре. Стояла тревожная лесная тишина, к которой городскому жителю почти невозможно привыкнуть. Слышалось только посапывание спавших рядом товарищей. Поднявшись, Новоселов зажег коптилку, и по стенам землянки запрыгали резкие тени.

На заменявшем стол ящичке, рядом с коптилкой, лежала раскрытая посредине толстая тетрадь. «Дневник боевых действий,— сообразил Новоселов, увидев четкий почерк Костромина. — Писучий... Этак на него бумаги не напасешься. Всего две недели начальником штаба, а уже половину общей тетради исписал. Надо будет как-нибудь посмотреть, что он там за антимонии разводит».

Хотелось есть. Голодным он себя почувствовал еще вечером, вскоре после ужина — кружки кипятка и двух сухарей. Тогда же хотел прикончить третий сухарь, но удержался, оставил на утро. Просыпаясь ночью, он вспоминал об этом сухаре, но тут же отгонял мысли о нем. Сейчас под ложечкой засосало невыносимо, до тошноты. Новоселов решительно полез в карман, где лежал завернутый в платок сухарь, но в это время послышался голос Костромина, тихий и чистый голос человека, который давно уже не спит:

— Петра будить? Возьмем его с собой?

Петр Ильин был постоянным спутником, ординарцем, связным и телохранителем Новоселова.

Сухарь так и остался в кармане. Новоселов ощупал его рукой, с недобрим чувством думая о Костромине, будто тот уличил его в какой-то слабости.

— Будите! — Новоселов достал из кармана сигарету. Сигареты были с золоченым мундштуком и назывались «Дипломат». Пачка их нашлась в сумке эсэсовского офицера, убитого во время последней операции на шоссе.

Выйдя из землянки, немного постояли, чтобы привыкнуть к темноте.

Петр, который еще не совсем проснулся, громко высморкался.

— Тише, черт! — Новоселов вздрогнул и недовольно подумал о себе: «Нервишки расшатались».

Он пошел впереди, протаптывая след. За ним шаг в шаг двигался Костромин. Замыкающим был Петр. Тишина в лагере была настолько полной, что Новоселов, не отдавая себе в этом отчета, даже ступать старался поосторожнее, чтобы не так резко скрипел снег. Но, поравнявшись с одной из землянок, они услышали писк. Новоселов остановился.

— Что это? — удивился Костромин.

— Марийкин пацан, видать, раскричался, — сипло ответил Петр.

— Ах, да! — вспомнил Костромин. — Плохо детям на войне, — неожиданно заключил он и, так как Новоселов все еще не двигался, спросил: — Товарищ командир, а у вас есть дети?

Это была еще одна попытка перекинуть мостик к сердцу этого человека, но Новоселов не откликнулся на нее. Он сказал:

— Не знаю. Были.

Костромин пожал плечами, удивляясь странности ответа, а Петька подумал: «Плохо детям на войне... Чудак. А кому на ней хорошо?»

Новоселов, между тем, снова топтал след, прикидывая: «Значит, нужно добыть две вещи — аккумулятор для радио и сгущенного молока для ребенка». Он вспомнил, как страдала его жена после первых родов — не было молока. Каждый день приходилось ходить на молочную кухню. Сам ходил. С бутылочками. Помнится, женщины трунили над ним: «Кормящий отец!»

Значит, аккумулятор и молоко. Нужно, чтобы наконец заговорило радио и успокоился этот младенец.

Постов было не много, и Новоселов знал, где находится каждый. Сам выбирал места. Лагерь находился в ложине, которая широким устьем выходила на лесную дорогу. Отсюда нападение противника было всего вероятнее, и за завалом из бревен стоял пулемет. Часовой не окликнул их. Не доходя поста, Новоселов кашлянул, и почти сразу же в ответ слышалось тихое покашливание. Здесь бодрствовали. Костромин удивился такому странному обмену сигналами, а Петр только усмехнулся. Сопровождая командира повсюду, он знал, что никакого уговора насчет этих покашливаний не было. Само по себе получилось. Но это заставило его подумать: «Силен. Ишь, как сразу столковался. Без единого слова переговорил с человеком. И друг друга поняли».

Такое случалось и раньше. Оставалось в Новоселове что-то от парня, который со всяким найдет общий язык, любого поймет с полуслова, а если захочет, высмеет. Такому палец в рот не клади. Петр это знал и, однако, чувствовал себя с ним легко и свободно. Может быть, потому, что сам был скор на подъем, резок на словах и быстр в действиях. Он понимал, какую вину Новоселов простит, хотя бы и сурово отчитывая, а к чему будет беспощаден. Мерку эту выработала сама жизнь, которая заставила отряд обосноваться в лесу, голодать и мерзнуть. Ведь, казалось бы, чего проще: уйти из этого проклятого леса, найти где-нибудь в заброшенном степном селе, где тебя не знают, бабу послобнее и пристать в приимы. Не уходили, выполняли приказы, которые рождались за сотни километров отсюда (фронт откатился невесть куда), мерзли и голодали...

Из балки, в которой сонно притих лагерь, дорога круто взлетала наверх. На хребте она раздваивалась, петлей охватывая скалистый обрыв Голого шпиля. Эта развилка тоже была опасным местом, и здесь стоял часовой. Направились к нему. Поднявшись наверх, Новоселов остановился, чтобы отдышаться.

Лагеря не было видно, но привычный глаз угадывал небольшую поляну между деревьями, где были вырыты землянки и стояли присыпанные снегом шалаши. Новоселов как-то особенно остро почувствовал беззащитность ночного лагеря, почти явственно ощутил запах гари от потухшего костра, теплый, удивительно приятный дух жилья. Перед глазами возникли пестрые полосы, похожие на следы от трассирующих пуль. Кто-то потянул его вниз, издали слышался назойливый, как жужжание мухи, голос Костромина. Новоселов пошатнулся и пришел в себя.

— Так как вы думаете, товарищ командир? — спрашивал Костромин.

— О чем вы?

— Считаю, что здесь нужна застава с пулеметом.

— Пожалуй, вы правы, — вяло согласился Новоселов и оглянулся, ища Петра. Тот, прислонившись к дереву, с наслаждением терся об него спиной. И от этого повеяло чем-то до такой степени неунывающим, ядреным, что Новоселов уже добродушно-насмешливо спросил:

— Грызут?

— Видать, своя чужую гоняет, Егор Алексеич, — ответил Петька.

До развилки оставалось каких-нибудь сто метров, и у Новоселова появилось привычное чувство, с каким он всегда шел проверять посты. Идти открыто нельзя, ведь каждый пост — секрет; подкрадываться тоже не годится — так, чего доброго, напорешься на пулю своего же часового.

Гуськом прошли немного по тропинке. Остановились. Часовой вот-вот должен был их окликнуть. Новоселов осторожно кашлянул. Молчание.

«Неужели спит?» — с тоской подумал Новоселов.

Продвинувшись еще немного, он наконец не заметил, а скорее угадал неподвижную фигуру часового. Прежде чем на ум пришло какое-либо решение, Новоселов напряженно и тревожно прислушался. Сверху, откуда шла дорога, доносились непонятные звуки: «Рип-рип, рип-рип, рип-рип...» Будто капуста хрустит на зубах.

Новоселов рванулся вперед и словно наткнулся на невидимое препятствие. Часовой, прислонившись к дереву, спал.

Это казалось противоестественным, невероятным. Ведь внизу лежал беззащитный лагерь. А непонятные, угрожающие звуки, ни на мгновение не прерываясь, становились сильнее, обрастали другими звуками, неудержимо катились, как снежный ком, под гору. Еще не осознав толком, что он слышит скрипение десятков кованых сапог на снегу, еще не видя немцев, Новоселов выхватил пистолет и разрядил его раз, второй, третий в часового. Тот, даже не открыв глаз, все еще прижимая винтовку к груди, молча упал в снег.

Эти выстрелы были одновременно и возмездием и сигналом тревоги. В ту минуту Новоселов часового ненавидел больше, чем немцев. Вся усталость, весь страх за лагерь, за больных и раненых слились в эту ненависть.

2

Новоселов не хотел, даже боялся этого боя. Недаром он увел отряд в одно из самых глухих лесных урочищ. Вел, замечая следы. Не в переносном, а в буквальном смысле. В самых опасных местах, где следы продвижения отряда могли заметить, сзади шли специально выделенные люди и еловыми ветками снова разравнивали след.

Впрочем, какой это был отряд! Еще недавно Петька говорил: «Ну, сняли мы сегодня стружку с немца...» Так вот, последние две недели «снял стружку» в основном он, немец. Стычки с обозами, полицией и пугаными гарнизонами отошли в прошлое. Со всей присущей им обстоятельностью немцы решили раз и навсегда раздавить партизан. Минувшей осенью началась тактика ядкоманд — охотничьих подразделений, — вслед за которыми в лес шла регулярная пехота и эсэсовцы в черных мундирах под пестрыми маскировочными плащ-накидками.

Раненые, когда это было возможно, переправлялись в отряд, где был единственный на весь лес хирург. Их продолжали посылать сюда и после того, как хирург был убит. Но настал вечер, когда Новоселов, поднявшись на одну из скалистых вершин, увидел вокруг огни десятков костров. Сам он еще две недели назад наказал соблюдать особую осторожность с огнем: костры выдавали. Немцы в ту пору в лесу тоже не жгли их. И вот теперь перемигивались десятки огней: смотрите, как много, смотрите — повсюду, смотрите, мол, выхода нет!

— Как варвары перед воротами Рима... — тихо сказал стоявший рядом Костромин.

— Что? — не понял Новоселов и, не дожидаясь ответа, добавил: — Чепуха. На нервы бьют.

В тот раз он, кажется, впервые недобро подумал о вновь назначенном начальнике штаба. Здесь бы совет нужен, доброе слово, а он несет какую-то муть. Гораздо правильнее сказал Петька, увидев дальние созвездия костров:

— Да, тут нам жаба титьки даст... Подрывать отсюда надо, Егор Алексеич.

И отряды ушли. Остался один — с ранеными и больными. Тащить их с собой — значит, всем пропасть.

На последнем совещании каждый из командиров бестрепетно — это Новоселову было ясно — ждал, что его оставят с госпиталем, и когда он сказал, что останется сам, на это будто и не обратили особого внимания. Однако, прощаясь, смотрели так, словно заметили в нем что-то новое.

Оставаясь с госпиталем, Новоселов знал, что найдет выход из положения. Нужно было только тихо уползти куда-то, притаиться, пересидеть, нужно было, чтобы помогли другие отряды. Их помощь — уйти не бесследно, как это можно было сделать, а отгаскивая на себе всю свору карателей, давая им нить для поисков и преследования. Отрядам нужно было с боями уйти в большие леса, что за Красной горой, и оттуда действовать. Обязательно действовать. А тем временем Новоселов что-нибудь сделает. Не может быть, чтобы ничего не смог сделать.

Отряд с ранеными уполз, и несколько дней было тихо.

Как лиса, которая хитро запутала и замела следы, а теперь, затаившись, слушает удаляющийся лай гончих, Новоселов жил в состоянии тревожного ожидания: неужели пронесло? Этот вопрос уже вытеснялся более определенной мыслью, в которой звучала надежда: кажется, пронесло. На смену прежней тревоге начали выползать на первый план новые заботы: нет продуктов, нет лекарств, молчит радио...

И вдруг этот бой.

...А Петька уже лежал за деревом. Он всегда знал, что делал. Он не лег за торчавшим из-под снега валуном. Зачем, если рядом есть поваленное дерево? Ведь осколки от камня не слаще самих пуль. А Петьке нужно было устроиться всерьез и надолго. У него была не винтовка («разве винторез — оружие? С него только галок бить»), не автомат, а «дегтарь» — ручной пулемет с парой дисков. Если можно сказать об ору-

жии, что оно «идет» человеку, то «дегтярь» был Петру в самый раз, под стать его узловатой, крепкой фигуре.

Петр устроился за поваленным деревом, готовясь стегануть из пулемета. Он всегда умел быстро устраиваться. Когда служил действительную, умел за несколько часов увольнения уладить все свои дела; на войне — попасть на ночлег к доброй и покладистой хозяйке; в лесу — найти место у самого жаркого костра, над которым булькал самый большой котел. А сейчас Петр Ильин устроился за деревом, чтобы стегануть по немцам из пулемета.

Петр везде попевал, и Новоселов это знал. Новоселов не заботился и не думал о его действиях точно так же, как не думал в тот момент о своих руках, о своих пальцах, снимавших предохранительный колпачок немецкой гранаты с длинной деревянной ручкой, — он был в них уверен. Петру можно было не давать никаких команд — он сам сделает все, что нужно. Какое-то мгновение продолжала нелепо торчать растопыренная фигура Костромина, но Петька потянул его снизу за полу полушубка, и Костромин послушно лег рядом, раскинув ноги и старательно прижимая к земле пятки, как на стрелковых учениях в тире. Новоселов успел вспомнить, как мытарил когда-то его, желторотого солдата первого года службы, взводный за эти самые пятки, которые не хотели прижиматься к земле, как того требовало «НСД» — наставление по стрелковому делу. От самого слова «НСД», возникшего в памяти, повеяло вдруг чем-то давно забытым... Новоселов на миг подумал: а ведь Костромин совсем недавно из училища; он, собственно, телок, единственная вина которого в том, что он не успел вырасти. Но эти мысли, воспоминания, возникшие сами собой, помимо воли, прошли где-то сбоку, не мешая главному. Главное же было в том, что Новоселов напряженно прислушивался к тому, как внизу просыпается лагерь.

Впереди был предрассветный бой, в котором опасности ждешь отовсюду, и все-таки она всегда оказывается с неожиданной стороны.

Новоселов бросил:

— Сейчас половина пятого. Держитесь до шести часов.

Костромин, Петр и еще несколько прибежавших снизу товарищей должны были остановить врага у этого поваленного дерева. Остановить любой ценой.

Уже возле самого лагеря Новоселова догнала подхваченная гулким эхом пулеметная скороговорка. От нее вздрогнул воздух и посыпался с деревьев снег. В этом обросшем тишиной логу выстрелы прозвучали неожиданно громко и как-то безапелляционно. Со старым, мол, покончено, теперь уже прятаться бесполезно... И, странное дело, Новоселов почувствовал себя подтянутее и сильнее. Пулеметная очередь подвела жирную черту под вчерашним днем, покончила с колебаниями и раздумьями. Сейчас нельзя было терять ни секунды, нужно было немедленно уходить. Вот только куда? Куда? Куда?

Старик Забыйворота — тавричанский хохол, осевший в здешних заповедных лесах лет тридцать тому назад, — ткнул клешней рукавицы на юг.

— Тикать трэба в гори. Бильш нэма куды.

В первый момент Новоселов не понял. Он что, с ума сошел, этот старик? Потом скомандовал:

— Веди!

Лесник был прав, уходить нужно на юг. Немцы пришли оттуда, там искать не будут. Будь здесь Костромин, он, наверное, сказал бы: «Как на велосипеде. Падаешь вправо — туда и руль поворачивай. Не верь инстинкту, который подсказывает повернуть в противоположную сторону. Поворачивай, куда падаешь».

Костромину вечно приходили в голову необычные сравнения.

3

И Костромину и Петьке скоро стало ясно, что немцев не много, не больше взезда. Напоровшись на пулемет и не сумев с ходу смять возникшую вдруг на дороге заставу, они отошли, рассредоточились за деревьями и начали понемногу постреливать.

Петр сплюнул.

— Во рту что-то пересохло, — сказал он. — Немцы нас до рассвета побоятся трогать. Поспешили наши удирать.

— В самый раз, — не согласился с ним Костромин. — Утром поздно будет.

Сзади послышались шаги.

— Кто?

— Связой.

Он передал, что Новоселов ушел глубже в горы, на юг, место встречи — Кизиловая поляна.

Костромин растерялся: «На юг? Но это значит — двигаться долиной, по которой пришли сюда немцы...» Потом поразмыслил и не стал ни о чем допытываться: он не хотел, чтобы были произнесены слова «мы окружены». Поинтересовался только:

— Что вам приказано делать дальше?

— Оставаться с вами.

Итак, их теперь семеро.

— Кто знает пулемет?

Отозвались двое.

— Оставайтесь с Ильиным. Остальные — за мной.

Он подполз к Петьке.

— Я залягу метрах в тридцати правее...

— А что это даст? — угрюмо возразил Петр. Он не понимал, чего мудрит этот пытающийся командовать человек.

Костромин не ответил. Сказал только:

— Следите за тылом. Да смотрите не перестреляйте нас.

Он быстро отполз в сторону и вместе с тремя бойцами скрылся в темноте.

В устье долины, ниже того места, где находился лагерь, к звездам неторопливо взлетели цепочки трассирующих пуль, сначала красных, потом зеленых. Спустя несколько секунд, когда беззвучные, как искры от костра, огненные точки уже погасли, эхо донесло: «та-та-та-та... та-та-та-та...» Это могли быть случайные очереди — взял немец и выпалил в белый свет, как в копеечку, но Костромин был убежден: «Сигнал подают, что готовы, заняли свой рубеж. Мышеловка, мол, захлопнулась. Окружить решили». И он с восхищением вспомнил о Новоселове, который без малейшего, как ему казалось, колебания, не теряя ни секунды, принял решение, невероятное и все же — теперь Костромин это понимал — единственно верное решение: идти в горы, на юг, туда, откуда пришел враг. Откуда только у Новоселова эта пронзительность, это мгновенное умение так почувствовать и оценить обстановку?..

Что касается себя самого, то Костромин знал, что он-то вряд ли смог бы решить так быстро и так точно.

А Новоселов увидел очереди трассирующих уже на марше. Что это был за марш! Невероятно растянулась цепочка оборванных, больных и израненных людей. В самодельных, сделанных из еловых веток волокушах ташили тех, кто совершенно не мог двигаться. У двоих из них началась гангрена. Среди всего этого неожиданной казалась фигура Марийки, несшей на руках своего трехмесячного младенца.

Заметив цепочки светящихся пуль, Новоселов пробормстал:

— Старик прав. Если выскочим, так только здесь. — И передал по колонне: — Шире шаг!

Слова эти будто подхлестнули на несколько мгновений то, что Новоселов про себя называл «колонной». Но временами движение совсем приостанавливалось. Пятьдесят человек больных и раненых! Иногда Новоселову казалось, будто их всех он тащит на своей спине.

Вперед ушли разведчики. От них прибежал связной.

Вышли к дороге. Что дальше?

По-видимому, самое трудное — это принимать решения. Вот и сейчас: что дальше?

В этом месте долина сужается до предела. По дну ее рядом с рекой проходит дорога. По ней пришли немцы...

Так что же дальше?

Бежать от этой дороги? Перейти реку и карабкаться по обледеневшим, почти голым склонам? Но под силу ли это людям? А может быть... У Новоселова сердце забилося где-то в горле.

...Может быть, воспользоваться этой дорогой? Велика опасность, но и велик соблазн. Ведь четыре или пять километров до того места, где громадная безыменная скала разводит их вправо и влево, река бежит рядом с дорогой. А отряд идет вверх по течению, на юг, туда, где начинается река.

Так что же — выйти на дорогу, сделать бросок и, если счастье улыбнется, свернуть возле безыменной скалы вместе с речкой влево и выскочить из проклятого кольца?

Неимоверно велик риск. Никогда еще Новоселов не рисковал так отчаянно. Но, оглянувшись назад, он увидел волокуши, на которых неподвижно и безмолвно лежали раненые. Сзади молча стояли пропахшие дымом костров, черные от копоти, заросшие бойцы. И Новоселов почувствовал, что каждый из них так же, как и он сам, если кончатся патроны, схватит камень, а если дойдет до рукопашной, будет руками душить врага.

Новоселовскомандовал:

— Выходите на дорогу.

Немцы не стали ждать утра. Заметив между деревьями какие-то тени, Петька дал очередь, и завязался бой, тем более ожесточенный, что он разворачивался на крохотном пятячке. Иногда огонь достигал такой силы, что Петр чувствовал себя будто на обрывистом берегу, когда отходить некуда, а дальше держаться нет возможности. Потом напряжение спало, и между деревьями — впереди, справа, слева — снова появлялись неясные тени. Петр бил по ним, экономя патроны. Ребята — у одного был карабин, у другого немецкий автомат — помогали ему. В одно из мгновений, когда эта помощь была особенно нужна, карабин замолк, и Петька с яростью подумал о Костромине: «Чего же он молчит? Ждет, когда нас жареный петух в нос клюнет?»

А Костромин упрямо молчал. Он ударил во фланг немцам лишь в ту решительную минуту, когда, казалось, еще мгновение — и перегородивший своим огнем лесную дорогу упрямый пулемет наконец замолчит.

В течение всего боя тишину в заснеженном лесу нарушали одни выстрелы и разрывы гранат. Человеческого голоса не было слышно. Правда, иногда раздавались сдавленные крики раненых. Тем более неожиданным было возникшее вдруг отчаянное и восторженное «ура!». Его подкреплял только жиденький треск нескольких автоматов, но поди разбери, где здесь палят свои, а где чужие. В общем яростном крике Петька различил срывающийся на фальцет голос Костромина, тут же сам завопил: «Жми, Кострома!» — и, поддавшись какому-то наитию, набрав полную грудь воздуха, пронзительно, разбойно, на весь лес свистнул.

В другой обстановке немцы скоро разобрались бы, что к чему, но ночной бой в лесу и так напруг их нервы до предела. Началась неразбериха, стрельба стала беспорядочной. Пользуясь этим, Костромин вывел своих людей из-под огня и отошел чуть назад, в направлении лагеря.

Все происходящее представлялось Костромину в тот миг неповторимым, подножие Голото шпиля казалось ему средоточием важнейших событий вселенной, себя он чувствовал необыкновенно ловким, быстрым... Но тут выяснилось, что их осталось всего четверо.

Времени было половина шестого.

Как всегда перед рассветом, стало совершенно темно. Пошел снег. «Снег — это хорошо, — думал Костромин. — Пусть заметает следы. Чем злее погода, тем лучше для нас».

В той стороне, где оставались немцы, еще слышались одиночные выстрелы, потом все стихло. Тишина была неприятной, тягостной. Внезапно ее разорвал тонкий, почти нечеловеческий крик, срывающийся на вой. В нем не было ни надежды, ни мольбы, ни призыва о помощи. Но чувствовалось, что человеку, чей крик повис над лесом, невероятно, невысказанно больно. Может быть, ему вспарывают живот, может быть, по частям рубят руку или отрезают нос, уши, выкалывают глаза...

Значит, один из троих, оставшихся на месте боя, не убит, а только ранен? И сейчас его мучат?

Костромину этот крик сорвал с места и заставил броситься вперед, но Петька повалил его и прижал к земле.

— Куда... куда... — хрипел он Костромину в ухо. — Они сюда сами придут, а ему ты уже не поможешь...

Это была правда. Донеслось несколько выстрелов. Крик оборвался.

Немцы осторожно, но упрямо продолжали двигаться вперед. В перестрелке, которая снова завязалась, был ранен в горло четвертый парень. Вскоре он умер. Костромину пулей оцарапало голову. Теперь их осталось трое.

Приближалось утро. Можно было уходить.

След протапывал Петька. За ним шел боец, которого Новоселов прислал связным. Костромин едва плелся сзади. Голова у него была не столько поцарапана, сколько контужена, и теперь Костромину казалось, будто она гудит, как телеграфный столб.

Если идти кратчайшим путем, каким повел отряд Новоселов, — до Кизиловой поляны километров двадцать, но Петр из осторожности выбрал другой, более дальний путь. К полудню он рассчитывал добраться до гребня хребта, где постоянные ветры сдувают снег, а по этой, в общем, неплохой дороге ходьбы до поляны часа четыре. Петр предполагал, что они придут туда одновременно с Новоселовым: они ведь идут налегке, а там раненые. Переход представлялся ему относительно безопасным — преследования не было, и впереди ни единого села, ни единой лесной сторожки, где можно наткнуться на карателей. В одном только месте нужно будет пересечь шоссе, это потребует быстроты и осторожности. Будь погода иной, можно было бы бояться перехода по хребту: в ясные дни над ним иногда летают немецкие самолеты, но сейчас горы были затянуты облаками.

Несмотря на события минувшей ночи, голод и усталость, к Петру возвращалось обычное бодрое, даже беззаботное настроение, которое всегда жило в нем рядом с уверенностью в том, что все в конце концов будет хорошо. Особенно его радовала державшаяся внизу, в долине, тишина. Это значило, что Новоселову покамест удалось избежать встречи с немцами.

Петру было жаль Костромину. Он по себе знал, насколько неприятная штука — контузия в голову. И раны вроде нет, а ходишь, как шаль-

ной, если только вообще можешь ходить. Но все же Костромин должен радоваться — счастливо отделался. Еще бы чуть-чуть, и лежал бы возле Голого шпиля, где осталось четверо ребят, не топтал бы лесные дорожки.

А он, Костромин, вроде бы неплохой парень. Не сравнить, конечно, с Новоселовым, но парень неплохой. Пожалуй, зря Егор Алексеич к нему с таким недоверием. Фантазии у него, правда, многовато, все пишет что-то и слишком умно говорить старается, но это обомнется, пройдет. Уже проходит. Петр готов был признать, что мысль Костромина насчет того, чтобы разделить и в самый трудный момент ударить во фланг, была правильной. Конечно, правильной. Уж чего-чего, а такого нахальства немцы не ожидали. Не ожидал его и Петька. Оглянувшись на Костромина, он подумал: «Вот только уж больно квелый... Шатается, будто выпивши... Не пришлось бы его тащить на себе. Силенок маловато у парня».

4

К шоссе подошли, как и предполагали, около полудня. Еще издали было видно: по дороге неторопливо — так казалось на расстоянии — пробежала машина. Немцы явно осмелели. Совсем недавно они не решались ездить иначе, как сбившись в колонну да еще в сопровождении легкого танка или бронетранспортера. А сейчас — смотри ты! — бежит один-единственный грузовичок.

Остановились, чтобы выбрать место, где лес ближе всего подходит к шоссе.

— Ишь, черти сытые, совсем как дома разъезжают, — пробормотал Петька.

А Костромин не сводил глаз с дороги и напряженно думал.

— Ну пошли, что ли... — сказал Петр.

— Погодите, — остановил его Костромин. — Нам предстоит еще одно дело... — Он помолчал, преодолевая унизительную слабость, которая сковывала все тело. — Нужно подбить машину на шоссе...

— Что-о? — Петр повернулся к нему всем телом.

— Машину нужно подбить, — повторил Костромин, показывая рукой на шоссе. — Если это не сделаем мы, кому-то специально придется идти на операцию. Нам нужен аккумулятор, чтобы заговорило радио. А взять его больше нигде. Выход один — подбить машину.

Он оглянулся, ища поддержки, на бойца, которого Новоселов давеча прислал к нему с вестью об уходе, и наконец узнал его. Это был Устим, внук старика Забыйворота, парень лет шестнадцати. Он, видно, никогда еще не брился, редкий пух на его лице заиндевел.

А кто были остальные бойцы, прибежавшие снизу на помощь после первых выстрелов да так и оставшиеся даже непохороненными у подножия Голого шпиля? Костромин не смог их вспомнить.

— Бриться тебе, парень, пора, — сказал он Устиму, и тот смутился. — Вот придем в лагерь, возьмешь у меня самобрейку. — Потрогав свой подбородок, Костромин добавил: — Я тоже малость оброс, три дня не брился. Нехорошо это — опускаться.

— А вы бороду отращивайте, — посоветовал Петр, у которого лицо чуть не от самых глаз закрывала молодая, с кучерявинкой, черная борода и пушистые, наполозавшие на рот усы. — И возни меньше и теплее — все-таки шерсть...

— Не получится, — с искренним сожалением ответил Костромин. — Растительность на лице у меня редкая, рыжая...

— Три волосины. и те густые, — засмеялся Петька.

— Совершенно точно, — не обиделся Костромин и спросил, поднимаясь: — Так где нам лучше всего устроить засаду? Я думаю, вот на том дальнем повороте.

Разговор о бритве подействовал на Петра странным образом — лучше всяких доводов и доказательств. Уж если Костромин так хладнокровно смотрит на предстоящее дело, то ему не подобает вести себя иначе. Он сказал только:

— Маловато нас для такого дела. Однако аккумулятор действительно нужен...

Место выбрали подходящее. Откуда бы машина ни шла, на повороте она непременно должна была затормозить. Кустарник и мелколесье начинались прямо от шоссе. Здесь же от него ответвлялась грунтовая дорога. Видимо, по ней недавно ездили в лес за дровами. На самой дороге и рядом сохранились следы сапог и валенок. Наверное, прежде чем свернуть в лес, немцы или полицейские сделали небольшой прочес. Это тоже хорошо — чем больше следов на снегу, тем легче скрыться. Осмотревшись, наметили путь отступления. Заняли места.

Первую машину пропустили. Это был многотонный грузовик с фургоном. В кабине рядом с шофером сидели еще двое. Когда автомобиль подходил к повороту, Костромин увидел, как сидевший посредине немец поднес к сигарете, которая торчала во рту шофера, зажигалку; шофер, не отрываясь глазами от дороги, прикурил и кивнул головой в знак благодарности.

Грузовик не тронули, потому что в кузове под брезентом могли быть еще солдаты, и он скоро скрылся за поворотом, оставив после себя облачко едкого сизого дыма. Но вот и облачко унесло ветром, а перед глазами Костромина еще стояла эта сцена: один немец подносит другому зажигалку, тот прикуривает, благодарит, а третий им в это время что-то громко рассказывает, стараясь перекричать рев дизеля. В самой обыденности всего этого было что-то невероятное. Впервые Костромин сталкивался с ними вот так вот. И от сознания того, что он ничего не сделал, что в тот момент он был бессилён, Костромин почувствовал гнев, стыд и ненависть.

А Петька снова бормотал:

— Как дома разъезжают!.. — Помолчал и добавил: — До поры до времени...

Только спустя минут сорок на шоссе снова показался автомобиль. Это была похожая на черепашку легковая машина. Дорога была скользкой, и шофер осторожничал. Издали было слышно, как звякают надетые на задние колеса цепи. Рядом с шофером сидел еще один немец. Заднее сиденье казалось пустым.

Петр половчее приложился к пулемету. В диске оставалось всего десять патронов, поэтому надо было бить наверняка. Костромин на всякий случай приготовил гранату.

На повороте шофер притормозил, и в этот момент Петр сверху ударил по ветровому стеклу автомобиля, по которому медленно ползала металлическая планка «дворника», размазывая налипавшие на стекло мокрые снежинки. Почти одновременно к машине бросился Костромин. Она было дернулась, но тут же стала. Будто в испуге, заметался по продырявленному стеклу «дворник» и тоже замер. Костромин видел, как шофер откинулся на спинку сиденья, странно потянулся всем телом назад да так и остался лежать в неестественной позе. Зато второй немец с невероятной быстротой и ловкостью выскочил из машины и с автоматом в руках (когда он только успел его схватить?) скатился в полузасыпанный снегом кювет.

Устим, который залез на дерево, чтобы наблюдать за шоссе, думая, что товарищи упустили немца, крикнул, показывая рукой:

— Вот он!..

И тут же поплатился за неосторожность. Немец выстрелил, почти не целясь и продолжая ползти. Ломая ветки, Устим упал вниз. Костромин опоздал, может быть, на секунду — после нескольких его выстрелов немец уткнулся головой в снег и затих.

— Добей его и посмотри, что с парнем! — крикнул Петр. Сам он пытался поднять капот мотора, где должен был стоять аккумулятор.

Костромин подбежал к неподвижно лежавшему немцу, ткнул его носком сапога в бок, брезгливо морщась, попытался повернуть ногой его голову и увидел текущую из-под шапки кровь.

Петр с яростью дергал капот, не понимая, что же его держит.

— Готов? — спросил он о немце. — Займись парнем.

Костромин перескочил через кювет к Устиму, но тот уже не дышал.

Открыв наконец капот, Петр озадаченно замер — аккумулятора не было видно. Где же он? Наверное, под сиденьем. Распахнув дверцу, Петр откинул сиденье — аккумулятор действительно стоял под ним. Остановка была за тем, чтобы отвинтить или отрезать два кабеля, которые вели к мотору. Пробуя отвернуть гайки рукой, Петр спросил:

— Что с парнем?

Костромин поднял голову, чтобы ответить, и содрогнулся от ужаса: левый в кювете немец повернулся набок, достал из-под себя автомат и теперь целился в стоявшего к нему спиной Петра.

— Ложись! — крикнул Костромин.

Но Петр его не понял. Да если бы и понял, было поздно — немец дал очередь.

Петька вздрогнул, удивленно оглянулся, выпрямился — в руках у него была пусковая рукоятка автомашины — и, ни слова не говоря, наклонив вперед голову, медленно пошел к немцу.

«Промахнулся!» — мелькнула было мысль у Костромина.

А немец, видя неотвратимо надвигающуюся на него фигуру, силился снова поднять автомат и не мог. Лицо его искажала гримаса ненависти и страха. Подойдя к нему вплотную, Петр поднял тяжелую металлическую ручку и изо всей силы ударил ею немца по голове. Потом пошатнулся и упал рядом.

Костромин бросился к нему. Но Петр нашел в себе силы сесть. Падая, он разбил лицо, и теперь по бороде текла кровь.

— Снимай аккумулятор, — сказал он.

Костромин приподнял Петра и потащил с шоссе, а тот негромко, но упрямо повторил:

— Снимай аккумулятор... Слышишь?

Когда Костромин начал ощупывать товарища, чтобы найти рану, Петр оттолкнул его и зло выдавил из себя:

— Ты что, не слышишь?.. Ты добрый, я вижу... Немца не смог добить. — Костромин отшатнулся, будто уклоняясь от удара. — Снимай аккумулятор. Слышишь?

Все это время Петр, преодолевая боль, пытался залезть рукой в карман, потом с невесть откуда взявшейся быстротой вытащил оттуда гранату-лимонку, нажал предохранительную скобу и вырвал кольцо.

— Снимай скорее...

...Покончив с кабелем, Костромин вытащил из машины небольшой, но тяжелый ящик аккумулятора.

— Засовывай в мешок... Да не опрокинь — там кислота. И вообще, будешь нести, нужно осторожнее, чтоб не разлить кислоту. — Петру было, видимо, очень больно, но он продолжал следить за Костроминым. Когда аккумулятор оказался в его, Петьки, солдатском вещмешке, из которого все походное барахлишко было выброшено прямо на дорогу, он, как о чем-то давно решенном, сказал:

— Порядок. А теперь...— Петр глотнул воздуха, вытер кровь с бороды и как бы выдохнул: — Теперь... уходи.

Надев мешок, Костромин наклонился к Петру, но тот угрожающе поднял руку с гранатой.

— Уходи, говорю. Не трожь меня. Вдвоем мы не уйдем — догонят...

— Тогда и я останусь, — тихо, но твердо сказал Костромин.

— Дур-рак, — прохрипел Петька. — Сволочь, мать твою... Сто пятьдесят человек ждут... Жизни отданы, а ты тут в благородство играешь... Я все равно кончусь в дороге. Он мне внутри все перебил...— Петр захлебывался словами, под ним растекалась лужа крови. — Слышишь?

Вдали послышался рев мотора и лязг металла.

— Уходи. Я на тебя не обижаюсь.

Уже вдогонку, когда Костромин скрылся за кустами, Петр крикнул:

— Кислоту не разлей!

Когда-то раньше, очень-очень давно, в той, прошлой жизни, Костромин думал: откуда берется тоска? Тогда еще не было войны и можно было размышлять о себе и своих чувствах. Разве он понимал тогда, что такое настоящая боль? Разве знал тяжесть настоящих утрат?

«Уходи»,— сказал Петька и остался, чтобы умереть в одиночку. Лучше бы умереть с ним рядом, чем вот так топтать след по нетронутому снегу только для себя. Кто поймет всю тоску человека, который начинал путь с товарищами, а кончает его, прокладывая след только для себя! Человека, неискупимая вина которого в том, что он не добил врага, и это стало причиной гибели друга. Какое счастье, что лишь немногие испытывают это в своей жизни.

...Лязг металла — это шел танк — нарастал. Потом он смолк. Послышались выстрелы. Разрыв гранаты. «Бросил!» Потом тишина. И несколько одиночных мстительных выстрелов — так стреляют в мертвое тело.

Петр Ильин перестал жить.

Костромин упал в снег. Слезы ползли по его грязному, закопченному лицу, рыдания сотрясали его усталое исхудавшее тело. Ему легче было бы встать, спуститься на дорогу, бросить в немцев последнюю гранату, разрядить в них автомат и с чистым сердцем умереть. Сейчас это было бы легче. Но он встал, поправил ношу и, с трудом переставляя ноги, пошел вверх.

А вокруг стояла звенящая тишина, пронизанная косыми холодными солнечными лучами. И Костромин вдруг понял, что все те слова, которыми хлестал его Петр, были вызваны не озлоблением, не бессильной яростью умирающего, но мужеством человека, решившего любой ценой — хитростью, угрозами, оскорблениями — заставить его, Костромина, уйти, ибо от этого зависела судьба отряда, остальных товарищей.

5

Вначале вздрогнули стрелки приборов, потом в середине что-то мягко заурчало, послышались потрескивания и шорохи — рация ожила. Радист, угрюмый черный детина, не то армянин, не то цыган, с подвижными, чуткими пальцами, какие бывают у музыкантов, часовщиков и минеров, проверил приемник, проверил передатчик, защелкал переключателем в поисках русской речи. Но Москва передавала музыку. До сеанса оставалось сорок минут, и радист медленно, с наслаждением отправился в путешествие по эфиру.

Удивительно нежно пела женщина, и думалось: «А какая она?»

А рядом с женским голосом грохотала медь марша, дальше — вздрагивала и змеилась восточная мелодия, ее забивал джаз... Будто и не было зимы, метели, ночного боя, будто не лежало где-то в снегу то, что осталось от Петра и Устима, будто и не было на свете такой женщины — Марийки, которая в отчаянии совала больному ребенку свою тощую грудь, а тот, старчески морщась, плакал и отворачивался от груди, в которой нет молока.

...Немецкая речь ворвалась неожиданно и резко. Голос был напористый и отчетливый. «...Ich melde... unsere Einheiten...», и, наконец, заставившее вздрогнуть, картаво произнесенное: «Partisanen...»

Немец был рядом, если и не за присыпанной снегом стеной этого шалаша, то в нескольких километрах, внизу, в долине, и говорил он не о ком-нибудь, а о них, сидевших в шалаше, и слова его не сулили ничего хорошего. Когда он замолк, Костромин сказал:

— Какой-то эсэсовский оберштурмфюрер докладывает, что в долине обнаружены покинутые партизанами шалаши и землянки. Отряд успел уйти, следы пока не найдены, розыскам помешала непогода, завтра они будут продолжены до полного истребления банды. Произошла перестрелка с заставой, убито пятеро партизан. В районе лагеря найдены закопанные в снегу восемь трупов партизан, умерших от ран и истощения. Потери немцев: четверо убитых и шестеро раненых. Двое ранены безнадежно...

Странно было слышать такой вот рассказ со стороны о себе.

— Банда — это мы? — спросил Новоселов.

— По-видимому...

— Он говорит, убито пятеро партизан? Сколько же потеряли вы у Голого шпиля?

— Четверых.

— Кто же пятый?

Помедлив, Костромин ответил:

— Вы забыли о часовом...

А Новоселов, словно не слыша, в раздумье проговорил:

— До чего же они обнаглели — оперативные донесения открытым текстом передают. Ну ничего, а мы не гордые... — Он протянул клочок бумаги. — Зашифруйте радиограмму.

Костромин прочитал:

«Отряды отошли восточнее. Остался госпиталем. Вырвался окружения. Положение тяжелое. Имею пятьдесят раненых. Прошу выполнить договоренность номер три. Новоселов».

Радист пытался связаться с Большой землей, и временами казалось, что это так же невозможно, как если бы он вздумал переговорить с жителями той далекой планеты, которая по вечерам угрюмо отсвечивает оранжево-красным цветом низко над горизонтом. Думалось: голос крохотной рации теряется в этом бездонном, неохватном черном небе так же, как дыхание ребенка в шуме огромного, полного движения города. Радист подвинчивал, подкручивал, переключал, возился с антенной и снова отстукивал ключом свои позывные и мольбу отозваться... Невозможно придать бесстрастным точкам и тире какую-либо интонацию, но в ритме, с каким стучал ключ, в молчаливом упорстве радиста, перед которым лежали превращенные в набор внешне бессвязных цифр слова «положение тяжелое», — во всем этом чудилась мольба: «Да отзовитесь же!..»

И Большая земля отозвалась.

Ее голос был тих и слаб. Ему нужно было пролететь над морем, над городами и селами, где стояли сейчас немецкие гарнизоны, ему нужно было пробиться сквозь непогоду и завывание джаза. И он пробился.

И Костромин подумал: «Это как солнечный луч в сумрачный штормовой день. Единственный тоненький луч за весь день! Но как он бодрит, как поднимает дух самым напоминанием о том, что там, за черными тучами, огромное, неугасимое солнце».

А в руках у радиста танцевал ключ и ошалело метался по бумаге карандаш. Расшифровали ответ, и Новоселов прочел: «Договоренность номер три будет выполнена».

Когда радист, будто между прочим, заметил: «Немцы нас могли засесть, запеленговать...», Новоселов махнул рукой:

— Теперь это не имеет значения. Через час мы отсюда уходим. Вениамин Петрович, — позвал он, и Костромин вздрогнул: впервые Новоселов обращался к нему так. — Двигайтесь ближе! — Новоселов разостлал на коленях карту. — «Договоренность номер три» — это значит, что через двое суток после разговора в условленное место, — он положил палец на карту, — вот сюда, должен прийти за ранеными катер. Впереди сорок восемь часов, расстояние около сорока километров. Возможны неожиданности. Пригласите старика Забыйворота, вместе прикинем маршрут.

...Когда обо всем договорились, старик задал вопрос, которого Костромин ждал с болью:

— Де Устим zostався?

— Возле дороги, дедушка, — ответил Костромин, не решаясь посмотреть старику в глаза.

— Вместе с Петром? — Это спрашивал Новоселов.

Костромин кивнул головой.

— Обоих вбито?

Костромин опустил голову. С новой силой в нем поднялось несправедливое и страшное чувство вины человека, который остался живым. Несправедливое, страшное, но куда от него уйдешь, что ответишь старику, лицо которого кажется непроницаемым, а голос звучит так обманчиво ровно!

В разгар суеты, сопровождающей всякие сборы, Костромин еще раз наткнулся на старика. Тот стоял посреди лагеря с обнаженной головой и, ничего не замечая вокруг, бормотал:

— Один... Один... Як былина у поли...

Ночь сменилась днем, и опять наступила ночь. Перестал идти снег и снова пошел. Ветер разогнал туман, и на юге ненадолго показалась выпуклая серая громада зимнего моря, а потом опять наполнили тучи и закрыли все перед глазами. Выдали еще по три сухаря. Закопали в снегу, обложив камнями, еще двоих умерших. И все это время шли, шли, шли. Почти без сна, почти без отдыха, не зажигая костров.

Забыйворота находил занесенные снегом тропы и лесные дороги, но нужно было прокладывать след, обходить места, где возможны заставы, пробивать путь вокруг скал и сквозь заросли. Во время коротких остановок бойцы, топтавшие след, менялись местами с теми, кто тащил волокуши. Одинаково трудно было и тем и другим, но Новоселов менял их, чтобы создать какое-то разнообразие, чтобы хоть как-то встряхнуть людей. Проходя вдоль колонны, он наклонялся над волокушами и, если встречал чей-нибудь взгляд, говорил шепотом:

— Потерпи. Ночью выйдем к морю. За вами придет катер.

Он подбадривал остальных:

— Продержитесь еще немного. На катере подбросят продукты, оружие и одежду.

Сам Новоселов держался на ногах только потому, что иначе было нельзя, потому, что кто-то должен быть сильнее и крепче остальных, но

вид у него был совсем больной. Небольшие серые глаза запали, обмороженный нос распух, губы потрескались, морщины, изрезавшие лоб, беспрестанно и, как бы сами по себе, двигались. Он не командовал, не приказывал — он просил. Иначе было нельзя. Едва ли не он один говорил сейчас. Остальные молчали.

Далеко впереди всех шел Костромин с двумя бойцами. Бойцы менялись, Костромин оставался. Судя по карте, отряд должен был вскоре выйти в верховья одного из ущелий. Отсюда следовало подняться по тропе к устью ущелья, перевалить через хребет и начать спуск к морю.

Ущелье оказалось нешироким, но стены его были почти отвесны, голы. Лишь кое-где на едва заметных выступах лепились сосны. Тропа местами шла по самому краю пропасти, иногда уходила чуть в сторону. Приходилось преодолевать крутой подъем, но все знали, что этот подъем — последний.

Костромин с разведчиками по-прежнему был впереди. Время клонилось к вечеру, а он еще хотел с вершины хребта осмотреть спуск, чтобы выбрать наиболее безопасный путь к заливчику, указанному Новоселовым на карте.

Они уже добрались до устья ущелья, когда увидели на отлогом безлесом склоне извивающуюся темную полосу. Костромин вскинул бинокль и почувствовал в голове, в груди внезапную пустоту и холод: это извивалась и неторопливо ползла вниз по склону сама смерть. Навстречу шли немцы.

Отчаяние охватило Костромину. Столько страданий, мук, жертв — и все напрасно. Так не проще ли было дать немцам последний бой и умереть там, в долине, у подножия Голого шпиля? Неужели все эти поиски, усилия, смелые решения только для того, чтобы умереть не там, а здесь?

Нет, не страх смерти овладел им. Это было отчаяние человека, который почти у самой цели узнал о тщетности своих невероятных усилий.

А потом пришли рассудительность и злость. Костромин повернулся к одному из бойцов.

— Доложите командиру, что сверху движется около роты немцев. Пусть пришлет пять человек с пулеметом. Попытаемся сковать их здесь.

Дальнейших своих мыслей Костромин не смел навязывать Новоселову, но он рассчитывал, что под прикрытием пулемета отряду, может быть, удастся избежать боя и, сделав крюк, выйти в условленное место к морю.

Новоселов помощь прислал, но сворачивать в лес не спешил. Он решил выждать, что будет делать противник дальше.

Немцы, между тем, спускались вниз. Не отрываясь от бинокля, Костромин еще раз предупредил:

— Без команды не стрелять.

Он уже видел, что впереди идет человек в брезентовом плаще с капюшоном, каких немцы не носили, — видимо, проводник из местных. «Его первого надо бы снять...» Немцы шли без особых предосторожностей. Голова колонны скрылась в небольшой ложине. Костромин решил подождать, когда они вытянутся оттуда и подойдут ближе. Но немцы долго не появлялись. Костромин встревожился, приподнялся, да так и замер, ошеломленный: колонна выходила на тропу, которая вела на прогизоположную сторону ущелья.

До него не сразу дошло, что опасность миновала, он даже не нашел в себе сил обрадоваться и только кивнул головой связному: немедленно предупредить Новоселова.

А немцы продолжали идти — молча, не переговариваясь, в обычном своем порядке, по одному.

Нагромождение камней надежно скрывало людей. Из-под опущенной снегом ветки можжевельника Новоселов, не шевелясь, смотрел на немцев. Вот они пройдут по узкой тропе у отвесной стены на противоположной стороне пропасти. Идут солдаты с автоматами и карабинами; идут унтер-офицеры, фельдфебели с парабеллумами, непривычно, на наш взгляд, висящими на левом боку; идут пулеметные расчеты, и это шествие кажется бесконечным... Наконец скала остается у них позади...

6

Тяжелый, изнуряющий труд ожидания. Внизу — неповторимый, ни на что другое не похожий шум моря. В нем смешался шорох гальки, плеск прибойной волны и тот особый, едва уловимый шелест, который производит в движении даже не встречающая на своем пути препятствий громадная масса воды. А здесь препятствия были — камни, берег.

Выбрали кусок побережья, где волна ложилась легко и спокойно, а впереди не было бурунов. Приготовились подать ответный сигнал. Оставили возле раненых несколько человек и небольшими группами перекрыли подходы к берегу. Замерли.

Темно и тревожно. И время тянется медленнее, чем даже для заждавшихся весны всегда бездомных чаек. Неуютно морским птицам в зимнюю ночь на холодных и мокрых прибрежных камнях. Но еще хуже людям, когда кругом война. Нет, время не движется, не тянется — оно еле ворочается, как сонная рыба на сумрачном морском дне среди камней и водорослей.

...Его напряженно ждали, и все-таки приглушенный шум мотора возник внезапно. А дальше все пошло со стремительностью ветра. Несколько раз мигнул огонек в море, ему ответила вспышка на берегу, и снова со всех сторон навалилась темнота — будто и не было ничего. Осталось только тревожное и ликующее ожидание. Где-то в этом мраке упрямо стремилась к берегу, переваливаясь на зыби, шлюпка.

Но тут на мысе вспыхнул охранявший вход в залив прожектор. Там тоже заметили обмен сигналами, услышали в море гул мотора. Слепящий луч беззвучно рассек темноту и торопливо зашарил по воде, отыскивая катер. С моря басовито загрохотал крупнокалиберный пулемет. Мимо. «Мешает зыбь», — подумал Новоселов. А луч прожектора резко метнулся и вцепился в катер. Заработали пулеметы и на берегу. Немецкие пушки молчали — катер был слишком близко, в недосягаемой для них мертвой зоне. Новоселов дал команду:

— Передайте Костромину, пусть берет людей — погасить прожектор.

А прожектор, показав пулеметчикам цель, тревожно ощупывал горизонт: немцы боялись десанта. В темноте шла беспорядочная пальба. Но теперь с катера почти не отвечали. Это встревожило было Новоселова, но он тут же отвлекся: к берегу подходила шлюпка. С нее прыгнули в воду несколько человек.

— Давай сюда! — сдавленно крикнул Новоселов и тоже шагнул в воду.

К кромке прибоя уже несли раненых.

Вслед за шлюпкой к берегу почти вплотную подошел катер. А на мысе возникли одиночные, похожие на треск горящих сучьев выстрелы. Вслед за этим с шипением, как искра от сырого полена в костре, взлетела красная ракета.

Разговаривать было некогда, и моряк, первым выскочивший на берег, спросил только:

— Кто там шурует?

Новоселов ответил:

— Наши.

Ракета — сигнал тревоги. К немцам уже спешат на помощь. Нужно торопиться. Раненых одного за другим поднимали на борт. Послышалось:

— Где командир?

— Здесь,— отозвался Новоселов.

— Принимайте груз.

И люди, подносившие на берег раненых, теперь возвращались с брезентовыми мешками, в которых были сухари, консервы, белье и оружие.

На мысе послышался взрыв, и прожектор наконец погас. Пальба сделалась еще более ожесточенной. Пулеметные очереди беспорядочно хлестали по воде и по берегу. Одна за другой взвились еще две красные ракеты.

— Быстрее, быстрее! — подгонял Новоселов. При виде этих ракет у него шевельнулась мысль о Костромине: «Взял их наш философ за жабры. Цепкий, черт».

На берегу показался Забыйворота с Марийкой. Старик помогал ей идти.

— У вас и дите есть? — удивился моряк, стоявший рядом с Новоселовым. — Не заходи в воду — простынешь,— сказал он Марийке,— Перенести женщину в шлюпку! А вы, батя, лезайте сами.

Старик, не отвечая, махнул рукой и стал карабкаться на крутой берег.

— Чего это он? — Моряк повернулся к Новоселову, но того рядом не оказалось. В недоумении он оглянулся по сторонам и вдруг увидел, как сползающая с берега волна тащит в море что-то большое и черное — человеческое тело. Мгновение назад шальная пуля нашла свою цель — это был Новоселов. Несколько человек бросились к нему, выхватили из воды и понесли к шлюпке.

С обрыва скатился разгоряченный Костромин.

— Где командир?

— Ранен...

— Погрузка закончена?.. У меня еще двоих ранило. Возьмите их и немедленно уходите.

Минуту спустя катер взревел моторами...

...И опять в лесу растянулась цепочка людей. На вершине хребта остановились: Костромин послал вперед разведку и теперь ждал ее возвращения.

Со всех сторон отряд обступила сосредоточенно тихая ночь. В мире сгустилась полная угрозы тишина, но Костромину, который раньше непременно подумал бы: «Так тихо бывает за секунду перед взрывом», теперь было не до сравнений. Раненые отправлены. У людей есть оружие и продовольствие. Надо вывести их на соединение с другими отрядами. И сделать это должен уже не Новоселов («Выживет ли?» — тревожно промелькнуло в голове), а он, Костромин.

РУДОЛЬФ ПЕТЕРСХАГЕН

★

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В „СВОБОДНОМ МИРЕ“

Главы из книги «Мятежная совесть»

Судьба Рудольфа Петерсхагена примечательна и поучительна. Офицер гитлеровской армии, полковник Петерсхаген командовал полком на Сталинградском фронте. Здесь он был ранен, отправлен в тыл и назначен затем военным комендантом маленького университетского города Грейфсвальда, что неподалеку от Ростка.

В последние недели войны гитлеровское командование отдало приказ превратить города Восточной Германии в оборонительные узлы и сопротивляться в них советским войскам, не останавливаясь ни перед полным разрушением городов, ни перед казнями жителей, которые осмелились бы заговорить о бессмысленности сопротивления. Этот приказ был частью последнего «стратегического плана» фашистской верхушки и германского генералитета: как можно больше территории, оружия и войск сдать наступающим с запада англо-американским силам, продолжая одновременно с этим сопротивление Советской Армии, наступающей с востока. Политический смысл этого плана очевиден.

Военный комендант Грейфсвальда полковник Петерсхаген не выполнил этого бессмысленного и преступного приказа. Чувство ответственности перед мирным населением города, его историческими памятниками, перед его университетом, который насчитывает пять веков, подсказало ему, что нужно подготовить и осуществить сдачу города советским войскам без боя.

То, за что жители Грейфсвальда удостоили Петерсхагена звания почетного гражданина ему не простили ни американская военная разведка, ни западногерманские реакционеры. Еще бы! В то время как на Западе десятки гарнизонов сдавались без боя американцам и англичанам, Грейфсвальд был одним из немногих, едва ли не единственным из городов, гарнизон которого не оказал сопротивления советским войскам. Но мало того! Человек, бывший инициатором этой передачи, стал участником послевоенной борьбы за мир. За это ему отпустили.

В октябре 1951 года Петерсхаген, выехавший по делам в Западную Германию, встретился в Мюнхене с неким капитаном американской армии Бэрром, который выдавал себя за антифашиста-демократа, а на самом деле оказался агентом американской разведки.

Американская разведка схватила Петерсхагена, организовала против него провокационный судебный процесс, в результате которого он был осужден на многолетнее заключение в тюрьме для военных преступников — фашистов, осужденных за преступления против человечности. После того как Петерсхаген был переведен из этой тюрьмы в одну из западногерманских тюрем, демократической общественности ГДР удалось добиться его освобождения. В сентябре 1955 года Петерсхаген вышел на свободу. Правительство ГДР наградило Рудольфа Петерсхагена медалью, учрежденной в честь Эрнста Морица Арндта (1769—1860) — немецкого поэта и патриота, поборника единства Германии и независимости немецкого народа, чьим девизом было: «Единой должна быть Германия!»

Петерсхаген написал книгу «Мятежная совесть», в которой рассказал о своей судьбе. Когда в минувшем году издательство «Ферлаг дер национ» выпустило эту книгу, орган СЕПГ газета «Нейес Дейчланд» писала о ней: «Книга Петерсхагена помогает многим людям понять всю опасность возрождаемого в Западной Германии милитаризма и разрушает всякие иллюзии по поводу Боннской республики, где царит свобода для военных преступников и террор для сторонников мира».

Мы публикуем главы из этой книги с некоторыми сокращениями.

* *

Ночная жизнь Мюнхена мне очень скоро надоела. В переполненные рестораны и дансинги можно было пробиться лишь силой, с помощью локтей. Примерно на пятьдесят Джи Ай¹ приходилась одна немецкая проститутка, из-за которой в среде оруженосцев «западной христианской культуры» тут же начиналась драка. Примерно в 22.00 мы с Бэром условились о встрече на воскресенье, и я отправился в свою маленькую тихую гостиницу.

Лежа в постели, я с грустью думал о тяжелой доле Бэра — немецкого эмигранта. Я еще не подозревал тогда, какую роль он играет. Мои мысли были прерваны резкими ударами в дверь.

— Войдите!

— Немедленно открыты! — заорал кто-то возбужденно.

— Дверь не заперта, — ответил я спокойно.

Сквозь щель в двери кто-то осторожно просунул дуло пистолета.

— Руки вверх! — крикнул штатский двухметрового роста.

Один, видимо, предводитель, держал меня под дулом пистолета, а четверо или пятеро подозрительных парней, разговаривавших на баварском диалекте, обрушились на все, что находилось в комнате. Очевидно, роли были распределены между ними заранее. В одно мгновение с места были сорваны картины, занавеси, ковры, половничок. Разобрали кровать, тщательно обыскали мою одежду и прочие вещи. Все свалили в угол. Окна были настежь раскрыты, по комнате гулял ветер. Номер стал похож на лавку старьевщика, в которую угодила бомба. Я стоял среди всего этого хаоса в ночной рубашке с поднятыми руками под направленным в мою грудь револьвером долговогого предводителя.

Вспомнив, как однажды, будучи лейтенантом, я стоял по стойке «смирно» тоже в ночной рубашке, я вдруг рассмеялся... Долговязый заорал зло:

— Вы арестованы Си Ай Си!²

Чтобы усилить впечатление, он сунул мне в лицо американский паспорт с фотографией. Его подручные стояли в столь угрожающих позах, что я понял: всякое сопротивление или возражение не только бессмысленно, но, пожалуй, даже опасно.

Я оделся. Долговязый — его звали Фрэй, а может быть, это была его кличка — отвез меня в машине в какую-то казарму на окраине города. Там, в большом полупустом помещении, меня ждал какой-то штатский лет тридцати. Это был шеф Фрэя, такой же длинный, но более массивный. Он вежливо представился как господин Дэлер и попросил извинить «неприятное вторжение». Но это, мол, необходимо, чтобы наконец вывести на чистую воду «мистера Бэра». Им нужна моя помощь. Дело в том, что я угодил в сети одного из опаснейших шпионов.

Я растерялся и попробовал привести свои мысли в порядок. Это было не легко. Прежде всего я стал протестовать против унижительной формы, избранной американцами для того, чтобы я помог им. Дэлер ответил:

— Персоналу гостиницы и Бэру мы скажем, что вы очень опасный вербовщик, который хотел переманить Бэра на Восток. Так что Бэр не узнает, почему вы арестованы, и мы сможем с вашей помощью спокойно разоблачить его и арестовать.

Я привык к простым и прямым путям в жизни, поэтому мне было трудно разоблачиться во всех этих хитросплетениях. Меня заставили, хотя было уже полночь, написать все, о чем я говорил с Бэром, и все, что касалось наших отношений.

Дэлер остался недоволен результатом.

— Этого недостаточно, чтобы арестовать Бэра. Вы не должны его шадить. Нет никакого сомнения, что он хотел привлечь вас к антиамериканскому шпионажу.

Ошарашенный этим, я заявил, что ничего не соответствующего действительности говорить или признавать не буду.

¹ Джи Ай — сокращенное обозначение солдат в американской армии, превратившееся в кличку. (Здесь и дальше — примечания переводчика).

² Си Ай Си — сокращенное название американской военной разведки.

— Это вас хорошо характеризует. Но так мы далеко не уедем! — По лицу Дэлера мелькнула усмешка: смесь сочувствия и лицемерия.

Я был неприятно поражен и потребовал, чтобы меня отпустили, потому что мне нечего добавить.

Дэлер заявил, что отпустить меня он, к сожалению, не может, нужно установить подлинность моей личности.

Я напомнил, что у меня есть межзональный паспорт и другие документы, удостоверяющие мою личность.

Дэлер заявил, что они могут быть фальшивыми. За ними может скрываться бог знает кто, даже человек, посланный самим Вальтером Ульбрихтом. Дэлер потребовал свидетельского подтверждения, что я действительно бывший полковник Петерсхаген из Грейфсвальда.

Я предложил вызвать в качестве свидетелей своих бывших сослуживцев и родственников, живущих в Западной Германии. Это было отклонено. Весь инцидент, как заявил американец, надо закончить конфиденциально. Дэлер считал, что лучше всего, если мою личность подтвердит моя жена. Надо, чтобы она срочно приехала в Западный Берлин.

Я воспротивился этому. Но мне торжественно дали честное слово, что моя жена после установления моей личности сможет снова уехать в Грейфсвальд и даже со мной. Правда, лишь в том случае, если мои документы окажутся подлинными.

Я был рад. Теперь все быстро и благополучно разъяснится.

Давно миновала полночь. Я устал и попросил разрешения перенести все на следующий день. Ведь и в предыдущую ночь, проведенную в вагоне, я тоже почти не спал.

Дэлер не советовал мне откладывать решение на утро. Утром явятся журналисты, заглянут в журнал ночных происшествий и прочтут о моем аресте. При здешних свободных нравах американцы не отвечают за то, что именно немецкие корреспонденты сварганят из короткой записи. Вероятно, они сообщат по радио и в газетах, будто я просил о политическом убежище. Тогда я не смогу вернуться, а жена моя окажется в трудном положении.

— Мне кажется, вы не решитесь поставить ее под угрозу! — добавил он с фальшивым сочувствием.

Он разговаривал со мной теперь очень вежливо, но как-то двусмысленно, в корректной, но неприятно скользкой форме. Мне принесли еду, питье и сигареты. На чистом немецком языке Дэлер сказал:

— Неужели вы не понимаете, что мы хотим вам помочь? Если вы напишете жене, что ей необходимо приехать в Западный Берлин для ухода за больной матерью, мы задержим вас здесь, в предварительном заключении. В этом случае ваша фамилия вовсе не появится в полицейском журнале. В несколько дней мы все уладим. Ведь нас-то интересует Бэр, а не вы. Неужели вам недостаточно честного слова американского офицера? Вашей жене мы зададим один-единственный вопрос для установления вашей личности. Но решайте скорей, а то дело будет предано гласности, и у вас будет много неприятностей.

Я написал жене требуемое письмо. Под пустыми предложениями меня заставляли переписывать его несколько раз, то чернилами, то карандашом. Не могу объяснить себе причину этого, но я был рад, когда наконец под утро меня отправили на новое место.

Меня довез туда все тот же Фрэй, который руководил моим арестом. Я оказался в каком-то отделении американской военной полиции, находившемся в подвале. По всем углам сидели солдаты американской армии — черные и белые, в военной полицейской форме, в белых гамашах. Были здесь и плохо одетые штатские, с грубыми лицами — безусловно местные жители. У изящной негритянки Фрэй получил расписку в том, что меня сдал, и быстро исчез.

Меня провели по длинному коридору к тяжелой, обитой железом двери. Охранник осветил темную подвальную дыру — абсолютно пустое помещение без окон, с каменным полом, выложенным плитами. Я запротестовал: недостойно помещать сюда человека, временно задержанного для проверки документов. Меня пытались насильно втолкнуть, я стал сопротивляться. Очнулся я разбитый и дрожащий от холода в углу на камен-

ном полу этой камеры. Во рту я почувствовал кровь, не хватало нескольких зубов. Снизу, сквозь пальто и одежду, проникала сырость. В камере воняло мочой... Осторожно поднявшись, я вдоль стены добрался до входа и стал громко кричать и бить ногой в дверь. Кто-то пришел и на баварском наречии сказал, чтобы я вел себя спокойно. Я попытался объяснить ему свое положение и потребовал, чтобы мне по крайней мере дали на чем сидеть. Но баварец заявил, что американец не даст ему ключей.

Утром за мной снова приехал Фрэй. Я был совершенно разбит — телесно и душевно. Самым категорическим образом я протестовал против того, что со мной проделали ночью. Я повторил свои жалобы шефу Фрэя, Дэлери, который вдруг стал именоваться Томасом. Он велел учинить проверку. Действительно появились какие-то американские офицеры, от имени армии США они выразили сожаление о ночном происшествии и попросили извинения. «Проверка»-де подтвердила, что никто из американских солдат не принимал участия в ночном избиении. Мне было лицемерно заявлено, что все сделали чрезмерно ретивые немцы.

Снова начался допрос.

— Вы в ваших показаниях шадите Бэра. Это неумно и выглядит так, будто вы хотите скрыть что-то известное вам об этом типе; тем самым вы только компрометируете себя.

Я настаивал, что говорю и буду говорить одну лишь правду, даже если ее попытаются использовать против меня. Дэлер, он же Томас, распроцался со мной, сказав, что летит в Берлин для встречи с моей женой.

Снова я оказался в руках Фрэя. Немецким языком он владел весьма посредственно и вообще был несравненно глупее, но зато и безжалостнее своего шефа. Обо мне он имел подробные сведения. Откуда — этого я тогда еще не знал. Из моих разговоров с Бэром он не мог знать все, что он знал. Его сведения обо мне распространялись далеко за рамки этих разговоров и касались Грейфсвальда и даже Альбека. Как и Томас, Фрэй твердил, что моих высказываний, к сожалению, недостаточно для ареста Бэра.

Весь день прошел в утомительных допросах. Поздно вечером Фрэй снова повез меня к месту заключения. У меня забегали мурашки по спине. Мы прибыли во двор какой-то казармы, состоявшей из нескольких корпусов. Казарма — точно такая же, как грейфсвальдская и все другие казармы, построенные незадолго до войны. Думая, что проведу ночь в приличном помещении, я обрадовался. Но зря. Меня повели вниз по лестницам снова в подвал. Тщетно я протестовал и сылался на свою астму. Фрэй вел меня вниз, сдал охраннику, который сидел развалившись и положив на стол ноги. Сделав охраннику указание по-английски и получив расписку, Фрэй исчез.

Опять меня повели по подземному коридору. Часть его была отгорожена тяжелой решетчатой дверью. Там горел свет. Слева по коридору были отдельные боксы с решетками на дверях, как клетки в зоопарке. В боксах американские солдаты, большей частью негры, играли в карты, читали, курили или спали.

Меня втокнули в одиночный бокс. В нем стояла койка, покрытая одеялом, но без белья. Стола и полки не было. Почти под потолком — узкое горизонтально расположенное окошко из толстого молочного стекла. Совершенно измученный, я опустился на железную койку и тотчас уснул.

Примерно в полночь меня разбудил шум мотора и страшная вонь — перегар бензина. В одном из корпусов был ночной бар и большое кино для американцев. Во дворе перед казармой устроили стоянку автомашин. Их ставили вдоль стены возле наших камер. Сквозь щели к нам проникали все отходящие газы. И так каждую ночь. Для меня при моей астме было пыткой дышать воздухом подвала, да к тому же еще насыщенным выхлопными газами. Но ведь мне же сказали, что эти дни быстро пролетят.

Утром я стал в строй вместе с другими арестованными — белыми и черными американскими солдатами. Охранник, командуя нами, как рекрутами, повел нас строем в соседний флигель в столовую. Там поротно питались расквартированные здесь части. Мы ели обособленно, в маленьком помещении, но получали то же, что и все солдаты. В воскресный день или в будни, утром, в обед или вечером — всегда их питание было сверхроскошным. Можно было есть сколько хочешь. Кормили куда лучше, чем в хорошо обеспеченной немецкой семье в праздничные дни мирного времени.

Арестованные Джи Ай рассказывали мне, что дома, в Америке, питание тоже несравненно хуже. Ведь «здесь платите вы». («Гопля! Мы живем за счет оккупационных расходов!» — так назывался очерк одной западногерманской иллюстрированной газеты о чудесной жизни оккупантов в Германии. Номер тотчас же был конфискован.)

Из-за спертого воздуха подвала мне больше всего не хватало тюремных прогулок. Каждому арестованному, даже если его обвиняют в убийстве, ежедневно полагается гулять три четверти часа. Считается, что эти сорок пять минут прогулки необходимы для сохранения здоровья и жизни. Заключенных вместе со мной молодых и крепких американских солдат, сплошь убийц, регулярно выводили на прогулку. Мне же, инвалиду и больному человеку, прогулка была категорически воспрещена. Зато мне «разрешалось» ежедневно в собственной одежде чистить в подвале все парши. Таково было предварительное заключение и пребывание под следствием в «свободном мире»!.. Мои протесты аккуратно заносились в протокол. Мой адвокат добился встречи с судьей. Но ничего не менялось. Американская разведка — Си Ай Си — столь же всемогуща и столь же жестока, как в свое время фашистское гестапо. Американские врачи подтвердили, что у меня легкие не в порядке, — все напрасно. Содержали меня в подвале без света и воздуха, без книг, делали мне какие-то инъекции и регулярно вызывали на длительные, изнуряющие допросы. Американская разведка надеялась сломить мою волю. Приличное питание не шло мне на пользу: не хватало не только зубов, но и аппетита. Я был болен и устал как собака.

Наконец из Берлина вернулся Томас.

— Можете нас благодарить, что мы выручили вашу жену из этого красного ада. Она ни в коем случае не хочет возвращаться туда и ждет, что и вы наконец образумитесь и останетесь в свободном мире.

Я ничего не понимал. Это не укладывалось в голове. Мое письмо было абсолютно ясным и недвусмысленным. Она знала мои взгляды и разделяла их. Впервые за всю жизнь между нами, казалось, легла глубокая пропасть. Мне трудно рассказывать о своих тогдашних мыслях и чувствах. Помню лишь, что они были путаными и очень тяжелыми. Я не мог и не хотел поверить, что я нахожусь по ту сторону зональной границы в подвале Си Ай Си и мне предстоит выбирать между моим отечеством и моей женой. Но я не хотел отказываться ни от отечества, ни от жены. Мне сулили всякие блага, если я стану на сторону жены против родины. Еще никогда я не был в столь тяжелом положении. Каким простым казалось мне решение, принятое в 1945 году в Грейфсвальде!

Переписка с женой шла через Томаса. При строгой цензуре нам удавалось сообщать друг другу лишь самое необходимое: относительно одежды, здоровья или погоды. Все остальное или вырезали, или зачеркивали. Так я и копил здесь небо. Однообразие нарушалось мучительными допросами и некоторыми происшествиями в самом подвале.

Описывать подробно все допросы я, конечно, не могу, они были слишком длинными, допрашивающие без конца меняли тактику. Но основные черты и методы мне ныне ясны более, чем тогда, когда я находился в жалком состоянии в лапах Си Ай Си.

Методы!.. То, что от меня требовали показать против Бэра как агента, теперь он приписывал мне, давая своей фантазии полную волю. Я понял, что он становится главным свидетелем обвинения, и потребовал очной ставки. Мне отказали. Так он мог без помех показывать против меня то, что от него требовали американцы. При этом он явно стремился выпутаться за мой счет.

Я строго держался правды. Это всегда лучше всего, особенно в трудных положениях, когда человек и без того теряет голову. Лишь в одном я уклонился от фактов. Американцы хотели знать, кто мне рекомендовал Бэра как борца за мир. У меня были все основания сердиться на моего западногерманского друга, который просил меня нанести роковой визит Бэру. Но я не мог поверить, что он сделал это сознательно. Решив не подводить его, я назвал вымышленное имя «человека из Восточного Берлина». Американцы в это поверили, потому что нашли у меня телеграмму из Восточного Берлина. И все же выдумка была для меня неудачной. «Человек из Восточной зоны» — это для американцев страшно; выдуманному персонажу приписывали бог знает что:

— Это, наверно, коммунист!

От одной такой мысли у американцев перехватывало дух.

— Быть может, это даже настоящий русский.

Они настойчиво требовали обрисовать внешность этой «бестии в образе человека». Несмотря на мое тяжелое состояние, я не мог удержаться, чтобы не позлить Фрэй, отратительно говорящего по-немецки.

— Каков его слух!? — спросил Фрэй, коверкая немецкий язык.

— Абсолютно нормален,— отвечал я.

— Расскажите подробно! — требовал Фрэй.

— Это может сделать лишь врач,— серьезно ответил я, хотя понял, что Фрэй имеет в виду не слух, а уши.

Он еле сдержал свою злость. Меня это мало трогало. В конце концов я приехал в Мюнхен не для того, чтобы давать уроки немецкого языка этим крестonosцам западной культуры.

Однажды меня повезли в здание суда. Американский судья спросил, как долго я нахожусь под арестом.

— Этого я не знаю. В подвале не дают газет, и там невозможно судить о времени дня. Меня содержат хуже любого животного. Почему?

— Ладно, ладно. А что, собственно, вам надо было в Мюнхене?

— Это дело наше внутреннее, немецкое.

Я потребовал, чтобы меня судил немецкий суд. Но американский судья, мистер Фуллер, отмахнулся от этого, без всяких обоснований выписал приказ о моем аресте и назначил мне официального защитника доктора Кислинга. Меня увели.

В подвале Фрэй распекал меня за нетактичное поведение перед американским судом.

— Вы еще почувствуете, чем все это пахнет. Такое мы не прощаем.

Теперь пустили в ход все, доказывая, что я очень «опасный коммунист».

Я никогда не отрицал свою принадлежность к НДПГ², к Обществу германо-советской дружбы и участие в Национальном фронте демократической Германии. Американцы же заварили из всего этого густую кашу обвинения в «красной опасности». Я заявил, что стою за единую демократическую Германию. Они ведь сами признали по Потсдамскому договору, что обязанность всех наций, включая и германскую,— создание демилитаризованной, денацифицированной Германии. Теперь они об этом и слышать не хотели.

* *
* *

Свою военную политику в Западной Германии американцы осуществляют с помощью немцев. Эту тактику натравливания немцев на немцев они применили и ко мне. Для поддержки обвинения они разыскали всяких подозрительных лиц из бывших жителей Грейфсвальда. Это были либо люди, бежавшие из ГДР, либо американские агенты, а подчас и то и другое вместе. Лишенные родины и средств к существованию, безвольные, купленные с погромами, всецело зависящие от своих американских хозяев и покровителей, они стали послушным орудием в чужих руках и представляли собой позорное зрелище.

Главная фигура обвинения — бывший заместитель директора по административной части университета Грейфсвальда Рюдигер фон Гаген. Во время войны он отсиживался в тылу. 20 июня 1944 года повесили его брата³. Этот факт Рюдигер всячески использовал. Он добился признания себя «жертвой фашизма». Так началась его карьера в Восточной Германии. В автобиографиях 1945—1946 годов он писал: «Я осознал ошибки нашего общественного строя еще в годы гитлеризма и стремился стать когда-нибудь руководящим работником социалистического общества. Поэтому я часто стоял на позициях, противоположных национал-социалистским официальным инстанциям, стараясь защитить настоящий, на мой взгляд, социализм. Уже в декабре 1944 года я был одним из руководителей группы сопротивления на Гидден Зее. 5 июня 1945 года я совместно с иностранными рабочими передал Красной Армии без боя монастырское поместье острова. Так я спас остров от тяжелой судьбы».

¹ В оригинале Фрэй путает немецкое слово «Ohren» (уши) со словом «Gehör» (слух).

² Национал-демократическая партия Германии, входящая в Национальный фронт ГДР.

³ За участие в покушении на Гитлера.

Из земель монастырского поместья, расположенного на острове, площадь которого восемнадцать квадратных километров и на котором не было войск, в дни земельной реформы этот «спаситель острова» и «старый борец» отхватил себе в собственность солидный кус. Чтобы его не заставили работать, он сдал землю в аренду и таким образом обеспечил себе постоянное местопребывание летом на излюбленном морском курорте Гидден Зее. Помимо того, он много лет получал от университета Грейфсвальда крупное жалование, имел собственную машину и жил на широкую ногу. Незадолго до моего ареста «старый социалист» Рюдигер фон Гаген удрал из Грейфсвальда на Запад. Ректору, профессору Байеру, он оставил вежливое письмо: «Финансовое ведомство Грейфсвальда совершенно неоправданно требует с меня 9 267 марок 14 пфеннигов подоходного налога за хозяйство на Гидден Зее. Все это подстроил какой-то доносчик. Мое существование в ГДР подорвано. Остаюсь преданный вам и глубоко уважающий ваше благородие Р.Ф.Г.». Теперь «доносчиком» он объявил меня.

Следующим, кто хотел выслужиться перед американцами за мой счет, был торговец углем Блунк. После 1945 года он оставался одним из самых богатых жителей Грейфсвальда. Его торговля процветала. Но Блунк нарушил какие-то параграфы экономического закона, кто-то напугал его:

— Завтра вас арестуют!

Блунк попался на эту удочку и исчез. Даже жену он не предупредил о том, что бежит на Запад.

Бог троицу любит. Третьим в этой компании был спокойный, с твердой поступью пастор Фихтнер из Грейфсвальда. В прошлом, до 1945 года, помимо черной сутаны, он носил коричневую форму эсэсовца. Теперь он всех потряс заявлением, что я «дело ставил выше личных целей». Вообще-то это высокая похвала. Но так как дело мира ненавистно старому фашисту в сутане пастора, мое поведение казалось ему предосудительным.

Эти три жалкие фигуры, несмотря на все свое различие, были типичными для тех, кто называет себя политическими эмигрантами из Восточной Германии. Во время войны и в дни мира Рюдигеру фон Гагену удавалось работать меньше, а жить лучше многих соотечественников.

Гаген — тип спекулянта, главным образом современного политического спекулянта. Он убрался в Западную Германию, после того как его лишили звания «жертва фашизма» и предложили уплатить налоги за скрытые доходы. На Западе он разыгрывал из себя «бедного дворянина и помещика, изгнанного красными».

Блунка за нарушение экономического закона, возможно, наказали бы мелким денежным штрафом. Но он оказался слишком трусливым и очертя голову бросился бежать.

Проще дело с пастором Фихтнером, эсэсовцем. Он остался тем, чем был: фашистом. Он снова марширует «спокойным, твердым шагом», ставя фашизм выше христианства.

* * *

Меня в моем подвале навестил официальный защитник доктор Кислинг. Он напомнил, что вплоть до войны служил интендантом в Потсдамской дивизии. Мне не приходилось встречаться с ним на фронте, но тогдашнего адъютанта командира дивизии графа Бодисина мы оба знали.

— Нужно найти противовес к высказываниям грейфсвальдских беглецов, — сказал доктор Кислинг.

Я предложил вызвать свидетелями моих бывших однополчан, генерала графа фон Габленца и полковника Веллера. Оба знали меня несколько десятилетий. Я продолжал переписываться с ними и после войны. Доктор Кислинг согласился со мной, но, кроме того, он предложил вызвать хотя бы в качестве нейтрального свидетеля Бодисина и спросил, каковы наши отношения. Я дал исчерпывающий ответ. По возрасту и званию я старше Бодисина, но все же он был мне ближе многих моих сверстников. Он дружил с братом моей жены, офицером 9-го полка. Бодисин присутствовал на нашей свадьбе и на свадьбе моего шурина. Он хорошо знал всех родственников моей жены, он был их соседом.

Переговорив с Си Ай Си, доктор Кислинг навестил меня снова.

— Американцы против приглашения Габленца и Веллера. Они расспрашивали меня только о Бодисине.

Это заставило меня настаивать на Габленце и Веллере и внушило подозрения по отношению к Бодисину. После длительных переговоров мне все же разрешили вызвать Габленца и Веллера, а у Бодисина запросили письменные показания. Его ответ был настолько оскорбителен, что доктор Кислинг не считал возможным показать мне его.

Доктор Кислинг успокаивал:

— Да не переживайте вы! Все равно имеющийся у них материал недостаточен, чтобы затеять процесс.

Об этом мой адвокат да и другие люди написали моей жене.

* * *

Мои мучения в подвале продолжались. Однажды, не выдержав, я пожаловался адвокату.

— Скажите, что за тяжкое преступление я, собственно, совершил?

— К сожалению, никакого, — многозначительно ответил он. — Если бы вы запродали вагон цветного металла, я мог бы кое-что для вас сделать. А это политический процесс.

Фрэй всегда искал случая, чтобы огоршить меня каким-нибудь тяжелым известием. На сей раз он решил доказать, что моя партия сознательно от меня отказалась.

— Поймите же вы наконец! От вас хотели избавиться как от человека неудобного. — При этом Фрэй продемонстрировал вдруг поразительное знание всех событий в Грейфсвальде и Альбеке (откуда он все знал, он не говорил). Торжествуя цинично он добавил: — Ваша НДПГ вас исключила.

— Благодарю вас, — спокойно ответил я.

Глядя на меня с недоумением, Фрэй сомневался: всерьез ли я благодарю? Я пояснил:

— Теперь мне совершенно ясно, что вы лжете.

Разозлившись, он пригрозил мне «допросом третьей степени» и покинул помещение.

Я не на шутку испугался и невольно схватился за зубы.

Красный, как рак, Фрэй вернулся от своего шефа Дэлера, схватил стул и занес его надо мной. Я подумал, что пробил мой последний час: Фрэй всегда был вспыльчив. Но тут он швырнул стул и заорал:

— Велено е вами обращаться по-прежнему.

Отдадим должное Томасу. Это он приказал больше меня не бить. Значительно позже я узнал, что это было редчайшим исключением при допросах в Си Ай Си. Но Томас подготовил для меня удар более тяжелый, чем физические пытки. Однажды он появился с письмом в руках. Я сразу узнал на конверте почерк моей жены. Сердце мое сильно забилося. Томас не спеша извлек из конверта лист бумаги с машинописным текстом и стал читать:

— «Скажите моему мужу, что, в случае если он по-прежнему будет упорствовать в своем желании вернуться в так называемую Германскую Демократическую Республику, я твердо намерена развестись с ним».

Я попросил дать письмо мне. Он отказал. Я снова оказался в подвале. Болело сердце. Я был беспомощен. После мрачных раздумий я наконец уснул...

Далее Петерсхаген рассказывает о своих встречах в тюремном подвале с американскими военнослужащими, находящимися под арестом за преступления, совершенные на территории Германии. Эти эпизоды, не связанные непосредственно с судьбой Петерсхагена, опущены в переводе здесь и далее.

...Силы покинули меня. Утром я вызвал врача. Вскоре в подвал явился штатский врач. После краткого обследования он сказал:

— Вам необходимо немедленно лечь в больницу. Ваше сердце никуда не годится. Он говорил по-немецки и спросил, долго ли я нахожусь в этом подвале.

— С десятого ноября.

— Значит, больше месяца? Возмутительно.

Он быстро исчез. Я не мог ни есть, ни пить. Вместо какой-либо помощи явился Фрэй и повез меня к американскому военному врачу. Этому мое состояние тоже не понравилось. Фрэй потребовал, чтобы мне сделали кардиограмму, поскольку я жалуюсь на сердце. Врач заявил, что моя болезнь скорее легочного, чем сердечного порядка.

— Значит, вы вралли! — заорал на меня Фрэй.

Невзирая на мое тяжелое состояние, Фрэй отвез меня на допрос, в котором принял участие и Томас.

— Сперва вы предали Грейфсвальд. Теперь собираетесь предать и собственную жену?! А вы могли бы так хорошо жить!

Они начали расписывать мне в самых розовых тонах преимущества пребывания на Западе, очевидно для того, чтобы склонить к предательству... Я снова и снова протестовал против того, что мою жену, несмотря на данное честное слово, допрашивали и задержали в Западном Берлине.

— Этого я никак не ожидал от американского офицера. Это же гангстерские и гестаповские методы!

Разозленный моим упорным сопротивлением, шеф проговорился:

— Мы тоже не ожидали, что ваша жена такая же розово-красная, как и вы!..

Я сразу сообразил, что это значит, и попросил дать мне время на размышление, сославшись на свое тяжелое состояние. В подвале я в первую очередь отоспался. Я снова почувствовал твердую почву под ногами. Впервые за долгое время я спал крепко и много.

На следующий день я как следует обдумал и сопоставил противоречивые утверждения американцев: с одной стороны, моя жена якобы «спросила о политическом убежище» и даже «собиралась развестись» со мной, с другой — она несправимая «розово-красная». Американцы любили это выражение и постоянно употребляли его против меня. Я-то вообще никогда не верил в мнимый побег моей жены на Запад. А теперь я уже не сомневался, что меня обманывали и вели со мной жестокую игру. А если ту же игру вели с женой? У меня голова шла кругом от одной этой мысли.

Я решил поводить немного за нос господ американцев. Но как? Здесь нужен был добрый совет. А посоветоваться не с кем...

Я составил план, как обмануть Си Ай Си. Я уже получил достаточно уроков от самой американской секретной службы. Я решил «зацепиться» за «цветной металл» доктора Кнслинга. Этот вождельный дефицитный товар в то время был особенно высок в цене как на Востоке, так и на Западе и служил объектом спекуляции. Однажды, когда Фрэй зашел в подвал, я спросил:

— Скажите, что, собственно, я совершил плохого? Почему со мной так обращаются? Я никого не убивал, не спекулировал цветным металлом.

Не подумав, Фрэй ответил:

— Вы противопоставили себя нам.

Неожиданный маневр удался. Я подбавил масла в огонь:

— Я же нахожусь в Германии. Я боролся за единство моего отечества и за мир.

— Мира не будет! — грубо крикнул Фрэй, топнув ногой.

— Ах вот, значит, в чем дело. — Я произнес это вполголоса, но очень серьезно.

Он даже опешил. Сперва ему не хватало слов, затем он добавил, желая смягчить впечатление:

— Во всяком случае, до тех пор, пока на земле будет существовать эта преступная система!

Так этот «всемирный полицейский» вытащил из мешка свою кошку во всей ее красе. И эта «опасная бестия» оказалась красной! Наступила пауза. Я решил продолжать наступление: с тех пор как я узнал, что моя жена «розово-красная», я почувствовал себя увереннее и главным образом предприимчивее.

— Я думал, вы наконец образумитесь, — сказал Фрэй.

— Так оно и есть, — подтвердил я, дразня его.

Удивление отразилось на лице Фрэя. И радуясь, и в то же время не веря своим ушам, он смотрел на меня вопросительно.

— Ну и как?..

— Я решил быть верным жене.

Он облегченно вздохнул, уверенный, что достиг цели. Желая «морально» поддержать мое решение, он повторил старую басню:

— Ваша партия все равно продала и предала вас и сняла с поста окружного советника. По происхождению и образованию вы принадлежите к Западу. А ваша жена — тем более. Здесь вы сможете жить легко и свободно на пенсию полковника.

Он засуетился, ему, видимо, не терпелось сообщить о своем «успехе» шефу. Он преподнес мне два номера «Мюнхенер Меркур», поддерживающего правый курс в политике католического центра, и ушел.

Я снова остался один в подвале. Меня стали мучить всякого рода сомнения. «Хорошо, если все сойдет гладко». Но я чувствовал радость. Теперь важнее всего было дать знать жене о положении дел. До сих пор мне это не удавалось. Но сейчас ситуация благоприятнее, чем когда бы то ни было. Но как это сделать?.. Наконец меня осенила мысль, и я тут же написал жене письмо.

В связи с приближением зимы естественно звучали всякие хозяйственные указания: по поводу зимней одежды, отопления и прочего. И, между прочим, я вставил: «...и главным образом не забудь уплатить по полису страховки имущества от пожара». Эта фраза должна была сказать жене, что я ни в коем случае не порываю с домом.

Письмо ко мне не вернулось. Значит, оно прошло цензуру. Теперь меня тревожило лишь одно: поймет ли жена мой намек насчет страхования и сможет ли жена так же хитро водить за нос американцев, пока будет длиться мой процесс?..

На следующий день начались волнения. Как я и ожидал, меня повели к Дэлэру. Он был значительно осторожнее и последовательнее, чем Фрэй. Он ловко затеял разговор о том, что мы с женой имели бы гораздо меньше хлопот, если бы я сразу же принял решение испросить политическое убежище.

— И нам было бы гораздо меньше хлопот. А теперь все сложнее. На основании вашего прежнего поведения я обрисовал вас начальству как неисправимую жертву красной заразы. — Он наблюдал за мной. — От вас потребуют доказательства доброй воли.

Я молчал.

— Но мы друзья, и мы не будем вас особенно мучить. Достаточно, если вы сделаете по радио один-два доклада о вашей партии и Национальном фронте.

Я отклонил это. Он заявил спокойно и доброжелательно:

— Подумайте на досуге...

А Фрэй некстати, как всегда, добавил, что доклады очень хорошо оплачиваются.

— Я вам советую немного подумать и о своей жене.

О ней я думал больше, чем он мог предположить: поймет ли она? Может быть, ее так же обманывали и обволакивали ложью, как и меня? По всей вероятности, так оно и было. Все теперь зависело от «страховки». Я сам рассмеялся при этой мысли.

Скорей, чем можно было предположить, наступил поворот.

Появился Фрэй, лицо его было искажено от злости. Он почти не мог говорить от волнения.

— Есть письмо от фрау из Грейфсвальда, — выпалил он.

Фрэй действительно не был дипломатом. Он зло швырнул на стол толстое письмо со множеством марок. Значит, дошло. Я стал читать письмо, написанное от руки. Оно дышало счастьем разрешенных сомнений. Моя жена так же, как и я, мучительно ждала этого выяснения. Бешенство Фрэя меня ничуть не трогало. Я почти не слушал его. Запомнилась лишь его фраза:

— Вы, как змея, которую держишь в руках, а она ускользает.

И он замахнулся своей огромной ручищей.

Снова начались тяжелые дни в подвале. Для Си Ай Си я стал теперь беззащитной жертвой. На меня они натравливали других заключенных. Состав заключенных без конца менялся, но негры по-прежнему оставались моими друзьями. Они жалели меня за то, что я так долго сижу в этой невыносимой дыре; когда какой-то белый американский сержант собрался меня побить, они встали на мою защиту. Но у Си Ай Си

было достаточно и других средств нападения на меня. «Для моего здоровья» меня погачевали усиленными порциями инъекций.

Как-то меня повели на второй этаж казармы Си Ай Си. Там я еще никогда не был. Все внутри до боли сжалось при мысли, что ко мне применят «третью степень». Я не мог избавиться от этого неприятного чувства и тогда, когда вошел в большое помещение, где, кроме Томаса и Фрэя, находилось несколько незнакомцев. Их глаза были устремлены на меня, никто не разговаривал. Царила давящая, неприятная тишина.

Внезапно раздался голос. Я не видел, кто говорит, но мне показалось, что я уже где-то слышал этот голос. Взглянув наверх, в угол, я обнаружил там репродуктор. Оттуда донеслось:

— Свои показания я даю с тяжелым сердцем, потому что господин Петерсхаген с самого начала казался мне очень симпатичным. Но мой долг — говорить чистейшую правду.

Я испугался: это был голос Бэра. Репродуктор выключили, все, кроме меня, торжествующе засмеялись.

— Может быть, вы наконец во всем признаетесь, или вы хотите услышать еще и собственный голос?

— Я уже подготовил вам должность, и неплохую. Вы сможете жить для мира, работать и бороться за мир,— прозвучал из репродуктора чей-то чужой голос.

Репродуктор снова выключили.

— Вы говорили это? Да или нет?

— Да. Но это не мой голос.

И снова включили репродуктор. То, что из него несло дальше, было сплошной выдумкой, как в сказках Шехерезады из «Тысяча и одной ночи». Я категорически потребовал очной ставки с Бэром, чтобы, глядя ему в глаза, опровергнуть его ложь. Американцы это отклонили, тогда я отказался признавать это странное «средство доказательства».

— У-у, змея,— прошипел Фрэй.

Мне стали угрожать «детектором лжи». Я не знал даже такого названия. Лицо, подвергающееся допросу, включается в электрическую сеть, точно так, как при электрокардиограмме. Аппарат, называемый детектором, отмечает все колебания. Особенно сильными и типичными они якобы бывают, когда подопытное лицо говорит неправду. Я тут же согласился подвергнуться этой странной процедуре. Но неожиданно американцы отклонили «детектор лжи», так же как и требуемую мной очную ставку с мастерами лжи — Бэром, фон Гагеном и компанией. Зато без конца меня пугали «суровой карой». На мой вопрос «За что?» мне отвечали общими фразами:

— Вы сами знаете, что вы натворили. Это хуже, чем убийство.

Предложение работы, которое я по настоятельной просьбе Бэра привез ему в Мюнхен, теперь рассматривалось как попытка «переманить человека».

Чтобы я не улепетнул от «земной справедливости», у меня отняли лезвие и даже шнурки от ботинок. Механически я стал снимать и свой добротный ремень из кожи. Но его мне оставили. Это было недвусмысленным предложением. Нет, этого одолжения «христианским культуртрегерам» я не сделаю. Прежде всего я не стану огорчать близких. В таком виде, без шнурков и небритый, в моем сильно потрепанном костюме я ходил, шаркая по подвалу Си Ай Си, чистил парашаи убийц, получал инъекции и ждал процесса.

Мне прислали обвинение. Да, формально у американцев все шло вполне корректно. Обвинение составлено на основании параграфа оккупационного статута. Заголовок и подпись — по-английски, текст обвинения — и по-английски и по-немецки. Меня обвиняли в нарушении закона № 14 § 2 Верховной союзнической комиссии. Мое поведение 19 июля и 9 ноября 1951 года в Мюнхене (Германия) шло на пользу Национальному фронту Германской Демократической Республики, то есть враждебной интересам союзных армий группы. Для этого я связался с неким Эрнстом Бэром, пытаюсь заставить последнего стать пособником Национального фронта ГДР, то есть действовать против интересов союзных армий. Это обвинение решено было подкрепить еще пунктом № 3

понимать, что такое справедливость. С этого я и начал наш разговор, но из него ничего не вышло. Тюремный пастор не признавал «мира на земле». Подняв кулаки, он требовал ремилитаризации — и не двенадцать, четырнадцать, а по крайней мере пятьдесят немецких дивизий для начала! Я был подавлен. После окончания второй мировой войны я впервые слышал подобные рассуждения немецкого пастора.

Праздновать вдали от родины рождество всегда неприятно. Но особенно тяжело в такие дни в одиночной камере незинно обвиненным.

Печально я шагал взад-вперед, с грустью и заботой думал о жене. Внезапно в коридоре послышались шаги. В одиночестве невольно прислушиваешься к любому шороху. Шаги затихли возле моей камеры. Загремели ключи. Тяжелая дверь медленно и скрипуче открылась. Вошел неуклюжий охранник в пальто с оттопыренными карманами и сразу же стал ругаться. Ах, если б я лучше понимал по-баварски! В его глазах я уловил хитрую искорку. Он сказал, что жена моя прислала «посылочку» со всякими запретными вещами, из-за этого он может попасть в большую беду.

— Почему?

Не говоря ни слова, но сняв, он вытащил из одного кармана толстопузую водочную бутылку, из другого — всякие прочие прелести и сразу приобрел нормальный вид. Доброе сердце совратило его и привело на путь нарушения служебных обязанностей. И вот в тесной камере тюрьмы охранник и заключенный вместе отпраздновали рождество, рассказывая друг другу о пережитом. Охранник был из «двенадцатирогих»¹. После военной службы он попал в органы юстиции как бывший кадровый унтер-офицер, автоматически став при этом членом нацистской партии. Он за это поплатился в 1945 году, как и многие другие мелкие нацисты. Но теперь, во времена реставрации и ремилитаризации, его решили вернуть на прежнюю должность, назначили охранником с «испытательным сроком». Для каждого из таких кандидатов эта проверка была вопросом дальнейшего существования. И опять, как в былые времена, чтобы пройти испытание, надо состоять в «государственной партии». В Баварии — это Христианско-демократический союз. Такое условие ставили теперь откровеннее, чем при нацистах.

— В нацистскую партию мы вступали охотно. Как солдаты, мы считали себя вне политики, но, разумеется, были настроены националистически. Нам, маленьким людям, НСДАП казалась самой подходящей.

Я хотел было возразить ему, но, оказалось, он и без меня уже понял, что немецкий народ был обманут.

— Теперь мы, как раскаявшиеся грешники, очутились в ХДС.— Он печально покачал головой. — После всего, что я пережил, не могу ни верить, ни доверять этой братии в черных сутанах. Вы только взгляните на нашего тюремного пастора! — Охранник уставился на дверь, боязливо прислушиваясь.

— Он был у меня, — сообщил я. — Если бы мне не доложили о нем, как о священнике, я мог бы тысячу раз поклясться, что это бывший офицер, ныне вербовщик из отдела пропаганды ведомства Бланка.

Швырнув на кровать тяжелую связку ключей, охранник рассмеялся. Потом он вновь стал серьезен и официален.

— Господин полковник, вы, наверно, это знали?!

— Что?

— Что лютеранский пастор действительно был офицером. Он только сменил форму, и ничего больше.

— А вы, вы тоже хотите вернуться на прежний ложный путь? — спросил я.

— А что же мне, черт побери, остается делать? — сказал он, почесывая затылок.

Услышав шум, стук и крики, мы испуганно притихли — в азарте разговора мы забыли об окружении. Положение было довольно опасное. Схватив свою связку ключей, охранник выглянул за дверь. Он сказал, уходя:

— Минуточку. Перемещенный из 404-й камеры опять бунтует. Припадочный.

Некоторое время спустя все стихло, и он вернулся.

¹ В рейхсвере служба длилась двенадцать лет. Солдат, отслуживших весь срок, прозвали «двенадцатирогими», подобно оленям, имеющим двенадцать козлов на рогах.

— На этих перемещенных жалко смотреть. Не знают, куда податься. Пропадают ни за грош в лагерях. Становятся преступниками, заполняют западногерманские тюрьмы. Кто соглашается вступить в армию ЕОС¹, в любой американский или иной рабочий батальон,— освобождается из лагеря. Но вскоре снова туда попадает.

Мне пришлось много рассказывать ему о родине на «той стороне» — о Восточной Германии, о которой он был очень плохо информирован.

— Если бы нам удалось повесить тех немногих, кто науськивает на новую войну, во всем мире воцарился бы королевский покой, как любят говорить у нас в Баварии,— заключил он.

Остаток водки он вылил в мой стакан для чистки зубов, забрал пустую бутылку и исчез.

На следующий день меня вернули с прогулки. Обычно это ничего хорошего не предвещало. Я уже слышал, что в камере был поголовный обыск.

Чужой охранник втащил меня в камеру, закрыл дверь и стал ругать меня на баварском диалекте:

— Да у вас тут водка! — Он указал на стакан для чистки зубов.— Где это видано! Здесь не увеселительное заведение!

Поняв по тону, что он ко мне расположен, я сказал:

— Коричневая жидкость в стакане — лекарство для полоскания горла.

— Полоскание! Ишь, придумал!

Ухмыляясь, он понюхал «лекарство».

Запах пришелся ему по душе. Это была настойка, которую моя жена приготовила еще в Грейфсвальде. Мы друг другу подмигнули. Он осторожно выглянул в коридор, затем признался, что знает все не только по моему делу, но и насчет посылки. Он посоветовал принять лекарство сразу же — это самое правильное. Сказав еще что-то презрительное об американцах и их методах, он исчез.

Прогулка тем временем кончилась, арестанты, стуча башмаками, вернулись в камеры.

Доброе отношение охранников поддерживало меня в столь трудное время. Эти старые солдаты и простые люди не хотели ни фашизма, ни войны, они считали себя жертвами Гитлера и его хозяев. Многие из них после страшных преступлений и переживаний ощутили потребность уйти в религию. Этим очень ловко пользовались определенные политические круги. Всех разочарованных в фашизме и войне они вербовали в ХДС и впрягали в свою колесницу. Им было совершенно безразлично, верующие ли это люди или нет. Когда возникали сомнения, на первый план выдвигался «вопрос о хлебе насущном: «Довольствуйся тем, что дают, или подыхай!»

Не таким ли путем уже однажды накапливали силы?.. На первый взгляд, сейчас совершается как будто нечто другое. Тогда руководили авантюристы. Теперь-де все возглавляют добрые христиане, и, значит, это страшает от повторения былых преступлений. Так наивно думали многие легковверные люди.

* * *

Во время прогулок разрешалось ходить по двое, но можно было менять партнера. В нашем отделении жили только подследственные. Среди них много рецидивистов, которые во всем великолепно разбирались. Они точно предсказывали, кто сколько получит, причем редко ошибались. Они же давали ценные советы, как держать себя на процессе. По опыту они знали, что самые лучшие перспективы на американском суде у молодых уголовников, автомобильных воров, спекулянтов американскими папиросами и кофе, у сутенеров и прочего не любящего работу сброда.

— Заяви, будто ты рвался в армию ЕОС, потому не брался ни за какую работу и не по своей вине попал в нужду, все будет о'кэй. Ничего тебе не сделают. Ну, если ты натворил там бог знает что, американец ради проформы вкатит тебе несколько годочков условно. Практически ты останешься на свободе и получишь полную возможность взвесить на досуге: что лучше, наняться в американскую мясорубку или промышлять в прежнем духе.

¹ ЕОС — созданный в 1952 году в рамках НАТО агрессивный «Европейский оборонительный союз».

Эти «юристы», услышав о выдвинутых против меня обвинениях, призадумались:

— Черт побери, дело дрянь. Тут поможет только одно — сжечь на корню пальму мира и переключиться на ЕОС. Иначе ваши перспективы — блэк¹.

Речь моих «адвокатов» была пронизана американо-английским жаргоном. Видимо, это порождено общими идеалами.

— Во всяком случае, надо поскорее выскочить из вашего восточного драндулета. Иначе вам крышка.

В отличие от принятой в тюрьме манеры обращения, со мной разговаривали на вы и весьма предупредительно.

Однажды во время прогулки я заметил новое лицо. Хорошо одетый мужчина лет сорока несколько раз сменил партнеров и наконец подошел ко мне. Он представился редактором крупной газеты. В баварский ландтаг и в газету поступили жалобы на плохое обращение и питание в тюрьме Штадельгейм. Редактор хотел знать мою точку зрения. Я ответил, что после подвала Си Ай Си, где я жил без света и воздуха, чувствую себя здесь хорошо, как на отдыхе. А вообще-то я охотно расскажу ему об издевательствах в американской тюрьме.

— Я все отлично знаю, но на эту тему в печать не проникнет ни слова.

До сих пор я, признаться, в какой-то степени верил в западную свободу слова. Откровенный ответ западногерманского журналиста меня ошеломил.

Повстречался мне и шпик. Несмотря на ничтожный опыт в этой области, я быстро раскусил его, такой топорной была его «работа». Назвав себя «политическим», он переборщил в осведомленности о моем деле и чересчур настойчиво стал выспрашивать, кто рекомендовал мне Бэра. Шпик утверждал, что, поскольку он скоро выйдет на волю, его долг — разоблачить «предателя и виновника» моего несчастья. Значит, американцы все еще ничего не знают. Это меня обрадовало.

14 января 1952 года, перед началом процесса, меня перевели в общую камеру полицейской тюрьмы Мюнхена. На сплошных двухэтажных нарах лежало примерно человек тридцать, как сельди в бочке. Было холодно.

— Как вы сюда угодили? Ведь сюда волокут всякий сброд. Во время суда каждому обвиняемому положен покой и отдых.

Для меня это правило было новостью, я тут же попросил охранника перевести меня в отдельную камеру.

— Разумеется, это ошибка, просим прощения! — ответили мне.

Но все оставалось без перемен. Один из охранников сказал мне наконец правду:

— Таково распоряжение американцев.

В полицейской каталажке не было покоя ни днем, ни ночью. Гигиенические условия — ниже всякой критики. Как в голубятне, все время хлопали двери. Особенно ночью. Кого ни подберут на улице, швыряют в нашу дыру. Пьяные дебоширят, ругаются, протестуют против несправедливого ареста и обращения.

Время было карнавальное, происшествий особенно много. Каждый новичок обязательно докладывал, что с ним случилось. Происшествия бывали курьезные. Один молодой человек в мюнхенском увеселительном парке выиграл стилет. Какой-то американский солдат, желая отбить у него девушку, с помощью военной полиции арестовал его за незаконное хранение оружия. Молодой человек стал сопротивляться. И вот, избитый, без воротничка и галстука, он в камере. Это был ученик из какого-то торгового предприятия, с судами он никогда раньше не сталкивался. Как и я в свое время, он то ошупывал недостающие зубы, то искал сорванный воротничок и галстук. Он тоже иначе представлял себе американских «освободителей».

— Будь спокоен, твою милаху американцы обработают! — издевался над ним весь сброд.

Но молодой человек был уверен в своей девушке. Кто-то сказал:

— Немецкая верность и в этом смысле ныне стала дешевым товаром. Да и не удивительно. Те, кто наверху, показывают пример. Не успела кончиться война, как дочь бывшего кронпринца Вильгельма отправилась с каким-то американцем за океан, в Техас. Исключительно за доллары.

¹ Блэк (англ.) — черный.

Еще долго и в довольно саркастическом тоне судили и рядили про дела-семьи бывшего крнспринца. На этой городской свалке жили весело и дружно.

* * *

Четырнадцатого января во Дворце юстиции начался мой процесс. Параллельно слушались дела уголовников, которых, как и полагалось, содержали в отдельных камерах. Ежедневно, после мучительно проведенной ночи, я вынужден был становиться с ними рядом в строй на нижнем этаже тюрьмы. После переключки нас попарно скывали наручниками и на «зеленой Минне» везли во Дворец юстиции. Там нас запирали в общую камеру, где мы ждали вызова в суд. До зала заседаний оставалось пройти только коридор. И все же каждый раз на меня надевали наручники. Использовали все, чтобы унижить меня, запугать, словом, сломить мою волю перед судом.

В зале заседаний я увидел лишь представителей Си Ай Си во главе с Томасом, он же Дэлэр, и Фрэм. Появился генеральный прокурор доктор Ноггль, а за ним «немецкий» прокурор на американской службе доктор Бауэр. Секретари — молоденькие американки — и переводчица уже сидели на своих местах. Я вынужден был сесть на скамью подсудимых. Рядом со мной — официальный защитник доктор Кислинг.

Внезапно раздались слова команды. Все поднялись. Вышел американский судья Фуллер, одетый в черную мантию. Он восседал на возвышении один — заседателей не существовало.

Вначале исполнили всякие формальности. Меня вызвали к столу свидетелей и привели к присяге. По немецкому процессуальному кодексу обвиняемый, как известно, не присягает. У американцев же его формально приравнивают к свидетелям и поэтому приводят к присяге.

Я начал с протеста против скверного обращения при аресте. Вскочил доктор Ноггль и отклонил протест, возмущенный моим выражением «подвальная дыра». Он заявил, что в тех же условиях «содержатся наши парни» — то есть американские уголовники-убийцы. Я имел в виду вонючий подвал, где провел первую ночь, а не камеру, в которой находился сорок дней. Я пожаловался на то, что в течение сорока дней мне не разрешали гулять и не обращали внимания на мою болезнь. В ответ было заявлено, что я без конца получал лекарства и инъекции. Тогда мой адвокат очень осторожно выразил сомнение по поводу таинственных инъекций. Он обратил внимание суда на противоречие: с одной стороны, мне якобы делали дорогие пенициллиновые инъекции, с другой — лишали света и воздуха.

Представители Си Ай Си пропустили это мимо ушей, лишь заявив:

— Обвиняемый может благодарить господ бога, что он попал к нам, а не в советскую службу государственной безопасности.

Я напомнил, что за четыре года пребывания в советском плену меня ни разу никто не тронул. Со мной обращались корректно, хотя я принимал участие в нападении на их страну. Здесь же, в своей родной стране, я, немец, боролся за единство Германии и за мир.

— Ладно, об этом поговорим-позже.

Я сказал:

— Какой смысл во всем этом процессе, если Фрэй недвусмысленно пригрозил мне: «Будете защищаться — судья даст вам высшую меру. Признаетесь во всем, скажете то, что мы требуем, — вас могут оправдать...»

Маленький, худенький судья производил впечатление строгого, дотошного, но умного человека. До сих пор он молчал. Наконец он изрек:

— У вас еще будет достаточно возможностей приобрести симпатии суда.

— Дело не в симпатиях, а в справедливости, — возразил я. — Но в этом мне отказано. Надо мной совершено грубое насилие.

Адвокат доказал, что в свое время суд запротоколировал его протест против моего содержания в подвале. Было обещано принять меры, но мое положение так и не изменилось.

Я клятвенно подтвердил показания защитника.

Тут ни с того ни с сего вмешались деятели Си Ай Си. Томас, он же Дэлэр, заявил, что со мной обращались слишком хорошо. «Петерсхаген не заслужил того хорошего питания, которое он получал».

Подхватив это, судья спросил меня, каково было питание. Я ответил:

— Питание было превосходное! Но я им не пользовался. Я почти не мог есть.

Защитник заявил энергичный протест против того, что меня, несмотря на тяжелое состояние, допрашивали и заставили подписать итоговый протокол, применяя лживые посулы. Протокол, подписанный в таких условиях, не может быть признан судом. Защитник потребовал вызвать в суд врача, который обследовал меня в то утро, когда я находился в подвале. Представитель Си Ай Си настаивал на вызове другого врача, военного, который посетил меня позже. Судья решил вызвать на следующий день и того и другого врача.

Мне предложили рассказать, что происходило со мной после возвращения из плена. Когда я дошел до связей господина фон Гагена, мне запретили касаться этой темы. На сего «дворянина» американцы наложили вето, оберегая «репутацию» продажного, готового на все типа.

На следующий день в суд явились врачи. Только теперь я узнал, что первый врач, который меня обследовал, немец, доктор Розенталь. Несмотря на нажим Си Ай Си, он не изменил прежнего диагноза: сердечная слабость. Врач тут же подробно описал мое состояние. Американский военный врач спокойно и деловито подтвердил диагноз коллеги. Снова вмешались деятели Си Ай Си. Ссылаясь на электрокардиограмму, они заставили молодого американского военного врача признать, что сердечные боли были вызваны не условиями заключения, а астмой. Защитник заметил, что каждый больной может ошибиться в причине недомогания. Важно, что оба врача подтвердили факт заболевания и состояние больного. Фрэй из Си Ай Си заорал:

— Свои болезни он привез с войны!

Тем самым и Фрэй признал, что все-таки я был болен.

Но здесь решали не врачи. И приговор и все определения суда давным-давно были расписаны за пределами зала заседаний. Судья действовал по указке Си Ай Си. Он заявил, что в тот день, о котором идет спор, я был в состоянии давать показания. Добытый провокационным путем итоговый протокол был признан действительным.

В зал вызвали Бэра. С мертвенно бледным лицом он занял место свидетеля. Тщательно я пытался перехватить его взгляд. Он избегал смотреть в мою сторону и давал показания тихим, измученным голосом.

Снова, как и при записи на магнитофон, он заверял, что я ему симпатичен. Защитник попросил разрешения задать Бэру несколько вопросов.

— Мистер Бэр, вы не заявляли властям о вашем госте из Восточной зоны?

— Нет!

Представитель Си Ай Си уже, собственно, подтвердил этот факт.

Защитник продолжал:

— Но как бывший сотрудник Си Ай Си, разбирающийся в подобных вопросах, вы обязаны были подать такое заявление?

Бэр, не подумав, под присягой ответил:

— Для этого не было никаких оснований. Наши разговоры были совершенно безобидными.

Судья помрачнел. Заерзали на своих стульях смущенные представители Си Ай Си. На меня никто не решался взглянуть.

Защитник установил:

— Это признание единственного свидетеля обвинения Бэра проваливает все обвинение.

В тишине раздался скрипучий голос судьи, переводчица перевела:

— Суд сам решит, что безобидно, а что нет.

Я переглянулся с защитником: судья по существу яснее ясного дал понять нам, что факты не имеют никакого значения. Мою судьбу решает политическая цель процесса: внушить страх всем, кто вздумает в Западной Германии бороться за единство и мир, особенно бывшим офицерам и солдатам.

Немедленно объявили перерыв. Из кабинета судьи вышла женщина лет тридцати, направилась прямо ко мне и сказала:

— На Западе ведь живетесь куда лучше, чем за «железным занавесом». Я думаю, вы не будете этого отрицать.

— Я не могу этого утверждать. Мне, во всяком случае, жилось за «железным занавесом» лучше, чем здесь.

Разговор оборвался. Даже в столь роковой час я был против любых уступок, хотя бы тактического порядка.

Следующее заседание назначили на завтра. Зная, что предвидятся новые свидетели, защитник попросил отложить начало заседания хотя бы на полчаса: ему необходимо по делам одной из подопечных фирм побывать в нотариальной конторе. До его прихода, за эти полчаса, можно заняться положенными формальностями с новыми свидетелями.

— Извольте быть здесь так же точно, как и я! — потребовал генеральный прокурор доктор Ноггль.

Но защитник обратился к председательствующему судье Фуллеру:

— Высокий суд, речь идет о миллионах!

Вместо судьи снова ответил доктор Ноггль:

— Может быть. Но здесь речь о гораздо большем! — Он взглянул на меня с ненавистью.

Защитник, обычно спокойный, воскликнул в повышенном тоне:

— Еще ни на одном процессе со мной так скверно не обращались, как на процессе полковника Петерсхагена.

— Во всяком случае, завтра вы обязаны быть ровно в 9.00, иначе вас вообще не допустят! — заключил доктор Ноггль.

Вот как вел себя генеральный прокурор по отношению к моему адвокату.

Команда всем встать: судья покидает помещение.

Измученного, в наручниках, вместе с уголовниками меня вернули в полицейскую каталажку. Отдыха не было. Болело сердце, в горле что-то клочкало, досаждал спертый воздух. Но я решил выдержать до конца. Только бы кончилось это мрачное представление.

На следующий день, точно в 9.00, одновременно с новыми свидетелями явился и мой защитник. Он боялся рисковать своим положением сотрудника американцев. Да, довольствуйся тем, что дают, или подыхай!..

Формальности, предшествующие допросу свидетелей, длились целую вечность. Защитник постепенно пожелтел.

— Я бы давно подписал договор и был здесь! — проворчал он зло, будто я был виноват, что он не может этого сделать.

Что за свидетели и зачем они вызаны — для меня было загадкой. Эту таинственную акцию проводил доктор Бауэр. Я лишь понял, что свидетели — баварские чиновники среднего ранга.

— Что у вас с ними общего? — с упреком спросил меня доктор Кислинг.

Я ничего не мог ответить. Я сам недоумевал.

Оказалось, что находящийся на американской службе «немецкий» прокурор доктор Бауэр подошел к делу с известной всем немецкой пунктуальностью. Чиновники должны были показать под присягой, что мой межзональный паспорт — фальшивый. Но доктор Бауэр, гражданин Германской Федеративной Республики американского образа мышления, вдруг вынужден был убедиться, что эти простые, рядовые люди остались немцами. Под присягой они подтвердили подлинность паспорта, выписанного на мое имя, и достоверность подписи ландрата.

Доктор Бауэр стал подсказывать, что подпись может быть поддельной...

— Я ее считаю подлинной! — упорствовал баварец из ведомства ландрата Гунценгаузена.

Разочарованный молодой прокурор, испуганно заглядывая в глаза своему американскому шефу и кормильцу, начал, заикаясь, бормотать что-то о современных технических средствах, о графологии и прочем. Попытка запутать свидетелей не удалась

доктору Бауэру. После долгих расспросов правдолюбивых баварских чиновников отпустили очень нелюбезно. В суде снова воцарилась ледяная атмосфера.

Мои старые сослуживцы генерал фон Габленц и полковник Веллер, вызванные в качестве свидетелей, ждали в коридоре уже несколько дней. Каждый раз меня в наручниках вели мимо них. Через защитника я попросил их присутствовать на заседаниях. Но американская разведка никого не допускала на «открытые заседания». Значит, процесс публичный, но без публики. Таков этот «свободный мир»! Но я решил защищать себя до конца, невзирая на угрозы Си Ай Си.

Защитник передал моим бывшим товарищам просьбу прислать немного фруктов и сладостей. Они тотчас купили апельсины, лимоны и леденцы и, по указанию Си Ай Си, все сдали в полицейскую тюрьму. Вся уголовная «братва» до приговора получала передачи. Я передачу так и не получил.

* * *

Очередной день процесса. Мои сослуживцы по-прежнему ждут в коридоре. Молча шествую в наручниках мимо них. Опять в зале какие-то свидетели, которых я не знаю, — чиновники почты и железной дороги. Зачем их вызвали? Защитник смотрит на меня вопросительно. Пожав плечами, я шепнул:

— Понятия не имею.

И снова режиссером представления выступает доктор Бауэр. С важным видом он нсится взад и вперед. Притащили какую-то большую стопу пакетов. Все они одного формата, аккуратно упакованы и перевязаны.

К моему удивлению, меня вызвали к столу свидетелей, напомнили о значении святой клятвы и так далее. Доктор Бауэр спросил:

— Вы прибыли поездом № 150?..

Этого я, конечно, не мог знать. Стали подробно выяснять и наконец установили, что 8 ноября 1951 года в 14 часов 49 минут я выехал на Запад с берлинского Восточного вокзала:

— Is that correctly? — спросил меня доктор Бауэр, «немец».

Переводчица невозмутимо перевела:

— Это правильно?

— Конечно, правильно. Я никогда этого не отрицал.

— Значит, вы прибыли поездом № 150? — Пухлое детское личико доктора Бауэра просияло. — Благодарю, обвиняемый, достаточно.

Он отпустил меня жестом победителя.

Очередь дошла до почтового чиновника. Бедняга от волнения едва лепетал. И снова повторилось представление: номер поезда и так далее. Все с немецкой пунктуальностью, за американскую иудину подачку. Чиновник был в поезде № 150 дежурным, готсвил почту. Он торжественно поклялся, что эти таинственные пакеты, лежа в почтовом вагоне, миновали зональную границу в 24.00 возле Пробстцелла.

— Они мне сразу показались подозрительными. Все они одинаковые и отосланы из Восточной зоны!..

Доктор Бауэр, сияя, резюмировал: под присягой доказано, что пакеты доставлены тем же поездом № 150, с которым прибыл обвиняемый. Теперь сей странный юрист перешел к содержимому пакетов. В них лежали экземпляры изданной Национальным советом Национального фронта «Белой книги». Доктор Бауэр угрожающе прочел заголовки:

— «Белая книга об американско-английской оккупационной политике в Западной Германии и о возрождении германского империализма».

— Страшные и гнусные нападки на американскую политику в Германии! — злобно выкрикнул генеральный прокурор Ноггль.

Доктор Бауэр, упоенный успехом в борьбе против своего немецкого согражданина, спросил меня:

— Обвиняемый, что вы можете сказать по этому поводу?

Я смог присягнуть, что еще не знаком с недавно изданной «Белой книгой» Национального фронта и ничего общего не имею с ее пересылкой. Мой обозленный защитник потребовал вскрыть пакеты, чтобы доказать, что все они содержат одно и то же.

Генеральный прокурор доктор Ноггль тут же вставил высокопарно:

— Мы ведем сейчас самый крупный и важный политический процесс после 1945 года!..

Если это действительно так, то почему же они столько времени копаются в мелочах?!

Доктор Бауэр перестал ерзать и ловить ободряющий взгляд своего американского шефа. Он быстро листал «Белую книгу» в поисках даты ее выхода. Ему не терпелось уличить меня. Но тщетно. Все молча ждали. Было лишь слышно, как нервно шелестит страницами отчаявшийся прокурор.

Не считаясь с американским порядком ведения процесса, я попросил дать мне одну из «Белых книг», чтобы я смог ознакомиться с этой «опасной» литературой. Мою просьбу обошли ледяным молчанием. Заседание перенесли.

На следующем заседании были наконец допрошены Габленц и Веллер. Оба заявили, что и после войны как письменно, так и устно они продолжали со мной живой обмен мнениями. Веллера спросили, какие у меня политические взгляды. Он ответил правдиво и продуманно, что я активный приверженец НДПГ и Национального фронта.

— Значит, революционер! — сказал судья резко.

Веллер возразил, что я всегда ратовал за мирные методы и мирные цели. Недовольный ответом, судья решил добиться того, что ему нужно.

— Обвиняемый затрагивал военные проблемы?

— Нет, лишь политические. Главным образом единство и мир.

Судья подумал, заглянул в бумаги.

— Вы дружите почти три десятилетия, служили в одном полку. Его там любили или у него были враги?

— Он был всеми любим. О его врагах я ничего не знаю.

Жена генерала Габленца по делам службы находилась в Вашингтоне. Судья уцепился за этот факт. Он спросил:

— Интересовался ли Петерсхаген вашей женой?

Габленц ответил:

— Нет.

— Не задавал вам обвиняемый вопросов, из которых можно было бы заключить, что он шпион?

Темпераментный генерал невольно схватился за голову.

— Никогда в жизни!

Да, теперь мне понятно стало, почему в Си Ай Си так сопротивлялись приглашению этих двух свидетелей. Габленц знал меня так же долго, как и Веллер. Его спросили о моих взаимоотношениях с другими офицерами. Ответ был довольно сложным, но смысл я помню точно:

— Все товарищи настолько любили Петерсхагена, что я удивлялся, когда узнавал, что кто-нибудь относится к нему не так.

Судья зло листал бумаги, что-то читал. «Ага, сейчас всплывет Бодисин», — подумал я.

Допрос генерала фон Габленца и полковника Веллера кончился еще одним провалом американских режиссеров.

На следующий день состоялся перекрестный допрос, предусмотренный распорядком процесса. Обвиняемый может отвечать только «да» или «нет», за исключением тех случаев, когда ему специально предлагают давать более подробные ответы. Вопросы защитника тоже регламентированы. Представители Си Ай Си запретили упоминать имя моей жены и фон Гагена. Защитник обратил на это мое внимание. Бессонными ночами я искал причины этого. Может быть, агенты Си Ай Си боялись разоблачения их грязной двойной игры со мной и моей женой?.. Получалось так, что, помимо угроз и шантажа, против меня применяли всякие другие подлые приемы: защиту ограничили разными запретами, меня самого довели до полного изнеможения.

С утра до вечера доктор Бауэр спрашивал: «Is that correctly?»

Да, это правильно, я участвовал в организации НДПГ в Грейфсвальде. Да, я входил в окружное правление Общества германо-советской дружбы и в состав секретариата Национального фронта. Да, я подписал итоговый протокол. Но в каком

тяжелом состоянии и под каким нажимом!.. Это неважно, обвиняемый должен отвечать только «да» или «нет». И «Is that correctly», что я так и не назвал имени своего друга, вокруг которого нагромождались самые невероятные утверждения?.. Сдал ли я Грейфсвальд Красной Армии без боя? Да, сдал. Значит, бывший полковник Петерсхаген — коммунист. Но ведь США были союзником Советского Союза? От этого восклицания мое положение не улучшилось.

Потом я снова сцепился с карьеристом Бауэром, я заявил, что между «да» и «нет» существует невероятно много нюансов, особенно если приходится отвечать на провокационные вопросы. Бауэр покраснел, как молодая девушка. Но представители Си Ай Си все время подбадривали его записочками. Американская разведка — вот кто был настоящим руководителем этого «политического показательного процесса». Разведка управляла и судьей и прокурорами. Много напоминало германский фашизм и гестаповские методы.

Защитник опять точно доказал суду, что показания Бэра путаные, противоречивые, лживые.

— Бэр лишь однажды сказал правду! — повысив голос, воскликнул защитник. — Это было тогда, когда он заявил, что его разговоры с моим подзащитным были абсолютно безобидными!

Итак, установлено: Бэр дал под присягой ложные показания, значит прокуратура обязана вмешаться. Но судья отклонил предложение уличить Бэра во лжи вызовом свидетелей.

Впреки строгому запрету упоминать о моей жене, я рассказал суду о злобной интриге, затеянной Си Ай Си, и о нарушении честного слова. И снова ледяное молчание. У меня уже не хватало душевных сил для борьбы!.. Впервые за время этой жестокой игры в кошки-мышки у меня сдал голос.

Многочасовую заключительную речь произнес сам генеральный прокурор доктор Ноггль. Он говорил быстро, возбужденно. О моем так называемом преступлении он не сказал почти ни слова. Вся речь — о политике. Генеральный прокурор на все лады превозносил американскую «освободительную политику» и предавал анафеме политику мира как «мировую коммунистическую опасность». Особо досталось НДПГ. Доктор Ноггль заявил, что это страшная, преступная партия. Ловко маскируясь, она пытается втянуть мелкую буржуазию в красную систему. Обвиняемый с успехом создал такую розовато-красную организацию в Грейфсвальде и затем по поручению Национального фронта перенес свою разлагающую революционную деятельность в Западную Германию. (Значит, я не совращенный, а опасный совратитель.) В Западной Германии он действовал с невиданной наглостью, перетянув на свою сторону Эрнста Бэра. С 1945 года это сильнейший удар по безопасности союзных армий! Предложение Бэру работы на Востоке прокурор охарактеризовал как возмутительную попытку переманивания в советскую зону.

— Он не выдал ни одного из своих закулисных вдохновителей. Разве это не доказывает, насколько он упрям и опасен? всю жизнь он занимал положение, которое давало ему возможность отлично разбираться в политике. Он достаточно образован, чтобы распознать всю преступность красной системы. Но он и по сей день держится за свою партию и за политику Востока, которая является самой большой опасностью для западной христианской культуры.

— В 1945 году мы не постеснялись вешать патриотов и героев. Мы и ныне должны без стеснения расправляться с политическими противниками. Говорят, что обвиняемый ослеплен и действовал из благородных побуждений. Тем хуже для него, тем он опаснее. Это заставляет нас быть более бдительными в борьбе. Такова великая задача, поставленная перед нами историей и богом!

Американка переводчица взмолилась о передышке. Устроили перерыв.

Я обсудил с защитником положение. Он был настроен скептически. После выступления прокурора мы уже не сомневались, что речь идет не о вынесении юридически обоснованного приговора, а об осуждении по политическим мотивам.

В заключительном слове защитник вновь указал на множество странных противоречий в обвинении, особенно в связи с показаниями Бэра. А Бэр — единственный

свидетель обвинения. Обвиняемый же ни разу и ни в чем не противоречил себе и энергично разбил все показания Бэра.

— Разве можно считать преступлением принадлежность к НДПГ или деятельность в Национальном фронте? Мне кажется, нет. Ни одна из этих организаций в Западной Германии не запрещена. Даже Коммунистическая партия Германии — составная часть нашей западной демократии¹. Служащие-коммунисты получают в Федеративной республике жалованье, значит являются слугами государства. Если даже предположить, что НДПГ и Национальным фронтом управляют коммунисты, все равно это не основание для обвинения, пока Коммунистическая партия в Западной Германии не запрещена. То, что здесь, на процессе, называли упорством обвиняемого, скорее есть признак его чистой совести и веры в демократические свободы западного мира, убеждения, что его деятельность не преступна.

Защитник говорил спокойно и убедительно, но в конце попросил только о смягчении приговора. Меня это разочаровало. При такой сильной аргументации он мог требовать полного оправдания.

В своем последнем слове я вновь изложил политические цели своей деятельности и твердо заявил, что не признаю за собой никакой вины. Мое поведение соответствовало моим взглядам. Я делал то, что каждый немец, особенно в обстановке раскола страны, имеет право и даже обязан делать. Мое дело — чисто немецкое. Доказано, что я не интересовался войсками союзников, это подтвердили под присягой два офицера.

— Доказано, что Бэру верить нельзя, — сказал я. — Вы сами заявили, что он сомнительный и опасный тип. Вы хотели с моей помощью разоблачить его. Не могу себе представить, чтобы я, человек, безупречно проживший пятьдесят лет, стал жертвой шпика и провокатора.

Американцы слушали меня молча, с презрительными гримасами. Судья объявил, что приговор будет вынесен 22 января. Впереди оставалось еще воскресенье, которое я снова провел в Штадельгейме. Я был совершенно убит этим «публичным» процессом без публики и ночами, проведенными в полицейской каталажке. Состояние моего здоровья ухудшилось. Днем и ночью меня терзало сознание бессилия перед западными оккупантами и неведение, что со мной будет дальше.

22 января 1952 года, войдя в наручники в зал заседаний, я вдруг увидел нную картину: впервые на «публичный» процесс была допущена публика. Судья цинично заявил, будто на этом «важном процессе» все было тщательно расследовано и выяснено. Суд, сказал он, длился восемь дней — с утра до вечера. Генеральный прокурор доктор Ноггль все взвесил и оценил в речи, длившейся несколько часов. И вот суд (состоящий из единоличного судьи Фуллера, но из-за кулис управляемый Си Ай Си) пришел к тому заключению, что подсудимый виновен по двум пунктам закона № 14 Верховной союзнической комиссии. Пусть теперь генеральный прокурор внесет предложение о мере наказания.

Я наблюдал за генеральным прокурором восемь дней. Он всегда был самоуверен, шумлив и категоричен, порой даже патетичен. Иногда он бил себя в грудь. Сегодня, согнувшись, опершись руками о стол, тихим неуверенным голосом он сказал:

— Я требую максимальную меру наказания!

Наступила гробовая тишина.

— Суд удаляется на совещание, — с этими словами судья Фуллер удалился в соседнюю комнату.

В зале загудели, как в улье. Незнакомые мне люди что-то быстро писали. Представители Си Ай Си куда-то исчезли. На меня надели наручники, повели по коридору. Тут я столкнулся с Дэлэром и Фрэмем, выходящими из кабинета судьи Фуллера. Они смугтились.

Когда представители Си Ай Си вернулись в зал заседаний, к ним протянулось множество рук с блокнотами. Господа корреспонденты давали на просмотр свои отчеты. Я видел, как Дэлэр и Фрэй предлагали им что-то исправить. Они давали

¹ В то время КПГ еще не была запрещена в Западной Германии.

указания целым группам. В зале возник такой шум, что никто не расслышал команды «встать». Судья резко обратился к переводчице. Она перевела:

— Высокий суд уже в зале, и господа представители прессы обязаны с этим считаться.

Ах так, значит публика на процессе — представители «свободной» западногерманской прессы?! Они не участвовали в прежних заседаниях и не знали истины. Представители Си Ай Си продиктовали им все, что должно быть написано о моем деле.

Судья облегчил себе задачу донельзя. Признав меня виновным по двум пунктам закона, он приговорил меня дважды к шести годам каторжной тюрьмы, добавив: отбыть в Ландсберге. Для вящей убедительности он вытащил из мантии газетную вырезку, помахал ею и сказал:

— В Советской зоне опять затеян процесс против так называемых шпионов. Они приговорены к большому сроку наказания. Поэтому считаю приговор, вынесенный мною, умеренным. Подсудимый признался, что дважды был в Федеративной республике по политическим причинам! Процесс окончен. Приговоренного отвезти для отбытия наказания!

Команда «встать» потонула в общем шуме. Большинство и без того вскочило. Какая-то американка, подбежав ко мне, крикнула.

— Неужели вы не будете опротестовывать приговор?

Защитник тут же заявил суду, что будет опротестовывать приговор.

* *
*

«Вынести параша!» — так нас приветствовали каждое утро в самую рань в тюрьме Штадельгейм. Каждый из арестованных выставлял парашу в коридор. Ведь мы все спали, так сказать, в собственной уборной, но без спуска. Затем убирала помещение. Самое приятное в течение дня — прогулка. На пустом грязном дворе, между серыми стенами тюрьмы, арестованные шагали по кругу по двое под наблюдением надзирателя.

Меня навестил защитник. Он принес два апельсина и газеты. Просторное помещение для свиданий, с письменным столом в нем, выглядело, как канцелярия. Лишь решетки на окнах напоминали, где находишься. Мы поговорили о процессе и перспективах обжалования. Защитник считал, что капитан Бэр, видимо, вначале имел честные намерения. Но он сдал, когда почувствовал, что за ним наблюдают. Не считаясь ни с чем, сам себе противореча и давая ложные показания, он решил выпутаться за мой счет.

— Из Си Ай Си все время пытались протянуть вам руку. Вы и теперь имеете эту возможность, — осторожно намекнул Кислинг. — Си Ай Си чувствует себя в вашем деле не очень уверенно, — добавил он. — А суровое наказание вы получили за свою верность Восточной зоне

Я решил больше об этом с ним не говорить.

Вернувшись в камеру, я набросился на газеты. Раньше защитник приносил мне только «Меркур». На сей раз он принес несколько других газет. Они сообщали примерно одно и то же: «Бланк объявил воинскую повинность!», «Полицейские налеты на помещения КПГ по всей территории Федеративной республики», «Аденауэр требует заключения Общего договора и создания Европейской армии для защиты христианской западной культуры». Кроме этого, я прочел: «Кавалер ордена «рыцарский крест» — шпион». «Красный полковник получил два раза по шесть лет каторжной тюрьмы!» Под таким заголовками «свободная» западногерманская печать сообщала о моем процессе, на который она не была даже допущена. Американская разведка определила не только содержание, но и место этих заметок на газетных страницах. Статьи о «красном полковнике» должны были подкрепить требования всеобщей воинской повинности, европейской армии и террора против коммунистов. «Красный полковник!» Да разве это не «самая большая опасность»?

Однажды ко мне забрел и «его преподобие» — ради утешения раба божьего. К счастью, на сей раз он не говорил о пятидесяти дивизиях. Стал осторожнее. Но все же он посоветовал мне рассчитывать на американцев.

— Американцы продержат вас не больше года. С этим можно примириться. Он заговорил о свободе выбора, которая дана нам от бога.

— Благодаря этой свободе я и примкнул к делу «мира на земле», — подхватил я. «Его преподобие» запелтял вокруг да около:

— Надо помнить и о своей судьбе. Это не противоречит воинствующему протестантизму. Вы обязаны подумать о себе и о своей жене.

Я не сразу понял, к чему он клонит. На что он так осторожно намекает?

Одно таинственное посещение в начале февраля пролило свет на все.

— К защитнику, — строго сказал надзиратель.

Сперва меня привели в сборную камеру, где надо было ждать вызова. Когда я вошел, оттуда вызвали какого-то арестованного. В холодном пустом помещении находился еще один заключенный. Одетый в тюремное платье, он бегал из угла в угол, что-то бормоча. Это был совершенно опустившийся человек, из перемещенных. Разговаривая сам с собой и все повышая тон, он проклинал лагерь Валька под Нюрнбергом, откуда его привезли. Чтобы вырваться из этого ада, он совершил налет на магазин и получил полтора года.

— Зато деньги я хорошо припрятал. За такой куш имеет смысл отсидеть! — заявил он торжествующе.

Он рассчитал, что на каждый день отсидки приходится десять — двенадцать марок «заработка», если разложить припрятанное им на полтора года.

— Столько я в жизни не зарабатывал!

Поразительный цинизм! Но в общем-то это не удивительно при подобных социальных условиях.

В комнате для свиданий никого не было.

— Господин находится у директора, — заявили мне.

По тюремной привычке я шагал из угла в угол, размышляя и готовя себя к разговору с доктором Кислингом. Наконец дверь открылась, я поспешил навстречу защитнику, но... не поверил глазам своим: передо мной стоял Фрэй. Без всяких предисловий он сказал:

— Вам очень хочется просидеть весь срок, или вы уже образумились?

Держась за письменный стол, я стоял молча, пока не пришел в себя. Затем я потребовал вернуть меня в камеру. Надзиратель непонимающе взглянул на Фрэя, потом на меня. Не говоря ни слова, он отвел меня в камеру. В ту ночь я особенно плохо спал. Неужели и после приговора меня не оставят в покое?..

Далее следует опущенное в нашем переводе описание перевозки Петерсхагена в тюрьму для военных преступников в Ландсберге.

* * *

Стемнело. В тюрьме зажглись огни. Стены корпусов стали похожи на огромные вытянутые шахматные доски: освещенные четырехугольники окон на фоне темной стены образовали белые поля — сто по горизонтали и четыре по вертикали. Решетка превращала в шахматную доску и каждое из освещенных окон. За каждой решеткой сидел человек. Еще несколько минут — и я окажусь там на целых шесть лет! Ноги налились свинцом.

— Только бы выбраться отсюда живым. — пробормотал я.

— Да. Лучше бы вы были военным преступником! — заметил конвоир.

Мы вошли. Красивые новые здания. Вылизанный двор. Нигде ни крошки снега. А ведь на всем нашем пути всюду уйма снега.

— Административный корпус, — пояснил сопровождающий.

По его звонку нам открыл американский солдат в синем стальном шлеме, на котором большими белыми буквами было начертано: «Си Ай Си». Меня передали с рук на руки, и вскоре я очутился в первом этаже управления.

Лестничная клетка и помещение, в котором я сейчас находился, напоминали скорее роскошную гостиницу, чем тюрьму. Повсюду горел свет. Все сверкало чистой, излучало тепло. За столом сидел рыжеватый американский капитан лет тридцати. Он читал мои бумаги. Я сел, не дожидаясь приглашения. Он взглянул на меня удивленно, ничего не сказал, продолжая читать. Я, видимо, выглядел на-

столько скверно после этой зимней «переброски», что офицер, кончив читать, отдал распоряжение по-английски, и передо мной очутился огромный кофейник с настоящим кофе, сливки, сахар и толсто намазанные сэндвичи. Я набросился на бодрящий напиток.

Все пожитки у меня забрали. Появился врач в тюремной одежде, стал проверять, нет ли у меня инфекционных болезней, лишаев или вшей. Он шепнул мне:

— Я вас знаю. Как-то вы меня крепко обложили на Харьковском шоссе.

Врач был худой, внешне приятный человек. Позже я узнал, что это майор медицинской службы доктор Зикель из лейб-полка СС «Адольф Гитлер», которого я в свое время резко обругал за нарушение правил езды.

Дежурный отвел меня в душ, а затем в камеру.

В тюремном корпусе было тихо и пустынно: шел киносеанс.

Теперь я увидел изнутри башню, господствующую над крестообразно расположенными корпусами крепости. Она не только архитектурно, но и по своему значению была центром всего комплекса зданий. От нее лучами, как приделы в церквах, отходили четыре корпуса. Подобно церковным сводам, снизу вверх нарастали ее этажи, замыкаясь выше крыш зданий куполом из толстого стекла. Днем купол башни становился источником естественного света. Внизу, в круглом холле, находился стеклянный павильон размером с газетный киоск. В нем всегда дежурили двое. Крыша его служила вышкой для надзирателей. Двери камер открывались лишь внутрь. Вдоль камер шли узкие железные мостки, огражденные металлической сеткой. Вышка охраны была связана с каждым из мостков такими же железными дорожками. Все выглядело игрушечным, будто смонтированное из детского конструктора.

Моя камера была меньше и уже, чем в Штадельгейме, но зато теплее и чище. Над приделанной к стене откидной доской стола находилась выдвигаемая электрическая лампочка с абажуром. Правда, без выключателя, но лампочку можно было самому вывернуть или ввернуть. Я тут же воспользовался этой возможностью, погасил свет и лег спать.

На следующее утро я прежде всего осмотрел выданную мне одежду. Нормальные нижние белье, длинные черные брюки с заглаженной складкой, темно-синяя на выпуск верхняя рубашка с пришитым воротничком и в придачу черная куртка на подкладке с матерчатыми погончиками. На всех вещах, включая так называемую верхнюю рубашку, было клеймо, нанесенное белой масляной краской: WCPL. Это сокращение означало: «War criminal prison Landsberg» (тюрьма военных преступников в Ландсберге).

Каждое утро охранник открывал камеру. Под его присмотром я должен был в соседней камере с проточной водой очистить парашу. Как и все охранники, он носил стальной шлем и дубинку, которая, кстати, была не из резины. Это я заметил, когда кто-то из них нечаянно уронил ее на пол. Я хотел его о чем-то спросить, но он боязливо покосился на центральную башню, откуда можно было все видеть и сказал:

— Вам запрещено разговаривать, пока вы на карантине.

В соседней камере, где я мыл парашу, он на чистом немецком языке объяснил мне, что изоляция «В-нуль» связана с запретом разговаривать и продолжится примерно две недели. Оказывается, корпуса условно обозначались четырьмя буквами алфавита. Этажи — от 0 до 3. Чтобы не путать, говорили большей частью не «В» «С», «D», а «Берта», «Цезарь» или «Дора». «А» так и оставалось «А». Теперь я уже кое-что знал о своем положении.

Меня повели к парикмахеру. Вблизи центральной башни, в том же коридоре, находились хорошо обставленные помещения. На дверях было написано: «Barber-shop»¹.

— Сколько? — прошептал тюремный Фигаро.

— Шесть лет.

¹ Barber-shop (англ.) — парикмахерская.

— Бог ты мой, какой смысл сюда попадать! А я вот все еще «ПЖ», — заявил он с гордостью. Это «ПЖ» в тюрьме играло большую роль и означало: «пожизненно». Перед парикмахерским салоном находился щит с объявлением: заходить за этот щит в «В-нуль» запрещено. Потому-то в моем коридоре царил такая мертвая тишина. Я был действительно изолирован.

Еду мне приносили в камеру. Количество и качество ее было значительно выше, чем в обычных тюрьмах.

Вся одежда, которую мне принесли, была мне впору, кроме обуви. Но это было связано с моей раненой ногой. После длительных переговоров я с трудом добился возврата моей ортопедической обуви, а заодно и вечной ручки и принадлежностей для бритвы, что в обычных немецких тюрьмах не разрешалось. Обстановка камеры была жалкой, только освещение хорошее. Возле откидного стола находилось узкое сиденье, тоже откидное, как и железная койка. Складные, из трех частей, матрасы были такие же, как в других немецких тюрьмах. Кроме этого, на стене висела лишь полка. Как и всюду, в дверях камеры было открывающееся снаружи маленькое отверстие для «выдачи корма», настолько узкое, что человек не смог бы протиснуться сквозь него. В Ландсберге эти отверстия всегда были закрыты лишь целлофаном. Это давало то преимущество, что заключенный мог смотреть в коридор. Но сейчас мне это было ни к чему: «В-нуль» — мертвый корпус. Наоборот, от этого мне было хуже: в любое время надзиратель мог заглядывать в камеру, так что заключенный все время чувствовал себя под надзором.

Сигналы гонга созывали заключенных на поверку. Из своей камеры я привык к неизменной последовательности звуков: топот, бег, болтовня и внезапная тишина после команды «смирно». Довольно долго ни звука: дежурный сержант, очевидно, пересчитывает заключенных. Потом снова топот, бег, рокот голосов. Поверка кончилась. По утрам после поверки все расходилось на работу. Шуму было меньше. В обед и вечером все спешили за едой: бегали и сустились больше. Мне еду приносил уборщик из «В-нуль», тоже заключенный.

«Уборщика», бывшего эсэсовца, почему-то радовал мой хороший аппетит. Он снабжал меня газетами, принес даже вырезку о моем процессе, в которой подчеркивалось, что я отстаивал единство и мир. Такие отчеты возможны были лишь в провинциальных газетах, не слишком зависящих от американской цензуры. При всей сдержанности по отношению ко мне, бывший эсэовец заявил:

— Мы, конечно, тоже кое-что соображаем насчет американской военной политики и вашего процесса!

Это звучало не так уж плохо. И потом он сказал «мы»!..

Далее автор рассказывает о медицинском освидетельствовании в тюремном госпитале.

...Однажды ко мне зашел сержант и резко сказал:

— Завтра начнете работать.

Где и как — осталось неизвестным. Не прошло и половины срока изоляции, но оказалось, что, вопреки всем правилам, я буду работать, оставаясь на карантине.

Вечером мне разрешили посетить концерт возле центральной башни. В конце коридора «В-нуль» специально для меня поставили стул. Напротив находился оркестр — примерно человек двадцать со скрипками, трубами, саксофонами, ударными инструментами, виолончелями, роялем и всем тем, что к этому полагается. Кругом, у металлической сетки, облокотившись на перила, стояли на всех этажах заключенные.

Слева от меня было примерно два десятка пустых стульев. Интересно, для кого? Может быть, для американского персонала?

Я почувствовал, что меня разглядывают: еще бы — новый, из «политических», «красный полковник». Внезапно все взоры обратились к другой цели, даже взоры музыкантов. Лица радостно просияли: в сопровождении охраны появилось примерно двадцать женщин. Все в одинаковых юбках и жакетах цвета хаки, хорошо сшитых, но с клеймом «WCPL». Женщины выглядели усталыми, особенно кто постарше.

Они кивками незаметно приветствовали знакомых. Оркестр исполнил несколько музыкальных пьес и был вознагражден громкими аплодисментами. Но в центре внимания оставались не музыканты, а заключенные женщины.

Я же приглядывался к заключенным мужчинам, с которыми придется прожить долгие годы. Многие из них напоминали тип, воспетый в фильмах и печати «третьего райха» как нордический. Это были высокие, стройные блондины с широким, выступавшим вперед подбородком, но без ума и души. Рядом с надменными физиономиями аристократов я увидел и лица настоящих громил.

На следующий день меня повели к центральной башне. Заключенные находились уже на работе. Уборщики, как всегда, занимались своим делом. Мне выдали палку с железным наконечником. Сержант объяснил задачу: коридоры выложены рифлеными плитами, чтобы не было скользко. В выемках всегда накапливается грязь. Я должен ее выскрести, собирать в ведра и предъявлять их в башню. Это был сизифов труд, потому что ежедневно тут проходили сотни заключенных. Так в Ландсберге, в изоляторе, я начал свою карьеру подметальщика. Старые заключенные удивлялись.

— Такого еще не бывало.

— Что за бред?

— Нашли наконец дурачка.

Такие реплики сыпались без конца. Все время рядом со мной стоял охранник, переступая с ноги на ногу. Стоило кому-нибудь остановиться и обронить слово, охранник испуганно косился на башню: ведь мне запрещалось разговаривать.

Сержант, один из надзирателей, сидевших в стеклянном ящике, вышел, чтобы лучше наблюдать за мной.

Охранник тотчас набросился на меня:

— Вам запрещено разговаривать!

— А я не проронил ни звука. Не виноват же я, что все меня цепляют!

Сержант подошел и спросил, в чем дело. Не сказав мне ни слова, он отдал охраннику какое-то распоряжение. Я не поверил своим ушам: он разговаривал с охранником на каком-то славянском языке. Я понял последние слова:

— Смотри за ним как следует. Это опасный красный.

Куда я угодил? Надо было узнать еще много тайн.

Чистя плитки, я мог спокойно наблюдать за окружающим. На дверях камер висели таблички. Тушью, печатными буквами было написано имя заключенного, его профессия, мера наказания, дата прибытия в тюрьму и дата освобождения. Короче всех были карточки с двумя толстыми буквами «ПЖ». Это «П» выглядело, как виселица, и говорило о мрачной перспективе.

Я работал теперь на «С-нуль». Там находились больные, освобожденные от труда. Они распоряжались временем по своему усмотрению.

«Бонгартц, Петер — ПЖ» — стояло на первой двери справа. Он был два метра ростом и ходил, опираясь на палку. Часами он стоял перед своей дверью или шагал по коридору, пока не находил партнера для игры в шахматы. Напротив я прочел: «Хот, офицер, 15 лет». Бывший генерал-полковник, невзрачный человечек с белоснежными волосами, был похож на гнома. Его большой нос лишь усиливал это впечатление.

Я еще помню — «Фон Позерн — ПЖ» и «Вайльбах — ПЖ».

На одной из дверей было написано: «Чайная комната». Там заключенные заваривали себе кофе или чай. Кроме того, в каждом коридоре были уборные и умывальные.

От середины «С-нуль» направо и налево отходили коридоры, закрытые железными жалюзи.

Направо — различные мастерские, так называемые «шопы», например портняжная, сапожная, седельная, печатная и прежде всего «Алю-шоп» и граверная. Эти две играли большую роль в тюрьме. В «Алю-шоп» из алюминия, бронзы, меди и других металлов руками избранных, умелых заключенных изготовлялись всякие «сувениры» для американцев: пепельницы, вазы, портсигары, столики — курительные и для цветов, выложенные плитками, и т. д. Прекрасные вещи изготовлялись там за

бесценок. После соответствующей обработки изделия упаковывались и отправлялись за океан. В других «шопах» шили на заказ костюмы и обувь, конечно и для леди, затем эта продукция тоже пересекала океан. Заключенным в лучшем случае перепадала коробка американских папирос, беспощинно ввезенных для снабжения оккупантов. Так что это была настоящая черная работа, обогащавшая оккупантов! Левый коридор вел в «крепость», где сидели женщины.

В конце коридора «С-нуль» находилась дверь, перед которой днем и ночью стояла охрана. Это был вход в госпиталь, где меня обследовали в день приезда. Теперь меня вызвали туда на просвечивание.

Доктор Фриц Фишер меня уже ждал. Вежливо представившись, он поздоровался со мной. Как и многие в этом заведении, он служил в лейб-полку «Адольф Гитлер». При отражении десанта союзников в Северной Франции он потерял правую руку, но левой он пользовался так ловко, что мог продолжать занятия медицинской. Он управлял рентгеновской аппаратурой и диктовал свои наблюдения прямо в магнитофон. Он был полон энергии и жизнерадостен. Его живые глаза оглядели меня очень внимательно. Поставив четкие врачебные вопросы, он подтвердил, что мне необходима легкая работа на свежем воздухе.

Моего охранника он попросил подождать у входа в рентгеновский кабинет. Поэтому ему удалось поговорить со мной беспрепятственно. Высказав сожаление, что я угодил в такую неприятность, он заметил:

— В наши времена нужно смотреть в оба, к кому примыкаешь.

— Да разве в этом вопрос! — возразил я быстро и так твердо, что он опешил.

Он понял. Это был первый разговор в Ландсберге с доктором Фишером и отнюдь не последний.

Я продолжал чистить свои плитки, площадь которых по вечерам вычислял в камере. Мне предстояло чистить еще икс квадратных километров.

— Долго вы намерены это терпеть? Это же издевательство! — сказал однажды Петер Бонгарц, проходя мимо меня.

На охранника он не обращал внимания. Я уже давно заметил, что к этому странному заключенному все относились с большой предупредительностью.

— Здесь, по крайней мере, тепло. А в остальном пусть они меня поцелуют... — пробормотал я, не подозревая подлинной роли Бонгарца.

На следующий день моя бессмысленная работа прекратилась.

Другой охранник повел меня на чердак, где было зверски холодно.

Когда-то, чиня крышу, рабочие замусорили чердак битой черепицей. Этот мусор уже много лет валялся в самых дальних закоулках заброшенного чердака. Именно мне приказали извлечь черепицу из закоулков. Проникнуть туда мог только акробат.

— Как прикажете это делать? — спросил я охранника.

— По мне, можете вообще ничего не делать. Но, к сожалению, нам придется предъявлять ведра с содержимым.

Этот ответ и дружеское «нам» меня озадачили.

— Ведро необязательно должно быть полным. Я постараюсь объяснить ами, как это трудно, — утешил меня охранник.

Я начал работать. Не работа, а мука. Я думал и гадал над словами охранника. Он меня заинтриговал.

— Для вас тоже не очень приятно торчать с утра до ночи на таком морозе?..

— Мне здесь вообще паршиво. Все это уже было в концлагере.

Можно ли ему доверять? В конце концов не я ему рассказываю, а он мне. Я обратил внимание на его твердое «р» и решил пока ни о чем не спрашивать. Он прислушался, что делается на лестнице, и закурил папиросу.

— Здесь действительно холодно. Но, во всяком случае, хоть слышно, когда кто-нибудь подкрадывается, — начал он снова.

Лежа на полу и кряхтя, я извлекал куски черепицы. Шаги! Хромая, вошел какой-то заключенный. Он стал что-то искать на чердаке и бросил при этом взгляд в ведро, которое было уже почти полным. Затем он снова исчез.

— Хромой Майер. Опасный тип! — сказал охранник,

Я стал припоминать, где же я видел этого грязного типа. Правильно. Это один из парикмахеров. Тогда у него тоже в углу рта торчал огрызок размокнувшей папиросы. Что подразумевает охранник под «опасным типом»?

Казалось, он угадал мои мысли.

— Этот американский шпик приходил нас проверить! — Он со злостью стукнул кулаком по балке так, что раздалось эхо.

Я уже ничего не мог понять и молча разглядывал форму охранника. Форма на нем была темно-синяя, а ведь американцы носят форму цвета хаки...

— Сейчас у вас на родине лето, — сказал я осторожно, потирая заочевшие пальцы.

Он рассмеялся.

— И вы считаете меня американцем? Я из «польской» роты.

— Значит, настоящий «товарищ»? — спросил я шутя.

— Да, да, — подтвердил он обрадованно.

Назначение работать на холодном чердаке было очередным издевательством. Но нет худа без добра. Здесь, по крайней мере, не мешали разговаривать, и я узнал, что заключенных в американской тюрьме охраняют поляки. В лагерях перемещенных лиц американцы набрели добровольцев, объединили в так называемые «польские» роты, назначили им полное содержание. Одна из таких рот охраняла в Ландсберге военных преступников, разоривших Польшу, сгноивших многих поляков в концлагерях. Так американцы дали полякам возможность отомстить военным преступникам. Но резко повернув курс на ремилитаризацию, деловитые янки решили объединить поляков, завербованных ими в ландскнехты, с военными преступниками, науськивая и тех и других на «опасность, идущую с Востока». Это им удалось лишь частично. Американские офицеры старались внушить полякам, будто «красные» препятствуют их возвращению на родину. Надо-де бороться не с военными преступниками, а с «красными». Вот «красный полковник», этот новенький, — один из самых опасных.

— Но я не такой уж дурак! — воскликнул охранник. — Я с удовольствием поехал бы на родину, в «красную Польшу», если бы только мог.

Я сидел на одной из балок чердака и внимательно слушал польского охранника.

— Служить в «польской» роте — мучение. Один другому не верит. И вы не должны никому верить.

Да, в этом-то и загвоздка: можно ли верить и ему? Я вглядывался в его лицо: горечь, озлобление, даже ненависть, желание излить наболевшую душу.

Мы не расслышали шагов хромой Майера. Он нас поймал. Огрызок папиросы висел у него в углу рта. Ах, до чего неприятно! Охранник резко приказал:

— Ну, несите ведро вниз.

— Так оно же еще не полное, — вмешался хромой Майер.

Я возразил, что полное оно слишком тяжелое.

— Когда имеешь что курить, все кажется легким, — намекнул Майер, хитровато шурясь.

Я сообразил:

— О, табак для меня не такая уж проблема.

Хромой Майер тут же подхватил ведро.

— У меня американец не станет проверять. Он меня знает, и я его знаю.

В стеклянном ящике башни, кроме польского, сидел еще и американский сержант.

Майер добавил, что будет приходить и за другими ведрами. У него, мол, есть дело на чердаке. Мы открыто его высмеяли. Нисколько не смутившись, он смеялся вместе с нами. Это был тип, растленный до конца. В Ландсберге таких называли «прожженный».

— Сегодня в обед я зайду за своей пачкой, о'кэй? — Хромая, он исчез вместе с ведром.

Мы посмеялись по поводу так удачно миновавшей неприятности и этого продажного парикмахера.

— Будьте с ним крайне осторожны. Опасная ласточка из башни! — Так в Ландсберге называли доморожденных шпииков, которые все время вились вокруг центральной

башни, продавая американцам со товарищей за пачку папирос. В стеклянной будке всегда находились двое, американец и поляк.— Этот вас основательно выпотрошит.

И действительно: в обед, когда меня должны были запереть, хромой Майер оказался у моей камеры. От жадности он наполовину втянул потухший окурочек в свой лягушачий рот. Он ушел, спрятав в карман пятидесятиграммовую пачку табаку «ЛД». Каждый заключенный ежемесячно получал три или четыре пачки легкого табаку фирмы «Луи Добберман» и достаточное количество папиросной бумаги. Табак в Ландсберге, как и всюду в неволе, играл большую роль.

После обеда хромой Майер без напоминаний таскал полупустые ведра. Мне казалось, что он папиросы не курит, а просто жрет. Он согласился с этим.

— Иначе у меня нет вкуса на языке. Просиди ты, сколько я, в концлагере, а потом здесь, ты бы понял, что это единственная радость в жизни. А то лучше повеситься.

Странно: концлагерь и — военный преступник!

Но скоро я узнал, что здесь целая группа таких. Эти заключенные были посажены нацистами еще в 1933 году, одни как политические, другие как уголовники. Уголовники усердием и особенно доносительством добивались должностей надсмотрщиков, преуспевали за счет товарищей по несчастью и в конце концов становились лагерными полицейскими. Их звали «капо» или «обер-капо». Это были послушные помощники СС. Они настолько зарекомендовали себя как предатели, что к концу войны, когда стала ощутимее нехватка в людях, на них надели эсэсовскую форму. Это их обязывало к новым преступлениям. В 1945 году, когда открылись ворота концентрационных лагерей, эти «капо» подлсжали наказанию наравне со всей эсэсовской охраной. Они очутились в Ландсберге, приговоренные за убийства и жестокое обращение с узниками к смертной казни или к пожизненному заключению. На Нюрнбергском процессе союзники квалифицировали как преступление против человечности тот факт, что в «третьем райхе» политические и уголовные содержались вместе. Преступным сочли и то, что в этих лагерях уголовники получали власть над людьми, посаженными за антифашистские воззрения или как евреи. Теперь в «тюрьме для военных преступников № 1 Ландсберг» американцы повторили все то, что сами осудили. Политические заключенные вынуждены были жить бок о бок с военными преступниками, которые к тому же занимали в тюрьме командные посты. По приказу американцев они охотно поработали всех инакомыслящих.

К сожалению, мои охранники часто менялись. С одним у меня было столкновение. На чердаке были люки, из которых я изредка выглядывал на волю. Однажды я засмотрелся на покрытую снегом цепь альпийских гор. Охранник резко окликнул меня.

— Насколько мне известно, мне запрещено лишь разговаривать, а не смотреть,— ответил я в том же тоне.

Он смолчал, но огомстил мне, заставив выуживать черепичную крошку из самых дальних закоулков.

Очередной раз на чердаке появился хромой Майер, разноухать, что тут делается. Увидев, чем я занимаюсь, он напал на охранника:

— Как вы смеете так обращаться с этим человеком? Он вдвое старше вас и полный инвалид!..

Охранник послушно подчинился. Но в обед хромой Майер снова стоял перед моей камерой с размокшим окурочком в углу грязного рта. Он ждал мзды за заступничество. Думаю, я не зря использовал эти две пачки табаку. Надо было обрести под ногами почву.

Что за странные взаимоотношения! Военные преступники имеют власть над охранниками в стальных шлемах и с дубинками. Кто, собственно, кем управляет?

Мне это было еще неясно...

Далее Петерсхаген рассказывает о своем продолжительном пребывании в «карантине» и знакомстве с тюремным пастором.

...Уборщик сообщил, что меня переводят в «Берта-2», «420».

— Там вам дадут настоящий «шоп».

Это означало, что я окончательно включаюсь в жизнь тюрьмы, с которой до сих пор знакомился со стороны, из своей «изоляции». Но я уже довольно много узнал.

Меня поместили в камеру на двоих. Хорошо, если останусь один. Я надеялся, что мне дадут какой-нибудь легкий «шоп» — работу на свежем воздухе, как это предписано врачами, но меня назначили чистить картошку. С этого и началась моя дальнейшая жизнь в крепости Ландсберг.

Теперь по утрам моя камера открывалась и оставалась открытой до 21.00. Моя жизнь регулировалась гонгом. Кормили нас в так называемой «кают-компанин».

Каждый получал в кухонном окне поднос, разделенный на шесть ячеек, миску супа и остальную еду и со всем этим отправлялся в «кают-компанию» — узкое, продолговатое помещенье. Справа и слева от среднего прохода стояли узкие, покрытые линолеумом столы, за которыми разрешалось садиться лишь с одной стороны, по шесть человек в ряд. Все должны были смотреть только в одном направлении — в затылок впереди сидящего. Охранники следили, чтобы места на скамьях не пустовали. Освобождается место — двигайся к соседу. Сидеть полагалось лицом к комнате, где мыли посуду. Посуду сдавали после того, как остатки пищи каждый выбрасывал в бочку. Эти бочки, как зеркало, отражали некоторые нюансы послевоенной политики.

Вначале было приказано уничтожать все отбросы, даже картофельную шелуху, чтобы окрестное население не могло их использовать. Потом, когда США избрали себе в военные союзники Бонн, жизнь в тюрьме для военных преступников стала более роскошной. Изменилось и содержимое бочек. Городская беднота жадно набрасывалась на тюремные отбросы. Это омрачало картину «золотого экономического чуда»¹. На содержимое бочек был наложен строгий запрет. Пришлось завести свиней для использования пищевых отходов. Теперь ежемесячно кололи свиней, еще более улучшая питание заключенных. Специалисты из военных преступников руководили откормом свиней и жаловались на их привередливость.

«Так хорошо, как мы, не живет ни одна свинья на свете», — нечаянно скаламбурил кто-то за столом и был не так уж неправ: его оговорка соответствовала истине.

У входа в столовую, против мойки, находилось деревянное возвышение, на котором располагались оркестр, певцы и другие участники концертов. На стене висел экран. После завтрака, во время которого всегда давали хороший молочный суп, следовал сигнал утренней поверки. Построение происходило по «шопам». Я становился в ряд с работниками кухни как член команды, чистившей картошку.

Для этой работы, кроме обычной спецодежды из тика, выдавались высокие резиновые сапоги. Подвал, где мы чистили картошку, был очень сырым. Ножки скамеек, на которых мы сидели, всегда стояли в воде.

«Легкую работу на свежем воздухе» предписали мне врачи. Работа, правда, была не трудной, но при ней не было ни движения, ни воздуха. В сыром, нездоровом подвале мы сидели, пригвожденные к своим скамьям, и чистили картошку изо дня в день, по восемь часов подряд. Нас было пять или шесть человек. Большинство — бывшие обитатели концлагерей из уголовников-рецидивистов. Один из них сидел по тюрьмам с восемнадцати лет. Он начал с ограбления и убийства. Затем — каторга, концлагерь, «капо», эсэсовец-убийца, Ландсберг. Вот жизненные пути моих «коллег», судьбы которых в принципе были очень схожие, но по существу разные. Кроме меня, здесь был лишь один заключенный, осужденный Верховной комиссией по Германии не как военный преступник, а по американскому оккупационному статуту: молодой хитрый парень маленького росточка. Его звали Мюгге. В 1945 году в пятнадцать-шестнадцать лет он служил на зенитной батарее. Он был бездомным, не имел родных и пристал к одной американской части. Вскоре он стал там полезным и даже необходимым человеком. Парень способный и сообразительный, он быстро научился говорить по-английски. Американцы, любившие погулять и смотревшие на караульную службу как на нечто обременительное, охотно поручали Мюгге дежурства. Так он получил американскую форму и с согласия командира части стал, так сказать, нелегальным Джи Ай. Мюгге заменял всех и всюду. Это вполне устраивало и командира роты. Случалось часто, особенно по понедельникам, что кто-нибудь оказывался в самовольной отлучке, и вместо двухсот человек в строю, допустим, находилось сто девяносто девять. Но с Мюгге,

¹ «Экономическое чудо» — рекламный лозунг боннской пропаганды, именующей так возрождение военной экономики.

одетым в американскую форму, получалось все же двести. Командир спокойно докладывал о полном порядке в роте.

«Настоящий Джи Ай вытворяет еще не то»,— решил Мюгге и сам себе присвоил звание сержанта армии США.

Умная слава этой страны, он запугивал немцев своей формой цвета хаки, приставлял пистолет и требовал часы. Однажды вечером этот же трюк он решил испытать на одном важно шагавшем господине в штатском, но ошибся адресом. Вернее, он попал по правильному адресу: это был американский генерал в гражданском платье. Случай роковой: Мюгге поймали. Его роскошная жизнь кончилась. Ношенное американской формы и дежурства в американской части были квалифицированы как «шпионаж» и «нанесение вреда» союзным войскам—такова волшебная формула оккупационного статута, позволяющая любому событию дать желанное истолкование. Бывшие начальники Мюгге внезапно перестали его узнавать. Их даже «удивило», что таковой существует. Этот юный авантюрист был единственный «шпион», которого я встретил в Ландсберге.

В странной компании проводил я ежедневно восемь часов в подвале, чистя картошку. Никто из них не вел себя злобно по отношению ко мне. Они работали быстро, я работал плохо. Но их это не сердило. Они были рады, что приобрели нового слушателя, и с утра до ночи рассказывали о себе и обо всем на свете, особенно о Ландсберге. Многое я увидел в ином свете. Некоторые из этих преступников были жертвами социальных и политических условий. Отец юного убийцы в 1933 году попал в концлагерь как член КПГ. Мать послала своего безработного семнадцатилетнего сына на станцию подбирать уголь на путях. Столкновение с железнодорожной полицией. Один из полицейских убит. Молодой парень был осужден, и жизнь его практически загублена. Чтобы иметь хоть какой-нибудь шанс на будущее, он стал «образцовым» заключенным концлагеря. Эсэсовцы растлили его, и Альбрехт в конце концов превратился в «капо». Потом он стал эсэсовцем, а в 1945 году за свои дела в лагере был приговорен американцами к смерти.

— Не мы же придумали концлагери. Нас туда заперли, и мы должны были выполнять приказы. Мы рисковали собственной головой и шеей. А господа, которые нами командовали, давно на свободе. С нашим братом американцы не очень церемонились. Мой процесс длился всего пять минут, и я получил веревку на шею.

О положении в Ландсберге в первое время после войны они рассказывали мне без усталости:

— Тогда здесь все выглядело иначе. Вот когда жизнь была тяжелой для военных преступников. Похлестче, чем в концлагерях!

— Тогда здесь был настоящий ад!— рассказывал один.— Высокопоставленные господа были вот какими маленькими.— При этом он показал малюсенькую картошку и зло швырнул ее в угол.— Мне еще повезло, я был уборщиком. Вы бы послушали, как генералы умеют просить: «Дорогой камрад, вы не могли бы достать мне то или это?» А я, болван, бегал, высунув язык. Теперь это неприступные господа. Они на нас не взглянут даже задницей!

— Если кто-нибудь из нас за пачку табаку соглашался убирать камеру и чистить сапоги, господа генералы позволяли нам обращаться к ним. Но только в третьем лице,— издевался другой.— Впрочем, любителей лизать зад здесь хватает и теперь. Таким путем они надеются выслужиться перед американцами.

— Это уже удалось им!

— Конечно. А кто не пошел по такому пути, тот торчит здесь, в этом дерьмовом подвале. И скоро подохнет!— Говоривший побагровел, как рак, вскочил и заорал:— Я не желаю больше чистить картошку для этих сволочей!— И выбежал.

Для остальных это было не ново.

— Кто много пережил и долго сидит, частенько доходит до таких припадков.

Кто-то пошел за ним, иронически произнося:

— Заключенный, будь разумен!

Всех рассмешило это привычное обращение тюремщиков. Только тот, которому это было адресовано, долго не мог успокоиться. Он по-прежнему в ярости изливал душу, забыв о том, что надо чистить картошку.

— Когда вы, политические, появились, мы вдруг стали хороши для ами. Мы нужны, чтобы в «народном единстве» с высокими господами выступать против так называемой «красной швали с Востока». Но нет, господа, без меня! — орал он зло. — Это они уже давно умеют — науськивать одних на других. Это есть и будет нашим несчастьем. А теперь, ласточка из башни, — крикнул он вдруг кому-то, кто до сих пор молчал, — лети, доноси на меня!

Тот набросился с ножом на говорившего. Началась кровавая драка. Противно, но весьма поучительно. Вот почему «великие третьего райха» теперь говорят, что эти концлагерники были сперва жертвами, а потом опорой их системы. Они снова пригодились в качестве «союзников» против «красных» — новых «врагов», согласно американской политике.

Драчуны успокоились, перевязали раны, чтобы ами ничего не заметили...

Дальнейшие рассказы собеседников Петерсхагена о том времени, когда американцы еще не заигрывали с осужденными военными преступниками, нами опущены. Петерсхаген встречает бывшего эсэсовца, полковника Блюме, виновного в убийстве ста тысяч человек, который говорит ему о своем теперешнем настроении.

...— Прошло уже много времени. Ами убедились, что неправы. Они пообещали нас реабилитировать и сделают все, что только возможно. Фюрер был прав. Всемирное еврейство ныне снова празднует свое возрождение в коммунизме. У нас есть снова цель. Совместно с американцами мы должны побороть мировую опасность — Советский Союз!

Я смотрел на Блюме с ужасом и удивлением. Значит, в 1945 году его мучила не совесть, а страх перед смертью на виселице! Теперь, когда американцы поманили пряником, его черная душа праздновала страшное воскресение. Этот эсэсовский штандартенфюрер выглядел ангелом, который не тронет и волоска на голове. Он сам себе нравился в роли «поклонника муз», ценителя литературы и философии. Но какие же выводы сделал для себя этот массовый убийца!

В мою камеру вселили «новенького» — молодого человека лет двадцати. Это было не особенно приятно, тем более, что он оказался прожженным аферистом. Во время своей бродячей жизни он по ошибке влез в машину какого-то американца и в поисках драгоценностей перевернул чемоданы и портфели.

— А так как им нужен был материал для пропаганды, они меня осудили за шпионаж. В газетах сообщалось, будто я имел задание взорвать радиостанцию «Свободная Европа» в Мюнхене. Чепуха! Я даже не знаю, где эта радиостанция, и в жизни своей не был в Мюнхене!

Минуту спустя он добавил:

— Им нужны дураки. Они меня так обработали, что я все, что им надо, признал. Я бы подписал даже обвинение в изнасиловании собственной бабушки.

Холодную войну надо подкармливать. Для науськивания против Востока требуются сенсации. А если их нет, нужно придумать. Гитлер в 1939 году тоже сфабриковал «нападение Польши» на радиостанцию в Глейвице, чтобы иметь предлог для разбойничьего похода на Польшу. Жизнь людей при таких преступлениях не имеет никакой цены. У империалистов нет морали, хотя они о ней охотно и часто говорят.

Все заключенные, которых приговорили на основании оккупационного статута, находились в корпусе «В», в том самом, где много лет жили приговоренные к смерти. Постепенно у меня перебивало большинство политических заключенных.

— Вы не представляете, что тут было, когда газеты писали о вашем процессе, — рассказывали борцы за мир. — Военные преступники взбеленились. Они обращались с нами, как с отбросами человечества. Вдруг за дело мира вступился полковник, да еще с рыцарским крестом! Это было пощечинной для всей касты. Для нас же — великая радость. Кстати, кто-нибудь из военных преступников вас уже навестил?

— Ни один, — ответил я.

Один из пришедших сказал мне:

— Я работаю санитаром в госпитале и потому многое слышу. Военные преступники хотят либо перетянуть вас в свой лагерь, либо окончательно скомпрометировать. Я решил ждать. И вот что произошло.

Мне передали приглашение на чашку кофе от бывшего генерал-полковника

фон Зальмута. Он когда-то, как и я, служил в Потсдаме, в девятом полку, был монархистом и горячим приверженцем «старого Фрица» и Бисмарка. Его внешность, особенно нависшие брови, напоминала «железного канцлера». Он был очень самоуверен и держался, как патриархальный помещик.

— Мне хочется вернуть все свои имения, особенно то, которое у вас там. Его я очень любил! — начал он обстоятельно, наливая мне в чашку свежезаваренный кофе.

— Эти времена давно прошли и не вернуться, — возразил я твердо.

— Не торопитесь с выводами. У нас здесь великолепные связи с Бонном. А там многое, слава богу, происходит. Так оно не может оставаться!.. Но сперва надо поговорить о вашем деле.

После упоминания о «хороших связях с Бонном» мне было любопытно услышать его предложение.

— Нам ясно, что вас предали и от вас отреклись. — Он произнес это с глубоким убеждением.

Я возразил было ему, но он настаивал:

— Это именно так. Даже если вы не хотите этого признать. Вы не представляете, что за преступники те, ваши, на той стороне.

— Почему? — спросил я удивленно.

— Кто-то из них дал в Москве показания, что Хот и я применили приказ о комиссарах. Поэтому мы торчим здесь.

Шестидесятилетний генерал-полковник, бывший командующий армией, задыхался от волнения и возмущения. Я имел возможность минутку подумать.

— Разве тот, о ком вы говорите, дал в Москве неправильные показания?

Я думал, что именно это возмущает генерала. Но старик посмотрел на меня непонимающе.

— Зачем вам нужна правда? Взаимная выручка! Вот что требуется! Но такие, как те, знать об этом не хотят.

Я сказал:

— Все это не имеет никакого отношения ко мне. Я поехал в Западную Германию сам. Никто меня к этому не понуждал.

Зальмут недовольно бормотал:

— Так мы не продвинемся ни на шаг.

Он был прав.

В корпусе «В», обитателей которого военные преступники избегали, словно чумы, мой визит к старику Зальмуту был сенсацией. Шпики, приставленные и к тому и к другому лагерю, почуяли возможную добычу. В погоне за ней они легко выдавали себя. Противная атмосфера вынюхивания вообще характерна для тюрьмы Ландсберг. Было особенно мерзко, что сперва шпикам приказывали выискивать сторонников национал-социализма, а теперь — противников возрождения фашизма. Сперва антинацисты, а теперь пронацисты...

При каждой встрече во время еды или прогулок некоторые генералы рассказывали мне об оскорбительном поведении американцев.

— Я входил в правительство Дёница¹. Мне было тогда уже шестьдесят. Я был в чине генерал-полковника. Но вы не представляете себе, как ами дубасили нас резиновыми палками в день ареста — 10 мая 1945 года!

— За четыре года в советском плену я ни разу не видел, чтобы кого-нибудь били! — заметил я.

— Если изо дня в день много лет слышишь и читаешь противоположное, начинаешь в конце концов всему верить. В одном только вранье я уже разобрался. На собственной шкуре я узнал, что такое в действительности христианские культуртрегеры из Америки.

— К сожалению, дело не в этом вранье. Дело в том, что они ведут обдуманную клеветническую кампанию против Советского Союза и готовят новую войну! — возразил я.

¹ «Правительство Дёница» — это так называемое правительство было организовано после капитуляции Германии во Фленсбурге, куда бежала часть гитлеровской верхушки и заправил вермахта.

Генерал боязливо оглянулся:

— Боже мой, все это верно. Но если нас кто-нибудь услышит...

Так военные преступники, возненавидевшие своих американских тюремщиков, в то же время охотно следовали за ними, потому что ненависть к Советскому Союзу, которую посеял в них Гитлер, преобладала. Теперь эта ненависть вспыхнула с новой силой. Они и слышать не хотели о национальных интересах. «Что сейчас полезно для Германии? Какая дорога приведет к единству и мирному возрождению?..» В этих вопросах верхушка «третьего рейха» снова оказалась несостоятельной.

Вторую вылазку из лагеря военных преступников ко мне сделал бывший обергруппенфюрер СС Лоренс.

— Здесь принято, что вновь прибывшие наносят визиты старожилам. Рекомендую заняться этим, чтобы установить нужный контакт.

«Правильный путь» — так называли это реакционно настроенные офицеры в Красном горском лагере. «Нужный контакт» — называлось это здесь. Я призадумался.

— Учтите, у нас в почете старые солдатские традиции,— высокопарно поучал меня обергруппенфюрер.

— Как прикажете это понимать? — спросил я.

— Ну, к примеру, следует обращаться по старопрусской традиции, называя чин... — Он неуверенно добавил: — Само собой разумеется, в третьем лице. Это лучший барьер от прочей здешней публики.

Это было уже слишком.

— В американских «Правилах поведения» заключенным в Ландсберге запрещено именовать друг друга по чину, по дворянскому титулу и даже по академическому званию! — сказал я, желая подчеркнуть всю абсурдность его претензии.

Шокированный эсэсовский генерал ответил:

— Так это, слава богу, давно забыто благодаря нашей принципиальной солдатской настойчивости!..

Я напомнил, что, насколько известно, официально даже в вермахте не было принято обращение в третьем лице, а в эсэсовских войсках оно вообще никогда не существовало.

— Ну, мы извлекли уроки из недавнего прошлого!

— Смешные претензии!

— Только такой самодисциплиной мы сможем утвердить и сохранить свое привилегированное положение здесь. А на свободе это тем более необходимо. Мы, из войск СС, убедились, что так надо, и подчинились этому. И вы привыкнете.

Я категорически отверг все его требования. Но эсэсовский генерал, видимо, не считал еще свою миссию законченной. Он продолжал, хотя и неуверенно:

— Первым шагом с вашей стороны должно быть прекращение всякой связи со шпионами.

Все эти нацистские генералы и офицеры не признавали никаких приговоров за военные преступления. Но они охотно присоединялись к американцам в травле мнимых шпионов. Я высказал ему это. Он тут же возразил:

— Судебную механику американцев мы в 1945 году испытали на себе. Ами фабрикуют все, что им в данный момент требуется для пропагандистской мельницы. То военные преступники, то шпионы. Но сейчас снова наша взяла. Только не упустить поезд времени. Особенно такому, как вы! В так называемом лагере мира вас предали. И продали.

— О-о, пусть это будет моей заботой. Я знаю и то, что я сделал, и, главное, то, что мне предстоит сделать. А ультиматумов я вообще не принимаю.

— Тогда вы пропали! — С этой угрозой визитер удалился..

Далее в записках Петерсхагена следует описание визита тюремного пастора, опущенное в нашем переводе.

...По американскому закону каждый заключенный, отбыв треть срока, имеет право подать прошение на «пароль»¹... Одним росчерком пера тюремщики «без ведома суда»

¹ «Пароль» — правило в американской карательной системе, по которому заключенные освобождаются на известных условиях досрочно.

могут амнистировать любого осужденного. Так произвольно в дни, когда я прибыл в Ландсберг, они выпустили на свободу военных преступников, осужденных по процессам «Вильгельмштрассе»¹ и «Гроссиндустри».

Мне рассказали некоторые подробности про обе группы освобожденных.

— Для подготовки войны американцам в первую голову понадобилась братия с Вильгельмштрассе. Здесь сидел граф Шверин фон Крозигк. Этот покорила их своими докладами. Вы не представляете себе, как ловко. Я притащу вам какой-нибудь его докладик.

Экземпляры докладов графа Шверин фон Крозигка в большом количестве распространялись по тюрьме. Доклады такого типа: «Принц Евгений — благородный европеец». Вы только вдумайтесь: не «рыцарь-завоеватель», а «европеец». Исторические факты перевертывались с ног на голову в угоду конъюнктуре. «Благородное древнее стремление последнего рыцаря — объединение всех народов Европы — должно наконец стать явью!» И автор, последний министр иностранных дел «третьего рейха» из правительства Дёница, тут же подкреплял эту мысль, приводя свое выступление по радио в мае 1945 года: «С Востока все дальше продвигается железный занавес, который навсегда скроет от всего мира творимый там вандализм».

Этой цитатой «из самого себя» граф Шверин фон Крозигк попутно подчеркивал свою политическую дальновзоркость. «Пароль» против Востока гарантировал графу «пароль» на Западе. И не только ему, но и всей группе осужденных по процессу «Вильгельмштрассе» дипломатов, которые трубили в его дуду. Они делали это громко, отчетливо и добились освобождения.

Другая группа военных преступников, с которыми ами быстро сторговались, были участники процесса «Гроссиндустри», магнаты тяжелой промышленности во главе с Крупном и Фликком. Условились начать с комбайнов и молочных бидонов, чтобы исподволь восстановить концерны.

— А когда снова дело дойдет до войны, они переключатся на вооружение и совместно снимут «урожай». Но тогда потекут не молочные и медовые реки, а кровь и слезы. И это принесет им миллиарды. Я все точно знаю, я был уборщиком в их коридоре. «Да, дорогой камрад, мы должны крепко держаться друг друга в эти тяжелые времена. Пройдет немного времени, мы снова окажемся наверху, и я вас тогда не забуду!» — так разговаривали со мной эти господа из концернов.

— Теперь они уже наверху. Но мы сидим здесь внизу, в подвале, — вставил кто-то из слушателей довольно зло.

— Надо быть справедливым. Промышленники присылают нам, по крайней мере, обещанные посылки! — заметил другой.

На доске объявлений регулярно вывешивались списки тех, кому присланы подарки. Благодетели оставались неизвестными. Посылки получала самая разная публика. Генерал-фельдмаршал стоял в списке рядом с концлагерником, который в качестве уборщика в свое время облегчал существование своему нынешнему покровителю.

Когда кто-нибудь из привилегированных заключенных выходил на свободу, его сменял в списке другой, обычно какой-нибудь видный нацист. Об этом заботились закулисные режиссеры. А ими в это время были самые видные из военных преступников.

В нашем подвале предсказывали:

— Теперь один за другим пойдут домой по «паролю» генералы. Это ясно, как дважды два! Шпейдель уже сделал почин.

— Подумаешь, фокус! При его-то связях с ами! — Речь шла о брате нынешнего верховного главнокомандующего сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

— Даю руку на отсечение, что следующий кандидат на выход — генерал Варлимонт!

— Нет, а я ставлю на Рейнгарда. Варлимонт им еще нужен здесь.

Два новых имени — две новые истории. Тема для разговора неясная. Варлимонт с первого до последнего дня был вместе с генерал-полковником Йодлем, заместителем которого он являлся при Гитлере в генштабе вермахта. Но Йодля как глав-

¹ На Вильгельмштрассе находилось министерство иностранных дел.

ного военного преступника приговорили в Нюрнберге к смерти и повесили, а его заместитель — генерал артиллерии Варлимонт — сперва получил «ПЖ», а потом — пятнадцать лет.

— Этот тоже знал, как надо действовать. В Нюрнберге он прикинулся покорным и звонил в колокольчик, как служка во время мессы. А от алтаря до ами рукой подать. Теперь они платят ему пятьсот марок, и он, сидя в теплой комнате, пишет для них после обеда историю войны, в то время как мы здесь подышаем.

— По утрам он гуляет в саду. Это называется работой. Хотел бы я иметь такую жизнь!

Варлимонта не любили по разным причинам. На Нюрнбергском процессе он резко отмежевался от Гитлера и национал-социализма, хотя всю войну охотно просидел в безопасной ставке фюрера. Ему пришлось признать свое соавторство по преступным приказам о «комиссарах» и «Нахт унд небель»¹. Он, правда, старался доказать, что сочиняли эти приказы другие, а он лишь их «редактировал». Так как на суде никто не верил, что «он всегда был против», Варлимонт лез из кожи вон, доказывая свои антинацистские воззрения. Однажды, например, докладывая Гитлеру, он назвал Гимmlера не райхсфюрер, а райхсферфюрер². Он уверял на суде, что эта оговорка была не случайной, а характерной для его «истинных» настроений, которые он в течение многих лет «мучительно» скрывал. Такое поведение перед американцами особенно возмутило ортодоксальных нацистов.

В Варлимонте не было ничего солдатского. Холеный, важный, седовласый, он сверкал, как фальшивая монета, расхаживал всегда самодовольный, надушенный, в безукоризненно чистом костюме, видно было, что он следит за своей осанкой. Он никогда не позволял себе произнести ругательство.

— Хотелось бы знать, где его родина: у него французская кровь, он кайзеровский офицер, потом нацист и доверенный Гитлера, верующий католик, женатый на англичанке протестантского вероисповедания. Теперь он любимец американцев и пламенный приверженец Европейской армии. Сам черт не разберется!

— Для «чертей» с Востока — такие не проблема, — сказал я.

Все разинули рот, прекратили чистить картошку.

Я продолжал:

— У таких господ «отечество» — их сословие. За свои привилегии они заставили немецкий народ проливать кровь.

Вот это дошло! Люди, потерпевшие крушение в жизни, вовсе не были глупыми. Их продали, как глупых.

— Вы же сами из этого сословия, — возразили мне. — И всю жизнь ехали с удобствами.

— Это верно. Но куда все мы и весь немецкий народ приехали?!

Очевидно, они разбирались, в чем разница интересов маленькой клики и целой нации.

Такие разговоры получали отклик во всей тюрьме. Видно, не случайно со мной вскоре провокационно заговорил Рейнгард, которого должны были вот-вот выпустить:

— Горько и возмутительно, что русские так разоряют прекрасную плодородную землю нашего края!

— Мой прекрасный край принадлежит не русским, а является немецкой землей. Его никто не разоряет. Наоборот, мы сами его восстанавливаем, и «злые русские» нам в этом помогают.

— Чтобы еще лучше доить тучную корову? — прервал меня бывший генерал-полковник.

В одно мгновение «разоренная земля» превратилась у него в «тучную корову». С Рейнгардом бесполезно было спорить. Он выл против Востока вместе со всей волчьей стаей.

¹ «Nacht und Nebel» — «Ночь и туман», так гитлеровцы условно обозначали тайное массовое уничтожение.

² Райхсферфюрер (нем.) — совратитель государства.

Кстати, его всегда считали ловким приспособленцем. В начале войны, когда в армии изредка еще протестовали против зверств эсэсовцев, не желая ничего общего иметь с черными «братьями по оружию», Рейнгард сочинил письмо «к своему фюреру», прося «оказать честь» и присоединить к его дивизии эсэсовские части. «Честь» была оказана, и расчеты Рейнгарда оправдались: дивизия стала корпусом, а командир дивизии — командиром корпуса. Кроме того, посыпались ордена. Рейнгард получил «дубовые листья».

Ландсбергские генералы поносили своего ловкого коллегу на все корки. А он, помня былые удачи, и тут взялся за перо. На сей раз он адресовался уже не к своему «любимому фюреру Адольфу Гитлеру», а к бундесканцлеру доктору Аденауэру.

В то время в связи с ремилитаризацией в бундестаге и с различных трибун раздавались требования освободить военных преступников. «Пока заслуженные, прославленные генералы второй мировой войны томятся в тюрьмах союзников, ни один порядочный немец не наденет форму», — угрожала аденауэровская печать, вдохновляемая американцами. Майор в отставке Менде и другие депутаты бундестага заявили, что до полного удовлетворения этих требований они не дадут согласия на вооружение. Американская общественность воспротивилась немедленному освобождению военных преступников, о злодеяниях которых она еще недавно читала. Запланированное освобождение волей-неволей пришлось отложить. Эта отсрочка деморализовала даже «крепких парней» из бундестага. Только ловкач Рейнгард, сидя в тюрьме, сообразил, как воспользоваться этой ситуацией. Он обратился к Аденауэру с открытым письмом:

«Глубокоуважаемый господин бундесканцлер! Стоит ли вопрос о ремилитаризации связывать с судьбой нескольких генералов, объявленных военными преступниками. Серьезность положения требует решительных мер. Невзирая ни на что, надо быстро решать проблему, жизненно важную для всего немецкого народа!»

Аденауэр, конечно, и без письма Рейнгарда выполнил бы американский приказ о вооружении, не связывая свой «решительный шаг» с судьбой «нескольких» генералов. Но, как и письмо к Гитлеру во время войны, письмо к бундесканцлеру принесло свои плоды: Рейнгард через две недели — так, совсем между прочим, — был выпущен из тюрьмы за «хорошее поведение». Спустя короткое время он стал председателем союза бывших солдат и держал речь у памятника павшим. В ней он, между прочим, говорил: «Вы не напрасно пали, ваша героическая смерть будет примером для Европейской армии, которая освободит наконец мир от коммунистической опасности!»

Так бывший генерал-полковник включился во всеобщую кампанию клеветы против Востока. Он изображал всегда личное бескорыстие, но умел при этом, как бы невзначай, извлечь выгоду для себя.

* * *

К подвалу, где мы чистили картошку, я не чувствовал особенной неприязни. Но ядом для меня был сырой воздух. Потому-то меня сюда и загнали. Зимой негде было дышать свежим воздухом. На вечернюю прогулку выводили в узкий, мрачный внутренний двор... После спертого воздуха подвала я рад был даже вонючему двору и старался по вечерам гулять там как можно дольше. Мой организм, подорванный в подвалах Си Ай Си, уже не в состоянии был выдержать такой режим. Пришлось заявить, что я болен. Меня назначили на просвещение легких.

— Пур хочет вас разоблачить, — предупредил меня вечером в госпитале санитар.

О докторе Пуре я многое слышал. Сейчас ему было всего сорок лет. Австрийский нацист с золотым партийным значком, вопреки своим «героическим фашистским воззрениям», боясь фронта, добился когда-то должности врача в концлагере. Там он так старательно оправдывал свои нацистские взгляды и золотой значок, что в сорок пятом году американцы приговорили его к смерти за убийство. Но он первый вышел целехонек из камеры смертников. Пур сменил красную куртку и шапку смертника на белый халат врача. Без какой-либо переходной стадии и юридического обоснования военный преступник, приговоренный к смертной казни, превратился в американского служащего, главного врача тюрьмы для военных преступников, доктора медицины Пура.

Сногшибательный поворот! «Надо же так уметь выкрутиться»,— говорили о нем заключенные.

Пур, конечно, всячески выслуживался перед теми, кто избавил его от веревки и высоко вознес. Заслуженный нацист, он как врач руководил всеми казнями своих коллег по партии, вместе с ним приговоренных к смерти. Когда повешенных снимали с виселицы, он обследовал их и, если они еще подавали признаки жизни, затыкал им рот, нос и уши ватой.

Петерсхаген описывает далее медицинское обследование, после которого его помещают в тюремный госпиталь.

Однажды в палату вбежал санитар, стал нервно носиться по палате, разговаривая сам с собой:

— С каждым пациентом я обращаюсь одинаково, если он хорошо себя ведет.

Я хоть догадывался, в чем дело, но спросил его наивно:

— А где остальные мои соседи?

— На очередном инструктаже у Зеппа Дитриха. Я просто оттуда удрал.

Ах, вот, значит, откуда подул ветер!

Потом мой сосед по палате добавил еще кое-что:

— Мне не хотелось называть имен, но теперь вы знаете все. Вы не представляете, какую власть этот человек имеет здесь, в тюрьме.

Как и Варлимонт, СС-оберстгруппенфюрер Зепп Дитрих перестал быть «ПЖ» и получил двадцать лет. Но против него, как против убийцы, в немецких судах накопилось еще немало материала. Между прочим, он руководил массовым истреблением своих товарищей по партии 30 июня 1934 года в Штадельгейме. Очевидно, его мучила совесть, и вместо положенного: «Огоны!», он каждый раз командовал: «Так требует фюрер! Огоны!» Прежде он работал коридорным в гостинице, но благодаря своей «беспредельной верности фюреру» быстро продвинулся до «генерал-полковника войск СС». Обременять себя знаниями не требовалось. Пришлось только покорно исполнять все приказы о расстрелах. Как и «фюрер», он завел себе усики. Теперь он занимал важный пост в тюремной типографии. Во время больших праздников он получал от ста до полутора ста посылок от своих единомышленников, которые вышли на свободу и занимают высокие должности. Вести он себя не умел. Особо близких друзей он любил приветствовать крепким пинком в зад. Партнер отвечал ему тем же. Тщетно генералы вермахта пытались на него воздействовать, считая, что он подрывает и без того подмоченный авторитет всей касты.

В следующих опущенных отрывках дается подробная характеристика «морального облика» Дитриха и его времяпрепровождения в тюрьме.

...Американцы так любили Зеппа Дитриха и так с ним считались, что называли его по имени и на ты. Ко мне однажды обратился на ты американский сержант Чухэн, руководитель рабочей колонны. Когда я ответил ему тем же, он перестал меня замечать.

— Если этот Зепп Дитрих — такой любимчик американцев, не понимаю, почему его собираются держать здесь двадцать лет? — осведомился я. — Ведь уже множество людей, имевших «ПЖ», на свободе?

— Его держат тут в его же интересах: иначе сами немцы снова притянут его за убийства. Из немецкой прокуратуры уже несколько раз приходили сюда, советовались с американцами и самим Зеппом, как быть. И решили, что ему следует оставаться здесь, пока все не порастет травой.

— Но ведь преследование за убийство не прекращается за давностью времени? — возразил я.

— Это верно. Но они рассчитывают, что вскоре народ, общественное мнение в Западной Германии и Америке будут настолько обработаны, что простят исполнителей приказов фюрера и военные преступления.

Не только Дитриха, но и многих других убийц американская тюрьма спасала от немецкого суда. В Ландсберге им жилось недурно, американцы охраняли их как «памятники старины».

А ныне пробил час американской свободы и для Зеппа Дитриха. Правда, кажется, рановато выпустили. Несколько западногерманских газет выразили очень осторожно удивление по этому поводу. «Миттаг», издающаяся в Дюссельдорфе, писала 25 октября 1955 года: «Осужденный в июле 1946 года за участие в убийстве американских военнопленных к пожизненному заключению командир лейб-полка «Адольф Гитлер», эсэсовский генерал-полковник Зепп Дитрих был выпущен в субботу из тюрьмы. Это нам стало известно из баварского министерства юстиции. Но ни генеральный консул США, ни тюрьма Ландсберг не подтверждают официально, что он отпущен. Главная квартира американской армии в Гейдельберге отказалась подтвердить или же опровергнуть это сообщение». И эта и другие газеты напоминали, что Зепп Дитрих в качестве командующего 6-й эсэсовской танковой армией принял участие во время Арденнского наступления в убийстве 340 американских солдат и девятиста штатских бельгийцев...

...Но у аденауэровской прессы короткая память, она весьма изворотлива. Так, «Нейе пресسه», издающаяся в Пассау, сообщала 28 декабря 1955 года: «Ландау. В охоте, которую устроил хозяин стационарного ресторана Михель Хагль, принимал участие бывший командир эсэсовского лейб-полка Зепп Дитрих. Он прибыл на охоту в своем черном «кадиллаке».

Гопля, мы живем!..

Последовательность освобождения военных преступников зависела исключительно от американцев. Они определяли, что принесет больше пользы их политике ремилитаризации Западной Германии.

* * *

— Зальмуту еще придется покопоть немного. Сперва он называл себя участником 20 июля, и на это обижались только нацисты. А теперь это не устраивает и ами. Стариком недоволены. Фельдмаршалы фон Кюхлер и Лист имеют больше шансов. Кюхлер вечно хвастал своей дружбой с принцем Луи Фердинандом, а американцы любят всякую шумиху вокруг титулованных особ. Тем более в связи с западногерманской политикой реставрации. Гогенцоллерны снова рвутся на трон и предоставили себя в полное распоряжение американцев.

Я мало обращал внимания на такие рассказы. Но позже я все больше удивлялся, как правильно судил и насколько верно был информирован мой тайный благожелатель из госпиталя. Кюхлера за «хорошее поведение» отпустили досрочно. Вскоре западногерманская печать сообщила, что бывшего генерал-фельдмаршала фон Кюхлера видели вместе с принцем Луи Фердинандом в сопровождении двух господ на митинге «землячества верноподданных Восточной Пруссии». Кенигсберг был долгое время гарнизоном Кюхлера. И его друг принц как старший в роду Гогенцоллернов считался лучшей лошадкой в западногерманской реставрационной конюшне. «Верноподданные из Восточной Пруссии» были, правда, разочарованы в фон Кюхлере и принце Луи Фердинанде: германских аристократов сопровождали агенты американской Си Ай Си!..

Нацисты Ландсберга не могли простить Кюхлеру интервью, которое он дал представителям прессы после своего освобождения. В нем говорилось: «Самым мучительным было для меня в Ландсберге жить рядом с эсэсовскими бандитами и палачами!» Больше всех негодовали эсэсовцы.

— Ведь этот пожилой господин приглашал меня каждую неделю к себе на кофе. Мы были всегда одного мнения по всем принципиальным вопросам прошлого и будущего! — жаловался доктор Блюме, виновный в тысячах смертей, убийца из главного управления имперской безопасности¹. Он и другие высокопоставленные нацисты объявили генерал-фельдмаршала гнусным предателем фашистских «идеалов»...

— А Лист хитро заработал себе американские шпоры всего-навсего в тюремной библиотеке! — сообщил мне один из больных.

Библиотека находилась во втором этаже крепости, над женскими камерами. На полках стояло двадцать две тысячи книг по всем отраслям искусства и науки в прекрасном состоянии. В передней части большого зала, отгороженной деревянным барьером, была читальня. Тут стояли стулья, столы, неоновые лампы, на столах — все иллюстрированные журналы и газеты, кроме левых. После появления статьи «Гопля, мы

¹ Главное управление имперской безопасности — ведомство Гиммлера.

живем за счет оккупационных расходов!», в которой рассказывалось о роскошной жизни Джи Ай, исчезла опубликованная эту статью иллюстрированная газета; с журналом «Дер шпигель» случилось то же самое и по тем же причинам, только несколько позже.

В связи с ремилитаризацией стали исчезать не только журналы, но даже книги, числящиеся в каталоге. Это тоже была «заслуга» генерал-фельдмаршала Листа. Он ввел списки, кто какие книги имеет право читать. Определенные книги не выдавались «политическим», а лишь идейно стойким военным преступникам. Некоторые книги вообще исчезли, например «Ватикан — мировая держава» Бернгарда Лютеранский генерал-фельдмаршал Лист просто решил полемику по поводу Ватикана: изъять! Зато он горячо рекомендовал книгу «Эсэсовские войска в действии» эсэсовского генерала Пауля Гауссера, журналы «Общая европейская нация» и «Призыв викингов» — информационный бюллетень эсэсовских войск.

Лист слыл признанным вождем сословной иерархии в тюрьме для военных преступников. Даже генералы обращались к нему в третьем лице. Когда началась ремилитаризация, его признали и американцы, хотя еще в 1947 году в постановлении суда они записали: «Его позорные дела на Балканах — мрачное пятно для бывшей ранее в чести немецкой нации». Этот фельдмаршал «третьего рейха» в своей защитительной речи отмежевался от «верховного военачальника Гитлера» и его практики, о которой, как он выразился, «меньше всего имеет представление свободный гражданин свободной демократии». Он тогда говорил дословно следующее: «Мы, обвиняемые, не хотели войны... против нас стояли те же силы, против которых ныне ополчился весь западный мир».

После поворота политики освобождение военного преступника Листа, осужденного на пожизненное заключение, было лишь вопросом времени. Освобождение Листа последовало уже в 1954 году, за «хорошее поведение» — в американском смысле.

О тюремной библиотеке мне рассказывал заключенный, работавший в ней с самого начала:

— Более трех лет как, кандидат на виселицу, я носил красную куртку и шапку, несколько раз уже прощался с женой и детьми. Когда меня наконец перевели из камеры смертников в камеру «ПЖ», я был разбит душой и телом. Американский полковник, директор тюрьмы, сказал мне: «Мы совершили ошибку, заколов не ту свинью». Я думал сперва, что он имеет в виду повешенных в Шпетингене, но «не той свиньей» оказалась гитлеровская Германия, а той свиньей, которую следовало «заколоть», были «красные». «Мы решили, — сказал мне полковник, — исправить ошибку и создать нашим друзьям, живущим здесь, приятные условия». После всего пережитого я не верил своим ушам. Подумайте, мы, военные преступники, осужденные американцами, вдруг стали их друзьями. Конечно, это товарищество на тропе войны! «Нужно создать здесь хорошую библиотеку, — продолжал американец, начальник тюрьмы. — Вы должны помочь нам. Такое занятие будет для вас отдыхом!» Вот как я попал в библиотеку, где в то время имелось лишь несколько зачитанных книг. Мы написали всем издательствам, крупным промышленникам, большим торговым фирмам, в разные высокие инстанции. Подпись американского полковника под просьбой прислать книги для тюрьмы военных преступников гарантировала, что никто нам не откажет. И действительно нам прислали тысячи интереснейших книг. Подействовала и жалость к военным преступникам, раздуваемая в печати. Мы собрали библиотеку в двадцать две тысячи томов.

Систематическая клевета против Советского Союза, где были осуждены якобы невинные военные преступники, вызвала и в Западной Германии сочувствие к осужденным, хотя их приговорили суды западных держав. Американцы спокойно реагировали на такое недовольство. Их оно устраивало, потому что они сами подогревали клеветническую пропаганду против Востока и старались внушить немцам, что войны — естественное состояние человечества и даже предписанное богом.

От своего собеседника я узнал, что библиотекари шпионили за заключенными, сообщали американцам, кто какие книги читает. Всеми этими откровениями тюремный библиотекарь явно хотел расположить меня к себе.

— Вы знаете, что отсюда можно бежать?! — шепнул он мне однажды.

— После вас, — спокойно ответил я.

Он сказал, что для него бегство не имеет смысла: все равно, мол, на Западе его быстро поймают. Но у меня другая перспектива, стоит мне скрыться за «железный занавес» — и преследователи до меня не доберутся. Он даже рассказал о каком-то подземном ходе от подвала под церковью до рва, окружающего тюрьму, и предложил мне при случае осмотреть этот ход. Я категорически отказался:

— Невинный не просит о помиловании, не бежит, а требует справедливости.

— Ну, тогда вы будете ждать, пока не почернеете.

— Ничего. Мой срок пройдет. Лучше я почернею, чем сойду с прямого пути.

Так я отделался от шпика и был спасен.

Подземный ход действительно существовал, его проложили сами американцы как ловушку. Организатором провокационного «побега» был гнусный предатель Ганс Папе из так называемой хорошей семьи. В канун бегства он заманил нескольких наивных в подземный ход «для осмотра» и всех предал. Некоторые очутились в карцере на хлебе и воде...

Спровоцированы были, разумеется, лишь те, которых хотели на чем-нибудь поймать. Я был рад, что удержался от искушения. Это стало для меня уроком.

Как часто предлагали мне тайно передать на волю письма!

— Все, что мне нужно сообщить, я пишу в двух письмах, разрешенных мне еженедельно. А вас я не хочу ставить в затруднительное положение и подвергать опасности! — Так я отказывался от помощи и честных друзей и коварных провокаторов.

И все же они не отказывались от надежды поймать меня на чем-либо. В тюрьме для военных преступников широко применяли поощрительные добавки к питанию. Не требуется пояснений, по каким принципам эти добавки распределялись. Их раздавал уже знакомый нам доктор Пур.

Однажды и мне вздумали всучить масло и яйца как добавок.

— Мне не полагается добавка, это только для здоровых, — насмешливо сказал я и отказался.

И такая грубая попытка подобрать ко мне ключи не удалась.

Каждый год в ноябре меня, как и других, вызывали в управление и предлагали подать или прошение о помиловании, или на «пароль». Каждый раз я отказывался. В 1954 году некий Москович телеграфно запросил у меня письменное обоснование отказа. Я послал ему следующий ответ: «Так как ГДР является моей родиной и будет ею и впредь, то освобождение по «паролю» для меня неосуществимо. А прошение о помиловании, исходящее от меня, исключено, так как я не признал себя виновным».

Вскоре появился и сам господин Москович, а с ним некий мистер Хаган. Польский эмигрант Москович заработал «американские шпоры» за предательство и участие в кровавом подавлении голодного бунта в каторжной тюрьме в Штраубинге в 1950 году. Народная Польша за эти убийства заочно приговорила Московича к смерти. Американцы же назначили его главным инспектором американских тюрем в Европе.

Мистер Хаган был сотрудником Си Ай Си. Меня привели к этим двум. Они оба умели ловко и вежливо, в чисто американской манере, разговаривать, что обычно дезориентирует.

— Если у кого-нибудь есть шансы на помилование или снижение срока, то только у вас, господин полковник.

— Это надо было сделать, когда я обжаловал приговор, — ответил я. — Тогда были все юридические основания освободить меня. А теперь я не хочу испытывать унижение отказа. Что касается просьбы о помиловании, она нелепа для человека, не признающего себя виновным.

Используя все свое красноречие, они пытались меня уговорить. Но я сказал:

— Господин Москович! Я только в тюрьме узнал от защитника, что отягчающим обстоятельством на процессе явилось ложное показание, будто бы я офицер-разведчик. Можете прямо отсюда позвонить в ведомство Бланка и спросить об этом моих самых злостных политических противников. Они вынуждены будут подтвердить, что всю жизнь, во время войны и в мирное время, я был строевым офицером. Но ведь эта правда не нужна. Вам хотелось бы, вопреки истине, связать мои политические действия со шпионажем.

Москович стал смущенно просматривать мои документы.

— Может быть, я ошибся, но в вашем деле это обвинение не сыграло никакой роли.

— Это вы говорите сейчас. А раньше вы считали это обвинение настолько важным, что назвали его моему адвокату как причину отклонения жалобы. Ведь приговор, вынесенный мне, — политический. Он заранее подготовлен, и нечего о нем говорить. Если вы хотите сами снизить срок наказания — пожалуйста. Но я ничего предпринимать не буду. — Я встал.

— Еще минуточку, — сказал мистер Хаган, как и Москович, холеный, но обрюзгший и бледный; до сих пор он молчал, копаясь в моих бумагах. — Вы были в Сталинграде. Часто вы там разговаривали с Паулюсом?

— Фельдмаршал разговаривал со мной один раз. И очень кратко, когда осматривал расположение моего полка.

— А каковы ваши отношения с ним сейчас? — спросил Хаган с хитростью. Он добавил с подчеркнутой насмешкой: — Дело в том, что я был офицером-разведчиком и остался им.

— Тогда вам следовало бы знать, что Паулюс лишь теперь, во время моего заключения, вернулся в ГДР, — сказал я, раздраженный этими несуразными попытками снова приписать мне что-то невероятное.

— Посмотрим, — закончил Хаган двусмысленно.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Мы надеемся, что вы обо всем подумаете. Спокойно и наедине, — сказал Москович с деланной приветливостью.

Ну что же, я подумал, но решения не изменил.

* * *

Освобождение Паулюса и возвращение его в ГДР взбудоражило весь генералитет в Ландсберге. Они никак не могли примириться с тем, что фельдмаршал, прошедший школу старого генерального штаба, остается в «красной Германии». Одни утверждали, что это не его добровольное решение: наверно, его заставили, применили какую-нибудь инъекцию. Такого рода чепуху распространяли старательно. В своей слепой ненависти к Востоку использовали все, чтобы умалить достоинства бывшего фельдмаршала из-за выводов, сделанных им из трагического прошлого для себя и для всей нации.

Военные преступники знали все о событиях за пределами Ландсберга, о взглядах официальных кругов, разных деятелей. Между выпущенными на свободу и оставшимися в тюрьме шла оживленная переписка. Письма высокопоставленных особ передавались друг другу для ознакомления. К этому узкому кругу принадлежал и мой тайный друг. От него я узнал о точке зрения Кюхлера на Паулюса. Он отвергал все выдвинутые против Паулюса обвинения. Нельзя считать человека, который пришел к иным, чем твои, политическим воззрениям, эгоистичным и глупым. Для генералов старик Кюхлер был авторитетом. Они считались с его мнением. Некоторые вдруг стали говорить мне даже приятные вещи. Но это быстро кончилось. Их снова увлекла центробежная сила американской «машины для прочистки мозгов».

Когда из советского плена вернулся фельдмаршал Шернер, все вначале подумали, что он останется в ГДР. Военные преступники Ландсберга без удержу ругали его, разделили в пух и прах. Они видели в нем выскочку, поскольку он вышел из учителей, и считали, что выших званий и почестей он достиг карьеристским путем. Некий высокопоставленный военный преступник писал тогда: «Шернер вернулся в момент, когда население все больше склоняется в сторону так называемого движения «без меня» и настроено против ремилитаризации. Это огромная опасность и для нас. Необходимо всю накопившуюся злость против военных с помощью печати и радио направить на ненавистного Шернера. Пусть тогда все антимилитаристы отводят душу на хребте этого старого дурака. Лучшего «мальчика для битья» трудно себе представить. Генерал-полковник фон Тинпельскирх уже взял на себя миссию от имени генералитета отмежеваться от Шернера и его военных преступлений». Вскоре западногерманская пресса действительно последовала этому совету.

В связи с возвращением Шернера воскресла тема Паулюса, который окончательно поселился в Германской Демократической Республике, обосновав свое решение политически. Теперь вдруг вспомнили «армию Паулюса», которая, по сообщениям гитлеровской пропаганды, была образована в Советском Союзе из немецких военнопленных. Так как в тюрьме для военных преступников американцы поддерживали дух гитлеризма, эти бредни беспрепятственно распространялись. Цель оставалась все та же — портить отношения Запада с Востоком и подводить «базу» под ремилитаризацию.

Американцы понимали опасность хороших отношений между Западом и Востоком. Они видели, что число противников раскола Германии и противников американской политики растет. Они старательно следили за высказываниями по этому поводу и поступками даже и среди заключенных Ландсберга.

3 июня 1954 года я написал своей жене дословно следующее: «В США вышла новая шумевшая книга фон Тетенса. Я читал лишь рецензию на нее. Т. утверждает, что Германия дает себя вооружать Соединенным Штатам, чтобы позже, а именно в 1960 году, сговориться с Кремлем. Такого рода пророчества я слышал неоднократно, они не новы для меня. Ты знаешь, я не признаю никакой фальши, ни к чему хорошему она не приводит как в личной, так и в политической жизни».

Это место цензура подчеркнула красным карандашом. Мне вернули письмо с обычным бланком цензуры: «Почерк неразборчивый». У американской цензуры существовали две мерки: полнейшая свобода для военных преступников, послушных ами, и строжайший террор для инакомыслящих. Я решил аккуратно переписать письмо заново. Снова его вернули мне, на сей раз с личной припиской американского офицера службы безопасности капитана Ларджа: «Прошу на будущее отставить политические прогнозы. Это письмо идет в Восточную зону, и, так как по-прежнему продолжается «холодная война», предсказание на 1960 год надо изъять!» Вначале, значит, «почерк был неразборчив», затем, оказывается, письмо содержало запрещенные «политические прогнозы»!

Почему это письмо не должно попасть в Восточную зону? Капитан Лардж сам мне ответил: «холодная война».

* * *

В это время папа римский публично выступил против принятого в «свободном мире» ведения процессов с применением пыток. В Си Ай Си почувствовали себя в затруднительном положении и поручили американскому ученому, доктору Феликсу, директору Национального института психогигиены, найти другие, более действенные методы. «Полнейшая изоляция более действенна, чем применявшиеся до сих пор пытки, угрозы, шантаж и «пилюли правды». Психика заключенного выводится таким образом из строя. Изголодавшийся ум перерабатывает без всякой критики любую данную ему пищу, то есть любые нужные для следствия признания. Угасает моральная сила сопротивления». Это дословная цитата из «Дер шпигель».

Эти научные «открытия» западной христианской культуры стали достоянием Си Ай Си. Новый метод был испытан и на мне. Меня под предлогом заботы о здоровье лишили смены впечатлений, связанной с работой и разговорами с товарищами по работе, то есть добивались полной моей моральной изоляции. В этой тактике постепенного изматывания и уничтожения неугодных заключенных Си Ай Си активно помогали военные преступники.

Знатные военные преступники решили меня полностью игнорировать, а их подручные — спровоцировать какой-нибудь скандал, чтобы избить меня. Своей сдержанностью я их обезоруживал. Я старался быть от них подальше. Вокруг меня становилось все пустыннее — так они думали доконать меня.

Не легко было сохранять ясность взглядов. Выдержу ли я? Обязан выдержать. Я только и думал, как противостоять интригам и не опуститься. Нужна была сила воли и способность владеть собою.

Я всецело ушел в книги. Но я обнаружил, как и все, кто долго находится в заключении, что, читая, не могу сосредоточиться, и часто ловил себя на том, что читаю механически, думая совсем о другом. Бывает, что люди, задумавшись, смотрят сквозь других, не видя их. Так и я: уткнувшись в книгу, но ничего не понимаю. Чтобы стать более внимательным, я кратко записывал прочитанное.

Американцы и военные преступники, конечно, видели, что изоляция не оказывает желаемого действия. Огорченные неудачей, они возобновили клеветнические наскоки в духе допросов в подвале Си Ай Си. Только теперь этим занимались немцы, лишний раз подтверждая тесное сотрудничество военных преступников с американцами. Из председателя окружного комитета национал-демократической партии Германии в Грейфсвальде меня вдруг превратили в «коммунистического крайслейтера». Мне стало известно, что в Си Ай Си допрашивают всех вернувшихся из советского плена, требуя доказательств моего «сотрудничества с Советами». Так использовали как «доказательство сотрудничества с Советами» еще в 1941 году» следующий эпизод.

К концу лета 1941 года, захватив военный аэродром возле Днепропетровска, мы взяли в плен несколько сот советских солдат, среди них много раненых. Эвакуация была невозможна. Я предоставил пленному медицинскому персоналу несколько домов для раненых в занятом нами поселке и снабдил их из трофейных запасов. Когда мы спустя две недели отправились дальше, советский врач в присутствии раненых и медицинского персонала поблагодарил меня. Я ответил, что это естественный акт рыцарства. Теперь это рассматривалось как опасное «сотрудничество с красными»!

Мое поведение в Советском Союзе, решительно непонятное для них, военные преступники считали доказательством того, что я уже давно «покраснел». Они не принимали в расчет то, что все годы войны я безукоризненно выполнял свой долг солдата и офицера.

Однажды в зале меня с провокационной целью спросили во всеуслышание:

— Как это вы, кавалер рыцарского креста, сдали Грейфсвальд без боя красной орде?

Все взглянули на меня выжидательно. В виде исключения я решил ответить.

— Именно мои ордена облегчили мне решение.

Многие удивленно вытаращили глаза и направили уши.

Я продолжал:

— Никто не мог сомневаться в моем мужестве и готовности вступить в бой. Моя совесть избавила меня от тщеславного стремления к военным лаврам. Я сумел понять главное — измученному немецкому народу нужен мир. Мне открылся путь к высшему мужеству. Жаль, что его не нашлось ни у господ за зеленым столом, ни у тыловых вояк!

Тыловые вояки смолчали, но и не собирались отстать от меня. В поисках нового материала они затеяли целую переписку, во все адреса посылали запросы. Обычно письма, в которых упоминался кто-нибудь из заключенных, цензура возвращала. Но эти сыщицкие письма беспрепятственно прошли американскую цензуру. Цель оправдывала средства.

— Ох, в какую они сели лужу! — с торжеством воскликнул однажды мой госпитальный друг. — Ваши товарищи сообщили только хорошее, ничего отрицательного. Правда, тот или иной не согласен с вашими политическими воззрениями.

Военные преступники были разочарованы и по-прежнему смотрели недоброжелательно на «красного полковника» с Востока.

* * *

Как-то я почувствовал, что генералы вне себя от радости, сияют, шепчутся, хлопают друг друга по спине.

— Вы уже читали письмо? — окликнул кто-то Хота, лежавшего в госпитале.

— Да. В самую рань меня разбудили и преподнесли этот сюрприз, — ответил Хот в окно.

— Ну разве это не очаровательно!

Хот ответил растроганно:

— Нет, это больше! Это — доказательство того, что Германия наша бессмертна! — При этом Хот вытер глаза. — В этот момент я полон гордости более чем когда-либо. В письмах из тюрьмы мне удалось убедить бывших офицеров в необходимости ремилитаризации!..

Даже умиленным генералам такой вывод из письма казался невероятным преувеличением. Смущенно улыбаясь, они повторяли:

— Очаровательно. Мы уже собираем для него посылку.

Охранник вежливо попросил генералов прекратить разговор.

На другой день мой тайный друг показал мне письмо, которое так растрогало генералов. По примитивному детскому почерку я сразу узнал отправителя: генерал Рейнгард. Как всегда, он писал длинно, хвастал, что его рвут на части как оратора на солдатских съездах, у солдатских могил. И вот однажды, когда он уходил на такое собрание, его маленький внук потребовал: «Дед, если ты идешь к своим солдатам, надень стальной шлем!» Вот эта фраза и вызвала такой шум. Жирно подчеркнутая, с комментариями на полях, она привела генералов в экстаз. Вот трогательное доказательство того, что воинственный дух наследуется! Вот гарантия того, что Германия никогда не погибнет!

* * *

Атмосфера в тюрьме зависела от политических событий, как барометр от погоды. Военные преступники, так называемые «благородные заключенные», под американским контролем и режиссурой издавали информационный бюллетень. Совместно с американцами они сеяли злой ветер против Востока и распространяли такую клевету, что подчас даже некоторым из них самим становилось тошно.

— Самая низкопробная антикоммунистическая травля а ля Геббельс, ничего общего не имеющая с правдой! — ругали бюллетень некоторые умеренные, а иногда и шпики.

Большинство, правда, поддавалось этой пропаганде и давало мне это почувствовать. Сидя в тюрьме Ландсберг, я, как «коммунистический крайслейтер», отвечал за «нехватку продовольствия в Восточной зоне», за «возросшее число беглецов из ГДР», за любую утку, сочиненную бюллетенем. Теперь в столовой места вокруг меня пустовали.

Склоки и ссоры были обычным явлением. Но теперь охрана не решалась делать даже замечаний военным преступникам. Зато ко мне без конца придирались, хотя я строго соблюдал режим. Вдруг наступила перемена погоды: бундесрат не утвердил проект армии ЕОС. По этому случаю Зепп Дитрих удостоил меня приветствием в стиле гостиничного коридорного: «Имею честь!» Этой сомнительной честью я обязан Национальному собранию Франции, из-за которого не был принят проект армии ЕОС. Стоило чуть-чуть померкнуть серебристой полоске на горизонте, маячившей перед генералами новой армии, и тотчас, как грибы, выскакивали на свет божий перестраховщики. Вечером в темноте они пробирались ко мне, ничтожные и противные, и нашептывали: «Пароль» вынуждает нас улыбаться американцам и ругать Восток». Произнеся это, они тут же исчезали. Я не хотел связываться с флюгерами.

Другие открыто злобствовались по поводу Франции — «исконного врага». Больше всех — бывший фельдмаршал авиации Эргард Мильх. В Нюрнберге он был осужден за преступления против человечности. В Ландсберге Мильх твердил:

— Мы были слишком гуманными. Особенно по отношению к французам, к этому народу, развращенному коммунистическими идеями. Теперь ошибки дают себя знать. Но в будущем мы уже их не повторим.

Этого любимца американцев, как и Зеппа Дитриха, не принимали всерьез его же коллеги. Маленький, толстый человек был меньше всего похож на солдата.

— Такого болтуна в крайнем случае можно было назвать маршалом воздуха, но никак уж не фельдмаршалом. Прямо-таки неприлично, — ворчал Варлимонт.

Мильха за угодничество возвысил Геринг. Из капитана авиации в отставке он стал сразу генерал-полковником. А когда чрезмерно ретивые расисты обнаружили, что Эргард Мильх — какое подозрительное имя! — полуеврей, он заставил свою мать поклясться, что она согрешила с арийцем и он — Эргард — плод этой связи. Но Геринг, упиваясь своей властью, заявил: «Кто у меня в министерстве еврей, решаю я сам!»

Одну ошибку Эргарда Мильха расхлебывала не только авиация, но и армия. Как «специалист» он безответственно гарантировал возможность снабжения с воздуха окруженной Шестой армии. Снабжение оказалось невозможным, Мильх же остался маршалом.

Когда в Ландсберге ввели запрещенный ранее для военных преступников «пароль», Мильх высокомерно отказался было от него. Он заявил, что ждет справедливости, а не подачек. Вскоре военных преступников, каждого в отдельности, стали вызывать по поводу «пароля» к американскому чиновнику, мистеру Джернанду, и тот сладко преподносил им это предложение. Мильх, сидя в приемной, подговорил кого-то из рядовых нацистов демонстративно отказаться от «пароля». Вдохновленный стойкостью маршала, нацист высказал американцу в лицо все, что думал об этом американском подкупе, и в итоге очутился в карцере на хлебе и воде. После него к американцу вошел Мильх. Разумеется, он безоговорочно подписал все с той же покорностью, с какой подписывал все у Гитлера. Уж он-то оказался не в карцере, а на свободе, благо «проездной билет» себе он заработал еще в дни рождества.

В Ландсберге ежегодно широко праздновали рождество. Мышей ведь приманивают салом. Американцы не скупилась на затраты. Благо, это шло в счет оккупационных издержек! В тюрьме для военных преступников рождество праздновали прямо-таки с невероятной роскошью. В центральной башне устанавливали деревянный помост, как во время представлений. Там располагался ландсбергский городской оркестр, окруженный мужским и детским хорами. Зажигали елку, пели старинные рождественские песни.

Одна юная девушка таким серебристо-чистым сопрано спела соло «Спи, моя радость, усни», что завоевала все сердца. Люди на время забыли, что они в тюрьме. Вдруг на помост поднялся Мильх. Раздалась недовольные голоса. Кто-то кричал:

— Погляди на этого беременного клопа! Неужели придется слушать эту бочку?! Испортит нам весь праздник. Подкинули нам ами своего преданного деда-мороза!..

Последнее замечание попало в точку. Вместо речи о рождестве этот «дед-мороз» стал выдавать дешевые, затасканные фронтовые анекдоты, рассказал о «встречах» с господом богом на передовой линии, хотя все знали, что Мильх там никогда не был. Затем, повернувшись к ландсбергскому городскому оркестру, он обратил внимание, что оркестранты впервые надели единую синюю форму. Это зрелище осенило его, а отнюдь не музыка.

— По вашей великолепной форме я вижу, что Европейская армия будет создана. Она уже приняла даже зримые очертания. Для нас это самая большая рождественская радость!..

Бравые музыканты опешили. Они жертвовали своим свободным временем ради «покаявшихся грешников» в мрачной тюрьме, а не ради того, чтобы под гром аплодисментов несправимых военных преступников праздновать в тюрьме для осужденных за военные преступления возрождение немецкого милитаризма. Но Мильх продолжал фиглярничать. Для певщицы он приготовил вознаграждение — поцелуй. Бывший фельдмаршал считал, что он окажет молодой девушке большую честь, забыв о своем возрасте, обрюзгшем от пьянства лице и, главное, о том, что он — военный преступник.

В большие праздники в ухаживании за военными преступниками с американцами состязался Бонн. Некоторые министерства — например, министерство «общегерманских проблем Германии» — за счет населения присылали в тюрьму тысячи посылок. В них неизменно вкладывали открытки с «сердечным приветом от бундесканцлера доктора Аденауэра». А не тот ли бундесканцлер Аденауэр в прошлом заявлял, что военные преступники — «опасные для общества убийцы»?! Теперь он передавал им приветы, снабжал кофе и гусиным салом. Ландсбергских детей заставляли петь и плясать перед этими «опасными для общества убийцами». Социал-демократический бургомистр на каждом таком празднике торжественно объявлял, будто в глазах немецкого народа военные преступники являются военнопленными. Толстый аптекарь подтверждал это от имени Красного Креста. Эсэсовских убийц развлекали артисты. Даже госпожа профессор Элли Нэй несколько раз играла перед военными преступниками. Генерал эсэсовских войск Франк благодарил ее в таких душещипательных выражениях, что седовласая артистка прослезилась. Жалуясь на свою судьбу, он закончил словами:

— Мы прокляты на вечные времена! — как бы намекая на известный роман. Он, конечно, «забыл» напомнить о тех, кого сам отправил в вечность.

Был случай, когда австрийский оркестр из Зальцбурга исполнил баденвейлеровский марш. Раньше этот марш разрешалось исполнять только в присутствии Гитлера.

В Ландсберге он прозвучал символично: здесь витал дух Гитлера. Военные преступники бесновались от восторга. Торжествовали американцы.

На рождество, как всегда во время больших церковных праздников, появилось объявление: «17.00 — выдача подарков от лютеранского комитета вспомоществования». И под этим подчеркнуто: «Только для осужденных военных». В американской тюрьме для военных преступников № 1 Ландсберг метка арестантов «ВП» — «военные преступники» — постепенно превращалась в «ВО»: военноосужденные. Информационный бюллетень «Пароль» печатал по этому поводу целые трактаты. Без различия — атеист ли, христианин ли — церковь раздавала подарки поджигателям войны. Они злорадствовали, глядя на «красных» защитников мира.

Последствия таких односторонних симпатий церкви вскоре сказались. На «политических» набрасывались даже во время богослужения.

— Что нужно здесь этой швали с Востока?!

Военные преступники рассматривали церковь как свою вотчину и, к сожалению, не ошибались. Я пожаловалась пастору на их поведение. Но он не пожелал «вмешиваться в личные ссоры». Я заявил пастору, что церковь оправдывает свое существование до тех пор, пока у людей есть желание туда ходить. Я против политического злоупотребления этими чувствами.

Из политических заключенных лучше других держались чехи и поляки. Немцев с их расколотым на две части отечеством легко было материально совратить и настроить против ГДР. Американцы ловко использовали авторитет продажных генералов из числа военных преступников. По их примеру некоторые «политические» предпочитали выгоды и преимущества в тюрьме верности родине и своим бывшим прогрессивным воззрениям. Самым гнусным представителем этой породы ренегатов был бывший студент Гумбольдтского университета в Берлине Андреа Андреас. В Советском Союзе его осудили как эсэсовца. Он умудрился притвориться раскаявшимся и прозревшим и добиться в ГДР некоторых преимуществ. В Ландсберге он вдруг стал истым богомольцем. Желая выслужиться, он заявил, будто знает меня по выступлениям в советских лагерях военнопленных. Я во всеуслышание назвал его «завравшимся мальчишкой».

На следующий день ко мне пришел пастор, чтобы вступить за верного прихожанина. Этот Андреас, с его черной душой, но потупленным взором, в церкви всегда сидел на передней скамье рядом с эсэсовским штандартенфюрером доктором Зандбергером. Когда в церкви травили заключенных с Востока, никто и не думал их защищать. Но вот за друга ами и доносчика пастор Леттенмайер охотно вступался. Тюремным священником руководили только политические соображения. Теперь мне это стало ясным.

Генералитет высоко ценил всех ренегатов. Они охотно приглашали к себе на кофе молодых предателей даже с уголовным прошлым. Зато старого сослуживца, который извлек из прошлого урок, они навеки предали анафеме.

Андреас, конечно, немало заработал своим предательством. Не будучи больным, он получал санаторный паек с жирными добавками, он единственный из «политических» состоял в дискуссионном кружке на английском языке — туда приняли только десяток избранных из всей тюрьмы. Кружок был махрово реакционный, антисоветский. Андреаса зачислили по рекомендации доктора Зандбергера в расчете, что он, как бывший стипендиат Восточно-берлинского университета имени Гумбольдта, сможет свежим материалом оживить клевету против Востока. Доктор Зандбергер, эсэсовский командир полка, за деятельность в карательных отрядах гиммлеровского ведомства был приговорен к смерти, затем помилован и стал «ПЖ». Пастор считал его самым умным человеком в тюрьме и подослал ко мне агитатором. Зандбергер прихватил с собой отчеты о последних заседаниях лютеранской академии. Мне они показали продукцией ведомства Бланка. И в них речь шла о ремилитаризации. Дискутировался вопрос не о том, «стоит ли», а о том «как». Я предложил доктору Зандбергеру переименовать это американское учреждение в «лютеранскую военную академию для американской ремилитаризации». Больше он не приходил. Кстати, в гитлеровские времена Зандбергер отрекся от церкви, а теперь вместе со своим дружкой Андреасом он так громко молился, что раздражал окружающих. Зандбергер был доверенным лицом американского полковника, директора тюрьмы, точнее, его адъютантом. И все же он

оставался «ПЖ». Удивленный этим, я спросил пастора Леттенмайера, как это возможно. Он ответил:

— Иначе быть не может. Зандбергер признал шестьдесят тысяч убийств. Худо ему пришлось бы сейчас на свободе. Зато его семья живет в довольстве. Она пребывает в лоне церкви.

Пастор был прав. Зандбергер достаточно умен, он знал, когда и куда надо причалить.

Его праздник наступил 6 сентября 1953 года, в день выборов в бундестаг. Он заказал в столярной мастерской большую доску, на которой изобразил победу Христианско-демократического союза.

— Это наша победа! Мы достигли цели! — твердил он гордо.

Другие военные преступники поддержали его:

— Теперь с нами ничего не случится!

Для них победа западногерманского ХДС означала победу вождельной идеи ремилитаризации. Жизнь доказала их правоту в этом.

И ими расценивали итог выборов как свою победу... В честь победы Христианско-демократического союза на выборах американцы выдавали военным преступникам фрукты, мороженое и кофе.

* * *

Петерсхаген продолжает рассказ о травле, которой он и другие противники фашизма подвергались в тюрьме со стороны военных преступников.

В Ландсберге эту травлю возглавил генерал Герман Рейнеке. До войны он служил в отделе пенсий военного министерства, во время войны стал начальником ведомства по делам военнопленных в военном министерстве. Рейнеке был идейным вдохновителем приказов о бесчеловечном обращении с военнопленными. Его приказы касались в первую очередь советских людей. В 1945 году он за это заработал у американцев веревку, но казнен не был, а теперь за это же был у американцев в чести.

Население в Германии впервые услышало о Рейнеке после 20 июля 1944 года: «фюрер» назначил его, стопроцентного нациста, первым заседателем и заместителем пресловутого Фрейслера, председателя так называемого специального народного трибунала. Рейнеке полностью оправдал доверие Гитлера. С садистским старанием он безжалостно преследовал и терроризировал каждого, кто «потерял веру в фюрера». Он оправдал свое имя — и был действительно хитрой лисой¹. На кровавой расправе со своими товарищами по вермахту он выслужился в 1944 году, на этой же палаческой славе он теперь зарабатывал капитал у американцев.

Чутьем хищника Рейнеке раньше других учуял, по какому пути пойдет Западная Германия. Поэтому он оставался «твердокаменным нацистом» и этим завоевал популярность среди фашистов.

Одной из тем, волновавших заключенных Ландсберга, был параграф 131. После краха 8 мая 1945 года союзные власти постановили прекратить все платежи личному составу вермахта. Союзный Контрольный совет еще раз подтвердил это законом № 34 от 20 августа 1946 года. Закон касался всех, даже инвалидов войны. Но политический курс изменялся, и в 1948 году оккупационные власти Запада неожиданно восстановили в своих зонах выплату пособий бывшим военным. В июне 1949 года западные военные губернаторы вразрез с Потсдамским соглашением постановили, что все военнослужащие, вступившие в вермахт до 30 сентября 1936 года, имеют право на пенсию, исключая: 1) лиц, потерявших это право по постановлению суда; 2) лиц, приговоренных за преступления против человечности.

После создания Федеративной республики на основе этого постановления возник параграф 131 боннской конституции. Вначале этот параграф лишал «законных прав» военных преступников. Но Бонн тут же поспешил успокоить находящийся в заключении генералитет, намекнув, что нужно выждать.

И скоро время наступило: бундестагу после пятидесяти заседаний удалось найти лазейку для военных преступников: «Ущемление части служащих государства в их

¹ Рейнеке — традиционное имя лисы в немецких сказках.

правах является нарушением основного права всех граждан на полное равенство перед законом». Плотины были прорваны. И для военных преступников были теперь гарантированы равные права на материальное обеспечение. Затем последовал ряд поправок и дополнений к параграфу 131, все в пользу военных преступников. Был поставлен знак равенства между понятиями «военный плен» и «находящийся под стражей чужого государства». Низших чинов, вплоть до унтер-офицеров, эти «заботы» не коснулись, зато для средних и высших чинов сделали все, даже для гестаповцев и эсэсовцев, обеспечение которых урегулировали после пятой поправки к параграфу 131.

У Рейнеке-лиса возникла масса хлопот. Как специалист по пенсиям он вычислял, на какие суммы может рассчитывать каждый военный преступник. К пенсиям и дополнительным оплатам, начисляемым с 1951 года, теперь добавлялась еще компенсация за каждый день пребывания в тюрьме для военных преступников, установленная для гитлеровского офицерства Бонном. Кроме того, при освобождении из тюрьмы военные преступники наравне с отпущенными из плена получали в течение года оклад, равный размеру их последнего жалования в вермахте. Рейнеке помнил наизусть все суммы, положенные высшим военным преступникам: от 40 до 60 тысяч марок одновременно и от 1500 до 2500 марок пенсии в месяц. В Ландсберге началась эпидемия проектирования особняков. На сей раз не мечта на бумаге, как когда-то в лагере в Моршанске, а реальный паек на твердой материальной базе.

Гопля, мы живем... грабя немецкий народ!

Рядовых военных преступников, особенно бывших заключенных концлагерей, Рейнеке вынужден был разочаровать. Боннское сословное государство не без умысла исключило их «на законном основании» из этой категории. Им выдали только компенсацию за отсидку в тюрьме.

Еще одно всполошило специалиста по пенсиям Рейнеке. Учтя срок выслуги офицеров, вышедших из унтер-офицеров, он установил, что им перепадет слишком большой куш.

— Так не пройдет! Что они будут делать с такими огромными суммами! Это обязательно нужно изменить! — причитал этот генерал-финансист. — Федеративная республика в конце концов не армия спасения для каждого встречного-поперечного!

Непонятно, почему он так волновался. Сам он был обеспечен высокой пенсией и компенсацией в 42 тысячи марок. Однако параграф 131 был изменен именно в том духе, как толковал Рейнеке.

Когда параграф 131 со всеми поправками вступил наконец в силу, нижние чины и младшие офицеры почувствовали себя обманутыми.

— Почему генералы получают такие невероятные суммы, а те, кто вынес все на своем горбу, шиш? — спрашивали они.

Генералы отвечали:

— Мы несли невероятное бремя ответственности.

Начались ожесточенные споры.

Перед лицом суда чины гитлеровского государства отказывались нести ответственность за войну и зверства. Один лишь «редактировал» приказы, другой «выполнил приказы как солдат», и все они «уже давно были против».

Этих извергов ами заперли в тюрьму, а немецкий народ проклял. А теперь из кармана немецкого народа преступникам выплачивали огромные суммы.

День рождения пастора Леттенмайера и Рейнеке совпал. В 1954 году этот день приключился на воскресенье. В честь Леттенмайера на богослужение пришло больше заключенных, чем обычно. Пастора ждали минут двадцать: он в это время отправился с визитом к атеисту Рейнеке.

Итак, Рейнеке был в большой чести. В один прекрасный день в связи с развитием ремилитаризации кандидат на смертную казнь был отпущен на основании «пароля».

Западногерманскому населению внушали, будто лишь Советский Союз осуждал немецких солдат за военные преступления. В пограничном Фридланде затевали настоящий балаган вокруг амнистированных из Советского Союза. Зато из Ландсберга военных преступников отпускали так тихо и в такой тайне, что даже ближайшие родственники заранее об этом не знали. Отпущенных по «паролю» обязывали следующим же поездом покинуть Ландсберг, избегая какой бы то ни было огласки. Им запрещали

что-либо рассказывать о своем процессе и о жизни в тюрьме. Их свобода передвижения на родине ограничивалась определенной территорией: для крупных военных преступников — более широкой, для маленьких — соответственно меньшей.

Каждого освобождаемого вызывал к себе мистер Джернанд из инструктаж. В тюрьме это называли «ами-конфирмацией», поскольку во время инструктажа американский чиновник внушал освобожденным веру в «свободный мир». Они считали эту процедуру унижительной, но все же давали требуемую подписку.

— Наша подпись все равно не действительна, она вынужденная, — утешали себя многие. — Во всяком случае, мы теперь обеспечены до конца жизни, и недурно. Ремилитаризация тоже обеспечена. А дальше... Время — лучший советчик!

Рейнеке чувствовал себя настолько уверенно, что в день, когда его выпустили из тюрьмы, тут же нарушил первое требование «пароля». Свой выход на свободу он отпраздновал в ресторане «Петух» с одним генералом, живущим в Ландсберге. Во время пьянки он написал открытку в тюрьму, что для каждого выходящего из нее в «Петухе» найдется глоток вина, притом бесплатно, хотя и не за счет Рейнеке. Эта выходка не прошла даром; теперь американская военная полиция сопровождала всех выпущенных за «хорошее поведение» до вокзала и покидала перрон, лишь когда трогался поезд...

Раньше в Ландсберг приезжали архиепископы и прочие высокие церковные чины для душевспасительных бесед с военными преступниками. Теперь же в тюрьму для военных преступников устремились толпами представители землячества, «Стального шлема» и других солдатских союзов. Они чествовали преступников как «героев» и «мучеников».

По радио созывали то силезцев, то померанцев, то мекленбуржцев.

— Ты разве померанец?!

Тот, кого так спросили, рассмеялся:

— Как сказать! Во всяком случае, однажды я проезжал курьерским поездом через Померанию.

Так он получил пакет с подарком «для померанцев».

Меня никогда не вызывали. Их «братьями и сестрами» могли быть лишь фашисты.

Чтобы завоевать тех заключенных, которые все еще придерживались точки зрения «Без меня!»¹, в тюрьму явилась княжеская пара Шаумбург-Липпе из Гамбурга. Высокие господа явились без подарков, будучи уверенными, что военные преступники счастливы просто лицезреть и слушать представителей княжеского рода.

— Вы, очевидно, не понимаете, кто перед вами! — набросилась ее светлость на бывшего унтер-офицера, который не пожелал ее слушать.

Но этого берлинца нелегко было смутить.

— Дражайшая Шаумлиппша! — ошаршил он княгиню. — Послушайте меня, катитесь-ка лучше в свой Гамбург. А на деньги, что вы просадили в поездах и в гостиницах, вы бы лучше преподнесли нам посылочку, да побольше! — При этом он раздвинул руки как можно шире. — Куда приятнее вашей болтовни об отечестве и госпде боге!

Он не получил, конечно, ни посылку, ни «пароля».

Однажды по радио объявили: в комнату посетителей вызываются Мильх, Зепп Дитрих и другие знаменитости. Через некоторое время перечислили нацистов рангом пониже. Так продолжалось весь день. Полковник в отставке Рудель прибыл из Южной Америки и счел нужным нанести визит коллегам в тюрьму для военных преступников. Накануне он выступал в городе Ландсберге и как ультрафашист на отжившем уже гитлеровском жаргоне стал поносить «декадентскую демократию Запада». До встречи с Руделем каждого из военных преступников вели к американскому офицеру безопасности. Там они получали «соответствующий заряд».

— Рудель еще не усвоил, что такое германо-американское содружество по оружию, — поучал ами своих подопечных. — Мы великодушно разрешили ему прибыть в наше заведение, повидаться со своими старыми коллегами. Вы обязаны разъяснить гостю его ошибку и направить его на верный путь.

¹ «Без меня!» — «Ohne mich!» — популярный лозунг антимилитаристской пропаганды в Западной Германии.

Каждый знал, что в помещении для свиданий установлены аппараты для подслушивания. Ами разговору с единомышленником не мешали, но подслушивали. Поэтому вызванные разговаривали в строго «национальном» духе, в рамках американской политики. Иначе — угроза лишиться «пароля» и благ параграфа 131. Никто из «патриотов» не желал этим рисковать.

Вскоре и меня вызвали к башне. Мне сказали, что я могу получить пакет с фруктами. На нем стояли сердечные слова приветов. По почерку я тотчас узнал генерала в отставке фон Габленца. Я взглянул на американского сержанта. Он понял мой немой вопрос.

— Здесь вам не гостиница, куда каждый может приходить и уходить, когда вздумается! — проворчал он.

Понятно! Фон Габленц — не Рудель, и я тоже не из таких!

Военные преступники завоевывали все больше влияния и нагтели с каждым днем. Теперь их, видите ли, оскорбляло совместное заключение с «красной швалью». Осенью 1954 года они инспирировали выступление на эту тему на первой полосе «Франкфуртер альгемайне цейтунг». Эта газета, обычно озабоченная своей репутацией, напечатала наглейшую передовую. Всех политических заключенных, «за немногими исключениями», газета называла «отбросами человечества». Военные преступники читали эту статью вслух, вызывая, чтобы все мы слышали.

— Ни один из нас не осужден за преступления против человечности или за убийства, как вы, военные преступники! — сказал я, обращаясь к группе, где очередной раз упивались этой статьей.

Вскоре в тюрьме появилась комиссия для проверки, насколько обстановка в тюрьме «политически и морально опасна» для лиц, осужденных за массовые убийства.

— Почему вы все еще «ПЖ»? — спросил американский офицер долговогозого Хорста.

— Я расстрелял семнадцать комиссаров Красной Армии, господин майор, — ответил эсэсовец гордо, вытянувшись по стойке «смирно».

Американец сказал, глазом не моргнув:

— За это теперь вам даже следует дать орден!

Хорст все же остался в тюрьме: кроме советских комиссаров, на его совести был еще и американский летчик. А уж это «наш парень»!

Американская комиссия сочла военных преступников настолько благонадежными, что отвергла всякую опасность «коммунистического влияния» на них. Но администрация тюрьмы была всецело под влиянием заключенных: она поддерживала требование военных преступников об удалении «политических».

И от американцев и от военных преступников нам все чаще приходилось слышать угрозы «to be sold down the river»¹. Мы сперва не понимали, что это значит. Мой чешский друг, читая какую-то книжку, наткнулся на выражение «быть проданным вниз по реке». Оказывается, оно родилось во времена работорговли в Америке и для негров было равнозначным смертному приговору, потому что, чем дальше вниз по Миссисипи, тем бесчеловечнее становилось отношение к черным.

Впрочем, вряд ли нас собирались переводить: в Ландсберге и без того было мало заключенных. Администрация все чаще нанимала рабочих извне, чтобы поддерживать роскошный режим жизни военных преступников. Расходы на содержание заключенных росли. Конечно, за счет оккупационных средств, то есть за счет самих немцев. Прислужники американцев в Западной Германии пропагандировали эту щедрость как верх гуманности. Правда, в это же время в американских тюрьмах вспыхивали и кроваво подавлялись голодные бунты. Сообщения об этом то и дело проскальзывали в печати. Значит ясно, что американцев не занимало «человечное обращение с заключенными». У них была цель: привлечь заключенных на свою сторону за счет немецкого народа. Кто этому сопротивлялся, для того жизнь в Ландсберге становилась адом.

В Ландсберге все труднее было выражать точку зрения, отличную от официальной. Лишь изредка в темноте, когда показывали кино, возникали стихийные демонстрации. При свете у людей не хватало мужества.

¹ «To be sold down the river» (англ.) — «быть проданным вниз по реке».

«1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 — десять минут в Америке» — так называлась кинохроника, которую показывали перед каждым американским фильмом. Хроника пропагандировала жизнь в США в превосходных степенях. Там все — самое большое, самое быстрое, самое красивое, самое богатое, самое свободное на земле. О самой большой преступности на земле тактично умалчивалось. Но, судя по фильмам, там и не могло быть иначе. Всегда преуспевали на экране воры, убийцы и мошенники. Бюллетень «Пароль», рекламируя гангстерские фильмы, писал: «Камраден, не забудьте посмотреть «Короля налетчиков»! Невероятный расход боеприпасов и многочисленные трупы — гарантия прекрасного времяпрепровождения!»

Кое-что делалось и для «перевоспитания». Этой цели служили милитаристские фильмы. «Серьезные» фильмы, например «Роммель» или «Операция «Цицерон», реабилитировали руководителей «третьего рейха». Примирить массу с ремилитаризацией должно было огромное число веселых военных комедий. Среди них: «Микоша призвали», «Операция «Эдельвейс», «Отпуск под честное слово», «Вот когда смеялась вся дивизия».

В Ландсберге шутили: «Ни одного дня без дряхлого коня!» Речь шла об Аденауэре, которого показывали в каждом выпуске кинохроники. Стоило ему появиться на экране, в зале раздавались хохот и крики: «Федеральная кляча номер один!» А когда появлялся Хейс, кричали: «Номер два!» Или наоборот. По поводу их рангов не было единого мнения.

Когда показали на экране атомные пушки, предназначенные для Западной Германии, под лозунгом «Все для твоей безопасности», в зале раздался смех. Так иногда прорывался протест. Но в общем-то заключенные в Ландсберге были весьма послушными.

* * *

Иногда я разговаривал с врачами Фишером и Бэкер-Фрейзингом. Они держались свободнее других. Вообще-то они избегали политических тем. Если же я все-таки заговаривал о политике, они отвечали набившими оскомину трескучими фразами из ежедневной западной прессы. Они не желали или не умели самостоятельно мыслить.

Исчерпав в каком-нибудь споре весь арсенал примитивных аргументов, оба собеседника ни с того ни с сего обрушивались на ГДР, и прежде всего на Вальтера Ульбрихта, который, по их мнению, жагает истребить мелкую буржуазию.

— Никто, а тем более Вальтер Ульбрихт, и не думает истребить или же исключить из жизни такую часть немецкого народа, как мелкая буржуазия.

— Ну вот видите! Почему же рассуждения о руководящей роли рабочего класса?

— Буржуазный мир, и не только немецкий, угодил в тупик. В двух мировых войнах он потерпел крушение.

Мне было нелегко заставить этих врачей задуматься о роли рабочих в современном обществе. Сперва я указал им на численное превосходство этого класса и на его решающую роль в экономике. Доктор Фишер подумал и сказал:

— Но, знаете, здесь вы единственный выступаете за это! И поэтому вы морально и физически погибнете. Большая часть людей, находящихся на свободе, думает тоже не так, как вы. Было бы лучше для вас встать на сторону буржуазной Федеративной республики, которая является большей частью Германии.

— Дело не в том, какая республика больше и что лучше для меня. Важно, что лучше для всей Германии.

— Что у вас там хорошего? — насмешливо сказал он.

Фишер заговорил об «экономическом чуде» и пытался доказать, что жизнь «без капитала невозможна».

— Это утверждают капиталисты. А разве у нас нет доказательств того, что без капиталистов очень хорошо жить?! вспомните хотя бы Советский Союз и...

— ГДР, хотите вы сказать? — прервал меня Фишер. — Я вижу, вас многому обучили в советском плену и в так называемой Германской Демократической Республике.

— Конечно. А правильность того, чему меня научили, я почувствовал на собственной шкуре здесь, в Западной Германии.

— Ах, до чего вы ослеплены! Представьте, что у вас там сцапали человека с таким же поручением: что бы с ним сделали?

— Его приняли бы с распростертыми объятиями как борца за мир. Но, к сожалению, к нам приходят люди, которых завербовали для борьбы против нашего мирного строительства! К нам засылают шпионов и диверсантов.

— Вы изображаете все так, будто в Западной Германии живут одни милитаристы, капиталисты, фашисты и еще черт знает кто.

— Конечно, нет! И здесь и там живут порядочные, честные люди, которые хотят трудиться в мире. Но здесь людей толкают на путь войны, а в Германской Демократической Республике мы боремся против войны.

После долгих размышлений он заявил, что географическое положение Германии говорит за сотрудничество с Востоком. Такой поворот меня удивил: в нем заключалось признание.

— А что же, по-вашему, против сотрудничества с Востоком?

— Внутриполитические последствия! — ответил Фишер после некоторого колебания.

Его представления о «внутриполитических последствиях» были расплывчаты и полны страха. Он боялся изменения нынешних социальных условий в Западной Германии. Он понимал опасность политики «с позиции силы» против Востока. Еще сидя в тюрьме для военных преступников, он определил будущие профессии своих детей, чтобы в случае войны они могли находиться дома или по крайней мере подальше от фронта. И все же он настолько боялся перемены общественного строя, что предпочитал войну.

— Но ведь ваши дети могут и в демократической Германии стать врачами?

— Я слишком мало разбираюсь в политике, чтобы правильно это оценить, — закончил он наш последний разговор.

Фишер увливался от таких тем. Он предпочитал голосовать за ХДС, чтобы спокойно жить, посылать детей на конфирмацию, сохранить для них все преимущества в «свободном мире» и выбрать для них профессии, учитывая будущую войну; вот основные пункты его противоречивого мышления и поступков.

Хотя доктор Фишер инстинктивно чувствовал, что в его воззрениях «что-то не так», он остался им верен. Он не мог перепрыгнуть через собственную тень. На прощание я поблагодарил его за доброе отношение. Когда его выпустили, я почувствовал себя более одиноким.

* * *

В следующих главах, опущенных в переводе, Петерсхаген рассказывает о связи военного преступника, бывшего генерала Хота с уголовными элементами. Петерсхаген рассказывает далее, как постепенно пустела тюрьма в Ландсберге, как один за другим выходили на свободу военные преступники. Милостивые к ним американцы продолжают преследовать провокациями заключенных в тюрьме сторонников мира, в том числе Петерсхагена, используя для этого уголовников.

Весной 1955 года одно противопожарное учение следовало за другим. Год, видимо, предстоял «горючий».

По сигналу «пожар» распахивались двери камер и заключенные занимали места, положенные по тревоге. За действиями заключенных наблюдали все американские офицеры, включая полковника, начальника тюрьмы.

27 апреля 1955 года было объявлено очередное учение. На сей раз открыли лишь камеры военных преступников. Наши камеры остались на замке. Мы не понимали, в чем дело. Наконец каждому вручили приказ, подписанный офицером американской службы безопасности, что по договору с ФРГ нас передают германским властям.

Американским военным властям вручение этого приказа, сорока беззащитным заключенным казалось весьма опасным. Поэтому и были приняты эти чрезвычайные меры.

Во втором приказе офицера американской службы безопасности все подробности нашего перевода, начиная от сдачи вещей и кончая мытьем, были разработаны с такой тщательностью, точно в генеральном штабе. Даже мыться нам полагалось под надзором польского охранника, чтобы перед отъездом, паче чаяния, мы не встретились с другими заключенными.

Еду нам стали выдавать через окошечко, чтобы заранее приучить к режиму в других тюрьмах.

Угроза «быть проданным вниз по реке» осуществлялась. Из Ландсберга нас отправили вниз по реке Лех до Штраубинга-на-Дунае. В Ландсбергской тюрьме остались только военные преступники.

«Польскую» роту сократили с 250 до 160 человек, но нелепое несоответствие между числом охранников и преступников сохранилось. Все, разумеется, за счет западногерманского населения.

Позже, по данным «Дейче зольдатеи цейтунг», приведенным в статье «Ландсберг в цифрах», к 31 января 1956 года в тюрьме для военных преступников, предназначенной для тысячи человек, находилось 34 военных преступника. «Для охраны этих 34 заключенных немцев держали: 160 поляков, 26 американцев и 43 вольнонаемных из местного населения. На содержание этой тюрьмы немецкие налогоплательщики ежемесячно выкладывали из своего кармана сто тысяч марок». Так писала «Дейче зольдатеи цейтунг».

Но ни одна из газет не сообщила, кого же из военных преступников во времена ремилитаризации все еще задерживают в Ландсберге. Это была «мелкая сошка», исполнявшая приказы начальников. А сами начальники уже были на свободе и получали высокие пенсии. И ни одна из газет не писала, почему вообще продолжают держать военных преступников.

Американцы давно и в открытую обсудили это со своими знатными заключенными.

— Наша общественность была бы вне себя, если бы мы объявили, что тюрьма Ландсберг распушена. Мы не можем пока себе этого позволить.

Вот почему задерживали 34 мелких преступника, о которых в Федеративной республике никто и не вспоминал.

По данным «Дейче зольдатеи цейтунг» получалось, что каждый военный преступник обходится западногерманским налогоплательщикам по три тысячи марок в месяц. К этому надо приплюсовать пенсии, компенсации, возмещение убытков (!), пособия родственникам. Плюс еще бесконечные подарки от землячеств, церквей, солдатских союзов и боннских министерств, включая и жирных гусей, посылаемых к рождеству бундесканцлером.

«Гопля, мы живем за счет оккупационных расходов!» — так писала некая иллюстрированная газета о роскошной жизни оккупантов и была за это тут же конфискована... в «свободном мире»!

На основании Государственного договора, всех лиц, осужденных международными трибуналами по оккупационному статуту, Бонн обязан был содержать, как каторжников, за счет своего бюджета.

Американские приговоры немцам и иностранцам автоматически превращались в «немецкие» приговоры, хотя ни один немецкий суд в глаза не видел этих дел.

Так и я 28 апреля 1955 года стал каторжником Федеративной Республики Германии...

Перевела с немецкого Л. Рудная.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ

ФЕДОР ГЛАДКОВ

21 июня 1958 года
исполнилось 75 лет
со дня рождения
Ф. В. Гладкова

Когда мы мысленно обращаемся к прошлому советской литературы, когда вспоминаем книги, определившие собой этапы ее развития,— «Железный поток», «Разгром», «Чапаев»,— мы не мыслим себе перечня этих книг, даже самого краткого, без «Цемент» Ф. В. Гладкова. В этом произведении с его суховатым, подчеркнуто непоэтическим заголовком впервые была так полно и целостно выражена та поэзия творческого созидательного труда, которая стала одной из основных, определяющих черт искусства социалистического реализма.

Прошло много лет с той весны 1925 года, когда впервые был напечатан «Цемент», вышло множество прекрасных книг, рассказавших всему миру о трудовом подвиге молодой республики Советов, о новом человеке — борце и строителе,— но, читая впоследствии «Соть» и «Время, вперед!», «Гидроцентральный» и «Не переводя дыхания», «Люди из захолустья» и «Танкер «Дербент», мы всегда помнили, что родоначальником в галерее образов беспокойных хозяев освобожденной земли был угловатый и горячий Глеб Чумалов, с железной настойчивостью и неугасающим революционным энтузиазмом поднимавший родной завод из послевоенной разрухи.

Недаром Горький говорил о «Цементе»: «На мой взгляд, это — очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд». Этой теме, теме, как сказал однажды Алексей Максимович, «изумительнейшей красоты деяния», Гладков остается верен и в дальнейшем своем творчестве.

В «Энергии», написанной по живым впечатлениям от строительства Днепрогэса, писатель правдиво и глубоко поэтически воссоздал новый этап в трудовой деятельности советского человека, его борьбу под руководством Коммунистической партии за социалистическую индустриализацию страны. Наиболее удачны и впечатляющи в романе образы коммунистов — организаторов трудовых усилий народа.

Как и в других произведениях советской литературы, в «Энергии» мощно звучит мотив освобождения человеческой личности в социалистическом обществе, пафос безграничного обогащения ее в процессе коллективного труда. Целостные, жизнерадостные, исполненные собственного достоинства и большой внутренней красоты — такими встают со страниц этой книги образы наших современников, строителей социализма.

Эту большую внутреннюю красоту трудового человека, его неизбежную всепобеждающую тягу к счастью и свободе воспел Ф. Гладков и в своей автобиографической трилогии — «Повести о детстве», «Вольнице», «Лихой године», книгах, посвященных историческому прошлому русского крестьянства, но в то же время глубоко современных, ибо в них прослежены источники народного революционного характера, который так ярко и полно раскрылся в советскую эпоху.

Славный семидесятипятилетний юбилей застает Федора Васильевича Гладкова в пору его неусыпающей плодотворной творческой активности. Редакция «Нового мира», горячо приветствуя юбиляра, с гордостью вспоминает о том, что многие его романы были впервые прочитаны советскими читателями на страницах нашего журнала, а также и о том, что Ф. В. Гладков был одним из организаторов и руководителей «Нового мира», работая на протяжении ряда лет в редакционной коллегии.

Мы желаем Федору Васильевичу долгих лет жизни и творческого труда на радость миллионам любящих его и воспитанных его книгами читателей.

К конференции писателей стран Азии и Африки

ИЗ ТУРЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Поэты, стихи которых мы печатаем ниже, принадлежат к тому направлению в современной турецкой поэзии, которое принято называть «новым». Начало этому направлению было положено замечательным содружеством поэтов «Треножник», в которое входили Орхан Вели, Мелих Джевдет Андай и Октай Рифат. В 1940 году они выпустили книгу «Гариб», в которой объявили войну эстетской поэзии, оторванной от дум, жизни и живой речи простого человека. Вслед за декларацией «нового направления» в книге были помещены стихи, которые должны были показать, какой его основатели представляют себе новую поэзию. Однако на первых порах в их стихах сильно сказывалось стремление во что бы то ни стало эпатировать салонных эстетов так называемыми низкими, непозитическими темами, прозаической лексикой. Вспоминая об этом периоде, Орхан Вели говорил: «Впоследствии мы отошли от этого. Но, по-моему, это был необходимый этап, чтобы сделать следующий шаг — к народной поэзии».

Сделать этот следующий шаг передовым поэтам Турции помог небывалый подъем национального освободительного движения, охватившего страны Азии и Европы сразу же после победы над фашизмом во второй мировой войне. Их стихи по-прежнему полемичны. Но теперь они уже полемичны не только по форме, но и по самой своей сути, по отношению к миру, который их окружает. Мир насилия, голода, эксплуатации они не присмлют. С теми, кто пытается его приукрасить, они воюют.

«Новое направление» завоевало признание широкого турецкого читателя и приобрело международную известность. Это направление продолжает пополняться молодыми талантливыми поэтами. К числу их принадлежит Фахри Эрдинч, который в одном из своих стихотворений, посвященном старшим соотечественникам по перу, сказал об их роли в современной турецкой литературе:

Не думай, что сломан Треножник,
Если Орхана не стало.
Пламя под ним всё так же горит,
Наш чугунок все так же кипит.

Орхан Вели (1914—1950) — мастер поэтической миниатюры. Его стихи, часто иронические, широко известны в Турции, отдельные строки стали поговорками. После смерти поэта все его поэтическое наследие было собрано в книге «Все стихи», которая в течение шести лет выдержала шесть изданий — явление в Турции исключительное.

Мелих Джевдет Андай — поэт, критик, литературовед. Выпустил три книги стихов: «Дерево, потерявшее покой» (1946), «Телеграф» (1952), «Плечом к плечу» (1956). Гражданская лирика и сатира — наиболее сильные стороны его поэтического дарования.

Октай Рифат — поэт. Выступает в печати и как критик. Выпустил три книги стихов.

Фахри Эрдинч — поэт и повеллист. Первая книга стихов «Прощай и будь весел, город Алеппо» издана в 1946 году. Писал для Анкарского радио и различных газет. В настоящее время живет в народно-демократической Болгарии. Здесь в 1956 году вышла вторая книга его стихов — «Вот так-то».

Орхан Вели

ДАРОМ

Даром живем мы, даром.
 Даром тучи и море.
 Даром кручи и горы.
 Даром шуршание шин,
 Подворотни кино,
 Блеск витрин.
 Хлеб с сыром, правда, не даром.
 Зато даром мы дышим суповым паром.
 За свободу платим ценой головы.
 Ну, а рабство, конечно, даром.
 Даром живем мы, даром.

Перевел Р. Фиш.

Я СЛУШАЮ СТАМБУЛ

(Отрывок)

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.
 Ночной Стамбул. Вот дунул ветер с моря,
 и в пальцах листья он перебирает,
 и лодочников свист доносит издалёка...
 Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами,
 смех, гомон, поцелуи, перебранку
 и гулкие шаги.

Из рук твоих — я слышу —
 упало что-то вдруг,
 должно быть роза...
 Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.
 Твой лоб горяч, свежи и влажны губы.
 Из-за орешника всплывает белый месяц.
 Все, все в биеньи сердца твоего я слышу.
 Я слушаю Стамбул.

Мелих Джевдет Андай

ДЕРЕВО, ПОТЕРЯВШЕЕ ПОКОЙ

У меня есть знакомое дерево,
 кривое, корявое, темное дерево.
 Что оно знает?
 Лишь серые клочья
 туч пролетающих,
 гнезда сорочьи,
 знает четыре времени года,

Входите, входите, торговцы, просим,
 пусть станут корзины вам перышка легче,
 снимайте их живо, расправьте сутулые плечи.
 Я куплю у вас груш драгоценную россыпь,
 я куплю у вас персики
 цвета зари и заката
 и искрящийся терпкий гранатовый сок,
 я куплю у вас все...
 Но тогда,
 когда буду богатым...
 А пока
 пожелайте мне счастья, торговцы,
 и продайте мне лука пучок.

Перевел А. Янов.

Фахри Эрдинчи

РАЗВЕ

То, что ты зовешь головою,—
 голова, конечно, когда она варит.
 Но если она котелок с дырою,
 разве ее назовут головою?

То, что землю зовешь ты,—
 земля, если ради нее умирают.
 Но если — яма, в которой гниешь ты,
 разве землю ее называют?

То, что знаменем ты называешь,—
 знамя, коль реет свободно и гордо.
 Но если становится нищенской торбой,
 знаменем разве его называют?

Те, кого называешь людьми ты,—
 люди, пока недовольны собою.
 Но если за все шлют аллаху молитвы,
 разве людьми назовем их с тобою?

То, что терпением тобою зовется,—
 терпение, если однажды взорвется.
 Но если, как порох подмокший, скисает,
 разве терпением его называют?

НАСЛЕДСТВО

От первой любви остается печаль.
 От упавшей звезды остается след.
 И несколько строк остается,
 Когда умирает поэт.

АФРИКА

Говорят, что когда-то Африка
от Америки оторвалась.
Хорошо у нее получилось!
Но как же это потом
под Европой она очутилась?
Материк африканский
недаром на грушу похож.
Европейский медведь бесстыжий,
точно грушу, Африку выжал.
Постарел европейский зверь,
глотавший страны вприсест.
Больше он ничего не жрет.
Теперь его грушей рвет.
Так здравствуй, Судан, мой брат!
Здравствуй, Египет миролюбивый!
Храбрый, как лев, Алжир,
бей зверя и в хвост и в гриву!

Перевел Р. Фиш.

ПОЛЬ НИГЕР

★

Я АФРИКУ ТАКУЮ НЕ ЛЮБЛЮ

Поль Нигер родился на Антильских островах в 1917 году. Он окончил курс технических наук в Париже и уехал в Африку в качестве специалиста. Там в годы войны и была им написана поэма «Я Африку такую не люблю», ставящая большие проблемы развития африканских народов. Ниже печатается перевод поэмы с небольшими сокращениями.

* * *

Он говорил: «Люблю я этот край,
где пища есть и послушанье есть,
где получаешь за четыре су цыпленка,
а женщину — за сто
и «Хорошо, мосье!» — за ту же цену.
Здесь лишь одна беда —
солдаты отставные,
мулаты, грамотей, все они
поспорить любят о порядках,
и каждый хочет стать старейшиной деревни», —
добавил он.
Но я — я Африку такую не люблю!
Страну терпенья и молчанья.
Ту Африку
людей, со всем согласных,
страну поддакивающих рабов.
Ту Африку,
где люди спят и ждут,
как милости, чтоб разбудили их
ударом сапога.
Ту Африку
под складками «бубу»¹,
полошущих по ветру, словно флаг
капитуляции, страну дизентерии,
страну чумы и желтой лихорадки.
Ту Африку
равнин пустынных —
всю в бороздах от стрел
убийственного солнца,
страну чрезмерно обнаженных тел
и мускулов, сведенных каторжной работой.
Ту Африку,
где негритянки хмель забвенья
несут пришельцам на подносах губ.

¹ Бубу — мужская одежда.

Ту Африку
мальчишек развращенных,
девчонок, ставших содержанками в двенадцать лет,
ритмически колышущихся грудей,
подобных перезрелым дыням,
и животов, округлых, словно тыквенный сосуд.
Ту Африку,
что воспевают Поль Моран¹.
Я Африку такую не люблю.

Господь,
спустившийся однажды к нам на землю,
был огорчен ужасным отношением
им сотворенных тварей к их творцу;
он учинил потоп,
а после на земле, что вынырнула снова,
засеял и взрастил иные семена.
Ковчег начало дал земному населению,
и понемногу,
понемногу
род человеческий вздымался из столетий,
лишенных света дня,
к столетиям, что лишены покоя.
И только Африку забыл господь.

Христос,
грехи людские искупив,
воздвигнул церковь в Риме.
В пустыне голос слышался Христа.
И общество поддерживало церковь,
а церковь обществу была опорой,
и вот, поддерживая так друг друга,
цивилизацию построили они,
где люди,
античной мудрости ученики,
чтоб умиротворить языческих неумерших богов,
им через каждое десятилетье
приносят в жертву миллионы человек.
И только Африку забыл Христос.
Когда ж заметили,
что есть на свете раса
(людская ли?), которая еще
не принесла положенную жертву богу
и черной крови в честь него не пролила,
послали ей повестку.
Что ж? Заплатила.
Платит и поныне.
Но, когда
она вдруг попросила места для себя
на лоне Ойкумены²,
ей указали дальнюю скамью,
она присела там и задремала.
И Иисус простер, благословляя, руки

¹ Реакционный французский писатель.

² Ойкумена (*греч.*) — населенная часть земного шара.

над черною курчавой головой,
и негры были спасены.
Хоть, разумеется, не здесь, не на земле.
Но царствие небесное зато
для душ простых открыто было настезь,
они толпою шли туда,
и, как писанье сообщает,
там совершалось чудо —
с них чернь смывалась первородного греха,
и негры там, вверху, вмиг превращались в белых:
поэтому никто нигде
(за исключением американских фильмов)
не видел черных ангелов или святых.
Вот так произошло,
что души черной расы,
подобно злой крапиве,
заполнили ниву белых душ
и разрослись везде,
где острые серпы готовы были
жизнь отделить от чуждой им земли,
везде,
где люди платят кровью за свое бессилье,
везде, где тяжкий труд,
где землю надо рыть лопатой,
где умирают
и где убивают,
там, где для правильного ритма жизни нужно,
чтоб кто-то ваксил сапоги
и воздымал кабинку лифта,
как бы молитву к небесам.
И бог сказал:
«Вот это хорошо!
Уж если есть на свете раса
бездельников смиренных — вот она!
Я их битком набью смиреньем христианским,
пока они не лопнут.
Я им воткну в зады крестов побольше —
белых, красных, синих, —
а больше всех трехцветных,
чтоб помнили о них, —
кресты из дерева,
кресты из камня,
и римские, и лотарингские кресты,
и свастики, — и столько, чтобы искры
у них посыпались из глаз,
и подниму я их тропой бесплодной
до узких райских врат
и там оставлю их снаружи,
чтобы они на солнце побелели,
а тех, что недостойны будут
войти, пошлю я к Магомету».
И Валтасар
и Мельхиор сказали:
«Да будет так,
и да свершится воля ваша, а не наша».
И каждый божий день старушка Мелания
со свечкой ковыляет в божий храм,

чтоб этим искупить свои грехи
и помолиться за своих непросветленных братьев,
и да придет царствие Твое
и в человецех мир.

Но я — я Африку такую не люблю.

Ту Африку,
где белый скорпион свой хвост кусает,
ту Африку,
где чаша бруссы¹
гигантским морем покрывает землю,
ту Африку,
где почва стала красной, словно охра,
от крови мучеников,
ту Африку,
где есть два разных правосудья
за одинаковое преступленье.
Нет, нет, я Африку такую не люблю!

И ныне очередь моя задать вопрос —
в день Страшного суда что ты ответишь богу,
когда он спросит:

«Что с моим народом сделал ты?

Я человека вверил человеку,
чтоб тот учил его добру,
и вот я вижу — ненависти пена
разъела землю, словно кислота.

Ты стадо пас мое
на жестких травах горных?

Хотел я, чтобы на земле
все люди были люди,

не волки
и не овцы,
не хамелеоны
и не змей.

Хотел я, чтоб земля кормилицей была,
где должен быть посев посеvom,
чтобы земля была землею искупленья,
не наказанья,
землей зеленых стеблей и прямых стволов,
где человек достойно нес бы бремя
своей судьбы.

А ты
достоин ли омыть босые ноги
народа моего?»

Что ты ответишь?

Да и вообще — сумеешь ли ответить?

В какой густой траве
ты скроешь ноги прокаженных,
которых не касался ты?
И животы тех девушек, которых
ты предавал насилью без любви?

¹ Брусса — тропический лес.

Водой какой реки, какого моря
омоешь ты
кровь черную больного лихорадкой,
которого ты не хотел лечить?
Сегодня спрашиваю я.
Что ты ответишь мне
вот в этот вечер,
когда вокруг меня блуждают тени ночи
и тех, погибших, что не смеют видеть дня?

...Да, чтоб прийти сюда, я долго шел пустыней,
змеившейся и убежавшей вдаль.
Любовь воздвигла золотые сталактиты
в глубинах сердца моего.
И видел я в равнинах этих
и читал в песках,
что Африка страной величья хочет стать.
Но в городах ее и людях я читал,
что сделали ее отверженной землей.
А после я шагал по хижинам сожженным.
А после я стонал над лоном матерей.
А после я ложился на чужую землю,
на землю, что когда-то
была моей.
И толпы мертвых поднимались всюду,
чтобы мои одежды изодрать,
проклятью мое имя предавая.
И отстранял я стаи призраков наивных,
сдирал я грубую кору их жизни и пытался
проникнуть к черным родникам народа,
к его истокам.
И вечный поиск иссушал мне кровь...
Затем, что я — увы! — повсюду слышал их вопросы.
О боже мой, ответь им за меня,
ты должен говорить!
Тот бог, что был моим когда-то богом.
Ты опустил глаза,
ты прячешься в туманы,
ты соучастник, похититель душ!
И ты мне позволяешь,
чтоб безнаказанно я оскорблял тебя?

Так, значит, это правда?
Если нет —
убей меня!

Ты можешь заставлять меня молиться,
и дара слова можешь ты меня лишить,
но ты не можешь помешать мне умереть,
проклятью изрыгая в бледное лицо твое.
Я твое имя проклинаю
и воздвигаю новый храм другому,
еще неведомому божеству...
Ты слышишь — замер гром там-тама.
Саванн горячий ветер весть его разносит.
И легендарный конь морской
молчанья подал знак.

И ныне слово Африке дается,
сегодня может требовать она:
«Хотела я,
чтоб на земле все люди были люди,
не волки
и не овцы,
не хамелеоны
и не змеи.
Хотела я,
чтобы земля была землей,
где должен быть посев посевам,
чтобы земля была землею искупленья,
не наказанья.
Века страданий отточили мой язык.
Я научилась счет вести
по каплям моей крови
и повторяю предсказание
пророков благородных.
Хочу я,
чтобы на земле зеленых стеблей
мог человек с достоинством нести
судьбой ему ниспосланное бремя».

Не отвечай ей —
этого не нужно!
Послушай речь страны,
вглядись в ее народ,
шагающий стремительной походкой.
Ты видишь — Африка стоит пред человечеством
без злобы, без упреков,
уже не только требуя, но утверждая!
Найдется в храме для нее скамья.
Есть чистые листы в писаниях пророков.
Вы любите необычайные события?
Так смотрите:
в движение приходит целый континент,
народ проснулся!
И шепот разума
проходит трепетом по листьям —
и ритму новому уже покорен мир.
Оттенкам новым в радуге найдется место.
Поднимем голову — и молния сверкнет.

Да, слово Африке!
Ей говорить сейчас.

Той Африке,
где правосудие одно
за одинаковое преступленье,
за преступленье против бога и людей,
за оскорбление величья Африки,
за преступленье против тех,
которые несут нам что-то.
Но что?
Какой-то новый ритм
иль дуновение в ночном лесу,
ничто, пустяк, но, может быть,

рождение неведомой души,
оттенок голоса
и выражение речи,
мощь,
широту
и трепет тот,
что постепенно проникает в мозг костей,
и дремлющее сердце пробуждает,
и, охватив его, кружит, кружит,
кружит,
и трепет входит в руки, в мозг,
в артерии, в глубины, в недра, в чресла,
колени о колени бьет, в суставы входит,
и заставляет крепче ставить ноги,
и бешеную радость льет нам в душу с неба!
Да, но не только это!
Еще и гордость новую!
Пред нами предстает народ пустыни
с отвагой без предела,
с душою без корысти,
с походкой легкою и с телом,
полным сил,
чтоб сразу ощутить свободных мышц рождение
и подвиги отважных предков повторить.
Расцвет безмерный радости спокойной,
едва заметное в зарницах золотых
возникновение радужного мира,
который совершенен до конца, —
вот он,
вот он, удел пытливых наших душ!
И этим всем вы пренебречь хотели?
Итак, смотрите —
ночь идет к концу.
Я слышу в стеблях пенне животворных соков,
и скоро расцветут пурпурные цветы.

1944 г.

Перевел с французского С. Болотин.

ИНОСТРАННАЯ НОВЕЛЛА

ТАЦУКИТИ НИСИНО

★

ГОРЕСТИ КЭНДЗО

В связи с предстоящей в Ташкенте конференцией писателей стран Азии и Африки начиная с этого номера журнал под рубрикой «Иностранная новелла» будет публиковать новеллистические произведения литераторов этих стран.

Автор новеллы «Горести Кэндзо» — Тацукити Нисино — молодой прогрессивный писатель современной Японии. Особенную известность Тацукити Нисино принес сборник рассказов «Японцы американского происхождения». Публикуемый ниже рассказ взят из этого сборника.

У же по дороге домой, подходя к рыбной лавке Хамада, Кэндзо почему-то начал беспокоиться о своих курах. У лавки, загородив улицу, стоял грузовик, доверху наполненный ящиками. На ящиках виднелись названия магазинов: на одних — «Уоганэ», на других — «Сугимото»; приехавшие с грузовиком парни сбрасывали ящики, принадлежавшие Хамада.

Из школы возвращались порознь; с Кэндзо был один только Юкио. Обходя грузовик, Юкио обернулся и со словами: «Фу, воняет!» — зажал нос. И Кэндзо, подражая ему, тоже зажал нос. В душном воздухе явственно ощущался запах рыбы, хотя и не очень сильный. Обойдя грузовик, мальчики, сами не зная зачем, остановились и принялись смотреть на лавку Хамада.

Что-то вроде «о-о-рай»¹, затем «я-а-а» донеслось оттуда. Грузовик тотчас же тронулся с места и уехал.

Покупателей не было. Хозяин лавки, Хамада, в майке, коротких штанах и высоких резиновых сапогах, ругая за что-то жену, отдирал с ящиков крышки и перекладывал рыбу в холодильник. Хозяйка с привязанным за спиной ребенком, припадая на одну ногу, пыталась сдвинуть с места бочку. На ногах у нее были гэта² с оборванными ремешками. Похоже, что за это-то и сердился на нее Хамада.

Хозяйка вдруг сбросила гэта и, оставшись босиком, проворно схватила их в руки. Кэндзо испугался было — а не стукнет ли она ими хозяина, но женщина швырнула гэта в глубь лавки, туда, где из открытого водопроводного крана бежала вода.

В ту же минуту из-за наполненной водой бочки, стоявшей под краном, выскочила и бросилась на улицу худая черная кошка.

— Сладу нет с этой ворогой кошкой! — рассердилась хозяйка и, что-то ворча под нос, скрылась в глубине лавки. Вскоре она вышла оттуда уже в высоких сапогах.

Кэндзо и Юкио пошли дальше.

— Послушай, ты ел когда-нибудь бананы? — спросил Юкио, когда они проходили мимо зеленой лавки. Оба мальчика не знали даже вкуса бананов. Юкио заявил, что он хотел бы попробовать. Но Кэндзо было не до бананов. Ненавистный ему образ соседского тигрового кота, подстере-

¹ О-о-рай — испорченное английское «all right» — ол-райт.

² Гэта — японская деревянная обувь.

гающего его кур, всплыл в воображении мальчика, и сердце Кэндзо учащенно забилося. Тигровый кот соседа Исида великолепно знал, что днем в доме у Кэндзо никого не бывает, и постоянно бродил вокруг курятника.

Вскоре мальчики дошли до того места, откуда их пути расходились. Юкио что-то сказал было, но в это время прямо над головами ребят с жутким воем пролетел поднявшийся с соседней военной базы реактивный самолет, и Кэндзо не расслышал слов товарища. Стеклянные двери лавок, протянувшихся вдоль улицы, ходуном заходили от воздушной волны.

Когда самолет скрылся, Юкио повторил:

— Если брат что-нибудь чинит сегодня, пропало дело. А если нет, тогда принесу.

В доме у Юкио имелся резиновый клей для починки велосипедных шин. Юкио давно уже обещал одолжить его Кэндзо.

Когда Кэндзо остался один, его беспокойство еще более возросло, ему даже стало трудно дышать. Прижимая к груди свою школьную сумку, он пустился бегом. Пенал с кисточками¹ колотился внутри, ремешки гэта ослабли и мешали бежать. «Еще оборвутся, как у жены Хамада», — подумал Кэндзо. Он подобрал на дороге камень и зажал его в ладони. Его дом — приспособленный под жильё склад военного времени — уже виднелся впереди. Комната, которую занимала семья Кэндзо, выходила на задворки, поэтому курятник, выстроенный под окном, не был виден с дороги. Но Кэндзо не мог отделаться от мысли, что тигровый кот уже вцепился когтями в сетку курятника и сверкает своими изумрудными глазами.

— Негодяй! Пусть только тронет кур, убью!

Шумно переводя дыхание, Кэндзо выбежал на задний двор.

Однако следов кота он не приметил. По сравнению с утром в курятнике не произошло особых перемен. Он дважды пересчитал своих кур — сомневаться не приходилось: их было по-прежнему четыре. В кормушке уже не оставалось корма, и консервная банка, в которую была налита вода, была совершенно суха.

Вот и все перемены, если их можно счесть за таковые.

«Кадзусигэ, противный мальчишка, хоть бы воды им принес!» — обругал мысленно брата Кэндзо.

Открыв окно комнаты, он забросил свою сумку внутрь. Горячие лучи послеполуденного солнца наполняли помещение, и там стояла удушливая жара. Кадзусигэ тоже, видимо, оставил сумку и убежал куда-то играть. Кэндзо залез через окошко в комнату и растворил дверцы шкафа. Ничего съедобного не попадалось на глаза. Он открыл банку, служащую сахарницей, — она была пуста. Кэндзо прекрасно понимал, что в доме ничего нет. И все-таки, вернувшись из школы, он каждый раз отворял дверцы шкафа. Гроздь бананов, виденные в зеленой лавке, соблазнительно всплыли перед его глазами. Однако он уже привык мириться с голодом. Обмакнув кончик пальца в сою, он облизал его, вволю напил-ся воды, так что под конец она забулькала у него в горле, и тут же забыл о бананах.

Налив курам воды, Кэндзо уселся перед курятником и самым внимательным образом осмотрел его, хотя размеры его не превышали обычный ящик для упаковки яблок. Не снесла ли какая-нибудь курица яйцо?

Их курочки вылупились в начале апреля, и теперь им уже больше шести месяцев. Пора им начать нестись.

Четыре белые леггорнки, попеременно задирая клювы, втягивали в себя воду, и банка мгновенно опустела. Затем, требуя корма, они при-

¹ Кисточка и тушь — обязательные письменные принадлежности японцев.

нялись озабоченно прохаживаться вокруг кормушки, вытягивая шею и издавая протяжное «ко-ко-ко-ко».

Кэндзо подобрал старый гвоздь и стал чертить на земле цифры. Если куры снесут четыре яйца в день, то, считая тринадцать иен за каждое, тринадцать на четыре составит пятьдесят две иены в день. Но, может быть, четыре в день это слишком много! Пусть будет тринадцать на три, это даст тридцать девять иен, тысячу сто семьдесят иен в месяц. Если даже считать каждое яйцо по двенадцати иен, то и в этом случае двенадцать на три и на тридцать — тысяча восемьдесят иен в месяц. Наконец, даже по одиннадцати иен, и то одиннадцать на три и на тридцать — девятьсот девяносто иен... А по десяти — девятьсот иен в месяц... У Кэндзо голова пошла кругом.

А если каждая курочка высидит десять цыплят, их будет сорок. От сорока кур можно получить в день в среднем по тридцати яиц. Тридцать на тринадцать — это триста девяносто иен в день, одиннадцать тысяч семьсот иен в месяц, разве не так?

— Десять тысяч иен!.. Да на десять тысяч... — Сам того не сознавая, Кэндзо взвизгнул от восторга.

Ему казалось, что все это составит его чистую прибыль. Кэндзо и в голову не приходило, что расходы на прокорм сорока птиц составят приблизительно такую же сумму, какую даст продажа яиц, и в действительности никакой прибыли не получится. Не догадывался он и о том, что, если и вылупятся сорок птенцов, не более половины из них окажутся несушками.

Ослепленный цифрой в десять тысяч иен, Кэндзо уже размышлял над тем, что он купит на эти деньги. Высокие сапоги, дождевик, глобус, рубашку для игры в мяч, книги... Да, если все это сбудется, пожалуй, и мать не должна будет оставлять их без еды, уходя на работу, и, когда он вернется из школы, в шкафу уж непременно будет что-нибудь припасено для него.

Внезапно мечтания Кэндзо были прерваны таким хлопаньем крыльев, как будто куры сошли с ума, и тут же пронзительный вой реактивного самолета разрезал воздух. На мгновение и у Кэндзо возникло такое чувство, словно что-то тонкое и острое, как серебряная игла, пронзило его от темени до пяток. А куры, все четыре, взъерошив перья и хлопая крыльями, метались по курятнику. И только когда дикий звук замер, удаляясь, они постепенно успокоились.

Кэндзо, окончательно отрезвившись от своих мечтаний, отправился за водой.

Вскоре явился Юкио. Он принес резиновый клей и пемзу. Кэндзо вытащил из угла сенцев свои ботинки и сапоги младшего брата Кадзусигэ и решил приступить к ремонту.

У Кэндзо нет сапог. Во время дождя он надевает эти ботинки, но подошвы ботинок протерлись — не успеешь сделать и шага, ноги уже в грязи. У сапог Кадзусигэ прорвались носки, и внутрь тоже проникает вода. Поэтому оба мальчика, едва начинается дождь, приходят в уныние. И каждый раз в этих случаях их мать, Кадзуэ, говорит им:

— Потерпиге еще немножко. На днях я их отдам в починку.

У самой Кадзуэ тоже нет сапог, в Бюро¹ она отправляется в таби². И если у Кэндзо и Кадзусигэ во время дождя ноги оказываются грязными, то ведь и она также возвращается домой в промокших таби, и ноги у нее становятся какие-то беловатые, разбухшие, в странных морщинах.

¹ Бюро распределения работы.

² Таби — матерчатые носки с отделенным большим пальцем. Здесь речь идет о «тикатаби» — носках на резиновой подошве, которые бедняки носят вместо обуви.

— Нет, уж теперь я не забуду о починке,— говорит Кадзуэ, просушивая у огня свои таби.

Однако за последнее время Кэндзо не мог не прийти к выводу, что мать говорит неправду. Поэтому он и решил, что починит свою обувь сам. Если подклеить изнутри к подошве кусочек резины — все будет в порядке, думал он. Но вот этого-то кусочка резины он и не мог найти. Тогда его внимание привлекли сапоги брата — сколько здесь лишней резины! Если даже вырезать кусочек из верхней части, разве сапоги нельзя будет носить? Да к тому же все равно и они ведь уже прохудились. Однако как отнесется к этому Кадзусигэ?

Кэндзо прикидывал и так и сяк и наконец решился отдать брату взамен одну из своих курочек. Кадзусигэ согласился. Но согласие было дано так быстро, без размышлений, что Кэндзо вдруг стало жаль курочку, и, колеблясь, не пойти ли ему на попятный, он два-три дня провел в мучительных сомнениях.

Само собой разумеется, эта комбинация должна была совершиться тайне от матери.

— А ничего не будет за это? Тебя не заругают? — начал проявлять беспокойство Юкио, видя, что Кэндзо с ножницами в руке приступает к сапогам.

— Ничего не будет. Ведь я поменялся на курицу.

И Кэндзо уверенно вырезал из верхней части сапога четырехугольный кусок. Тогда и Юкио, припомнив, как его брат чинит проколотые велосипедные шины, принялся затирать резину пемзой. Он затер также прохудившееся место на ботинках. Вскоре заплатка, обильно смоченная резиновым клеем, была плотно приклепнута изнутри к подошве.

Однако едва ботинок попробовали надеть, заплатка отстала.

Мальчики снова пустили в ход пемзу, еще раз старательно смочили резину клеем и стали ждать, пока клей просохнет. У обоих нервы были напряжены и слова не шли на язык. Они чувствовали себя так, словно совершают какое-то тяжкое преступление.

...И вдруг — дикое завывание реактивного самолета. Ощущение, что с дома сорвали крышу. В курятнике под окном, бешено хлопая крыльями, мечутся куры. Ребенок соседа Хасимото, до сих пор, видимо, спавший, начал плакать.

Клей просох.

— Лучше их не надевать сразу. Надо, чтобы денек полежали так,— шепчет Юкио Кэндзо, заглаживающему заплатку.

Кэндзо продолжает работать, но при одной мысли о том, что произойдет, когда Кадзусигэ вернется домой, у него начинается бурно колотиться сердце. Ведь может случиться, что, увидев свои изрезанные сапоги, Кадзусигэ забудет о том, что одна из курочек стала его собственностью, и поднимет рев...

В коридор, проходящий вдоль всего барака, вышел кто-то — кажется, старуха Хасимото. «Нэн-нэн, спи спокойно, спи...» Голос женщины постепенно удаляется, и вот его уже не слышно. Прижимая к ботинку заплатку, Кэндзо чувствует, как к горлу его подступает комок.

Кэндзо запрятал свои ботинки и сапоги брата за мешок с углем, подальше от глаз матери. На другой день, едва вернувшись из школы, он сейчас же вытащил ботинки и с бьющимся сердцем надел их. Стараясь не нажимать на пальцы, он осторожно, точно вор, сделал несколько шагов. Похоже было, что заплатка приклеилась прочно. Понемногу расхрабрившись, Кэндзо попробовал пробежаться. И тут подошвой ноги он ощутил что-то странное. Растерявшись, он стащил ботинок. Заплата снова отстала.

Почувствовав слабость в ногах, Кэндзо опустился на землю перед курятником. Банка для воды пуста. «Ко-ко-ко-ко», — непрерывно клохчут

куры, требуя корма. Но у Кэндзо не хватает сил, даже чтобы принести им воды. «В будущем году их станет сорок... они снесут яиц на десять тысяч иен... Тогда все будет — и сапоги и дождевик...» — пытается думать он, но и эти мысли сейчас не приносят ему радости.

С этого дня Кэндзо жил с таким чувством, словно у него за пазухой лежит бомба. Едва проснувшись, он, затаив дыхание, смотрел, какая погода на дворе. Он старался определить, в каком расположении духа находится мать. Кадзуэ обычно торопливыми движениями растапливала печку, нарезала овощи. И шестилетняя Тиэко в это время была уже на ногах. Тиэко уходила с матерью к семи часам, а Кэндзо и Кадзусигэ отправлялись в школу к восьми. Таким образом, Кадзуэ и Тиэко должны были выходить из дому на час раньше.

Поэтому Кадзуэ торопила детей и, уже усадив их к столу, смотрела не столько на них, сколько на стрелку часов. Кэндзо с братом еще не успевали кончить свой завтрак, как она уже уходила.

— Так уж ты знаешь, правда? Все приберешь, и оба пойдете в школу, да?

Каждое утро она обращалась к Кэндзо с этими словами и, взяв за руку Тиэко, поспешно уходила из дому. Стоило ей хотя бы на одну минуту опоздать к окошечку Бюро, и она оставалась на этот день без работы.

Каждое утро Кэндзо убирал на место столик, за которым ели¹, перемывал посуду. Однако вся эта работа могла быть окончена за пять минут, и в оставшееся до школы время мальчишки томились без дела.

Однажды Кадзусигэ сказал:

— Эта Тиэко наверняка каждый день получает от матери какие-нибудь сласти. Потому она и тащится за ней.

Кэндзо знал, что в действительности мать хотела отдать Тиэко в детский сад, но на это не было денег, и она поневоле должна была брать ее с собой. Однако теперь и он подумал, что мать, безусловно, каждый день покупает Тиэко что-нибудь.

— Ну, не слоняйся без дела. Умойся-ка да задай хоть корму курам. Ты за последнее время что-то разленился, — сказала Кэндзо мать в воскресное утро.

Умываясь, Кэндзо подумал: «Сегодня мать целый день дома, она может заметить...» — и его охватила тревога.

Он задавал птицам корм, когда слышался голос Кадзуэ, вышедшей во двор с охалкой выстиранного белья:

— Странно! Почему это у них не вытягиваются гребешки? Непохоже, что они начнут нестись, если так пойдет дело.

И, развешивая на шесте белье, она стала жаловаться на то, как трудно достается корм для птиц.

Она начала выкармливать кур не столько потому, что ее упросил Кэндзо, сколько надеясь, что они станут хоть каким-нибудь подспорьем в ее бюджете. И вот она обдумала способ, требовавший наименьших затрат: на деньги, заработанные за день, приобрела курочку из породы тябо, и та высидела ей десять цыплят. А спустя месяц она эту курочку продала за ту же цену.

Из десяти цыплят пятеро оказались несушками. Впоследствии одна издохла, но и на оставшихся четырех как-никак вот уже более полугода идет корм. Обычно белые леггорны начинают нестись на стопятидесятый — стовосьмидесятый день. Пора бы уж начать нестись и этим четверем, но вот почему-то у них не вытягиваются гребешки...

— Почему бы это? Странно... Очень странно...

Из дома донесся голос Кадзусигэ. — он проголодался и просил есть.

¹ В японском доме едят за переносным столиком, который затем отставляют в сторону.

Кадзуэ, которой давно уже не приходилось вот так, не торопясь, сидеть за завтраком, сейчас ела не спеша и с каким-то чувством удовлетворения оглядывала троих детей, до черноты загоревших на солнце.

Кэндзо был рассеян. Когда кончили есть, его руки машинально задвигались, убирая посуду.

— Оставь, Кэндзо. Ведь сегодня я дома.

Встретившись глазами со светившимся любовью взглядом матери, Кэндзо смутился и выронил тарелку из рук.

На следующее утро то, чего он боялся, наконец произошло.

Лил дождь. Кадзусигэ вытащил свои сапоги и раскричался. Когда Кадзуэ увидела эти принявшие такой странный вид сапоги с искромсанным верхом, она на какое-то время словно лишилась дара речи. Но постепенно лицо ее стало наливаться кровью, и, полная негодования, она обрушилась на Кэндзо. Правда, это было всего лишь два-три слова — ей нужно было поспеть к трамваю. В дождливые дни она отводила Тиэко к соседям и поэтому особенно торопилась. Уже натянув свои таби, она кричала соседке и выбежала на дождь.

Зато Кадзусигэ продолжал жаловаться вплоть до той минуты, когда надо было отправляться в школу. Второклассник Кадзусигэ, радуясь, что одна из курочек станет его собственностью, согласился на предложение брата, не подумав как следует о том, какой безобразный вид примут его сапоги. Теперь Кэндзо предлагал отдать ему всех четырех птиц, но, несмотря на это, Кадзусигэ твердил:

— Не хочу! Не хочу! Сделай, чтобы сапоги были как прежде!

В конце концов он отправился в школу в гэта и нарочно на глазах у брата залезал в лужи, с шумом разбрызгивая воду.

Кэндзо тоже был в гэта. Крупные капли дождя, отскакивая от глинистой почвы, шлепали по ногам, и, когда мальчики добрались до школы, даже штаны у обоих промокли насквозь.

Кэндзо ожидал, что вечером, когда мать вернется, его снова будут жестоко бранить. Утром она торопилась, но теперь-то уж он не отделается так легко. Однако, когда Кадзуэ, вся мокрая, как мышь, возвратилась с работы, она не стала бранить сына. Похоже, что сапоги были забыты. Да что там сапоги! Произошло совсем неожиданное: она принесла с собой рожки в целлофановом пакетике и разделила их между детьми.

От удивления и радости Кэндзо никак не мог заснуть этой ночью. Когда же наконец он начал погружаться в сон, его разбудил чей-то плач. Он тихонько приоткрыл глаза. Вместо того чтобы заниматься починкой, мать, припав к столу, плакала. А на краю стола лежало что-то, показавшееся сначала Кэндзо клочком бумаги. Но, взглядевшись, он понял, что это фотография отца, погибшего на войне, когда Кэндзо было семь лет. Она всегда стояла в маленькой рамке на пустом ящике, заменявшем домашний алтарь...

Дождь все еще шумел. Косые струи, ударявшие в окно, одна за другой стекали вниз, оставляя на стекле белую пену. «А не плачет ли мать так каждую ночь, когда мы заснем?» — внезапно подумал Кэндзо, закрывая глаза.

Прошло несколько дней, и однажды утром мать завернула в платок ботинки Кэндзо и сапоги Кадзусигэ и унесла их с собой.

Снова подошло воскресенье. Возвращаясь от Юкио, Кэндзо увидел торговца птицами. Остановив свой велосипед, к багажнику которого была привязана большая, полная кур корзина, перед крестьянским домом и придержививая ногой педаль, торговец, наклонившись с седла, разговаривал с крестьянином. В этом доме выкармливали до двадцати кур.

— Так вот что? Значит, по этой причине?

Эти слова хрипло вырвались у крестьянина как раз, когда Кэндзо проходил мимо.

— Да уж верно! По этой самой! В аккурат с тех пор, как началось в Корее, в наших местах повсюду, говорят, перестали нестись.

Оба одновременно устремили глаза вверх. С расположенной неподалеку военной базы один за другим поднимались реактивные самолеты и, разрезая чистый осенний воздух, скрывались из виду. Птицы в корзине, шумно хлопая крыльями, как слепые, натывались друг на друга.

— Если с самого утра так ее будоражить — и птица не может спокойно снестись. Что поделаешь, у нее тоже есть нервы: чуть ей не того корму задашь или гнездо перенесешь — да куда там! — стоит ветерку подуть на нее, сразу перестает нестись.

— Вот оно что?! Значит, повсюду перестали нестись, не только мои? Выходит, в наших местах на курах надо поставить крест!

Кэндзо тоже, забывшись, смотрел вверх. И вдруг он сообразил, что разговор этих людей касается ведь и его кур. Охваченный внезапным смятением, он пустился бежать. На повороте дороги на него налетел Кадзусигэ.

— Братец, смотри, починили! Смотри-ка!

Хотя день был погожий, на ногах Кадзусигэ красовались высокие сапоги. Видно было, что они вернулись из починки: и там, откуда Кэндзо вырезал кусок, и в тех местах, где носки сапог прохудились, красовались резиновые заплатки.

«Значит, и мои починили!» — мелькнуло в голове Кэндзо. Но он не остановился; задыхаясь, не помня себя, он продолжал бежать.

Правда ли это? Правда ли? Ведь может же быть, что птичник просто соврал, чтобы купить кур подешевле!..

Перевела с японского Е. Пинус.

ПУБЛИЦИСТИКА

ОЛЕГ ВОЛКОВ

★

КЛАД КУДЕЯРА

Может быть оттого, что в давнишние времена заповедование чего-либо — озера, роши или иного урочища — сопровождалось обрядами и обставлялось торжественно (на церемонию стекалось местное население, устраивался крестный ход, исполнялись хором песнопения), может, именно в силу этих отголосков нашей седой старины в понятие о «заповедном», «заповедниках» мы вкладываем, помимо представления о чем-то заказанном и запрещенном, еще и какой-то священный смысл. Заповедное — это не только запретное, но и нечто, что мы должны нерушимо блюсти и свято хранить, чтобы передать потомству.

И потому, когда поезд после многочасового пути по открытым местам въехал в широколиственный сплошной лес, подступивший к рельсам двумя густыми стенками дуба, татарского клена, лещины и бересклета, я, узнав, что это Воронежский государственный заповедник — цель моей поездки, стал смотреть в окно вагона с таким чувством, точно за этими непроницаемыми опушками простирается нечто заветное, заказанное и даже чуть дремучее, таинственное...

1

— Тут он и прятался, возле самого кордона. И казну свою здесь же схоронил, — рассказывает мне Григорий Иванович Рудаков, потомственный лесник, проживающий на покое в одном из кордонов заповедника. Он охранял эти леса, еще когда они принадлежали Усманской казенной даче.

В его тоне оттенок иронии, словно он сам посмеивается над старым преданием; я, правда, не очень верю этому тону, так как чувствую, что рассказчик со своим героем сжился и верит в его приключения сьзмальства. Но горожане — скептики, для них лесная легенда в лучшем случае — занимательный вымысел и лишний повод убедиться в легковерии старых сельских жителей, привязанных к своим замшелым сказкам...

Кудеяр, утесненный жадным настоятелем соседней Константиновой пустыни, променял орало на кистень и почал с шайкой удальцов грабить проезжих. Посылал грозный Петр-царь воинские команды иметь его, но крепко укрывал непроходимый Усманский «въезжий бор» лихого разбойника, не выдал его на расправу. Правда, атаман выбрал себе надежное убежище: отыскал в глубине дремучих дубрав, издревле прятавших всевозможный беглый люд, славянское городище, обнесенное двумя земляными валами и рвом. В него отвел Кудеяр воду из ручья Городянки и хоронился тут за крепкими палисадами. Потом их спалили, должно быть, петровские солдаты, угольки и сейчас в песке отыскиваются. В подземном тайнике хранилась несметная разбойницкая казна: в одном чану золото, в другом — серебро, в третьем — кольца да серьги купеческие, оклады в самоцветных камнях, золоченые чаши церковные, — не шадил Кудеяр ни человеческого, ни божьего.

Люто расправлялся Кудеяр с теми, кто пытался от него уйти, так что никому не пришлось узнать, где прятал он свои сокровища. Все же удалось одной из его наложниц сбежать из разбойного стана. Схоронилась она в глухой деревушке и, страшась Кудеяровой мести, до смерти не смела выйти за порог избы. Она лишь на смертном одре поведала прижитому ею от атамана сыну, как можно расколдовать его клад.

Но так пугала всех жуткая Кудеярова слава, что смиренные селяне продолжали обходить его становище, когда уже косточки разбойника давно в земле истлели. О конце его молва ходила разная. Водился Кудеяр с нечистой силой, она его и унесла, говорят, со всей ватагой на воздушных конях, когда плотно обложили его логовище усатые преображенцы. Рассказывают и так, что, зачув близкую смерть, ужаснулся Кудеяр своего душегубства и, распустив шайку, замаливал в лесной келье тяжкие грехи. Как знать? Несчетно прошло с тех пор лет. Вырубил кругом леса Петр, строя флот свой на турка, потом выросли тут снова дубы не в обхват; успели и их свести, теперь они опять поднялись — вишь, куда голову подняли!. А ведь лес не чета человеку — растет медленно...

Заросло, заглохло Кудеярово городище. Свили над ним ветви могучие дубы, робко шепчутся тонкие осинки, тихо журчит подле в заросшем овраге Городянка. Поосели одетые крепким дерном валы, пересохший ров кудрявится буйной зеленью.

Старики из Беляева, деревни на опушке Усманского бора, припоминают, что стояли на городище вросшая в землю кузница и чугунные решетчатые ворота. Не забывали, само собой, про закопанный разбойниками клад.

Выскивались смельчаки, ходили за ним в темную пасхальную ночь, единственную, когда бессильна охраняющая клад нечистая сила, — в остальное время она отводит глаза людям, так что они и днем сбиваются в знакомом месте и блудят вокруг. Об этих попытках отыскать клад Григорий Иванович знает досконально: лет восемьдесят назад отважился на них его тесть. Разговорившись за бражным пасхальным столом, отправился он с товарищами глухой весенней ночью к Кудеярову городищу. Стрелит их насуспенный старец в сажень росту, посмеялся над ними: «Что это вы, мол, мужики-простяки, без свяченого яичка пожаловали?» — и прогнал прочь.

Не повезло им и на следующий год: оробели искатели и разбежались, когда люто зарычал на них медведь, прикованный цепью в пещере с чанами. Сверкнуло перед глазами золото с серебром, да не далось...

А когда пришли на третью пасху с крашеным яйцом для Кудеяра и рогатиной на медведя, — поднялся, набежал вихрь, так что застонал, загудел вокруг темный бор и замелькали между деревьями всадники на гривастых конях. От разбойного посвиста полегли кусты, а тут выскакал из чащи старик с растрепанной бородой, в алом кунтуше, с пудовым кистенем, занесенным над головой...

Едва ноги унесли и ходить с того разу зареклись. Так и остался неразысканным Кудеяров клад, и по сей день лежит в земле, дожидается новых удалцов.

— Впрочем, нынешний народ разве пойдет искать, — заключает Григорий Иванович, — ноне стариковские все сказкой считают...

2

Если доведется вам побывать в районном городке Рамони, стоит забраться на башню замка, построенного в конце прошлого века принцами Ольденбургскими, чтобы полюбоваться оттуда окрестностями. Довольно безвкусное здание в псевдоготическом стиле поставлено очень удачно — над обрывом, крутыми уступами сбегающим к реке Воронежю.

Просторно раскинулись леса Воронежского заповедника — им занято около трехсот квадратных километров северной части Усманского бора, уходящего под самый Воронеж. В стеклах бинокля, как в диораме, медленно плывут волны густой зелени разных оттенков. То лентами, то островами выделяются сомкнутые кроны сосен. Тут и там светлеют пятна березняков. Где-нибудь из зеленого моря поднял одинокую вершину вековой великан — может быть, уцелевший от петровских рубок дуб. А вот будто кто выточил неглубокую малахитовую чашу — это, вероятно, низинка, поросшая пестрым мелколесьем. Легкий полуденный ветер доносит благоуханный воздух, пропитанный древним духом смолистых сосен, тонким ароматом осинников, дыханием бесчисленных лесных трав и цветов.

С севера на юг заповедник пререзает железная дорога. К опушкам леса прилепились деревушки — большинство из них возникло несколько веков назад, когда близость

ногайской степи заставляла искать защиты у леса. На территории заповедника жилых поселений нет, кроме управления и кордонов, разбросанных по всему массиву.

Невозможно без восхищения проходить мимо лесных гигантов. Глядишь, запрокинув голову, на верхушку огромной сосны, взнесенную на тридцать пять метров над тобой, думаешь: тридцать пять метров — это высота десятиэтажного дома. Стоят себе эти великаны на страже природы, залогом ее благополучия... А потом вдруг начинаешь видеть в дереве живого свидетеля жизни прапрадедов, сейчас немо взирающего и на тебя, и это, пожалуй, волнует больше всего...

Старые сосны растут привольно, давая подле себя место кудрявым дубам. Эти распространяются вширь, сколько могут, выпустив во все стороны длинные кривые суки, так что под ними не увидишь неба, закрытого сплошным шатром из узорчатых листьев. Такие рощи корабельной сосны более чем столетнего возраста, смешанной с дубом, составляют по праву гордость Воронежского заповедника и бережно охраняются.

В заповеднике встречаются древостои всех возрастов, разной полноты, и большинство из них радует глаз своим здоровым видом, густотой листвы или хвои, обилием и размерами побегов, буйным ростом подлеска. Видимо, деревьям тут живется вольготно, им благоприятны почвенные и иные условия, осторожное и вдумчивое вмешательство человека в их жизнь. От внимательного наблюдателя не укроются признаки терпеливого человеческого ухода — я имею в виду вкрапленные тут и там культуры, главным образом участки саженной сосны, от крохотных заплаток из ровных рядков саженцев полуметровой высоты до рощ тридцати- и сорокалетнего возраста.

Понять значение этих мер ухода в заповедном лесу можно, лишь ознакомившись с огромной работой по изучению истории Усманского бора, проделанной старшим лесоводом заповедника М. П. Скрыбным.

Видит лес за долгий свой век всякие беды и катастрофы — то человек врубится в него без оглядки, то погуляет огонь. Выручает тут его в какой-то степени своя скорая помощь: в первую очередь осина, во вторую береза — они спешат покрыть опустошенные места. Особенно расторопно действует осина: за несколько коротких лет заполнит частой порослью гарь или лесосеку, создавая тем самым благоприятную среду для возобновления истребленных лесных пород (препятствуя задернению почвы, защищая от лютых зимних ветров, палящего солнца). В дальнейшем густой полог осины становится помехой для роста укоренившихся под ним теневыносливых дубков и тем более для светолюбивых пород. Мудрая природа устраняет осину тем, что дала ей короткий век, — она рано загнивает и начинает отмирать, освобождая место выросшим под ее сенью деревьям.

Наличие чистых осинников или березняков настораживает лесовода, говоря ему о каких-то трагических событиях в истории заповедного лесного массива.

Детальное исследование пыльцы торфяников на территории Усманского бора, изучение общей эволюции растительного покрова, архивные данные за двести пятьдесят лет — им положил начало один из первых русских лесничих, Веневитинов, поставленный здесь Петром Первым, — наконец, сорокалетнее личное прослеживание лесных сукцессий (чередующихся смен древостоев) привели М. Скрыбина к выводу, что заповеднику достался в наследство лес с разрушенными более чем трехвековым хозяйничаньем человека биогеоценозами (то есть естественно сложившимися в процессе длительной эволюции комплексами взаимосвязанных растительности, животного мира, грунтовых условий и микроклимата). В результате рубок, зачастую хищнических, коренные породы деревьев — сосна, дуб, липа — оказались вытесненными временными, главным образом осинной. Надо было помочь сосне и дубу занять в лесу свое прежнее господствующее положение. Для этого и прибегли к культурам сосны.

По наблюдениям М. Скрыбина, в настоящее время это соответствие между составом древостоев и природными условиями мест их произрастания непрерывно увеличивается. А поскольку это так, лес становится более здоровым и устойчивым к болезням и вредителям. Очевидно, что только заповедный режим позволяет производить подобные глубокие исследования, рассчитанные на длительное время и непрерывность. Они уже принесли неоценимые практические результаты для лесоводства.

3

Совершенно обособленным мирком, как бы отгороженным не только от всего света, но и от остального заповедника, представляется пойма реки Усмани, протекающей по меридиану в его восточной части на протяжении двадцати километров.

Лодка медленно находит путь в зарослях камышей, рогоза и тростников. Они тихо шелестят, трутся о борта, загораживают вид на широкую пойму, окаймленную с двух сторон черной ольхой. Открытой воды очень мало, всюду ряска, всюду листья кувшинок, а весло опутывают, точно тянут его к себе, тысячи стеблей и косичек бесчисленных водяных растений.

Самое большое украшение речки — водяные лилии, белеющие фарфоровыми чашечками под обоими берегами на сплошном ковре из круглых глянцевиных листьев. К полудню цветы раскрывают острые лепестки навстречу солнцу и словно нежатся в теплых и ленивых струях дремлющей воды.

В жаркую пору дня тут пустынно и очень тихо, над разморенными зноем травами стеклянно шуршат прозрачными крылышками стрекозы, да по воде скользят водомерки. Изредка перелетают с куста на куст, сверкая лазоревым оперением, зимородки. Но и те больше сидят над водой, выставив вперед багряную грудку. Чу! Мелькнуло рыжее пятно в кустах над водой, шевельнулась листва — вот он, красавец олень, выбрался из чащи, тычется тонкой мордой к веткам бересклета. До чего он легок и чуток! Стоит произвести малейший шорох, как животное тут же прынет, метнется прочь. Но что значит мирная обстановка заповедника — любопытство одолевает страх: олень, сделав скачок, останавливается в десятке метров с поднятой сухой головой и настороженными ушами. На вас уставлены огромные, темные и не очень зоркие глаза. Потом олень скрывается в чаще уже шагом, причем его шкура, производящая в лесу впечатление пятнистой, мгновенно сливается с солнечными бликами на листьях.

Протопанная в тростниках тропа со следами узких раздвоенных копыт, глубоко увязших в топком грунте, — это олений водопой. Но еще больше повсюду следов бобров, из густых трав и камышей их выводит к воде множество лазов и ходов. Днем зверюшек не увидишь — спят по своим подземным и подводным жилищам. Когда совсем смеркнется, они выходят на кормежку, и тогда в темноте раздается плеск воды, шуршание раздвигаемых тростников, характерное пофыркивание зверей.

Есть один знак, по которому даже издали можно безошибочно определить присутствие бобров: повсюду обгрызенные ими пни осины и, как на бесхозяйственной лесосеке, немало поваленных, но не упавших на землю, застрявших на ветвях соседей, деревьев. Глядя на иной пенёк в двадцать — тридцать сантиметров в диаметре со следами резцов зверя, невольно думаешь, что, может, именно у бобра подсмотрел первобытный охотник, как обрабатывать дерево костяными орудиями. Повалив осину, бобр, как заправский лесоруб, приступает к обработке дерева: отделяет сучки, ствол раскряжевывает на короткие бревнышки, потом стаскивает все к воде и по ней сплавляет к своим сооружениям — плотинам и хаткам. Всею свое назначение: побеги и листья осины — лакомство, особенно для бобряты; кора — основной зимний корм, а окоренная древесина идет на строительство плотин.

Итак, в центре Воронежской области расселился и множится один из самых редких и ценных зверей на земном шаре — русский, или европейский, бобр, когда-то водившийся повсеместно в Европе, но беспощадно выбитый и исчезнувший вместе со сведенными лесами.

Тридцать лет напряженных поисков советских ученых, настойчивая, кропотливая работа, ошибки и успехи — только этой ценой удалось восстановить бобра в его правах аборигена Уманского бора. Оказалось недостаточным уберечь чудом сохранившихся от дореволюционного времени единичных особей или привезти зверей из второй уцелевшей колонии в Белоруссии. Потребовалось изучить образ жизни бобра, его питание и болезни — вопросы, по существу еще совсем не разработанные. В естественных природных условиях бобры находились под тщательным присмотром людей, и это давало отправной материал для накопления опытных данных. Ученые, пользуясь ими, наметали пути к неизведанной области боброводства. Наблюдения за повадками и потреб-

ностями диких бобров легли в основу создания бобровой фермы Воронежского заповедника, первой в мире и с полным правом считающей за собой приоритет получения приплода от бобров в неволе.

Этот по необходимости короткий рассказ о бобровом хозяйстве проливает в какой-то мере свет на огромное значение заповедников для хозяйственной жизни страны, когда им отведена, как это было сделано вскоре после Октябрьской революции, «роль единственных научно-исследовательских экспериментальных баз для ведения комплексного и круглогодичного изучения природы». Приходится лишний раз удивиться мудрой прозорливости Ленина, который еще во времена блокады и голода подписал первые декреты об охране природы, заложившие основы системы заповедников.

Дикая природа, как это отмечали еще И. В. Мичурин, В. Л. Комаров и другие ученые, — неисчерпаемый источник полезностей для человека. При этом нередко бывает так, что кажущееся абсолютно ненужным и даже вредным сегодня может завтра, на новом этапе развития научных знаний, приобрести огромное практическое значение. Вспомним о роли сорняка пырея в создании пшенично-пырейных гибридов, о многих, ранее неведомых источниках новых лекарственных и технических средств

Мы современники и свидетели того, какой небывалой высоты и размаха достигло развитие техники и освоение не только степной и таежной, но даже пустынной и арктической целины. При этом природа, помимо сознательного воздействия человека, автоматически подвергается всеобщей стихийной ломке — в порядке косвенного влияния человеческой деятельности. Совершенно очевидно, что этот процесс нельзя пускать на самотек. Здесь уместно обратиться к работе Ф. Энгельса «Роль труда в превращении обезьяны в человека», где говорится, что на каждом шагу факты напоминают о том, что «мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом...» В другом месте читаем: «Людам, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы добыть таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливать на равнину тем более бешеные потоки».

Человек далеко не всегда умеет правильно использовать природные богатства. Более того, активное вмешательство в природные процессы в больших масштабах нередко приводит к большому ущербу из-за незнания природных взаимозависимостей и их динамики. Вспомним о недавних крайне неудачных опытах мелиорации некоторых видов сельскохозяйственных угодий в США; о катастрофических последствиях попытки американцев полностью ликвидировать грызунов в калифорнийском очаге чумы; об активной акклиматизации серьезных вредителей сельского хозяйства в Австралии и других странах. Чем иным, как не нарушением природных комплексов, можно назвать массовые рубки горных лесов на Кавказе, в Крыму, в Карпатах и в других районах, где они имеют громадное природоохранительное значение.

По причине неизученности процессов, протекающих в естественных условиях природы, невозможно решить многие практически важные проблемы. Это особенно относится к разработке рациональных систем земледелия применительно к основным зонам СССР. Нельзя забывать и то, что лес помогает людям добиваться устойчивых урожаев, он защищает пашни от суховея и эрозии почвы, преграждает путь черным бурям, в известной мере регулирует температуру и влажность воздуха.

Замечательными лабораториями с идеальными условиями для проведения круглогодичных и многолетних работ по изучению природных комплексов являются заповедники. Тут можно изучать зависимость морфологии и физиологии растительного покрова от климатических и геолого-почвенных условий, разрабатывать методику биологических прогнозов для охотничье-промыслового, сельского и лесного хозяйства,

множество других проблем. И практика показывает, что заповедники должны быть исключительно научно-исследовательскими, но не хозяйственными учреждениями.

Мы вправе гордиться такими заповедниками, как Воронежский, Кавказский, Аскания-Нова, Беловежская пуша и другие. Но мы должны осмотреться вокруг.

Плотность дичи и промысловый выход ее на один гектар территории в густонаселенной Чехословакии могут показаться неправдоподобно большими по сравнению с нашими цифрами. А ведь это достигнуто главным образом благодаря широкой сети заповедников и резерватов, получивших особенно широкое развитие за годы народной власти. Что касается бобров, то их в маленькой Норвегии больше, чем в Советском Союзе, а в Канаде ежегодный промысел этого зверя превышает численность нашего поголовья.

Не говорят ли подобные факты о том, что в деле заповедничества мы далеко еще не использовали бесспорных преимуществ нашего общественного и государственного строя, равно как природных и географических факторов?

4

Полтора столетия назад Александр Гумбольдт впервые научно обосновал наличие зональности в растительном мире. Основатель научного почвоведения Докучаев доказал, что зональность охватывает не только растительность, но и почвы, и животный мир, и хозяйственную деятельность человека. По намеченному Докучаевым пути развивается физическая география, все связанные с природой *in situ* отрасли биологии, наука о сельском хозяйстве. Созданная академиками Вернадским и Ферсманом геохимия представляет ответвление идей Докучаева. Если большую роль в развитии этой науки сыграли американец Кларк и еще несколько иностранцев, то биогеохимия и много других наук целиком созданы у нас. Рождение всего этого научного богатства именно у нас не случайно.

Советский Союз остается единственной страной в мире, где природные условия непрерывно и последовательно сменяя друг друга, на единой равнине охватывают всю гамму изменений — от арктических тундр до пустынь и влажных субтропиков включительно. Больше того, горный Кавказ повторяет все те же изменения природы уже не в широтной, а в вертикальной зональности. Это имеет огромное значение для обобщения и научных выводов. Ведь почти все остальные страны мира лежат в пределах одной-двух природных зон.

За границей обычно рассматривают природу как бы только под микроскопом. Слов нет, микроскоп — мощное орудие исследования, но в микроскоп нельзя рассматривать крупный объект, нельзя даже составить представление об общих формах исследуемого предмета. Трудно от «микроскопирования» своей родины перейти к восприятию природы как целого. Англичанин может отправиться в Африку или Индию, но получить при этом как бы два разрозненных микропрепарата или два кадра из фильма, по которым нельзя судить о целом фильме. Мы же, проехав поездом от Мурманска до Севастополя или в Среднюю Азию, будем иметь перед глазами всю киноленту, сможем наблюдать постепенную смену ландшафтов.

Практическая деятельность по использованию естественных богатств должна осуществляться исходя из природных особенностей той зоны, в которой она протекает, настаивал Докучаев. Он полагал, что зональные особенности природы с надлежащей объективностью и полнотой можно познать, только изучая естественно сложившиеся виды животных, растений, почв, климата и материнских пород на заповедных, целинных и тому подобных участках. Сочетание этих двух положений и определяет огромное значение системы заповедников. Как раз она дает возможность производить наблюдения под микроскопом, не теряя при этом из вида целого.

По нашему глубокому убеждению, положение с охраной природы обстоит у нас далеко не благополучно.

В марте прошлого года в Москве прошло Всесоюзное совещание, созданное по инициативе Московского общества испытателей природы, Московского дома ученых и Московского филиала Географического общества СССР. Примерно триста ученых обсуждали проблемы, относящиеся к редким и исчезнувшим видам растений и жи-

вотных, к геологическим уникальным объектам, к их рациональному использованию. Приведем несколько выдержек из принятой на совещании резолюции.

«Несмотря на ряд изданных правительством законов, правил и постановлений местных советских органов по охране природы, имеется много случаев нарушения и неправильного использования естественных ресурсов (вырубка водоохраных, поле- и ветрозащитных лесов, ценных рощ, лесопарков, загрязнение водоемов, глушение рыбы, уничтожение птиц, редких зверей, ценных геологических памятников и т. п.).»

«Неправильная эксплуатация лесов часто приводит к лесоистреблению, т. к. не сопровождается лесовозобновлением... За последние десять лет в Карпатах вырублено лесов на площади 268 тыс. га, что составляет 20,7 процента всей лесной площади. В среднем в Карпатах лес вырублен на 7,3 года вперед, а по отдельным областям и более... При таких темпах лесов Карпат хватит лишь на 10—15 лет.»

«Сводятся... лесные массивы водоразделов и охранных зон, уничтожается подрост. Ценные породы часто заменяются малоценными.»

«Под угрозой истребления находятся водоохраные леса Московской области... Разрушение зеленых массивов центральной части европейской части Союза ССР, фауны и природы Подмосковья принесет непоправимый ущерб в области культурно-хозяйственных мероприятий... Подобные же сигналы о чрезмерной вырубке лесов идут и из других мест — с Украины, с Кавказа, из Крыма, ЦЧО, с Кольского полуострова и других.»

«Уничтожается целый ряд видов и комплексов растений и животных, которые имеют исключительную ценность для народного хозяйства.»

«Несмотря на некоторые успехи в состоянии отдельных ценных промысловых видов и увеличении их численности (соболь, лось, сайгак), необходимо отметить общее совершенно неудовлетворительное положение с охраной ценной фауны Советского Союза... Совещание устанавливает, что во многих областях Союза численность поголовья ряда видов настолько сократилась, что этим видам грозит полное исчезновение (камчатский бобр, кулан, тугайный олень, горные бараны)... Почти уничтожены на севере гнездовья гаги и птички базары на побережье Баренцева моря и т. д.»

«Так как освоение человеком новых земель идет в СССР очень быстро, нельзя медлить с заповедованием еще нетронутых участков природы.»

Как же не присоединиться к выводам совещания, призывавшего безотлагательно приступить к коренной реорганизации дела охраны природы! Надо освободить заповедники от опеки «семи нянек», изъять их из ведения Министерства сельского хозяйства и других ведомств (недаром подчинение сейчас части заповедников Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров шутники называют «объединение козлов и капусты») и передать специальному органу — например, Академии наук.

5

За высокой, в ином месте в три-четыре метра, плотиной, сооруженной из осиновых бревнышек, ила и фашинника, поросшей крапивой и иван-чаем в человеческий рост, ручеек, скрыто текший по дну оврага, превратился в озеро.

Мой проводник, молодой бобрятник Шура, молча указывает на торчащие из воды конусообразные возвышения — постройки колонии бобров. Их хатки — «без окон, без дверей», ходы скрыты под водой. Когда отлавливают зверей, в воду погружают западни против этих ходов.

Мы стоим на особенно большой хатке, разговариваем, Шура уверяет меня, что у нас под ногами спит все семейство бобров. Ему приходилось вскрывать кровлю таких хаток и обнаруживать в гнезде пушистых бобряток — встревоженные родители срывались заранее.

От сооруженной зверями запруды веет седой стариной, вспоминаешь «бобровые гоны», составлявшие важнейшую оборонную статью Московского царства. Конусы хаток над водой чем-то смутно напоминают о свайных постройках далекой древности...

Вдруг совсем рядом раздался свисток, и тут же из мокрой листвы на гребне оврага вынырнул паровоз, за ним покатались, постукивая, красные вагончики товарного поезда.

Мой спутник откровенно рассмеялся.

— Что, неожиданно? А вот бобры наши ужились с поездами, не боятся их ничуть. Случается, неосторожно хрустнешь веткой — бобры, как по команде, немедля ныряют в воду и долго потом не показываются. Но когда мчится мимо, громокая, поезд, звери как ни в чем не бывало продолжают заниматься своим делом.

Мне вспомнились тетерева на току, улетающие при малейшем шорохе в шалаше и продолжающие петь, когда над токовищем случается пролететь почтовому бипланчику. Осторожные дикie гуси на пашне допускают к себе трактор на полсотни шагов, и они же ни за что не сядут на поле, если заметят на нем затаившегося охотника. В этом очень обнадеживающее явление: оказывается, дикie звери и птицы вполне могут ужиться с нашей цивилизацией, их не сгонят с лица земли ни наши трансконтинентальные самолеты, ни линии высоковольтных передач, ни все наступление техники. Ко всему этому они приспособятся, если только... если только мы оставим им покойные уголки, где они могли бы непо тревоженно растить своих птенцов и детенышей. Они могут и будут жить в тесноте — но не в обиде! Что такое обида для дикой фауны, это мы все хорошо знаем — тут и нарушение границ заповедников, и перевыполненные планы промыслов, и хищничество на охоте, отравленная заводскими отходами вода в речках, небрежное применение ядохимикатов, разоренное гнездо, брошенная в водоем взрывчатка...

— А знаете, как называется этот ручей? — прервал мои размышления Шура. — Ведь это Городянка, та самая, на которой прятался Кудеяр. У его городища — колония бобров! Наш заповедник отправил в разные области Союза несколько тысяч бобров — ну не золотое ли тут дно, не клад ли наши Усманки и Городянки? Кудеяру, пожалуй, не снилось столько золота, сколько дает сейчас стране его урочище.

Шура, выросший в заповеднике и влюбленный в свою профессию, может без конца рассказывать про своих питомцев — он их любовно охраняет, знает повадки и нравы. От него я услышал о трагических днях заповедника, когда его захлестывали со всех сторон волны гитлеровских орд. Но Усманский бор укрыл от расхищения свои сокровища. Под захватчиками горела земля, и они не успели или боялись углубиться в дремучие леса. Перед нашествием бобрам на ферме отперли клетки: ступайте, звери, на все четыре стороны, спасайтесь сами от лютых грабителей!

— Только мы вернулись, — досказывает Шура, — принялись восстанавливать хозяйство заповедника, смотрим: зверушки наши тут как тут — плывут по речке, возвращаются, свои кормушки обнюхивают. Значит, неплохо жилось им под крылом человека!..

6

Мы присутствуем на докладе старшего научного сотрудника Воронежского заповедника Юрия Николаевича Куражковского. Собрались лесоводы, биологи, ветеринары, химики, зоологи. Тут же несколько приезжих ученых, среди них видный почвовед, профессор Московского университета Н. Ремезов, сделавший с сороковых годов Воронежский заповедник научной базой для своих работ; старший научный сотрудник Украинской академии наук зоолог В. Абеленцев, прибывший для ознакомления со здешней постановкой экспериментальных работ по экологии, то есть по изучению взаимоотношения организма с окружающей средой. Докладчика слушают и студенты, съехавшие сюда на практику с разных концов страны.

Тема доклада способна заинтересовать не только специалиста.

Люди из поколения в поколение сталкиваются с разными природными явлениями, кажущимися необъяснимыми и непонятными. Нет как будто ключа к загадке. Но пробьет час, и найдется пытливым человек, который терпеливо подберет один к другому факты, вдумчиво исследует суть явления. И вдруг начинает вырисовываться стройная картина, все находит объяснение, становится на место.

Спокон веков пасся в горах марал, и всегда неотступно охотился за ним человек. Знал все его привычки, нравы, образ жизни, в частности то, что старые самцы держат-

ся летом на безлесных вершинах гор, тогда как самки и молодой пасутся на луговых полянках по склонам. Видел, конечно, что вырастают за короткое лето у оленя рога в пуд весом. Но непонятно было, откуда берутся в таком огромном количестве нужные для образования рогов белки и фосфорно-кальциевые соединения.

Наш ученый зацепился за крохотную деталь: привередливость марала в выборе кормов — от иной травинки он отщипнет краешек листа, от другой кончик стебля. Откуда такая разборчивость? Чего ищет животное? Юрий Николаевич пришел к выводу, что привередливость марала не каприз, а потребность организма, и что причины этих явлений имеют связь между собой и могут быть объяснены не только физическими, но и химическими факторами.

На вершинах гор травостой содержат много веществ, идущих на формирование рогов, но мало поваренной соли и йода, без которых не может развиваться молодое животное. А самцы живут летом старыми запасами этих элементов в организме и, только истощив их, спешат спуститься на солончаки.

Работы Куражсковского в Башкирском, Ильменском и других заповедниках дали ряд новых фактов. У всех оленей, за исключением северного, самки безрогие. Оказалось, что минеральную основу рогов северного оленя составляет не фосфорно-кислый кальций, необходимый самке для создания скелета и мышц молодых организмов, а другой комплекс соединений с преобладанием биологически малоценного алюминия. Химия помогла понять и другое явление — комолость северного рогатого скота: у коров рога содержат десять процентов серы, а именно сера и хлор наиболее дефицитные элементы в северной тайге.

Дальше можно было приступить к интереснейшему накладыванию полученных данных на карту. Лесостепная зона черноземов является оптимальной по сочетанию солевого состава почв, питьевых вод и растительности с белковатостью и витаминностью кормов. Вот почему на черноземах, скажем, русак в полтора раза больше, чем в тайге, и вдвое крупнее, чем в сухих степях или на выщелоченных дождями почвах Западной Европы.

Молодой ученый подтверждает свои выводы диаграммами роста разных видов животных, рассказывает о своих наблюдениях над насекомыми, об анализах химического состава травостоев. Шаг за шагом накапливался материал по питанию животных, сопоставлялся с другими данными, пока не стало возможным предложить новый метод, заключающийся в использовании очень чуткой реакции животных на химические особенности среды.

О своих исследованиях Куражсковский сообщил на объединенном заседании биологических секций Всесоюзного географического общества и Московского общества испытателей природы. Работа была признана заслуживающей распространения во всем Советском Союзе.

Познание естественной зональной растительности должно дать ключ к значительному повышению продуктивности животноводства. Нужно глубокое изучение химизма естественных кормов, и особенно черноземной — оптимальной — зоны, скудно освещенной в литературе, и заниматься этим лучше всего в условиях заповедника. К сожалению, в Воронежский заповедник не входят степные участки, хотя, казалось бы, в лесостепной зоне его границы надо провести так, чтобы можно было изучить лес и степь не только в отдельности, но и в их взаимосвязи. Это отсутствие естественной заповедной «опушки», позволяющей наблюдать жизнь флоры и фауны на стыке дикорастущего леса и целинной степи, ощущается как большой пробел в научной работе заповедника — все его «степные» опушки сплошь запаханы.

Науке нужны природные лаборатории с многолетними контрольными площадками, подопытными участками, ненарушенными естественными древо- и травостоями, дикой фауной, возможностью вести длительные, из десятилетия в десятилетие, наблюдения и сопоставления. Потребность в таких лабораториях ощущается все острее и острее, по мере того как делается все труднее найти в природе нетронутые места. Очень знаменателен тот факт, что в развитии советской экологии, занимающей, кстати сказать, ведущее место в мире (недаром известный американский ученый Карпентер сказал, что для того чтобы быть теперь экологом, надо выучить русский язык), четко разграничиваются два периода: до и после того, как эта наука могла опереться на заповедники.

Именно такие мысли вызвал у меня доклад Ю. Куражковского. И еще думалось о том, что в этой способности советских ученых всецело жить интересами науки — источник безграничных возможностей новых открытий.

Научные работники заповедника занимаются, помимо «местных», то есть непосредственно заповеднических, тем, также и проблемами, принадлежащими «большой науке». Знакомясь с трудами Воронежского заповедника и работами, опубликованными его сотрудниками в других изданиях, видно, что тут изучаются вопросы огромной теоретической и общехозяйственной важности.

Именно в условиях заповедника удалось профессору Н. Ремезову разработать новую методику улавливания и анализа стоковых вод, составляющую важное звено в его работе о влиянии биологического круговорота веществ на образование лесных почв, доложенной им в прошлом году Международному конгрессу почвоведов в Париже.

Талантливый последователь профессора И. Орлова, молодой ветеринарный врач В. Ромашов провел ценные исследования по гельминтологии (наука о паразитических червях и вызываемых ими болезнях), изучив цикл развития некоторых паразитов, прежде совершенно не известных. По-видимому, очень перспективны производимые им опыты по прерыванию биологического цикла развития паразитов, ведущему к постепенному оздоровлению бобров без применения лекарств. Полученные в условиях фермы результаты теперь переносятся в природу.

Воронежский заповедник отправляет в разные уголки СССР и демократические страны бобров, подвергнутых профилактическим мерам, исключающим возможность распространения кишечных заболеваний. И если теперь научились разводить и лечить бобров, в этом заслуга Воронежского заповедника.

Мы уже говорили о работах М. Скрябина по уходу за лесом. Интересно привести такой пример: в заповеднике не применяют никаких ядовитых веществ, и все же его леса оказались в отношении нашествия вредных насекомых благополучнее и более стойкими, чем смежные массивы Воронежского лесхоза, где проводилось систематическое авиаопыление ядохимикатами. Так же велика и показательна разница в приросте древесины.

Заглядывают в заповедник люди со всего Союза, приезжают из Польши, Чехословакии, Финляндии и других стран. Идут сюда стар и млад — наши юннаты, педагоги, рабочие, специалисты и особенно много представителей новой, появившейся у нас только за последнее десятилетие, замечательной породы пешеходов-вездеходов, словно задавшихся целью все исходить, все увидеть собственными глазами. Узнать их легко: они все огорблены рюкзаками, неправдоподобно черны, держатся стайками и приобрели что-то от повадок перелетных птиц.

7

Однако жизнь заповедника течет далеко не так мирно, как можно было бы предположить. Проживая там, мне довелось узнать об очень трудных днях заповедника, когда его нынешнему директору В. Решеткину понадобилось много энергии и большое мужество, чтобы защитить хозяйство от всевозможных посягательств и покушений.

Характер их многогранен, но все они, откуда бы ни исходили, проистекают, как мне кажется, из одного источника — непонимания первостепенного научного значения заповедника. Есть люди, которые до сих пор смотрят на него, как на некую затею едва ли не музейно-мемориального порядка. Отсюда и все беды. Некто, игнорируя особые задачи заповедника, стремился превратить его в прибыльное промысловое хозяйство, другому не давали покоя леса, в которых не разрешается гулять топору. Неустанно любуясь сосновым бором, я не мог без содрогания вспомнить о том, что воронежские областные власти упорно добивались разрешения на рубку заповедных великанов, не без основания ссылаясь на то, что тут налицо переспелая древесина. Мало того, Воронежскому обкому партии удалось заручиться обещанием авторитетного представителя центра выделить ему из массива заповедника сто тысяч кубометров сосны. Исполать мужественному директору заповедника, отстоявшему-таки свои вековые боры!

Заповеднику предписывают то заняться постройкой свинарников для колхозов, то организацией промышленных лесозаготовок.

Если кое-кто из руководителей хозяйственной жизни в Воронежской области так недооценивает значение заповедника, не приходится удивляться, что у окрестного населения выработалось нездоровое отношение к целостности и сохранности его угодий. Жители соседних деревень и поселка при станции Графская не желают считаться ни с какими запретными режимами. На территории заповедника самовольно собирают валежник (а если удастся, и дубок прихватят!), ходят по грибы и ягоды, пасут скот. Мы видели огороженные кварталы с надписью «зона покоя» или «зона особого режима» со сплошь поломанными кустами лещины, изрядно вытоптаннами любителями орехов. На крохотном клюквенном болотце, особо ценном и редком в лесостепной полосе госте далекой тайги, кочки оказались сплошь ободранными — мох нужен на постройки. Луговые угодья заповедника выкошены или отравлены скотом. И неспециалисту ясно, насколько путают всю картину, мешают работам ученых, а иногда сводят на нет данные многолетних наблюдений эти вторжения браконьеров всех калибров в их опытную лабораторию!

Надо сделать так, чтобы люди прониклись сознанием, что охрана заповедного режима (и вообще природы в широком смысле слова) — вопрос исключительной государственной важности. Наряду с разъяснительной работой необходимы, по-видимому, строгие запретные меры. Вдоль пересекающих заповедник дорог — излишне многочисленных — поставлены столбы с надписями, предписывающими проезжим и прохожим не углубляться в лес, не курить, ничего не рвать и не собирать. Я могу ручаться, что посетившие при мне заповедник океанолог Беляев и его дочь Наташа оказались единственными гостями, уверовавшими в серьезность этих запретов. Они не брали растущие по обочинам дороги белые грибы, считая, что в заповеднике запрещено их срывать. Они старались ходить только по середине тропок, чтобы — сохрани боже! — как-либо не примять траву...

Отсутствие закона менее вредно, чем его несоблюдение, — так можно перефразировать старую английскую поговорку. Нет сомнения, что неукоснительное, даже педантичное соблюдение всех правил и норм, установленных для заповедников, — неотъемлемое условие выполнения ими своего назначения. У нас есть все возможности добиться того, чтобы их уважали. Для этого нужно признать во всеуслышание, так, чтобы отдалось в самых дальних уголках страны, что заповедники по своему значению для народа стоят в одном ряду с важнейшими объектами нашего хозяйства.

Однако справедливости ради следует сказать несколько слов упрека и по адресу администрации заповедника.

Мощный громкоговоритель в резиденции управления заповедника извергает резкие звуки, которые разносятся по окрестным лесам. А в трех десятках метров — бобровая ферма. Мне невольно вспомнился мой давнишний опыт в лисьем питомнике. Его первым заветом была тишина — непривычный и громкий шум вызывал у зверей приступы острого беспокойства, они суматошно металась по вольерам, бешено грызлись между собой. На мой взгляд, бобровая ферма вообще расположена неудачно. В непосредственном соседстве, сверху и снизу по речке, — шумный пляж и купальня. Всего лишь низенькая стенка отделяет ферму от двора управления с волейболом, привалами экскурсантов и административно-хозяйственным оживлением.

Репродуктор — не единственный трескучий агрегат. С ним успешно тягается гусеничный трактор. Его невообразимый треск должен действовать на пугливых оленей, как трещотка на лошадей в ночном. А сколько он крошит и портит кустарника и подлеска, прокладывая себе путь к лесным покосам или разворачиваясь на укромных лужках! Вполне нормально, если небольшой объем сельскохозяйственных работ заповедника, где так важно оберегать покой диких животных и птиц, будет выполняться с помощью конной тяги.

Кстати, о птицах. В заповеднике некоторых их видов так мало, что это бросается в глаза.

Редко попадаются на реке угки. Окончательно вывелся тетерев, хотя сравнительно недавно его было довольно много. Сколько я ни бродил по лесу, ни разу не

вспугнул вальдшнепа. Говорят, что певчих птиц в лесу становится все меньше, несмотря на развешанные всюду дулянки.

Все это стало понятным, когда я обнаружил следы енотовидной собаки. Где заводится этот бич охотничьих угодий (тем более вредный, что мы не хотим этого признать, а твердим, что акклиматизировали ценного пушного зверя), там не жди дичи! Енот во много раз губительнее для всей лесной живности, чем любая лиса. Та более всего пробавляется полевками, все остальное для нее случайная пожива и лакомство, к тому же поиск у нее раскидистый, с «огрехами». Эта же бестия прочесывает лес методично и неторопливо, не оставляя необысканным ни одного клочка. Птицам, гнездящимся на земле или в прибрежных зарослях, почти невозможно благополучно вывести свое потомство. По наблюдению орнитологов заповедника, енотовидная собака ухитряется похищать яйца или птенцов даже у таких больших и сильных птиц, как журавли.

Одно из назначений заповедника состоит в том, чтобы служить рассадником промысловых зверей и птиц, откуда бы они, естественно расселяясь, уплотняли смежные охотничьи угодья. Для этого необходимо, разумеется, чтобы в заповеднике не могли бесконтрольно размножаться хищники, тем более, если дело идет о виде, совершенно чуждом данной зоне.

Вопиющим фактом являются неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, в которых находятся научные сотрудники. Даже не верится, что здесь до сих пор не создан научный городок, что ученые ютятся в тесных домиках, где нет даже отдельного кабинета и элементарных удобств.

8

В этих лесах сохранилось несколько городищ, найдены следы древних землянок, тут и там лежит раскопанная в разное время земля. Немало холмиков оставили возле своих пробных ямок почвоведы.

— А это еще что? — говорю я своему вознице, с которым мы проезжаем мимо глубоких заросших ям неправильной формы. Лошадь идет шагом, и я рассматриваю медленно проплывающие возле нас крупные деревья, выросшие по крутым порогам. Особенно хороша одна береза — она, очевидно, когда-то оползла вместе с землей по краю ямы, наклонилась, потом все же выпрямилась всем толстым стволом, так что образовала могучее колено, круглящееся над ямой. Землю рыли в этом месте не менее чем полстолетия назад. Мне приходит на память легенда о Кудеяре.

— Должно быть, тут раскопали клад Кудеяра, — указываю я на яму спутнику, Васе Жигину, с которым немало побродил по заповеднику. Сын и внук лесников, он, закончив десятилетку, не захотел нигде работать, кроме как на вольном лесном просторе. Это работник заповедника по призванию, настоящий охранитель природы.

— Пустое все, — ответил он мне, подумав, и пожал плечами. — Вашего Кудеяра клад — это вроде той глины, никудышной, тощей глины, которую монахи копали в этих ямах. Если тот разбойник был на самом деле, да когда-нибудь нападут на его клад, ручаюсь, это окажется увесистый глиняный горшок с пятаками да медными нательными крестами. А настоящий клад, вот он где, кругом: наше «зеленое» золото — лес, наше «мягкое» золото — пушнина! А то рассказывают разную пустяковину...

Наступило молчание. Лошадь, отмахиваясь от слепней и дергая головой, с усилием тянула легкую линейку по глубоким песчаным колеям. Мы выехали загода, и времени до поезда оставалось с избытком.

В самом деле, думалось мне, прав, тысячу раз прав этот паренек! Вот они, открытые сокровища, подлинный клад: обступившие нас заповедные леса, населенные редчайшими зверями, оазис, оставленный среди распаханых степей, хоронное место, откуда еще много поколений русских людей будет черпать знания о своей природе и ее чудесных возможностях.

ГЕРМАН СОКОЛОВ

★

ПОГОВОРИМ О САДАХ

НЕНАВИСТНЫЕ ГРУШИ

Главный герой этих заметок — яблоко, но начну я с груши, вернее с явного невнимания к ней управляющего Крымским консервным трестом И. М. Швецова.

Вряд ли он равнодушен к вкусу этого чудного плода. Думаю, что товарищ Швецов отдаст должное достоинствам «франс-мадам», а «любимица Клаппа» — и его любимица. Однако странное дело: чем больше этих «дам» созревает в садах, вверенных заботам треста, тем больше мрачнеют его руководители.

Причину этой зависимости я узнал, когда весной прошлого года приехал в один из совхозов треста — «Предгорье». Вместе с его главным агрономом Михаилом Васильевичем Воробьевым мы ходили по обширному саду. На фоне спящих гор четко рисовались фруктовые деревья, похожие на старые дубы.

— С этих вот яблонь, — говорил агроном, — бригада Георгия Ивановича Копалина собирает столько кандилей, что Всесоюзная сельхозвыставка наградила его Большой золотой медалью и автомобилем «Победа»: по двадцать шесть с гаком тонн в среднем с каждого из шестнадцати гектаров. В восемь-девять раз больше, чем многие другие совхозы, не говоря уже о колхозах. Этим, конечно, все гордятся — и садоводы и работники Консервтреста... А вот груши, — Воробьев тяжело вздохнул, — никого не радуют. — И он горестно взглянул на высокие и окладистые «клаппы» и «франс-мадам».

— Плохо родят?

— В том-то и беда, что прекрасно родят. Но лучше бы их вовсе не было.

— Сорта плохие? — посочувствовал я агроному.

— Нет, сорта хорошие.

И тут он приоткрыл краешек завесы над тайной неприязни работников консервной промышленности к груше.

— Из-за своих твердых частиц — «песка» — груши не годятся ни на джем, ни на повидло, ни на соки. А компот, варенье готовить из них хлопотно: «песок» надо вычищать. Вот и портится груша на складе, «течет», а мы волнуемся, требуем наряды на отгрузку. Хоть и не собирай ее вовсе. Упала и пропала — ветер виноват, а привезли на склад — сам отвечай за потери.

Одного не мог объяснить Воробьев, — почему Консервтрест не продает дюшесы и бере свежими. Пришлось вернуться в Симферополь и спросить об этом в тресте. Там сказали, что крымские груши быстро портятся, не транспортабельны и вообще на них нет спроса.

Слушал я эту «новость» и вспоминал, что издавна Крым, а в особенности его Алуштинский район, славился грушами не меньше, чем виноградом и яблоками; что хотя сколько угодно груш получали из центрально-черноземных и украинских губерний, особое предпочтение отдавали крымчанкам; что еще до проведения железной дороги в Тавриду отправлялось из Крыма в Москву на лошадях примерно пять тысяч ящиков груш по пяти пудов в каждом. Двадцать пять тысяч пудов «нетранспортабельных» груш! И добились они преблагополучно.

В распоряжении наших консервщиков не сивки-каурки, а специально оборудованные вагоны-холодильники, большая техника. Значит, просто не умеют воспользоваться ею, вот и обвиняют груши в несвойственных им грехах.

Почему бы не поступать так: ранние сорта груш стараться поскорее сбить в санатории, магазины, часть посушить, а с поздними сортами можно и не торопиться. Ведь основная масса крымских груш это именно поздние сорта. Снимают их с деревьев в сентябре, октябре, и они могут сохраняться до весны. Это и хорошо! Летом и ранней осенью всякой плодовой благодати, арбузов, дынь много. А зимой...

Много ли прошлой зимой было даже в московских магазинах груш? Сколько ни искал, ни одной не нашел.

— Напрасно время теряли, — сказал мне заместитель начальника отдела завоза Московского городского плодовоовощного управления Сергей Андреевич Нехаев. — Прежде чем искать, вы бы сразу к нам за справкой обратились. В 1957 году в Москву было завезено примерно четыреста тонн груш. Капля в море! А ведь в не столь уж далекие времена в столицу ежегодно завозилось четыре-пять тысяч тонн груш...

Разговор о грушевой проблеме нужен уж хотя бы потому, что здесь особенно ярко проявляются межотраслевые конфликты, противоречия, диспропорции.

Видимо, есть у нас еще такие люди, которые не хотят заботиться о том, чтобы каждый плод был цельным, способным к дальним перевозкам, хранению. Конечно, куда легче растить не фрукты, а фруктовое сырье, превращаемое в джемы, подварки и прочие снадобья для кондитерской промышленности!

Нежелание и неумение многих садоводов, заготовителей, торговых организаций хранить фрукты и является, на мой взгляд, одной из главных причин фруктовой бедности в нашей стране. Между тем в последние годы садоводство у нас пошло на подъем. Однако важно не только вырастить хороший урожай плодов. Важно, чтобы больше яблок и груш попало на стол к потребителю.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Февральско-мартовский Пленум Центрального Комитета КПСС 1954 года охарактеризовал тогдашнее состояние садоводства как нетерпимое и наметил настолько точные пути к его развитию, что над садами словно пронесся освежающий ливень. Он смыл систему чрезмерных налогов на приусадебные сады и такой контракции колхозного урожая, при которой почти весь он сбывался заготовителям по очень низким ценам.

Весной 1956 года я наблюдал такие картины.

В колхозе имени Мичурина, Уколовского района, Белгородской области, впервые за много лет появилась садовая бригада. Руководитель ее окончил годичную школу садоводства. Я попал как раз на «урок» по обрезке деревьев. Сверкал под мартовским солнцем снег. Женщины в толстых платках, досадливо шуряя, работали, стоя на стремянках. Пожилая колхозница, закутанная так, что казалась ватной, спросила меня:

— Слышал, дорогой товарищ, половицу: «Семь лет мак урожая не давал, а никто не голодал»?

— Слышал.

— Так и на сады смотрели: уродит или нет — все едино. Скотина между воргулями да антоновками паслась, землю уталчивала. Ветви, словно у дичков, перепутались, гусеница царствовала.

— А теперь?

Она подняла вверх руку и потрясла ножовкой и секатором.

— Видишь, как вооружилась? Вон еще сколько снега, а уже копошусь. Так и все мы, садовницы: стараемся. Прошлым летом урожай ветви яблонь к земле клонил, рукавом свисали.

Казалось непостижимым, что усердие этих женщин так быстро возродило почти угасший сад и сделало его источником больших доходов. От продажи яблок колхоз выручил 365 тысяч рублей — лишь немногим меньше, чем за кориандр, самую выгодную культуру этих мест.

Побывал я и у воронежских садоводов. Вот плодовое хозяйство одного из колхозов Острогожского района. Что за чудо? Большая яблоня, две маленькие, опять несколько больших, за ними снова маленькие. Так во многих рядах.

Оказалось, что до последних лет сад не обрабатывался, деревья умирали. А потом, после Пленума ЦК КПСС, взялись за ум. Погибшие деревья заменили новыми, у яблонь появились заботливые воспитатели.

Колхозники смеялись:

— Когда задаром отдавали фрукты, мы с работой в саду «не справлялись». Но стоило садоводам только за сверхплановый урожай почти по червончику на трудодень получить, а колхоз выручил за фрукты полтора миллиона рублей — это около половины всех доходов, — стали справляться.

В Острогожском районе все больше появляется и приусадебных садов.

Рылеев писал об этих местах:

Там, где волны Острогожчи
В Сосну Тихую влились,
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрелись...

Среди «дубов сенистых» много диких груш, яблонь.

— У нас от дедов повелось, — рассказывал мне старый Лука Титыч Кокоткин из села Русская Тростянка, — всю овощь (под этим словом он подразумевал фрукты) мы в лесу добывали, сухаты делали (сушили), так по дворам садов и не было. А теперь, что и приключилось, хватъ — все в сады бросилсь...

Другое село — Хохол Тростянка — до войны все было в садах, потом они стали редкостью. А ныне вокруг белых и голубых домиков снова зазеленели яблони и груши. Подобные картины можно наблюдать и во многих других местах.

После XX съезда партии, отметившего, что в ближайшие годы нам надо иметь фруктов в полтора — два раза больше, садоводство пошло вперед еще быстрее.

Летом 1956 года партия и правительство снова напомнили о садоводстве. Было принято постановление «Об увеличении производства и заготовок плодов, ягод и винограда». В нем указывалось, что «садоводство и виноградарство в колхозах и совхозах являются наиболее отстающими отраслями сельского хозяйства». В постановлении говорилось, как надо бороться с низкой урожайностью и другими недостатками садов.

Заниматься садоводством стало еще выгоднее, так как заготовителям было разрешено приобретать фрукты по местным рыночным ценам, им дано право авансировать колхозы под будущий урожай фруктов. Магазины и столовые могут принимать плоды прямо от колхозов. Совхозы теперь отчисляют от продажи фруктов три процента на садоводческие нужды.

А сколько хорошего делается и сколько денег тратится, чтобы увеличить число питомников, выпускать больше машин и инвентаря для обработки старых садов и закладки новых, для быстрого роста коллективных рабочих садов и приусадебных садов колхозников!

Словом, государство всеми мерами поддерживает и поощряет развитие садоводства.

ГОЛУБАЯ МАРКА

Любопытные цифры мне сообщили.

В прошлом году в нашей стране было заготовлено и закуплено 800 тысяч тонн фруктов, на 220 тысяч тонн больше, чем в 1956 году. Скачок изрядный. И все же этого огромного количества нам мало, еще весьма недостаточно достается населению садовых витаминов.

Великие преимущества колхозного и совхозного производства, наши пространства, благодатный климат, издавна сложившиеся садоводческие традиции, продвижение садов далеко на север — все это решительно в нашу пользу. Почему же не хватает фруктов? По-видимому, потому, что мы еще плохо хозяйствуем, не приучились собирать и доводить до потребителя весь плодовый урожай.

Загляните в садоводческую «глубинку», ну хотя бы в горы Кубани. Обидно видеть, как осыпается на землю, например, кальвиль белый зимний, прозванный королем вкуса и действительно превосходный по сочетанию сладости, кислоты, пряности, аромата. Для себя припасли хозяева, остальное продать некому, до города добираться далеко, вот никто яблок и не собирает.

Не знают, кому сбывать груши и яблоки, также колхозы некоторых горных районов Азербайджана и других садоводческих мест.

— Звонишь в горпищеторг по десять раз: берите фрукты — не берут, — рассказы-вают в Россошанском районе Воронежской области. — Посылаешь грузовики с ябло-ками за девяносто километров на винодельческий завод, но там рады бы взять, да класть некуда, вся тара заполнена. Вот и мечешься с яблоками, а они портятся.

В Михайловском районе Запорожской области собрали обильный урожай плодов, а заготовителей нет. Яблоки начали портиться, и их... засилосовали.

— Силос получился — первый сорт! — хвалились мне колхозники. Может, и вправ-ду первый сорт, но вряд ли силосование яблок можно назвать первосортным спосо-бом их использования.

Не было бы таких историй, если бы михайловские колхозы сохраняли свежие яблоки до зимы. Ведь тогда и продать их выгоднее.

— Так-то оно так, но плодохранилищ нет, — слышим знакомое.

Но неужели так сложна проблема хранения фруктов? Да, не легка. Она решается не только тем, есть или нет в колхозе хранилище, — нужно так ухаживать за садом, так собирать и вывозить из него фрукты, чтобы они сохранялись. А это зависит не только от сорта яблок или груш.

Когда-то самые отборные фрукты называли «голубой маркой». При этом учиты-вали сорт, состояние и внешний вид плода — достаточно ли он крупный, не поврежден ли насекомыми, болезнями, градом, руками сборщика или перевозкой.

Осторожно снятые с дерева плоды долго сохраняют свой вкус, не портятся. Нехитрые, но обязательные правила съема фруктов с дерева, укладки их в ящики, пере-возки и переноски составляют целый кодекс.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.—

писал Пушкин. Для садовника «краса ногтей» вопрос производственный: царапни длин-ным ногтем плод — он начнет гнить. Нежные груши надо обрывать, не прикасаясь к ним даже ладонью. Яблоко с длинной плодоножкой, наоборот, охватывают всей рукой, обрывают непременно вверх, упираясь указательным пальцем в то место ветки, где к ней прикреплена плодоножка. По-другому необходимо срывать яблоки с коротким хвостиком. И корзинки для укладки сорванных плодов должны быть особые. В общем, много надо соблюсти правил, чтобы получить голубую марку. Да и будущий урожай может снизиться оттого, что безграмотно собирают нынешний.

Еще недавно в Крыму заготовители строго следили, чтобы сборщики урожая не нарушали правил съема плодов. Заместитель председателя Крымского облпотреб-союза И. П. Дроздов, выезжая в колхозы, клал в карман ножницы и немедленно пускал их в ход, когда замечал, что сборщики не сделали необходимого маникюра.

Передовые совхозы, колхозы и теперь отправляют в разные концы Союза яблоки, способные долго храниться, — крепкие, чистые, блестящие, как бильярдный шар.

Но частенько бывает так. Спросишь садовода:

— Скоро начнете сбор урожая?

— Ждем хорошего ветра.

— Но ведь он стряхнет яблоки и побьет.

— Побьет, — соглашается собеседник, — да ведь нам с ними не панькаться, не хра-нить...

Вот он где, корень зла! «Ветренные» способы уборки урожая приводят к тому, что даже поздние сорта портятся вскоре после сбора.

А потворствуют этим способам те, кто обязан снабжать нас первосортными фрук-тами, — заготовители.

О «МУСКУЛАТУРЕ» ДЕРЕВА

Низкой культурой сбора плодов объясняется и тот факт, что многие сады не защищены от ветра.

Летом 1956 года в колхозе имени Хрущева, Бахчисарайского района, Крымской области, за одну ночь обрушилась на землю пятая часть урожая. Сильно пострадали и деревья. Еще больше бед причинил ветер другим колхозным садам того же района. Речь здесь идет о потерях, вызванных одним шквалом. А ведь за лето их немало бывает.

Но кто же виноват в своеволии ветра? Конечно, колхозы и совхозы. Ветрозащитные лесополосы, как и рощи для заготовки подпор (они называются чаталами) под ветви, надо создавать еще до того, как сад посажен. А о них сплошь и рядом не думают ни до, ни после.

Вина за своеволие ветра ложится и на деятелей науки по плодоводству, которые не помогают с ним бороться. В больших садах тысячи подпор мешают уходу, иногда поэтому их и не подставляют под деревья. Крымская плодовая опытная станция придумала «зонтичную чаталовку». В некоторых странах сучья скрепляют так, что, даже густо увешанные плодами и даже при ветре, они не могут далеко отклоняться от ствола. Разве не имеет смысла широко популяризировать эти способы среди наших садоводов?

Всесоюзный научно-исследовательский институт консервной и овощесушильной промышленности, Крымская плодовая станция дальше единичных опытов не идут. Ставят они их уже давно, считают удачными, а в колхозах и совхозах фрукты по-прежнему падают и падают на землю, становясь недостойными голубой марки.

В Китае тоже обходятся без чатал. В середине кроны укрепляют длинный шест, охватывают веревками из рисовой соломы ветви и притягивают к нему. В таких местах, как Средняя Азия, можно было бы делать точно так же, а в других районах рисовые веревки легко заменить пеньковыми или какими-либо другими. Особенно широкое распространение китайский способ получит в любительских садах, но для этого надо сделать его повсеместно известным.

Можно еще более дешевым и удобным способом помешать ветру ломать ветви с плодами. Для этого надо укрепить «мускулы» самих ветвей и ствола. Почему иные старые деревья выдерживают без подпор груз плодов весом до одной тонны? Они сформированы так, что толстые концы ветвей глубоко вросли в ствол. Соподчиненность ствола и ветвей, угол отхода ветвей имеют решающее значение для прочности дерева. Значит, чаталовка отнюдь не обязательное условие и фруктовые деревья можно сделать прочными, так сказать, от рождения?

Тут выступает на сцену борьба мнений о преимуществах разных типов формирования деревьев. Что ни садовод, то иной взгляд. Но практика давнего садоводства на Украине, на Кавказе и современного — в Канаде и других зарубежных странах показывает, что в товарном плодоводстве надо предпочитать такую обрезку деревьев, которая укрепляет всю «мускулатуру» дерева.

Кто не бывал в наших больших садоводческих совхозах и колхозах, тот плохо представляет себе, сколь сложна обычная чаталовка. Под каждым деревом воздвигается целое сооружение — толстые жерди, вбитые в землю вертикально, тонкие горизонтальные жерди, прикрепленные мочалой и веревками к первым. Это целые строительные леса. В таких совхозах, как «Агроном», «Сад-гигант», приходится ежегодно ставить, а после уборки урожая укладывать в штабеля десятки тысяч подпор. Но ведь можно обойтись без подпор.

Пора нашим научным учреждениям по плодоводству и работникам питомников выработать такую методику кронирования и обрезки деревьев, которая сделала бы ненужной не только заготовку и расстановку в садах миллионов подпор, но и зонтичную, америкапскую, китайскую и всякие иные виды искусственной поддержки плодового урожая на ветвях. Пусть ветви сами его держат!

«НАСЫПОМ»

Частенько бывает и такое. Вот, скажем, в азербайджанском колхозе «Путь к коммунизму» Кубинского района, располагающем огромным садом, собран большой урожай. Очень хорошо! Теперь надо его реализовать.

— Сколько там у нас ящиков?

— По одному на гектар! Как будем транспортировать?

— Запрягай буйволов!

И поехала львиная доля урожая в город «насыпом» в трясучей арбе или в грузовике. И выгружали этот урожай, просто опрокидывая кузов арбы или выбрасывая яблоки лопатой.

— В двадцатые годы, — вспоминает старый московский фруктощик Сергей Андреевич Нехаев, — я работал товароведом на складе у Киевского вокзала. Заложим, бывало, осенью на хранение около тысячи тонн ренета шампанского, шафрана красного, розмарина и до самого мая почти и не заглядываем в ящики: знаем, что голубая марка не подведет. Перебирать и периодически отбраковывать яблоки не приходилось. Поэтому и работали на этом складе всего-навсего кладовщик да я. Теперь при той же емкости склада десять работниц систематически перебирают яблоки, отбрасывая порченные. И все же редко-редко удается сохранить яблоки до весны.

Вот одна из иллюстраций к словам Нехаева. 30 ноября 1957 года со станции Хачмас в Азербайджане отбыл специально оборудованный поезд с продукцией плодового совхоза № 12. Такие прежде и не снились — отдельный вагон для проводников, установки для подачи искусственного холода или тепла в вагоны, загруженные фруктами. Для сохранения их всегда поддерживается нужная температура.

Поезд с яблоками прибыл в Москву. Явились эксперты. Читаю написанную ими справку. В одном ящике испортилось больше двадцати, в другом — двадцать три, в третьем — двадцать четыре процента яблок.

Это самые неблагоприятные ящики. Но и в остальных много гнилья, а еще больше «нестандартных» плодов. В тысячах ящиков — ни одного первосортного яблочка! Вот и пришлось значительную долю груза поскорее сбыть на переработку. И все это произошло из-за того, что яблоки в совхозе хранились небрежно, а при отправке были погружены в ящики насыпом.

Обидно, когда видишь, как снятые с деревьев фрукты портятся под открытым небом или под навесами, потому что нет тары. Как это нелепо в нашей лесной стране!

Но чем же порождается ящичный голод?

...Мы в Москве, на площади Ногина, в одном из корпусов огромного темно-серого дома, где некогда помещался Высший совет народного хозяйства, потом Министерство тяжелой промышленности СССР. Теперь тут Госплан Союза.

Вхожу в кабинет товарища А. А. Князева. Узнав о цели моего визита, он сказал:

— Я чуть не каждый день «молнии» получаю. Там яйца скопились — нет ящиков для вывозки, в другом месте не во что укладывать тысячи банок с консервами. Молнируют и рыбники и маслоделы. Так что, — закончил начальник отдела сбыта тарных лесоматериалов Госплана СССР, — насколько страна нуждается в таре, и не только для фруктов, мне хорошо известно.

— Но где же тара? — вырвалось у меня.

— В опилках! — ответил Александр Александрович.

Постепенно, в ходе дальнейшей беседы, многое для меня прояснилось. Мы теряем массу фруктов и попусту сводим целые леса только потому, что в лесной промышленности крепко держатся допотопных методов изготовления тарных дощечек. Толщина их 8—10 миллиметров. Когда из широкой доски или бруска выпиливают такую полосу, то соседние четыре миллиметра летят в опилки. А ведь ежегодно нужно великое множество тарных дощечек. В нынешнем году, например, на изготовление деревянной тары и упаковки будет израсходовано свыше двадцати миллионов кубометров древесины!

Короче говоря, проблема фруктового ящика — это проблема дощечки, а проблема дощечки — это проблема ее изготовления. Обычно леспромхозы, лесопильные, тарные заводы распиливают древесину круглыми пилами, которые слишком толсты, поэтому и крошат так беспощадно доски, бруски и стволы. Заводы под разными предлогами

делают толстые дощечки, это им «выгоднее». В результате ящиков выходит меньше, чем предполагалось получить из того же количества древесины.

Но вот что интересно: при изготовлении фруктовых ящиков можно, оказывается, избежать больших потерь древесины, не превращать ее в горы опилок. Для этого надо ее не пилить, а резать, как в столовых и магазинах на особых машинках режут хлеб и колбасу.

Работнику лесной промышленности слышится музыка уже в самом названии: станок безопилочного резания. Но есть ли у нас эти замечательные станки?

По этому вопросу, сказали мне, пусть выскажется товарищ Товстолес.

В январский метельный день автобус везет меня по Ленинградскому шоссе в подмосковный город Химки.

Большое здание украшено вывеской: ЦНИИМОД. Это означает: Центральный научно-исследовательский институт механической обработки древесины.

Директор института Михаил Дмитриевич Товстолес еще в 1950 году сконструировал станок безопилочного резания, нареченный им «НТД» — ножевая тарная дощечка. За диссертацию об этой конструкции автору присвоили ученую степень кандидата наук. В институте я его, к сожалению, не застал, а заместитель директора по научной части Дмитрий Семенович Рожков очень удивился, услышав, что меня интересует, как ЦНИИМОД помогает заготовке фруктов.

— Позвольте, но какое отношение мы имеем к этому делу?

Я рассказал о ящичной проблеме, проявил желание узнать о судьбе чудодейственного «НТД». И узнал, что один из московских заводов еще в 1954 году выпустил тридцать таких станков.

— Но где же они?

Дмитрий Семенович недоуменно пожал плечами и направил меня за ответом к товарищу Шевчуку.

Пока я слушал аспиранта Кузьму Тихоновича Шевчука, мне казалось, будто вижу, как непрерывным потоком тонкие дощечки несутся в сады, превращаются в ящики и как эти ящики наполняются фруктами.

В самом деле, разве «НТД» не в состоянии разом решить проблему тары? Ведь это какой-то «ТУ-114» в производстве ящичной дощечки! На самых лучших круглопильных станках за одну смену изготавливают 13 тысяч погонных метров дощечки, а на новом станке — 45 тысяч! Из-под круглых пил вылетает ливень опилок, а «НТД» превращает в дощечки 95 процентов перерабатываемой древесины. Но... воз и ныне там.

За внедрение новых станков ответственно Министерство лесной промышленности, это само собой разумеется. Но разве ЦНИИМОД во главе с его директором может оставаться равнодушным к судьбе своего детища?

Оказывается, может. Четыре года прошло с тех пор, как выпущены станки, а М. Д. Товстолес, как он сам признался (разговор с ним все-таки состоялся), не побывал ни на одном из заводов, где работают его «НТД». Родился станок, ну и ладно!

Удалось выяснить, что из тридцати выпущенных в свет станков «НТД» два находились на опытных заводах ЦНИИМОДа, а из остальных эксплуатировалось не больше половины. Да и те далеко не полностью были загружены.

Может быть, «НТД» плохо работают, поэтому их и не используют? Нет. Например, работники Тираспольского лесотарного завода имени Котовского не нахвоятся новым станком. Довольны им и на Красноярском деревообрабатывающем комбинате.

Почему же бездействуют многие станки? Они попали в равнодушные, неумелые или просто «не в те» руки. В Кунгурском лесозаводе станок покоится на складе. Такой же удел двух «НТД» на Шарьинском лесокombинате Костромской области. Один станок попал в Домодедовский домостроительный комбинат Московской области — хотели изготавливать на нем паркетную дощечку, да так и не собрались. Несколько станков было отправлено на Дальний Восток, там они оказались лишними, и их пустили снова путешествовать.

Не знаю, сколько и каких марок станков нужно еще выпустить, для того чтобы нормально снабжать потребителей тарной дощечкой. Но мне кажется, что если стряхнуть пыль годов со всех уже выпущенных «НТД», наладить их серийное производство и толково распределить станки по заводам, специализированным на выпуске тары,

снабдить эти заводы достаточным количеством древесины, то уже в текущем или, в худшем случае, в будущем году фрукты перестанут портиться из-за того, что не хватает ящиков.

И еще: надо строить плодохранилища на всем пути яблока от сада до магазина — в колхозах, совхозах, районных центрах, городах. Тогда можно будет дольше хранить хотя бы те яблоки, которые не ветром сбиты с дерева, а сняты умелыми руками сборщиц.

ПРЕПАРАТЫ И АППАРАТЫ

Мы говорили пока лишь о потерях из-за неправильного сбора, заготовки и хранения плодов. Но, пожалуй, самый большой урон причиняют нам вредные насекомые.

За последние годы изобретено много ценных химических препаратов для уничтожения вредителей. Но нельзя сказать, что песенка садовых вредителей спета. Куда там! Некоторые виды паразитов, например плодовые клещики, в прежнее время водились редко, а теперь стали бичом наших садов. Наиболее распространенные препараты — гексахлоран и ДДТ — истребляют сосущих и грызущих насекомых, но не страшны клещикам. А охотятся на них как раз некоторые из тех насекомых, которых убивают ДДТ и гексахлоран. Таким образом, широкое применение новых препаратов в известной степени нарушило законы биологической борьбы в природе. Нередко после исчезновения одних вредителей появляются другие. Значит, нужны такие ядохимикаты, которые способны уничтожить одновременно всех вредителей и возбудителей болезней. Или же нужен ассортимент средств против разных вредителей и болезней.

К сожалению, даже то, что химическая промышленность сейчас производит для садоводов, не всегда может быть ими использовано, особенно если иметь в виду владельцев небольших садов. Допустим, вам требуется триста граммов карболинеума, истребляющего яички многих вредителей и даже неуязвимых клещей. А вам предлагают цистерну этого снадобья. Выходит, что садоводы именно потому остро нуждаются в карболинеуме, что его слишком много. Работники химической промышленности неизменно повторяют: нет у нас оборудования для расфасовки ядохимикатов.

Нужна организация в торговой сети или кооперации системы расфасовки всех средств борьбы с вредителями наподобие того, как это имеет место хотя бы в чайной торговле. И сделать это надо поскорее.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров от 30 июня 1956 года записано, что Министерство сельского хозяйства СССР и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина должны «в месячный срок (разрядка моя. — Г. С.) разработать обязательный набор ядохимикатов для борьбы с вредителями и болезнями садов и виноградников», а Министерство химической промышленности должно «организовать в 1957—1958 гг. выпуск этих ядохимикатов в мелкой расфасовке для продажи населению».

...В конце января нынешнего года я заглянул в Министерство химической промышленности. Старший инженер технического управления товарищ Яковлева, ведающая вопросами ядохимикатов, осторожно сказала:

— Полного набора ядохимикатов мы предложить не можем.

А неполный, добавлю от себя, мало отличается от того, какой продавался в магазинах года два назад.

Кроме препаратов, нужны и аппараты. В этом отношении больше всего обойдены опять-таки коллективные и индивидуальные сады рабочих и служащих. В прошлом году специальная комиссия, рассмотрев в Министерстве торговли СССР существующие образцы опрыскивателей и опылителей, пришла к выводу, что они совершенно не соответствуют запросам садоводов-любителей. Опыскиватель «ОРП» весит 21 килограмм. Для того чтобы заставить его действовать, надо с большим нажимом качнуть шток сотню раз.

Некоторых изобретателей этих механизмов можно назвать гипнотизерами. Правда, вредных козявок они не загипнотизировали, но зато тех людей, от которых зависело признание новых конструкций, — вполне. Аппараты-суррогаты были признаны эффективным оружием для борьбы с плодовойжоркой, щитовкой. Выпущены они в изряд-

ном количестве. Но Всесоюзное совещание по производственной оценке опрыскивателей, состоявшееся в 1956 году, единогласно высказалось за то, что «нужно пересмотреть порядок апробации, исключив возможность выпуска машин, недостаточно проведенных в производственных условиях (ОКП-15, ОКС и пр.), и снятия с производства машин, зарекомендовавших себя хорошей работой». Это свидетельствует о том, что иные конструкторы машин для борьбы с вредителями слишком любят свои кабинеты и плохо изучают практику садоводства.

Многие совхозы, колхозы, да и любители-садоводы твердо осуществляют систему — именно систему! — борьбы с гусеницами, плодовыми жучками, обеспечивающую своевременное уничтожение вредителей еще в зародыше. Но если бы это дело стало повсеместным и всесторонним!

В Белгородской области я видел, как самолеты опыливали подряд артельные и индивидуальные сады. В районе Алма-Аты машинно-тракторная станция в обязательном порядке обрабатывала ядохимикатами все сады, в том числе и любительские. Везде бы так! Тогда вредные насекомые не перелетали и не переползали бы из необработанных ядохимикатами садов в обработанные.

САДОВАЯ «СНАСТЬ»

Выпуск садового инвентаря все время увеличивается. Все больше появляется в садах всевозможных крупных машин.

Но нередко еще какой-то недодуманной, недоделанной остается наша садовая «снасть». Горы бумаги исписаны о садовом тракторе, а он все еще только в проектах. Правда, в самое последнее время изготовлены опытные образцы, однако указание партии и правительства о том, чтобы в 1958 году был налажен массовый выпуск садовых тракторов, пока что не реализовано.

Плохо и с мелким садовым инвентарем. В одном магазине вы достали полотно лопаты, теперь отправляйтесь в другие на поиски черенка. Качество многих лопат отвратительное — они гнутся, ломаются, а если приходится работать на щебенистых, твердых почвах, там они и вовсе «летят». Неужели же наша промышленность не может выпускать только хорошие лопаты? Казалось бы, смешно даже ставить такой вопрос.

А садовые грабли... Во дворе, где я живу, жильцы разбили большой сад. Сколько же острот и насмешек сыпалось на грабли, которыми нам пришлось работать! Это были какие-то модельки настоящих грабель.

Ясно, что недостатки садового инвентаря объясняются вовсе не тем, что наши заводы не умеют его изготавливать. Недавно на Алапаевском металлургическом заводе (Свердловская область) начали делать прочные, хорошей стали лопаты с крепким точным черенком. Будем надеяться, что этот почин поддержат и другие предприятия.

Долгое время все садоводы мира молились на Кундта. И действительно, этот дрезденский фабрикант выпускает отличные секаторы — садовые ножницы. Но вот Московский завод внутришлифовальных станков изготовил секаторы, которые, по словам специалистов, затмили Кундта.

Несомненно то, что развитие садоводства требует изменения и организации производства садового инвентаря. Надо кончать с распыленностью, бессистемностью этого дела. Сейчас инвентарь выпускают цехи ширпотреба крупных заводов и промысловые артели. Для заводов это занятие десятистепенного значения, а у промартелей вечно ощущается недостаток нужного сырья. Хорошо было бы создать кое-какие специализированные предприятия по производству отдельных, а может быть, даже и многих видов инвентаря. По-видимому, это имеет прямое отношение к совнархозам тех экономических районов, где сильно распространено садоводство.

Растет потребность в оборудовании для обработки собранного урожая. Надо учесть, что уборка его поглощает около сорока процентов годовых затрат труда в садоводстве.

Приспособления сравнительно быстрой сортировки урожая придуманы. Вот, например, система Львовского. Ее применяют некоторые совхозы и плодоовощные ба-

зы Краснодарского края, Липешкой, Рязанской, Крымской областей. «Сад-гигант», заменив этой системой прежние, экономит триста тысяч рублей в год. В совхозе «Агроном» система Львовского увеличила производительность труда сборщиц урожая почти вдвое.

Суть изобретения в следующем. Прежде плоды пересыпались из корзин в ящики, оттуда — в бурты, снова в ящики. Оказалось, ссыпать плоды в бурт не требуется, не нужно переносить руками и ящики — это делают роляганги. Повысилось качество сортировки и упаковки плодов, экономятся упаковочные материалы.

Система Львовского дважды демонстрировалась на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Но автор является как бы невидимкой. Он не экспонент, не участник выставки. Система участвует, а автор нет.

В числе других ценных предложений изобретателя есть проект плодоупаковочного комбайна. Сортировка, упаковка проводятся прямо под деревьями. Это устраняет ненужные переброски плодов, позволяет прямо из сада доставлять их к станциям отправления.

Опытный комбайн Львовского построили в совхозе «Весна» Крымской области. Однако испытание его прошло поверхностно и поспешно, после чего конструкция, на которую затратили 200 тысяч рублей, была заброшена и растащена по винтику.

Существуют и другие системы механизированной сортировки плодов. Но большей частью эта работа проводится даже совхозами, не говоря уже о колхозах, очень кустарно. «Отход» плодов получается недопустимо большой.

ПРИЗРАЧНЫЕ ГЕКТАРЫ

«Человек, посадивший дерево, даром прожил жизнь», — говорят на Востоке. Вероятно, под словом «посадивший» подразумевается «и вырастивший».

До недавнего времени многие забывали об этой «оговорке». Торжественные обещания заложить сады принимались с легкой совестью. Потом легели победные рапорты: «Обязательство выполнили, посадили!» А через короткое время от посаженного, глядишь, ничего не осталось.

Так возникают призрачные гектары. Несколько лет назад в колхозе имени Хрущева, Панинского района, Воронежской области, зазеленел на восьми гектарах молодой сад. Но к зиме не обвязали деревца колючими стеблями и...

— Стоят наши яблоньки, как березочки белые, — вздыхают колхозники.

Зайцы обглодали кору. И сколько же бывает подобных случаев! Деньги, труд пропадают оттого, что люди, разбив сад, не обеспечивают надлежащего ухода за ним.

Сейчас, когда сажается много новых садов, необходимо в каждом отдельном случае серьезно взвешивать, соответствует ли площадь нового сада возможностям его обработки и уборки садового урожая. Партия борется с навязыванием колхозам планов размещения сельскохозяйственных культур. Колхозники сами, с учетом своих возможностей, местных условий, планируют наиболее рациональное развитие тех или иных отраслей артельного хозяйства. Это относится и к разбивке садов.

Думается, что заслуживает внимания такое предложение. Результаты садоводства надо оценивать не по числу гектаров, а по числу живых деревьев на гектаре и по средней его урожайности.

Можно привести много примеров высокой урожайности, которой добились наши садоводы. Но что сказать о гектаре, дающем в среднем по пятнадцати центнеров фруктов. Это только название — «гектар», а по существу — призрак.

Пути борьбы за полноценность сада ясны. Яблоня — перекрестно опыляющееся растение. Ей не нравятся «женихи» своего рода-племени, непременно нужны чужие. Только пыльца чужака хорошо оплодотворяет цветок, только тогда завязывается достаточно плодов. Но далеко не каждый питомник выращивает «комплектные» саженцы. Отпуская садоводу известное число деревьев таких-то сортов, надо бы одновременно давать столько-то саженцев других, определенных сортов. Закладывая новый сад, пополняя старый, этого правила не всегда придерживаются, тем самым заранее обрекая себя на сбор низких урожаев.

Как же так? Столько у нас питомников, опытных станций, селекционеров, замечательных отечественных сортов, столько коллекций зарубежных сортов, а нужного ассортимента не подберешь.

Дело в серьезном просчете министерств сельского хозяйства, а также местных органов. Организуют они, скажем, питомник и начинают высевать семена яблони, груши. Семена всходят. На эти всходы-сеянцы нужно привить желательные сорта. Но где их взять? Был бы подходящий подбор в питомнике, можно настричь сколько угодно веточек-черенков необходимых сортов, срезать с них глазки (почки) и окулировать сеянцы. Но так как эти желательные сорта бывают не всегда, то окулируют чем попало. Так и получается потом «некомплект».

В маточном, то есть являющемся источником окулировочного материала, саду Симферопольского питомниководческого совхоза совсем недавно были деревья всего четырех сортов. Агрономы этого совхоза Абрам Яковлевич Бакши и Борис Николаевич Танкевич, люди пожилые, отправились аж за Судак и, превратившись в тарзанов, забрались там на старые груши. Они состригли сотни черенков, поспешили домой, привили буздурган и другие лучшие сорта груши на сеянцы. Хорошее дело сделали, но не пришлось бы им на груши лазить в полуторасти километрах от питомника, если бы он располагался хорошим маточным садом.

Убожество маточных садов — картина нередкая. В период окулировки между питомниками идет война из-за черенков, их ищут в колхозах, совхозах, часто не находят того, что нужно, и прививают первое подвернувшееся под руку.

Закладка сада из «комплектных» саженцев целой серии сортов, поспевающих в разное время, позволяет создать «конвейер созревания». Он делает ненужными уборочные авралы, помогает избежать порчи массы фруктов и равномерно подает их в магазины и на консервные заводы.

Пора освободиться также от старого предрассудка, что сады плодоносят резко периодически.

Вот сад большого совхоза. Яблони ломаются от богатого урожая. Матово светятся в листве бледно-лимонные ренеты шампанские, слегка зарумянились большие желтые бельфлеры, пылают громадные яблоки сорта «кехура», травянисто-зеленые, с ярким румянцем во всю щеку кандиль-синапы выделяются своей стаканчатой формой. А в соседнем саду плодов почти не заметно.

— В нынешнем году он отдыхает, — говорят нам, — законным отпуском пользуется. Что ж, такова биология яблони.

Но ведь рядом находящийся сад уродил хорошо не только теперь, но и прошлым летом. Как же с «отпуском», якобы полагавшимся по всем законам природы? Ларчик открывается просто: здесь люди исходили из мичуринского положения, которое указывает, что яблоневый сад, особенно если говорить о некоторых сортах, способен плодоносить ежегодно, только бы правильно ухаживали за ним. Такие сады есть в Грузии, на Украине и в других республиках.

КАРЛИКИ

Немало могло бы помочь ежегодному плодоношению распространение карликовых и полукарликовых деревьев.

С детства мы знаем и любим сказочных гномов, длиннобородых человечков, которые вершат добрые дела. Среди деревьев — не мифических, а реальных — тоже есть своеобразные гномы, и им тоже под силу большие свершения. Эти деревья-карлики получают от прививки культурной яблони на дикую яблоню-парадизку, или культурной груши на некоторые виды айвы.

Карлики начинают плодоносить на второй или третий год после посадки, еще года через два они дают четыре-пять тонн плодов с гектара, а с десятилетнего карлика, когда на высокорослых деревьях некоторых сортов только появляются первые плоды, собирают уже до шестнадцати килограммов фруктов. Восемь зеленых гномов умещаются на таком пространстве, которое отводится одной высокорослой антоновке. Зеленые карлики в первые двадцать лет своей жизни дают значительно больше

фруктов, чем высокие деревья такого же возраста на такой же площади. Плоды эти лучше, они особенно крупны и сладки — каждому достается много света и тепла. Небольшие деревья позволяют садовнику, стоя на земле, разглядеть и собрать руками чуть не каждую гусеницу, производить обрезку кроны, собирать урожай.

В карликовых деревьях нуждаются не только приусадебные и коллективные сады предприятий, но и сады колхозные, совхозные. Пока в молодых садах разрастаются сильнорослые деревья, промежутки между ними обычно занимают недолговечными небольшими деревцами, — на юге, например, персиками. Это мешает борьбе с вредителями: когда надо опрыскивать яблони, зацветает персик. Вот почему в высокорослом яблоневом саду наилучшими «заполнителями» явятся карлики-яблони, в грушевом — карлики-груши.

Не обойтись без этих лилипутов и в том случае, если мы хотим возродить некоторые почти исчезнувшие сорта. В Крыму кальвиль белый зимний дает хороший урожай гольки на карликах. То же относится к ряду сортов груши.

Нужно очень, очень много зеленых гномов. Их могли бы дать вновь организованные питомники или специальные отделения старых во всех садоводческих районах юга и центральной полосы. В этом случае мы получим дополнительно миллионы тонн фруктов.

ПРОПАГАНДА САДОВОДСТВА

За последнее время Сельхозгиз и местные издательства выпустили ряд книг по садоводству. Содержание их обычно носит несколько общий характер — как заложить сад, как ухаживать за ним. Советы полезные, но садоводы нуждаются также в повседневном освещении передового опыта и науки.

У нас издается лишь один центральный журнал по садоводству, да и тот выходит по совместительству: недаром он называется «Сад и огород». Кстати сказать, вопросы огородничества в этом журнале преимущественно занимают первые места.

Золотым фондом явились бы сборники советов старых садовников. Еще в 1901 году один из них — крымчанин Поляков — был награжден серебряной медалью за зимнюю прививку подвоев, ускоряющую получение саженцев на юге на один-два года. Вдвоем с женой он проводил зимой до шестидесяти тысяч прививок. Как важно было бы сделать широко известным этот метод, ведь наши питомники могли бы намного лучше скорее удовлетворять огромную потребность в саженцах. Другому крымскому садовнику — Владимиру Францевичу Шульцу — сейчас более ста лет. Он тонкий мастер шпалерной культуры деревьев-карликов. Разве не интересно было бы описать приемы его работы?

Особенно бедна литература об истории садоводства, о тех его деятелях, которые должны служить образцом для юношества.

Кто не любит яблоко симиренко, но многие ли знают, что название этого несравненного сорта произошло от фамилии его создателя Льва Платоновича Симиренко? Одним своим сортом он создал бессмертную поэму в садоводстве. Вся Южная Украина, Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия — точнее, на всем юге и юго-востоке нашей страны, — этот сорт дает богатый урожай, чудные плоды его сохраняются чуть ли не до нового урожая.

Фундаментальный труд Симиренко «Крымское промышленное плодоводство» вышел в 1912 году. Эта увлекательная для каждого читателя, богато иллюстрированная книга, несмотря на некоторые устаревшие и неверные положения, до сих пор не потеряла своих достоинств. Пожелаем, чтобы хоть после почти пятидесятилетнего перерыва книга была переиздана, а о самом Симиренко написана монография.

Горьким упреком нашим современным ученым-садоводам является то, что в энциклопедиях нет имени Н. И. Кичунова, которому Мичурин писал в 1926 году: «Исполать и глубокий поклон, Вам, Николай Иванович, за Ваш колоссальный по пользе дар русскому садоводству». Говоря о книге Кичунова «Плодоводство Америки», Иван Владимирович отмечал, что так мог написать «лишь человек, слишком глубоко и всесторонне знающий и любящий дело плодоводства во всех его мельчайших деталях».

Все сказанное относится и к некоторым другим нашим и зарубежным садоводам.

ЯБЛОКИ ЗДОРОВЬЯ

Обыкновенное яблоко обладает чудодейственным свойством переводить румянец со своих щечек на щеки того или той, кто его ест.

Стремясь заменить аптеку садом, в котором росли бы «яблоки здоровья», Мичурин создал салицил-китайку и писал, что плоды ее «сладко-салицилового вкуса». Но ведь и в любом яблоке спрятано наше здоровье. Яблоки содержат кроветворные и омолаживающие вещества — глюкозу, сахарозу, фруктозу, яблочную и лимонную кислоты, витамины, окись железа, марганец, кальций, столь необходимые для предупреждения и лечения желудочных, сердечных и нервных заболеваний.

В Тбилиси заслуженный деятель науки Нерсес Захарович Умиков, изучавший лечебное применение фруктов, рассказал мне:

— Еще Плиний, не Кай Плиний Цецилий Секунд, то есть не Плиний Младший, древнеримский писатель и государственный деятель, а Плиний Старший, тоже писатель и ученый, оценил яблоко как лекарство. Гангренозные язвы — понимаете, гангренозные! — он заживлял, прикладывая к ним гнилые яблоки...

Близилась сумерки. Усадив меня в кресло, Нерсес Захарович ходил мелкими шажками по большой гостиной, уставленной старинной мебелью, и, казалось, вглядывался в глубины истории.

— Врач семнадцатого века Гофман, — говорил он, — соком жареных яблок смягчал страдания подагриков.

Мой собеседник припомнил случаи избавления от ревматизма, склероза, каменной болезни. Органическими солями калия, танином яблоки разрушают шлаки в организме, вызывающие эти заболевания. Умиков называет доктора Степанова, который смесью яблок с творогом избавлял от отеков, профессора Маслова, лечившего яблоками кишечные заболевания.

Но наилучшая похвала яблокам... сам рассказчик. Фрукты давно занимали видное место в его питании, и это он считал главной причиной своего долголетия. Когда я с ним познакомился, ему шел девяносто второй год, он принимал больных в поликлинике и на дому, писал научные труды, и рука его, вводя иглу шприца в тело больного, не дрожала.

Чем больше будет у нас фруктов, тем больше будет и «молодых» стариков, вроде Нерсеса Захаровича, тем реже придется бывать в аптеках.

Еще не так давно садоводство было у нас на мели. Теперь заботами партии и правительства оно поставлено в глубокий правильный фарватер. Но расчистку его надо продолжать. Для этого требуется неослабное внимание народа, взыскательный и строгий спрос с «капитанов» садоводства в каждом районе, в каждом колхозе.

В некоторых садоводческих районах был такой обычай: из сада вносили в дом только что сорванные с ветки яблоки, а из подвала — прошлогодние. «Встреча» яблок символизировала высокое искусство садовника, сумевшего вырастить и сохранить столько фруктов, что их хватало от одного урожая до другого.

Хорошо бы завести такую традицию во всех садоводческих районах нашей страны, выращивать столько антоновки, пармена золотого, наполеона и прочих именитых граждан и граждан садового царства, чтобы они стали завсегдатаями в каждой советской семье.

Чтобы в каждом доме было, как описано в рассказе Бунина «Антоновские яблоки»: «Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок».

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ЛИДИЯ ОТМАР-ШТЕЙН

★

ВСТРЕЧИ С ФУРМАНОВЫМ

«Вот,— пишет Д. А. Фурманов в «Мятеже»,— девочка Лидочка, восемнадцатилетний несмышленыш, кристально-чистая и наивная, как дитя... Лидочка в те дни еще ничего-ничего не понимала: только улыбалась и торопилась скорей согласиться с тем, кого слушала,— боялась обидеть своим несогласием... А потом... Потом вместе с нами и она прошла трудный путь, вынесла и выдержала испытанья тех дней, когда смерть стучала по нашим вискам...»

Так-то бывает в жизни: от девичьих грез — на широкую дорогу классовых битв!»

Лидочка — это Лидия Августовна Отмар-Штейн, скромный помощник Фурманова в его работе в Туркестане, член партии с 1920 года. Ниже мы публикуем ее воспоминания о Фурманове.

Мне хочется рассказать здесь лишь о некоторых эпизодах из жизни Д. А. Фурманова, свидетелем которых довелось быть, о некоторых черточках его характера. Быть может, стоит поделиться и моими воспоминаниями о том, как рождался в Дмитрии Фурманове писатель.

МЫ ЗНАКОМИМСЯ

В августе 1919 года комиссар 25-й Чапаевской дивизии Дмитрий Андреевич Фурманов был откомандирован в политуправление Туркестанского фронта, которым командовал М. В. Фрунзе.

В те дни я, только что окончившая гимназию, воспитанная на произведениях Чернышевского, Добролюбова, Герцена, мучительно размышляла о том, чем же можно помочь народу в его борьбе за свободу и счастье. Как-то я прочла в нашей самарской газете призыв к интеллигенции отдать свои знания молодой Красной Армии, нуждающейся в грамотных, образованных людях. Под обращением стояли подписи М. Фрунзе и Д. Фурманов.

Вот тогда мне стало ясно, что надо делать...

По пыльной самарской улице иду к давно уже приглядевшемуся, но все еще такому таинственному зданию. На крыльце часовой у пулемета. Размашистая надпись на филенке двери: «Туркфронт. Политуправление».

Следом за высоким военным взбегаю по ступенькам. И вдруг оглушающе громкое: — А вы-то, барышня, куда?

Отступив на шаг, растерянно лепечу:

— Я?... Я к вам, то есть в Красную Армию... К Фурманову я! — и, гордая своей находчивостью, смело прохожу мимо часового.

Уверенность снова покинула меня, когда я переступила порог заветной комнаты

— Здравствуйте! — И, окончательно оробев, замолчала.

Быстрый взгляд глубоких темных глаз на молодом лице. Черный, военного покроя френч хорошо сидел на стройной фигуре. Вот он какой, оказывается!.. Встал, вышел из-за стола, протянул руку.

— Здравствуйте! — Выжидающе помолчал. потом непринужденно: — Давайте знакомиться. Я Фурманов. А вы?

— Я Лидочка... то есть...

Расхохотался.

— Лидочка? Превосходно! Прошу, садитесь, рассказывайте... Впрочем, извините, я только кончу работу.

И, давая мне возможность прийти в себя, углубился в какую-то бумагу.

Спустя несколько минут, узнав о моем желании связать свою жизнь с Красной Армией, с большевиками, комиссар спросил:

— Скажите, а что вы вообще знаете о большевиках?

В самом деле, что я знала о большевиках? В нашем доме размещались на постое командиры Красной Армии, я прислушивалась к их разговорам, и меня всегда поражала удивительная уверенность большевиков в правоте своего дела, какая-то особенная их душевная чистота. И сейчас я пришла сюда, к большевикам, потому что так подсказывало сердце, больше, чем разум; потому что верила в их искренность и хотела стать такой же, служить народу, бороться за его счастье.

Кажется, Фурманов сумел прочесть мои мысли. Он сочувственно улыбнулся, по молчал, провел рукой по волосам — его обычный жест.

В тот первый день знакомства наша беседа затянулась. Фурманов расспросил о моих ближайших и дальних намерениях, о семье, о личных друзьях. Потом я узнала, что в политуправлении мне надо будет печатать на пишущей машинке, вести всякого рода секретарские дела и вообще делать все, что мне поручат. Причем работать придется в весьма сложной обстановке, так как скоро предстоит двинуться в Туркестан.

— Сколько дней мне нужно на размышления? Ни одного, — твердо заявила я. — Согласна выполнять задания хоть сейчас.

КОГДА РАСКРЫВАЕТСЯ ДУША

Январь 1920 года. Разгромлен Колчак. По освобожденному пути эшелоны Красной Армии двинулись на Восток, на помощь народам Средней Азии в их борьбе с белогвардейцами, басмачами и английскими интервентами. В конце января отправился в Туркестан и штаб фронта во главе с Фрунзе.

От Самары до Ташкента ехали месяц. Это было необыкновенно сложное путешествие. Вот как описывал его Фрунзе в телеграмме Ленину: «Шестого февраля прибыли в Актюбинск. Условия передвижения неописуемы. Поезд два раза терпел крушение. Дорога в ужасном состоянии. Начиная от Оренбурга, все буквально замерзает. На топливо разрушаются станционные постройки, вагоны и прочее. Бедствия усиливаются свирепствующими буранами и заносами. Кроме воинских частей, работать некому, а части раздеты и разуты».

Медленно двигался поезд по снежным равнинам. За окнами неистовствовал ветер, гремели крыши вагонов, словно по ним кто-то бегал вперегонки. В эти долгие и физически очень трудные дни мы, «пассажиры», еще больше тянулись друг к другу. Мы становились проще, откровеннее, лучше раскрывался характер каждого. Такому единению во многом способствовал Дмитрий Андреевич.

Я пишу эти строки и вспоминаю статью Фурманова о постановке «Виринеи» на сцене Театра имени Вахтангова. Начинается она рассказом о том, как во время боя заплакал командир полка, узнав, что убили молодого разведчика Пашку Сычева. После боя спросили у командира, почему он плакал по одному только Пашке, и услышали в ответ:

— А свежее нутро у Пашки ты чуял?.. Из Пашки я себе смену готовил — он был крепче ротного и батальонного. Пашка только не взнуздан был, горяч, как молодой конь. Зато большую силу имел человек у себя в нутре. И я эту силу в нем заметил. Я хотел той силе линию дать, батальонных на место тех других сыщем, а вместо Пашки вот поискать, потому что хоть и озорной они народ, но редкий. Пашкина сила только линию одну и ждала.

Насколько мне известно, Пашка — личность реальная. Он был чапаевским бойцом и воспитанником Фурманова Павел Сычев, как и многие тогда, да и я сама, всей душой, всем существом тянулся к идеям Ленина, чувствуя «нутром» их великое

жизненное значение для миллионов рабочего люда. Фурманов умел высматривать, «чувять», находить таких людей, а потом пробуждать в них спящее, словно промывать им глаза, чтобы яснее видели вокруг.

Помню день, когда оба наши состава соединились в общей длительной остановке. Двигаться дальше нельзя: кончилось топливо. Во время этой вынужденной стоянки Фурманов часто приходил в наш вагон. По вечерам, при блеклом свете фонарей, собирались мы вокруг Дмитрия Андреевича — и лилась, лилась песня. Запевал всегда Фурманов. Как любил он петь! Румянец вспыхивал на лице, глаза блестели. Русский человек во всем, он страстно, всей душой любил русские народные и революционные песни. Поглядывая на жену, говорил:

— Ная, споем!

И они начинали тихо, выбирая для начала какую-либо старинную песню, а кончали бурно, обязательно боевой, вроде: «Смело мы в бой пойдем...»

Внутренний мир Фурманова раскрывался передо мной во время этих встреч, происходивших в необычайной обстановке нашего переезда, особенно тогда, когда он рассказывал о Чапаеве, о бойцах Чапаевской дивизии.

— Вы поймите, товарищи, — говорил Дмитрий Андреевич, — этот простой, малограмотный человек очнь хорошо представлял себе, что такое классовый враг. А в борьбе с этим врагом Чапаев не знал страха, потому что им руководила одна цель — преданность революции, постоянная готовность вступить в бой за нее, стремление добыть людям счастье.

Видимо, уже в те дни 1920 года Фурманов вынашивал мысль написать книгу о Чапаеве, он как бы уточнял для себя факты, образы, мысли. В дневниковых записях Фурманова сказано: «Думал, думал о разном, и вдруг стала проясняться у меня повесть, о которой думал неоднократно прежде, — мой Чапаев. Ее надо сделать прекрасной. Увлечен... увлечен, как никогда».

Март в Ташкенте — это уже полная весна. Синее небо, горячее солнце. Разительный контраст со снежным суровым февралем, с которым мы только что расстались. Аллеи пирамидальных тополей, быстрый узбекский говор, яркость одежды. Все вокруг было непривычным и потому привлекательным.

В Ташкенте мы пробыли недолго, так как вскоре Фурманов был назначен уполномоченным Реввоенсовета Туркестанского фронта в Семиречье.

Перед отъездом все вместе сфотографировались. Конечно, каждый подолгу прихорашивался. Я посмотрела на Фурманова. Уж он-то не подойдет к зеркалу. И в этот момент поймала его взгляд. В глазах Дмитрия Андреевича мелькнуло лукавство, он откинул голову назад и старательно пригладил волосы. Потом шутиливо кивнул мне. (Эту фотографию с автографом Фурманова я храню как реликвию.)

До станции Бурная добрались поездом. Оттуда до Верного (ныне Алма-Ата) шестьсот верст. Погрузились на телеги, отправились в неведомую даль. Фурманов вспоминал Гоголя: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади...»

Останавливались на глухих почтовых станциях. Дмитрий Андреевич сейчас же просил чаю. Чай был его страстью, причем он любил, чтобы заполняли стакан до краев, не пролив при этом ни одной капли на блюдечко. Если он замечал, что наши запасы еды выкладывались не все, то категорически заявлял: «Давайте все на стол, и угостим хозяев». Фурманову нравилось угощать, особенно детей.

Как-то Дмитрий Андреевич разговорился с женой начальника станции, потом спросил ее, откуда она родом, и, судя по выговору, не из Ивановской ли губернии. Оказалось, что женщина — уроженка Шуи, была в юности ткачихой. Неожиданная встреча с землячкой очень обрадовала Фурманова. Казалось, вопросам не будет конца: «А помните это?», «Не забыли про то?», «Как живется в чужом краю?..»

На каждой длительной остановке Фурманов, как правило, проводил собрания жителей, не уставая, разясняя им политику партии по национальному вопросу. В то же время он старался глубже понять обстановку. А после разговоров с людьми обязательно вынимал свою толстую клеенчатую тетрадь и старательно что-то заносил в нее

Вообще, надо сказать, писал он тогда очень много. Он мог это делать и за обедом, и поглядев в окно или вычитав что-то из книги, но чаще всего ночью. У него было редкое умение предельно точно и выпукло рассказывать о том, что он видел и знал. Иногда, как бы шутя, он начинал «обыгрывать» какую-нибудь приглянувшуюся ему деталь, и перед нами вдруг вырастал чудесный, сочный, полный жизни сюжет.

Наши ямщики, казахи и киргизы, сидя на облучке, всегда пели. Звенели бубенцы, слышались гортанные звуки незнакомого напева.

Подъехали к самому трудному перевалу — Курдаю. Подбадривая одного шуткой, другого похвалой за его бодрый вид, Фурманов очень уместно познакомил нас с героем ибсеновской драматической поэмы Брандом, когда тот сквозь тяжелый туман, дождь и сумерки шел все выше и выше. «Мой долг, как я сказал,— декламировал он слова Бранда,— вперед!.. Коль вера есть, как посуху пройдем мы морем».

В СЕМИРЕЧЬЕ

Наконец приехали в Верный. Фурманов тотчас же сам занялся размещением всех нас. Поселились в гостинице, известной в городе под названием «Белоусовские номера».

— Тебя, Лидочка, — со вздохом заявил он, — придется поместить в одной комнате с комиссаром, больше нет свободных комнат.

Смушение овладело мной. Робко постучала я в дверь. Молодой женский голос отвечал:

— Войдите.

Меня встретила незнакомая девушка. Свежее, круглое, с серыми глазами и милой, приветливой улыбкой лицо. Стройная фигура охвачена черной кожаной курткой, на военного образца поясе — наган. Девушка (не запомнила ее фамилии) действительно оказалась комиссаром одной из частей Красной Армии. Вскоре мы стали с ней друзьями.

Спустя несколько дней Фурманов сказал мне:

— Шутка шуткой, а я ведь нарочно поселил тебя с комиссаром. Знал, что дружба с ней будет тебе полезна.

Работая сотрудником управления уполномоченного Реввоенсовета фронта, мне постоянно, изо дня в день, приходилось бывать с Фурмановым. С большим энтузиазмом, я сказала бы — вдохновенно, стараясь поскорее все понять, со всем ознакомиться, входил он в новую работу. Обширен круг проблем, которые он изучает: здесь и постановка партийной работы, и вопросы национальных взаимоотношений, и хлопководство, и животноводство. Обращаясь к крестьянам Чуйской долины, от имени Советской власти он дает им обещание превратить пустынную теперь долину в долину богатых нив и садов, чтобы сделать их жизнь и жизнь их детей светлой, счастливой. Он организует съезды и конференции. Он не забывает и о том, что возвращающимся из Китая беженцам киргизам нужна срочная помощь. Он пишет статьи не только для местной прессы, но и для газет города Иванова.

За всеми этими делами, сложными и бесконечными, Дмитрий Андреевич не забывал о своих товарищах по работе. Дружной, единой семьей жили мы в Верном. Всех нас объединял Фурманов. Квартира Дмитрия Андреевича и Анны Никитичны была всегда гостеприимно открыта для каждого из нас. По праздникам для гостей обычно готовилось какое-либо особенное угощение, частенько пельмени, которые любил Фурманов.

Иногда уезжали с ночевкой в горы. Фурманов мастерски ездил верхом, и мы всегда завидовали ему. Мне давали старенькую добродушную лошадь, я с трудом устраивалась на ее покатою спине, со скрытым трепетом понукала идти вперед. Все это не ускользало от приметливого взора Дмитрия Андреевича, он подсмеивался и говорил:

— Конечно, на Жанну д'Арк ты мало похожа. Однако сразу видно, что не из робкого десятка.

И право, я чувствовала, что становлюсь смелее.

По берегу Алматинки, горной реки, мы поднимались все круче, углубляясь в горы. А потом в причудливых бликах костра усаживались в круг и начинали петь. Фурманов был первым и в веселье.

Между тем политическая обстановка в Семиречье осложнялась. В небольшом домике, где размещалось управление уполномоченного РВС Туркфронта, шла напряженная работа. Многих товарищей послали в другие города, в Верном осталась лишь маленькая группа коммунистов, приехавших с Фурмановым из Ташкента. Дмитрий Андреевич внешне был спокоен, но мы, хорошо знавшие его, видели, чего это ему стоило. «Тревога — тревога — тревога... Ох, какая близкая, жуткая, ощутимая тревога», — эти слова Фурманова, написанные им впоследствии в «Мятеже», можно поставить эпиграфом к тем дням.

Враги Советской власти вели упорную контрреволюционную агитацию, пытались создать вокруг Фурманова атмосферу недоверия, скрытого противодействия. Активным заговорщиком был буржуазный националист, сын богатого бая, Тиракул Джиназакова. Он возглавлял особую комиссию ЦИКа Туркестана по устройству беженцев, возвращавшихся на родину, и, используя их тяжелое материальное положение, подстрекал их к выступлению против Советской республики.

Вскоре нам стало известно, что люди Джиназакова собирают оружие, готовят покушения на советских работников. Фурманов распорядился арестовать Джиназакова. Как раз в это время был получен приказ Фрунзе о переброске частей, расположенных в Верном, в Фергану на борьбу с басмачеством. Местные контрреволюционеры пустились на все, чтобы сорвать выполнение этого приказа командующего фронтом.

Кто-то освободил из тюрьмы пленных офицеров. Кто-то присылал угрожающие анонимки, расклеивал по городу погромные воззвания. Приближалась катастрофа. А сил для отпора было мало. Воинские части, стоявшие в Верном, ненадежны. Большевиков в городе — единицы.

Это произошло в ночь с 11 на 12 июня. Необычно резкий голос Фурманова разбудил меня. Проснувшись, еще не понимая, в чем дело, но с сознанием происшедшего несчастья.

— Вставай и приходи немедленно к нам.

Кинулась в комнаты Фурмановых. Там уже собрались коммунисты. Оказалось, что часть войск подняла контрреволюционный мятеж. Командир батальона 27-го полка дрожащим голосом докладывал:

— Батальон вооружился. Где взяли оружие, не знаю. Ушел в полном составе в крепость. В батальоне много чужих, не знакомых мне лиц.

Я посмотрела на Фурманова. Суровость его лица поразила меня.

— Все ясно. Если победит враг — значит будет открыт новый фронт. Мятежников пять тысяч, нас двадцать человек. Но мы — это Советская власть...

Фурманову не дали закончить. Все коммунисты как один встали. Колеблущихся не было. Решение: оставаться на местах, бороться, не жалея жизни.

Семь дней и семь ночей длились переговоры в крепости, где засели мятежники. Все это время мы спали не более часа в сутки. Заметно осунувшийся Фурманов не терял присутствия духа. Он видел всех нас и все замечал. Для каждого у него было наготове слово ободрения.

Как-то он встретил меня в штабе с винтовкой в руке, улыбнулся.

— Что, с винтовкой небось еще страшнее?

Я кивнула, это было так. Пристально глядя мне в глаза, со страстной силой убеждения он сказал:

— Нет, тебе не страшно. Ты — коммунистка!

...Вот лежит передо мной удивительно искренняя, до конца партийная книга «Мятеж». Человек, знающий, как даже смерть сделать партийным делом, сказал на ее страницах:

«Если быть концу — значит, надо его взять таким, как лучше нельзя. Погибая под кулаками и прикладами, помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза.

Умереть по-собачьи, с визгом, трепетом и мольбами — вредно.

Умирай хорошо. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя — и в мозгах и в сердце, не жалея, что много растратишь энергии, — это ведь твоя последняя мобилизация! Умри хорошо...»

Глубокая идейная убежденность, твердая воля, точное знание обстановки, умение мгновенно ориентироваться — вот почему Фурманов смог бескровно ликвидировать мятеж и выполнить приказ партии о переброске семиреченских частей в Фергану.

Я уезжала в Ташкент в распоряжение политуправления фронта. На прощание Дмитрий Андреевич сказал:

— Помни, что классовая борьба в Туркестане еще не кончилась. Ты теперь проверенный боец нашей партии, будь же всегда на передовой линии огня. Не подведи меня.

В ответ я горячо пожала руку этому замечательному человеку, подготовившему меня, как и многих других, к вступлению в ряды великой партии.

Дорогой Фурманов! Спасибо тебе, что в юности моей указал ты единственно правильный путь в жизни!

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Партия направила меня на работу в Бухару в качестве политработника в бухарскую группу войск. После демобилизации из армии я была назначена первой заведующей женотделом ЦК партии в Старой Бухаре. Приходили письма от Дмитрия Андреевича. «Ты вышла на широкую дорогу. Совершенствуйся как работник, верно служи партии», — писал он.

Осенью 1924 года я поехала в Москву и стала студенткой университета.

В один из сентябрьских дней, когда уже смеркалось, я шла по Моховой улице. Слышу:

— Лидочка?!

Фурманов. Без шапки, в гимнастерке, с орденом Красного Знамени, такой родной, близкий, будто я и не расставалась с ним. Неожиданная встреча, как яркая искра, осветила прошлое, все то, что пришлось вместе пережить за годы гражданской войны.

— А я, — улыбался он, — полюбил бродить по улицам Москвы. У каждой своя история, свое лицо. Когда вот так брожу, хорошо думается.

Заставив меня рассказать о моей жизни в столице, Дмитрий Андреевич только потом начал говорить о своей работе.

— Как писать, что писать — ух, какой это сложный вопрос! В наши дни надо это делать как-то по-особому. Для фарфоровых ваз есть фарфоровое время, а у нас оно стальное.

Расставаясь, он сам записал свой адрес: Нащокинский (ныне имени Фурманова) переулок, дом № 14.

При всей своей занятости Дмитрий Андреевич не порывал связи со старыми друзьями. Приезжавшие в Москву земляки-ивановцы, соратники по боевой работе в Семиречье и на Кубани, чапаевцы считали своим долгом заглянуть к Фурмановым, всегда встречая там душевный прием, а когда нужно, то и неизменную товарищескую поддержку.

Я стала частым гостем Фурмановых. В их квартире было две комнаты, очень скромно обставленных, но необыкновенно уютных. Вторая комната несколько выше первой, поэтому проходить в нее надо было, поднявшись по широким ступеням. Здесь стоял большой письменный стол, за которым работал Дмитрий Андреевич, все стены до потолка заставлены книжными полками. Много книг было и в первой комнате — они лежали на пианино, на столе, на стульях.

В те годы Фурманов работал в Госиздате, в отделе печати Центрального Комитета партии, редактировал журнал «Октябрь», принимал активное участие в пролетарском литературном движении. Занят он был очень много и все же успевал прочитывать уйму книг, следил за всеми новинками в литературе и искусстве.

Однажды зашла к Фурмановым. Дмитрий Андреевич был один, Анна Никитична ушла на чтение новых стихов Александра Безыменского. Фурманов принес чайник.

— Хозяйничай, Лида.

Я помнила, что надо, во-первых, налить крепкого чаю, во-вторых, наполнить стакан до краев и ни единой капли не пролить. Сосредоточившись на этом трудном деле, я не смотрела на Дмитрия Андреевича. Громкий смех заставил меня вздрогнуть.

— Ты помнишь? — хохотал Фурманов. — Вот школа-то моя какая серьезная! Задумавшись, помолчал, потом спросил:

— О чем же ты теперь мечтаешь?

Меня поразило тогда его вопрос. Ведь настоящая жизнь так полна, так интересна.

— Это верно, — кивнул Дмитрий Андреевич. — Жить в нашей стране — это очень интересно. Но и мечтать необходимо. Мечты — творческая сила, они светят, они помогают двигаться вперед. Я — за человека, умеющего смело мечтать.

Он оставил стакан, быстрым, легким движением пальцев провел по губам, как бы обмахнул, — был у него такой жест, очень своеобразный, по-моему, старинно-народный

— Смотри, Лида, чтобы душа твоя радовалась и боролась, а не молчала.

Он и в обыденной жизни творчески горел, с ним никогда не было уныло, скучно. Встреча с ним не проходила без того, чтобы не приобщиться к новым высоким мыслям, чувствам. Родом Дмитрий Андреевич был из крестьян. Не окончив университета, ушел на фронт. А потом его захлестнула революция. Богатый житейский, а главное, революционный опыт сделал этого человека исключительно привлекательным, очень тонко чувствующим.

Меня всегда поражал его необычайный вкус. Это чувство вкуса, по-видимому, было в какой-то мере прирожденным и оберегало его от всего наносного, аляповатого, от всякого внешнего эффекта. Его стилем была простота.

Весной 1925 года вышел из печати «Мятеж». На красной обложке в раме темных букв названия изображены три командира в военных шлемах с красной звездой, штыки винтовок направлены на них.

Вскоре мне позвонил Дмитрий Андреевич, просил приехать. Захватив букет ландышей, помчалась. Вхожу и застаю целый пир. За столом командиры Чапаевской дивизии, товарищи по работе в Верном. Тосты следовали один за другим. Под конец собрались за город. Но Фурманов отказался. Как мы ни уговаривали его, он был неумолим. Прижав руки к груди, он говорил:

— Пожалуйста, товарищи, увольте! Мне обязательно надо поработать, я никак не могу терять времени.

Больше я его не видела. 15 марта 1926 года в девять часов вечера Дмитрий Андреевич Фурманов скончался от менингита. Последние его слова были: «Пустите меня, пустите... Я еще не все успел сказать, не все сделал... Мне еще так много нужно сделать!..»

Фурманову было только тридцать четыре года. Сколько еще осталось неосуществленных замыслов, прекрасных, светлых! Коротка, но ярка и полноценна была эта жизнь. Фурманов служил Народу, Родине, Партии страстно, талантливо, умно, восторженно,

И. ПЕШКИН
★
О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

*Из старых блокнотов**

ПАТЕФОН

Заседание коллегии шло с утра. Большой зал то заполнялся людьми, то освобождался, чтобы принять новую смену хозяйственников, инженеров, ученых, новаторов производства.

Коллегия обсуждала вопрос о работе объединения «Котлотурбина». Это, собственно, был вопрос об освобождении страны от импорта котлов и турбин для электростанций.

Докладчик — председатель объединения «Котлотурбина» — пустился в долгие рассуждения о значении подведомственных ему заводов, он сравнивал выпускаемую заводами продукцию с выпуском старой России, хвастал достижениями.

Сначала Орджоникидзе терпеливо слушал, но вдруг оборвал его на полуслове, сказал:

— Это мы знаем сами. Не ту пластинку завели. Да и патефон хрипит и фальшивит. Кстати, вопрос о патефонах у нас стоит следующим в повестке дня. А вы рассказали бы лучше, как вы позорно просмотрели встречный план рабочих металлического завода. Люди нашли пути, чтобы избавить нас от импорта стоимостью в миллионы рублей, а вы об этом даже не знали. За что же вам Советская страна жалованье платит?!

Председатель объединения сел, и Орджоникидзе предоставил слово представителю рабочих Ленинградского металлического завода.

Орджоникидзе весь подался вперед и с напряженным вниманием выслушал подробный рассказ о том, как составлялся встречный план.

— Выходит, программа была занижена вдвое. Мы, стало быть, точь-в-точь похожи были на того мужика, который искал рукавицы, а у него они были за поясом. Десятки раз мы пересоставляли импортные планы, отказывали себе в самом необходимом, а оказывается, мы сами можем сделать гораздо больше турбин и котлов и никакой валюты не требовать. Чего же стоят ваши планы! Придется вам поучиться планированию у них, у рабочих. И хорошо учиться, прилежно.

...Был объявлен десятиминутный перерыв. Следующий вопрос о ширпотребе. В зал ввели несколько велосипедов разных моделей, принесли часы, патефоны, пластинки. Разложили их на столе, за которым сидел нарком.

Когда Орджоникидзе вернулся в зал, он бегло осмотрел выставку и сказал:

— На вид прилично. Для начала, по крайней мере, ничего. Посмотрим.

Коллегии предстояло заслушать сообщения нескольких руководителей хозяйственных организаций, ведающих производством этой новой в Советской стране продукции. В старой России не делали ведь ни велосипедов, ни часов, ни патефонов с пластинками, все это импортировалось.

* Фамилии некоторых лиц изменены.

Прошли первые доклады, наступила очередь директора треста «Граммпласт». Это был средних лет, элегантно одетый человек с довольно развязными манерами. Он присутствовал в зале, слышал, как Орджоникидзе остановил разглагольствования руководителя объединения «Котлотурбина», и решил на этом сыграть.

— Цифры выпуска продукции нашим трестом, — начал он, — видны из диаграмм, которые здесь развешаны. Кривая, как говорится, идет неизменно вверх.

— Вверх от нуля, — сказал Орджоникидзе.

— К сожалению, от нуля, товарищ Серго, — подхватил докладчик. — В этом и вся трудность. Опыта у нас никакого нет. А что касается качества, то лучше всего его продемонстрировать. Разрешите, товарищ Орджоникидзе, проиграть несколько пластинок?

Орджоникидзе широко улыбнулся и, обращаясь к членам коллегии, сказал:

— Разрешим? Думаю, следует разрешить. Какие же пластинки вы привезли?

По случаю неожиданного концерта в зале наступило оживление. Для начала поставили «Дубинушку» в исполнении Шаляпина, затем слушали музыку Чайковского. Все шло отлично, и руководитель «Граммпласта» чувствовал себя на седьмом небе.

— Наши патефоны не хрипят, — сказал он шутя, намекая на происшедший незадолго до этого инцидент.

Орджоникидзе остановил патефон.

— Говорите, ваши патефоны не хрипят? — переспросил он.

Наступило неловкое молчание.

— Верно, этот патефон неплох, — продолжал Серго. — А все ли такие? Вот что мы сделаем... Перейдем к следующему вопросу. А пока мы здесь будем заседать, пусть несколько товарищей отправятся по магазинам, купят патефоны и принесут их сюда.

Председатель треста подскочил от неожиданности.

— Зачем же в магазины? Я прикажу — и сюда привезут десять, двадцать, сколько прикажете патефонов.

— А нам ваши патефоны сейчас не нужны. Люди покупают патефоны в магазинах. Посмотрим, как играют эти патефоны.

Через короткое время в зале заседаний началось второе отделение «концерта». Это была какая-то какофония. Патефоны хрипели, кашляли, дребезжали...

Руководитель треста хотел что-то сказать в свое оправдание, но Орджоникидзе не дал ему раскрыть рот.

— Ваша пластинка кончилась, — сказал он.

«ИСПОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Из Магнитогорска неожиданно отбыл оператор блюминга Василий Огурцов. Запаквал вещи и уехал вместе с женой, ребенком и тещей.

— Днем видим, Огурцов на машину грузит вещи, — рассказывали соседи. — Думали, опять ему новую квартиру дали. Известное дело — знатный человек. Спрашиваем: «Вы, Василий Федорович, куда теперь переезжаете?» А он только огрызнулся: «Совсем отсюда уезжаю». Помолчал и добавил: «Не ценят здесь работников. Ну и не надо». Да его ли не ценили?! Чуть ли не на руках носили. Разве что птичьего молока ему не хватало.

И соседи ведь правы были, не от худого сердца они так говорили.

...Огурцов приехал в Магнитогорск сразу после службы в армии. Был он слесарем, да и то не очень важным. Слесаришко так себе, умел держать инструмент в руках — и то ладно. Тогда не очень-то разборчивы были: рабочие руки всюду требовались.

Огурцова послали на монтаж блюминга. Монтаж вели мастера, присланные германской фирмой, наших людей на подсобных работах держали.

Когда кончили монтаж, в высокую будку поднялся специалист, представитель фирмы. Сел на стул, за рычаги взялся, кнопки стал нажимать. И слиток побежал по ролгангам. В три минуты слиток прокатал. Следующий слиток — за две с половиной минуты.

— Вот вам, — говорит представитель фирмы, — полная проектная норма. Только когда ваши люди смогут ее достигнуть, сказать не могу.

Возник вопрос: кого же на главный пост блюминга поставит оператором? Кому доверить эту высокую должность?

Желающих оказалось немало, среди них был и Василий Огурцов.

Скоро открылось, что у Огурцова к этому делу в самом деле способность есть. Рычаги и кнопки его слушались, слиток резово бежал по ручьям и кантовался. И вот уж и Огурцов за две с половиной минуты слиток прокатывал.

Никто этому верить не хотел. Как раз незадолго до того пришел из Германии журнал, издававшийся немецкими промышленниками, и в нем писалось, что советским рабочим раньше чем через двадцать пять лет проектную мощность блюминга не освоить.

Большое беспокойство было у капиталистов — не знали, как им быть: в капиталистических странах тогда кризис был, и советские заказы как раз кстати оказались. А с другой стороны, опасались, как бы не подрезать сук, на котором они сидят: «Продашь большевикам блюминги и разные другие машины, а они потом сами научатся все делать и ни в какой зависимости от капитализма больше не будут». Между прочим, Советская страна вовсе и не скрывала, что хочет себе технико-экономическую независимость обеспечить.

Нашлись среди капиталистических прислужников мудрецы, которые как бы всех помирили и всех успокоили. «Чего вы волнуетесь? — говорили они. — Советскому Союзу смело можно продавать блюминги и любые другие машины. Раньше чем через двадцать пять лет им с ними не справиться. А за это время все машины устареют, и придется им снова идти к нам на поклон. Нет, не разорвать им цепи экономической зависимости». Так писали в буржуазных газетах. И вот, оказывается, ничем не замечательный человек и образованием не очень-то обремененный, какой-то Василий Огурцов, дошел аккуратно до проектной нормы, которую установила фирма. Дошел в полгода, а не в двадцать пять лет.

И другие операторы блюминга больших успехов добились, но до Огурцова им далеко было. Такой согласованности движений, как у Огурцова, никто достичь не мог, и его объявили виртуозом.

С этого все и началось. Известное дело: раз виртуоз, так ему и почет, и уважение, и, само собой разумеется, разные блага.

Жил Огурцов в стандартном доме, хорошую комнату занимал. На Магнитке тогда много рабочих было, которые мечтали о таком жилье. Но то были обыкновенные рабочие, а это Огурцов, виртуоз-оператор блюминга. Дали ему другую квартиру — отдельную, с ванной и телефоном. Телефон ему, собственно, и ни к чему. Кому ему звонить? Но с телефоном будто почета больше. Поставили ему телефон, хотя телефонных точек мало было и иные цехи по двое сидели на одной точке. Для квартиры мебель нужна — в новую квартиру не потащишь ведь старый комод, привезенный тещей из Хацапетовки. Доложили директору: «Огурцова надо обеспечить мебелью». Директор покачал головой и приказал: «Выписать из Москвы».

Прошло еще немало времени. Огурцову мотоцикл понадобился. Премировали его мотоциклом с коляской.

Еще и еще желания появлялись. И не было ему отказа.

Человек бы должен быть благодарным, но Огурцов заважничал — не подступись, и никто ему не объяснил, на какую дорогу он скатывается.

Что до мастерства, то оно у него не убавлялось и не прибавлялось. Двадцать четыре слитка в час — и ни одного больше! Проектная норма! О чем тут говорить?!

А между тем товарищи его стали подтягиваться и Огурцову на пятки наступали. И они уже по двадцать и по двадцать два слитка в час выдавали. Огурцову бы задуматься, а он ни в какую.

Тут как раз прибыла телеграмма из Москвы.

— Командировать на совещание в наркомат людей, добившихся по своей профессии самых высоких результатов.

Стали думать — кого послать? Огурцов гоголем ходит: кому же еще в Москву

ехать, как не ему? Кто дает самую высокую часовую производительность? Он, Огурцов!

Однако же в цехе иначе на это дело посмотрели. Кто-то предложил: давайте подсчитаем, кто сколько за месяц прокатал. Тут вышла незадача. Часовые рекорды за Огурцовым, а в месячном разрезе его Мищенко обогнал. Да и другие совсем рядом с ним. Цеховые организации решили — Мищенко в Москву ехать.

Огурцов дома сидит, уже чемодан уложил. Ждет, когда ему позвонят, сообщат, что за ним директорская машина выехала. Привык он к такой чести. И представить себе не может, что дело иначе обернется.

Уложил чемодан, сидит, ждет. А звонка все нет. Наконец звонок раздался. Какой-то «дружок», видимо хорошо знавший Огурцова, коротко сообщил:

— Можешь распаковывать чемодан. В Москву Мищенко едет.

Огурцов не успел и слова вымолвить, как телефон загудел: отбой дали. Сначала он подумал, что это ему причудилось или что кто-то над ним подшутил.

Еще минута — и он уже понял, что в последнее время на него косо смотрели. И парт-орг цеха не так был приветлив, как раньше. Тогда-то в нем гордость взыграла. Решил — не поддамся, тут же объявил решение: сегодня же отсюда уезжаем. Жена, теща отговаривают. Он ни в какую. И на самом деле ведь отбыл. С женой, ребенком и тещей, с мебелью и мотоциклом.

...О внезапном исчезновении Огурцова узнал Орджоникидзе. Он вызвал к телефону директора комбината, спросил:

— Куда девался ваш лучший оператор блюминга Огурцов?

Директор только и мог ответить, что Огурцов уехал в неизвестном направлении, и добавил, что не жалеет об его отъезде — этот человек прямс-таки в печенках у него сидел, испорченный человек. Так он и сказал Орджоникидзе.

— А кто его испортил? — спросил Орджоникидзе и отдал приказ разыскать Огурцова.

Начались поиски. Стало известно, что Огурцов взял билеты в Никитовку. Стало быть, на родину жены — в Хацапетовку поехал. Там его не застали. Жена, ребенок, теща там, а сам он будто подался в Енакиево. Гонец следом за ним в Енакиево. Оказывается, в Енакиеве он был и оттуда уехал, никак в Краматорск. Из Краматорска — в Макеевку.

В Макеевке его и обнаружили. На блюминге работает — за пультом сидит, нажимает вовсю, класс показывает. Уже тридцать слитков за час выдал. Народ кругом стоит — все охают да ахают: «Вот это виртуоз!»

Кинооператор ленту крутит: Макеевка всесоюзный рекорд бьет. Во второй час тридцать три слитка прокатал.

В цехе полно корреспондентов, строчат телеграммы, очерки, добиваются интервью у знаменитого оператора.

Огурцов выходит из кабины, рубашка на нем мокрая, хоть выжимай.

Начальник цеха зовет его к себе в кабинет. Входят. Слышно, как изнутри ключ повернули. Короткий разговор. Дверь открывается. В кабинет хлынули корреспонденты. Их ошарашивают:

— О сегодняшних рекордах ни гу-гу.

— Почему? Как? Кто распорядился?

— Орджоникидзе!

...Утром следующего дня в приемной Орджоникидзе сидел Огурцов. Наркома ожидало много народу. Орджоникидзе вошел, осмотрел ожидавших, на ходу спросил:

— Огурцов здесь?

— Я — Огурцов.

— Пройдите ко мне.

Больше часа Огурцов оставался у наркома. О чем они говорили, никто не знает. На все вопросы корреспондентов Огурцов ответил кратко:

— Возвращаюсь в Магнитогорск вместе с семьей.

...Магнитогорский блюминг в очень короткий срок намного перекрыл проектную мощность. А теперь... А теперь там слиток прокатывают не за две с половиной минуты, а за пятьдесят две секунды. О фирменной норме забыли и думать.

НОВОЕ ИМЯ

Начальник мартеновского цеха Снегов решительным шагом направился в кабинет главинжа. Секретарша хорошо знала, что отношения между главинжем и начальником цеха крайне натянутые, и оберегала своего патрона от лишних встреч с этим непокладистым человеком.

— Аристарх Порфирьевич готовится к отъезду в Москву и велел к нему никого не пропускать, — сказала она.

— Знаю, — коротко ответил Снегов и прошел в кабинет.

Аристарх Порфирьевич был невысокого роста и округлых форм. В своем глубоком кресле с высокой спинкой он совершенно тонул. Первое, что бросилось Снегову в глаза, это длинные холеные пальцы, перелистывавшие какой-то альбом. Рядом, полусогнувшись, стоял начальник отдела организации труда на заводе, а по другую сторону стояли какие-то не известные Снегову люди.

Увидев Снегова, Аристарх Порфирьевич нахмурился. Однако, моментально изменив выражение лица, сказал:

— Вот и хорошо, что вы зашли. Мы здесь готовим материалы для Москвы, для Орджоникидзе. Сегодня ночью выезжаю на совещание Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности. Знаете, замечательная это идея — приблизить крупных и опытных руководителей предприятий к руководству наркомата.

И главинж стал показывать Снегову альбом.

— Не правда ли, великолепно сделано?

Аристарх Порфирьевич с удовольствием перелистывал альбом, любовался «накладными» диаграммами из целлофана.

— По вашей линии, — спрашивал он Снегова, — ничего существенного не пропустили?

Снегов никаких замечаний не сделал. Аристарх Порфирьевич понял, что ему не избежать неприятного разговора, и выпроводил творцов альбома.

Снегов начал разговор без предисловий:

— Надо решить вопрос о предложении Мазая.

Главинж поморщился, как будто принял горькое лекарство. Он снова взял альбом, раскрыл его на странице с показателями работы мартеновского цеха.

— Вы видите эти цифры? — почти заискивающе говорил главинж. — Вам-то они знакомы больше, чем мне. Ваши старые печи работают лучше, чем новейшие, построенные на прославленных гигантах. Чего же вам еще больше? Так имеем ли мы право поставить все это под удар?!

— Почему же под удар?

— Потому что у вас очень мало шансов, что перегрузка печи, которую предлагает этот ваш Мазай, приведет к чему-либо хорошему. Скорее можно предположить...

— Но это ведь только одни догадки. Мы обязаны проверить эффективность предлагаемого метода, даже если это связано с риском.

Лицо Аристарха Порфирьевича налилось кровью. Он встал и не своим голосом заговорил, нет — закричал:

— Рисковать?! Ради чего я обязан рисковать?! Мне шестьдесят два года. И я не хочу сломя голову броситься в пучину. Довольно! Я больше не хочу об этом говорить.

Он едва передохнул и уже упавшим голосом сказал:

— Не хочу и не могу сегодня об этом говорить. Мне надо готовиться в дорогу. Вернусь, тогда займемся этим делом. А пока нам краснеть в Москве не придется. Ваши показатели не самые худшие, совсем не самые худшие.

Снегов быстро вышел из кабинета. Вечером состоялся совет — в нем участвовали Снегов, его друг, умудренный житейским опытом инженер Чарный и энтузиаст нового метода инженер Кириллов. Решили телеграфировать Орджоникидзе.

Долго составляли текст телеграммы. Чтобы на заводе не вызвать излишних разговоров, телеграмму отвезли в город. Как только Снегов сдал телеграмму в окошко, он стал раскаиваться: «Приедет туда главинж, и ему же передадут нашу телеграмму. И посмеется же он над нами!»

Всю ночь и следующий день Снегов был в тревоге. Он вспоминал прием у Орджоникидзе перед назначением на завод. Нарком тогда наказал ему, чтобы он в случае серьезных затруднений обращался лично к нему. А достаточно ли серьезный этот случай? Мало ли рационализаторских предложений застревает?! У Орджоникидзе большое хозяйство. Десятки тысяч инженеров заняты в промышленности. Если все начнут писать и телеграфировать лично наркому... Затем, какие у меня основания думать, что Орджоникидзе станет на мою сторону? Как-никак, главинж пользуется авторитетом. А потом, его доводы ведь не столь неубедительны: надо дорожить достигнутым.

Прошло два дня. Вечером, когда Снегов лежал в своем маленьком кабинетике на узком и коротком для него клеенчатом диване и в сотый раз обдумывал создавшуюся ситуацию, позвонил телефон. Говорил дежурный по заводу: Снегова срочно вызывали в дирекцию. Через пять минут он был уже там. Дежурный по заводу сообщил, что звонила «красная вертушка», предупредили, чтобы в 23.30 у аппарата был инженер Снегов.

До назначенного времени оставалось двадцать пять минут. Мучительные минуты! Звонок, несомненно, был ответом на телеграмму. Но кто мог его вызывать? Орджоникидзе? Телеграмма только-только могла попасть в Москву. И Орджоникидзе его уже требует к аппарату. Чушь! Самообман! Может быть, произошла ошибка? Или вызов к московскому телефону не имеет никакого отношения к его телеграмме?

Начались звонки. Звонила узловая Харькова, проверяла, на месте ли Снегов. Просили передать, чтобы он ждал, Орджоникидзе говорит с Днепропетровском.

Потянулись еще минуты. Снова резкий телефонный звонок: Москва! Требовали Снегова. С ним будет говорить нарком.

Снегов взял трубку и в то же мгновение услышал характерный голос Серго Орджоникидзе:

— Это вы, инженер Снегов? С вами говорит Орджоникидзе. Здравствуйте! Я получил вашу телеграмму. Когда вы можете заняться реконструкцией печи? Насколько вы уверены в успехе дела?

Снегов собрал всю волю, всю энергию, чтобы лаконично и четко изложить свой план. В несколько минут он должен был сказать все: объяснить теоретическую сторону вопроса, рассказать, что надо сделать. Снегов поймал себя на мысли, что в этом деле, собственно, весь смысл его жизни, это его вклад в пятилетку, и, может быть, не только в эту.

Снегов слушает покашливание Орджоникидзе, и ему кажется, что тот его подбадривает: «Ну что ж, говорите».

И Снегов излагает суть дела.

— Что требуется для того, чтобы осуществить предлагаемые вами мероприятия? — спрашивает нарком.

Снегов ждал этого вопроса.

— Печь останавливается на очередной ремонт. При перекладке печи мы изменяем глубину ванны... Важно обеспечить печь высококачественным огнеупором...

— Вам все дадут. А не можете ли вы ускорить это дело? Может быть, остановим печь раньше, до конца кампании?

— Но мы тогда потеряем несколько десятков плавок.

— Хорошо. Подождем. А насколько вы уверены в успехе?

— Мы идем на технический риск. Мы вступаем в конфликт с некоторыми положениями науки. Однако эти положения кажутся нам устарелыми.

— Действуйте смело! Наша поддержка вам обеспечена. Стране нужно много стали. А насчет науки помните — «наука не икона...»

— Слушаю, товарищ Орджоникидзе. Сделаем все возможное.

— Уверен в вашем успехе. Больше, чаще советуйтесь с рабочими. Как фамилия сталевара?

— Мазай.

— Это как у Некрасова — дед Мазай и... Он что, тоже старый? Дед?

— Нет, он самый молодой сталевар в цехе, комсомолец.

— Отлично. Это хорошо, что вы, молодые, беретесь за дело. Еще раз желаю успеха. До свидания!

Стало тихо. Только на линии что-то гудело, будто вся страна заговорила уже о том, что намеревались сделать на своей печи два советских сталевара — инженер Снегов и рабочий Мазай.

Возможно, он еще долго держал бы трубку, но чей-то голос вывел его из оцепенения, напомнив, что разговор окончен.

..Еще в вагоне Аристарх Порфирьевич на все лады продумывал вопрос, выступить ли ему на Совете.

На второй день он все же записался для участия в прениях. Речь он написал заранее и в номере гостиницы, у зеркала, репетировал свое выступление. Получалось как будто неплохо. И все же он был обрадован, когда закрыли список ораторов: «Так спокойнее. Трибуна не номер гостиницы. Орджоникидзе не дает никому спокойно выступать. При всем народе можно провалиться. Нет, лучше уж в кабинете обо всем доложить. Там если нарком и пожурит, то никто этого не услышит».

Аристарх Порфирьевич очень внимательно выслушал трехчасовую речь Орджоникидзе, в которой нарком нарисовал яркую картину завтрашнего дня тяжелой индустрии. В центре внимания стояли вопросы развития металлургии. Главинж понял, что он, кажется, зря оттолкнул от себя Снегова. Это была грубая оплошность. Внутреннее чутье, которым он всегда так гордился, ему на сей раз изменило. «Дело может принять нехороший оборот, — подумал он, — надо приблизить Снегова». Он вспомнил свой последний разговор с ним и, как только объявили перерыв, послал Снегову телеграмму.

Телеграмма была составлена не очень ясно. Важно было показать, что этот вопрос его интересует, он его не забыл.

Главинж рассказал директору, что он решил все-таки рискнуть и отправил на завод телеграмму, чтобы там начали готовиться к перестройке девятой печи по проекту Снегова и этого Мазая.

— Кто не рискует, тот никогда не выигрывает, — сказал он директору, когда тот ему напомнил все изложенные самим Аристархом Порфирьевичем доводы «против».

Директор пожал плечами — он давно уже тяготился своим главным инженером, но боялся остаться без него: «Какой еще другой попадетсЯ главинж!»

После окончания совещания Аристарха Порфирьевича и директора вызвали к Орджоникидзе.

В приемной они сидели молча. На коленях у Аристарха Порфирьевича лежал сверкавший золотом альбом. Он вызывал всеобщий интерес, но Аристарх Порфирьевич не снимал замочка, которым альбом был закрыт наподобие сундучка.

Наконец наступила их очередь. Аристарх Порфирьевич пропустил вперед директора, а сам скромно шел сзади него, неся альбом, который торжественно положил на стол Орджоникидзе.

— В этом альбоме, — сказал он, потупив глаза, — отражены некоторые достижения нашего завода.

Тут же он продемонстрировал секрет замка. Орджоникидзе записал в свой блокнот фамилию изобретателя. Затем Аристарх Порфирьевич стал листать альбом, манипулируя при этом целлофаном разных цветов. Получалось эффектно. Казалось, что Орджоникидзе заинтересован. Аристарх Порфирьевич решил, что все сойдет благополучно.

Но вот нарком отодвигает альбом, поднимается с места и говорит:

— Золотом ослепить решили, очки втереть.

Обращаясь к директору:

— Вы кто же — директор, коммунист или неизвестно что? Почему ничего не сообщили мне о предложении сталевара Мазая? На каком основании, по какому праву маринуете проект инженеров Снегова и Кириллова? Разве вы не понимаете, что это может открыть нам путь к новому подъему выплавки стали?

У Орджоникидзе перехватило дыхание. Воспользовавшись этой передышкой, Аристарх Порфирьевич попытался спасти положение, он сказал, что послал на завод телеграмму и...

Но окончить свою фразу он не смог.

— Вы опоздали с вашей телеграммой. Я говорил со Снеговым и дал ему все указания. А руководителей, не умеющих или не желающих помогать новаторам, будем устранять из нашей социалистической индустрии как вышедших в тираж. Это относится и к вам, товарищ директор, и к вам, товарищ главинж. А золотом вы меня не ослепите.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Ночные часы в типографии летят быстро. Стрелка подходит к трем, наступают минуты, когда надо подписывать газету к печати. Через фанерную перегородку я слышу, как метранпажи командуют: «Третью под пресс, четвертую тискать».

В комнату входит выпускающий. Всегда угрюмый и брюзжащий, он сегодня настроен хорошо и готов на любые испытания. Он знает, что газета выполняет поручение Серго Орджоникидзе. В руках у него оттиск первой страницы. На ней большой аншлаг:

«Сегодня в ... час. .. мин: задута вторая кузнечная домна»: Под аншлагом окошко для сообщения. Рядом статьи и другие материалы, посвященные этому крупному событию в истории индустриализации страны.

Но сообщения нет, и окошко пусто.

— А если не задуют? — спрашивает кто-то.

Вопрос остается висеть в воздухе.

Я снова снимаю трубку и кричу:

— Междугородная? Как там Кузнецк?!

Телефонистка знает: во что бы то ни стало надо связаться с Кузнецком, получить информацию о делах на домне, ее должны задуть с минуты на минуту.

Телефонистка с горечью сообщает, что в Кузнецке никто не отвечает, словно все вымерли.

Слышно, как тикают часы. Четыре. Четыре пять. Четыре десять. Типография пустеет. Все газеты уже сдали свои полосы. В комнату входит начальник ночной смены типографии.

— Будем еще ждать?

— Подождем...

Он понимающе кивает головой.

Снова тишина и... резкий звонок. Беру трубку.

— Соединяю вас с домной.

Раздельные слова директора:

— В три часа пятьдесят восемь минут задули домну. Уже сообщили наркому. Чугун ожидаем к вечеру.

Комната заполнилась народом. Здесь все: метранпажи, наборщики, тискальщики, корректоры. Я едва успеваю сказать: три часа пятьдесят восемь минут — и комната опустела. Все бросились на свои места.

Телефонный звонок. Снимаю трубку. И сразу же слышу голос Серго Орджоникидзе:

— Новости из Кузнецка знаете?

— Задули! В три часа пятьдесят восемь минут.

— В газете будет?

— Будет.

— Хорошо! Спокойной ночи!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. ОЗЕРОВ

★

О ПРОЛЕТАРСКОМ ГУМАНИЗМЕ И АБСТРАКТНОМ МОРАЛИЗАТОРСТВЕ

Полемические заметки

Современный ревизионизм, атакуя позиции марксизма-ленинизма, силясь подорвать и дискредитировать важнейшие положения марксистской науки, избирает для своих ударов различные направления.

Одним из таких направлений, на которых нынешние ревизионисты с особой охотой пробуют свои силы, пытаясь поколебать устоявшиеся, жизнью проверенные и жизнью подтвержденные марксистские представления, является понимание гуманизма, его истинной природы и сущности.

Мы помним ряд посвященных этой теме статей в зарубежной печати, в том числе печально известное выступление польского поэта Анджея Брауна, усомнившегося, достоин ли прославления и подражания беззаветный подвиг, совершаемый во имя наивысших гуманистических побуждений, то есть во имя победы дела революции, победы коммунизма. Высокие идеи, зовущие к гуманистическому подвигу, ревизионисты склонны пренебрежительно именовать «заклинаниями»; самоотверженное стремление к благородной цели они готовы походя отождествить с аскетической жертвенностью. Самое понятие социалистического гуманизма, которое история нашего времени уже наполнила богатейшим содержанием, блистательно изменившим и продолжающим изменять к лучшему жизнь целых народов, строящих общество, избавленное от человеческой ненависти, от социального неравенства и несправедливости,— это высокое понятие истолковывается ревизионистами как некий «миф», придуманный грубыми и узкими «догматиками».

Атаки на метод социалистического реализма и на современную советскую литературу — это одна из «фланговых операций» в наступлении ревизионизма на гуманистические принципы социалистического общества.

С какой бы стороны ни атаковали наше искусство ревизионисты, во всех случаях удар направляется на живую душу советского искусства — ленинский принцип партийности, идею активного служения интересам трудового народа, интересам социалистического государства.

Отношение к социалистическому общественному строю, к социалистическому государству — пробный камень, на котором проверяется действительная верность идеям мира, демократии, социализма. Ревизионисты всячески принижают достижения Советского государства. И как же им принять искусство социалистического реализма, если искусство это, напротив, видит свою главную миссию в страстном утверждении новых, социалистических отношений, в убежденном служении интересам Коммунистической партии и Советского государства.

Один из самых характерных признаков современного ревизионизма — неприятие позитивного характера социалистического реализма. В этом смысле чрезвычайно показательна позиция председателя Союза писателей Югославии Иосипа Видмара. За последние годы он неоднократно высказывался против социалистического реализма. В течение длительного времени Иосип Видмар вел «теоретическую» дискуссию с другими писателями, доказывая, что мировоззрение не играет существенной роли в ху-

дожественном творчестве. Почему же Видмару не нравится социалистический реализм? Посмотрим, что он говорил на одной из «Литературных пятниц» писателей Хорватии. По его мнению, социалистический реализм допускает преувеличение, идеализацию действительности, что «приводило в течение долгого времени к неискреннему и достаточно поверхностному утверждению советской жизни, что являлось плодом отказа от критических элементов в реализме... Литература всегда была критической, она должна таковой и остаться... Социалистический реализм настаивает на оптимизме, к тому же на оптимизме бюрократическом».

Как видим, Иосип Видмар — за литературу, которая ставит главной целью критику любого общественного строя, в том числе народного, социалистического строя. Его рассуждения объективно удивительным образом совпадают с отрицанием роли социалистического государства и коммунистической партии, которое высказывают югославские руководители.

Наиболее откровенный политический документ современного ревизионизма — проект программы Союза коммунистов Югославии.

Отметив историческую роль СССР как первой страны социализма, упомянув о крупных достижениях Советского Союза и о том, что опыт СССР и других социалистических стран представляет собой «драгоценный опыт для международного социализма», авторы проекта программы СКЮ сосредоточивают главное свое внимание на недостатках и ошибках, имевших якобы место в процессе строительства Советского государства. Составители проекта представляют эти недостатки и ошибки как проявление некой «бюрократическо-этактистской тенденции»¹, как стремление к превращению государственного аппарата в «хозяина общества».

Иосип Видмар не приемлет оптимистических, жизнеутверждающих тенденций социалистического реализма: утверждение окружающей действительности — это ведь и утверждение советских государственных институтов. И Видмар зовет литераторов назад, к критическому реализму, ибо «литература всегда была критической, она должна таковой и остаться».

Видмар и его единомышленники не хотят увидеть и понять те коренные изменения в искусстве, которые произошли после исто-

рической победы трудового народа, создавшего первое в мире социалистическое государство. В результате этой победы по-новому сложились эстетические отношения искусства и действительности. До Октября оппозиция к существующему общественному строю была естественна для прогрессивного художника, в том числе и для каждого честного русского писателя. Написанные в ту пору горьковские произведения, знаменующие собою зарождение социалистического реализма, утверждают те силы, которые накапливаются в недрах рабочего класса, чтобы разрушить существующий строй и взять в свои руки полноту создающей новое общество власти. А когда эти силы победили, когда именно они олицетворяют собою новое государство, разве может оставаться оппозиционным по отношению к ним подлинно прогрессивный художник во имя некоего абстрактного тезиса, гласящего, что литература, дескать, всегда была критической и должна такой остаться?! Нет, вместе с этими силами честный писатель сегодня живет и дышит, он участвует с ними в созидательном труде, он словом своим отстаивает их победу.

Не только то, что отрицают современные ревизионисты, но и то, что они приемлют, с достаточной ясностью характеризует истинную природу ревизионизма, его несовместимость с марксистско-ленинской наукой о революции, государстве и обществе. Отрицая плодотворность органических связей искусства с коммунистической партией и социалистическим государством, ревизионисты толкуют об эпохе двадцатых годов в советской литературе как о предшествовавшем упадку «золотом веке». Однако «двадцатые годы» — не что-то совершенно однородное. Это — возникновение нового в книгах одних писателей, основоположников социалистического реализма, мимикрия старого в книгах других и, наконец, открытая враждебность социализму у третьих. Двадцатые годы — это время, когда на страницах одних и тех же журналов встречались Маяковский и Ходасевич, Серафимович и Замятин, Фурманов и Пильняк; это извилистый и нелегкий путь к революции, проделанный Алексеем Толстым, и приход в литературу из недр самой революции такой молодежи, как Фадеев или Шолохов... Так что же здесь приемлют ревизионисты, чем, по их мнению, определяется «золотой век»?

¹ Этактизм — от французского слова «état» (государство).

С индивидуалистическим недоверием относясь к идее социалистической государственности, они поднимают на щит анархистскую «стихийность» «Голого года» Б. Пильняка, хмурую эмигрантскую озлобленность Е. Замятина, усмотревшего в революции возвращение к пещерному веку, кулацкие анекдоты П. Романова из жизни деревни, якобы не понявшей революции и не измененной ею. В поэзии их привлекают перемены смутного декадентского бормотания, но отталкивает подлинно новый гражданственный пафос. В творчестве писателей, пошедших за революцией, но преодолевавших при этом нелегкий груз старых представлений, ревизионисты выбирают именно то, что становилось враждебным самому писателю и от чего он избавлялся с годами. Так, в произведениях И. Бабеля и А. Веселого подчеркивается все та же «стихийность», облаченная в пестрые, броские одежды, но незамеченным остается присущее обоим страстное приятие очистительного начала революции, ее народности. И даже в творчестве поныне здравствующих писателей особо выделяется именно то, что сами они не включают в нынешние свои собрания сочинений, и давно опавший пустоцвет выдается за настоящее цветение. Так, отбирается для новых переизданий «ранний Эренбург» с присущими ему тогда анархичностью и гимназическим аполитичным цинизмом; так, включается в антологии «ранний Сельвинский» с тем же анархизмом и «блатной романтикой». Естественно, что от таких «доброжелателей» с возмущением открещиваются сами «опекаемые» ими писатели. И. Сельвинский опубликовал недавно письмо по поводу своих вещей, включенных в вышедшую на польском языке антологию «Сто тридцать поэтов» и в изданный на русском языке в Нью-Йорке сборник советской поэзии.

В этом письме И. Сельвинский пишет о верности писателей Коммунистической партии: «Нет, партия не водит нашим пером, но она оставляет за собой право критики, а этого права вы, господа, не можете лишить даже вашу официозную прессу, хотя полагаете, будто литература отделена у вас от государства. Наивное заблуждение!

Я не хочу создать впечатление, будто в нашей литературной общественности царит сплошная идиллия,— боже упаси! Но одно остается неизменным: стремление партии сделать наше искусство как можно выше, идейнее, народнее. Партия зорко следит за

тем, чтобы искусство не скатывалось к мещанству, пустой развлекательности, вагонному чтivu, чтобы талант не разменивался на мелочь. В советском обществе ярко одаренный поэт становится великим, ибо нет величия без окрыленности, а крылья поэту дает великая идея. В наши дни такой идеей может быть только жизнь во имя народного счастья».

Когда подтасовка исторических фактов производится откровенными врагами социализма, ей не приходится удивляться. Но больше чем недоумение испытываешь, читая статьи некоторых литераторов дружественных нам стран. Та же концепция истории советской литературы, по которой расцвет ее приходится на двадцатые годы, а из числа ее главных представителей выделяются исключенными крупнейшие реалисты, пролагавшие магистральную линию развития, нашла свое отражение в юбилейных номерах югославских журналов и газет, вышедших к сорокалетию Великого Октября.

Перед нами журнал «Дело». В нем опубликованы произведения советской литературы, признанные редакцией наиболее ценными. Что же это за произведения? Список имен писателей, выразивших, по словам Оскара Давичо, автора вступительной статьи, «освободительный дух Октября», включает Б. Пастернака, В. Каменского, А. Белого, С. Есенина, М. Цветаеву, В. Хлебникова, Д. Бурлюка, А. Крученых, А. Мариенгофа, А. Воронского, Г. Лелевича. Зато редакция вовсе «забыла» об авторах «Железного потока», «Чапаева» и других книг, ставших художественной летописью социалистической революции. Что это — случайность? Вряд ли! В журнале снова проводится отвергнутое наукой антиисторическое представление о периоде двадцатых годов как о времени, когда советская литература добилась успеха потому, что воспевала стихийность якобы независимого от партии и социалистических идей массового движения.

В таком же освещении предстает наша литература и на страницах газеты «Книжные новинки». Автор одной из статей, опубликованных в этой газете, Мила Стойнич, прямо пишет: «Стихия в наступлении, этот неудержимый, безжалостный разрушитель, установит в литературе законы хаоса, силы, которая опьяняет, которая несет. Ею будут вдохновлены все писатели — спутники революции...»

По мнению новоявленных историков советской литературы, сила ее воплощена в тех произведениях, где революция отражена в нерасчлененных образах «массы вообще» и где не видно отдельного человека.

Верно, что отличительная черта ранней советской литературы — понижаящий ее пафос массовой борьбы. Однако этот пафос вел отнюдь не к противопоставлению стихийной массы и растущей в революции личности. Осмысливая происходящие события, писатели-реалисты решительно отвергли эсеровско-народническую теорию «героев и толпы» — всемогущей личности и пассивных масс. Первейшей темой искусства стали массовые движения, в которых ясно выступает решающая роль народа в истории. Освобождение человеческой личности выглядело при этом как итог освобождения масс: человек рос в массах и вместе с массами, выполняя их волю и разделяя общие радости и невзгоды. На основе проникновенного внимания к жизни и борьбе народа литература раскрывала основной источник героизма личности, ее социальную и духовную значимость. В соответствии с правдой жизни советские писатели увидели в своем герое не избранного сверхчеловека, а типического представителя трудового народа.

Спор об изображении массы и личности был спором о правомерности революционного пути, на котором освобождение личности совпадает с освобождением массы и следует за ним; это был спор о месте человека в массе и об определяющих началах его роста, прямо связанных с тем, что человек выступает отныне не одиночкой, но членом единого коллектива, питающего его своими соками и требующего отдать все силы общему делу. Писатели, правдиво отражающие новые закономерности жизни, делают акцент на духовном возвышении человека-коллективиста, на моральной деградации современных Климов Самгиных — тех, кто отрывается от народа, пытается найти невозможный в нашу эпоху «третий путь». Революционные бойцы, воспеты нашей литературой, запоминаются как люди большевистского дела, не только мечтающие о прекрасном будущем, но практически завоевывающие это будущее, помогающие человеку стать лучше, чище, преодолеть сопротивление врагов, воспитать в себе новые качества. В борьбе за главную линию развития социалистической литературы очень много значит верное

понимание ее гуманистической направленности.

Гуманизм — та проблема современности, где скрещиваются политика и философия, нравственность и эстетика. Об этом не раз писал Горький, обращая к зарубежным «мастерам культуры» прямой вопрос: с кем же они — с силами ли мира и прогресса или с черными силами фашизма и войны?

Как известно, на Западе выходят десятки и сотни книг, открыто проповедующих антигуманизм, человеконенавистничество. Враждебная пропаганда и поныне не прекращает своих нападков на гуманистические идеалы. Вместе с тем делаются попытки исказить их и фальсифицировать. Все чаще появляются статьи, критикующие социалистические принципы с платформы антиреволюционного, абстрактного гуманизма. Вместо решительной борьбы за освобождение человечества провозглашается некая всеобщая любовь к человеку «вообще», выдвигаются призывы не делить людей на сторонников и врагов прогресса. Образу человека-гражданина, человека-борца противопоставляется мягкотелый «гуманист», придерживающийся в бурях общественной борьбы позиции нейтралитета.

Ход истории подтвердил, что позиция нейтралитета немыслима, а всепрощение служит интересам реакции. Пока буржуазные интеллигенты рассуждали о невмешательстве в дела республиканской Испании, франкисты продвигались к Мадриду.

Ныне эта позиция продиктована неприятием диктатуры пролетариата, стремлением смазать остроту классово-борьбы, отрицанием необходимости решительного наступления против реакции, империалистской идеологии. Диктатуру пролетариата ревизионисты отождествляют с насилием, с антигуманным подавлением человеческой личности; при этом принцип демократического централизма уравнивается с бюрократизмом, а социализм — с «тоталитаризмом». Поборники таких взглядов стоят за «гуманный коммунизм», без классово-борьбы, без социалистической революции, без диктатуры пролетариата.

Ревизионистские призывы к «гуманизации» общественно-политического строя в странах социализма, к «непротивлению» силам реакции — далеко рассчитанная программа, выгодная только врагам человечества.

Вспомним, как уже в марте 1906 года В. И. Ленин обличал либерально-кадетские взгляды на природу революционного насилия. В его работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» есть отступление, написанное в форме памфлета и озаглавленное «Общедоступная беседа с кадетскими публицистами и учеными профессорами». Характеризуя здесь обстановку 1905 года как период «революционного вихря», Ленин отметил, что в этот период применялись некоторые особые методы исторического творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Отметим два из числа таких методов — «захват» народом политической свободы и создание новых органов революционной власти, — Владимир Ильич, адресуясь все к тем же «кадетским публицистам и ученым профессорам», писал:

«Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: применение народом насилия по отношению к насильникам и над народом».

Слова, поныне сохранившие свое боевое общественное значение!

Когда Советский Союз во имя спасения братской страны, спасения тысяч и тысяч жизней, которым угрожали фашисты, оказал решительную помощь Венгрии в подавлении подоженного империалистами мятежа, — в это время либеральствующие болтуны примкнули к буржуазным писакам, поддерживавшим реакцию истошными криками насчет «большевистского насилия» и необходимости «спасать» гуманизм. Ренегат Говард Фаст излил немало слез сочувствия по адресу фашистских мятежников, смиренных силой оружия, но при этом предпочел умолчать о страшной угрозе, которую реакция несла миллионам мирных строителей социализма.

Отнюдь не гуманизмом продиктована была и позиция тех французских парламентариев, которые не однажды распинались в своей любви к народу, но в мае нынешнего года, в дни фашистских провокаций против республики, воспротивились принятию закона о чрезвычайном положении. Всегда стоявшие за любые репрессии против демократических сил, они на этот раз декларировали, что такой закон, будучи принятым, нарушит свободу.

Поразительное лицемерие! Его блестяще разоблачил Жак Дюкло, напомнив с трибуны Национального собрания знаменитые слова одного из деятелей Великой французской революции, Сен-Жюста: «Нет свободы для врагов свободы».

Но именно врагам свободы и стремятся предоставить свободу действий псевдогуманисты из числа ревизионистов. Они клеветуют на истинный гуманизм, отстаиваемый коммунистическими и рабочими партиями. Это хорошо видно и на примерах из области литературы.

«Журнал социалистического гуманизма» — так аттестуют свой орган издатели и редакторы журнала «Нью ризонер», начавшего выходить в Англии летом минувшего года. Вокруг этого журнала объединилась группа ренегатов, бывших членов компартии Великобритании. Их программа нашла выражение в статье Э. Томпсона, которая так и называется: «Социалистический гуманизм». Продажные писаки из реакционных империалистских газет могли бы возбудить против автора иск в плагиаге, настолько старательно перепевает Э. Томпсон их домыслы насчет «сталинизма», «ждановизма», подавления личности в СССР, с таким жаром призывает он ни много ни мало к «восстанию» против советской идеологии, отождествляемой им с идеологией «антиинтеллектуализма». Э. Томпсона, как всякого предателя, не удовлетворяет и не может удовлетворить наша идеология уже потому, что, как он сам пишет, в основе ее лежит «преданность партийной организации, стоящая на первом месте у революционеров-профессионалов...» Подобно всем ренегатам и анархистам, Э. Томпсон пускается в длинные рассуждения о том, что политическая целесообразность не должна отменять «общечеловеческие моральные представления». Это дымовая завеса, помогающая Томпсону объявить классовую пролетарскую мораль синонимом «административного, бюрократического, давящего отношения к человеческим существам». Призывая к восстанию «против бесчеловечности», философствующий клеветник всячески противопоставляет абстрактного «человека вообще» обществу, коллективу, коммунистической партии. Широковещательные заявления о некоем новом «социалистическом гуманизме» завершаются следующей декларацией: «Это гуманизм, потому что он вновь ставит в центр социалистиче-

ской теории реальных мужчин и женщин вместо трескучих абстракций: Партия, Марксизм-Ленинизм-Сталинизм, Два лагеря, Авангард рабочего класса,— столь дорогих сталинизму».

О каком социализме может говорить человек, так злобно и глупо издевающийся над партией, над рабочим классом! Чего стоят все его декларации, если он высмеивает конкретные формы организации передового человечества для борьбы за социализм,— формы организации, помогающие миллионам реальных мужчин и женщин расти, идти вперед, совершать подвиги в труде и в борьбе! Святотатством звучат слова о гуманизме в устах человека, старательно пытающегося затоптать в грязь самое действительное оружие прогрессивного человечества перед лицом вооруженного до зубов империализма, живучей буржуазной идеологии!

Обвинять социалистическую систему в антигуманизме — самая подлая ложь, к которой могут прибегнуть только люди без стыда и совести. Мечту о действительно человеческих отношениях между людьми социализм — и только социализм! — превращает в живую реальность. Буржуазные либералы разглагольствуют о «прелестях» западного мира, а в это время буржуазия преспокойно грабит трудовой люд, развязывая колониалистские войны, обрекает на безработицу миллионы «лишних» рабочих. В странах же социализма принципы гуманизма обоснованы самым фактом отсутствия эксплуатации человека человеком, здесь навсегда развеян миф о разделении людей на «высшие» и «низшие» расы, здесь практически избавлена от бесправия самая забытая половина человеческого рода — женщины и т. д. Реальные, неопровержимые факты экономического, политического, культурного развития — вот что противостоит разглагольствованиям мнимых защитников гуманизма из «Нью ризонер» и подобных ему изданий.

Но, может быть, появление такого журнальчика, как «Нью ризонер», — простая случайность, единичный факт в современной политической жизни? Отнюдь нет, слишком уж поразительно совпадают высказывания его авторов с материалами, публикуемыми в то же время в других странах. Ревизионисты повсеместно атакуют принципы социалистической сознательности и организованности, ссылаясь подготавливать капитуляцию перед идеологией

анархистского индивидуализма, то есть перед капитализмом.

И надо прямо сказать, что на руку этим откровенным идеологам реакции играют все, кто снимает актуальный и острый, как никогда, в нынешней идеологической борьбе вопрос «кто — кого?», как это делают в ряде своих статей Ядвига Секерская (Польша), Георг Лукач (Венгрия) или Анри Лефевр (Франция). Это относится и к позиции некоторых югославских литераторов, прислушивающихся к голосам западных ренегатов и ревизионистов, отворачиваясь при этом от Маркса и Ленина.

Противопоставление абстрактного гуманизма гуманизму пролетарскому, социалистическому — лейтмотив многих выступлений этой части югославских литераторов. Иосип Видмар настойчиво требует «гуманизировать» социализм и его искусство. «Я думаю,— заявил он,— что для литературы важно, чтобы она гуманизировала нашу жизнь, потому что без этого процесса и политика не сможет ее спасти». Тезис этот не остался без поддержки. Критик журнала «Книжность» М. Бандич поспешил внести свою лепту в неблагоприятную работу по «переоценке» советской литературы. «Одним из самых важных принципов литературы социалистического реализма как средства государственной пропаганды, — пишет он, — является культ силы. Она (советская литература.— В. О.) пытается таким образом силой всадить в голову обычного среднего человека антигуманистический миф и комплекс героя, героизма, передовой положительной личности...»

Вот куда можно прийти, начав свой путь с тех отправных позиций, которые обозначены в призыве И. Видмара. «Гуманизировать жизнь», как мы можем убедиться, в данном случае означает «уберечь» «обычного среднего человека» от героизма, от борьбы и подвига. Это устраивает разве только тех, кто боится результатов этой борьбы и плодов подвига, совершаемого во имя победы социализма. Самого же «обычного среднего человека» такой «гуманизм» устроить не может!

Ревизионисты старательно смазывают тот факт, что значение понятия гуманизм — в ходе борьбы пролетариата и строительства социалистического общества — наполнилось новым смыслом; они всячески замалчивают принципиальное: от

личе этого понятия от абстрактного гуманизма.

Изображая социализм по-своему — как некое благостное состояние общества, изолированного от всякой борьбы, — современные ревизионисты приписывают ему и соответственный мещанский «гуманизм», евангельски-ласковый к «человеку вообще», независимо от классовых категорий, от реальных общественных конфликтов, от существующего деления мира на лагерь воинствующего империализма и лагерь социалистического созидания. Именно исходя из критериев такого псевдогуманизма пытаются сегодняшние ревизионисты рассматривать и оценивать произведения советской литературы. Естественно, что под этот ранжир подходят лишь те произведения, которые в силу различных причин оказывались вне того главного русла, в котором развивался метод социалистического реализма, а вместе с ним и наиболее значительные произведения нашего искусства.

Советская литература богата произведениями высокой гуманистической направленности, она страстно проповедует любовь к трудовому человеку. Но это не просто бездейственная жалость к униженным и оскорбленным, не просто слова о «свободе, равенстве и братстве». Наш гуманизм — чувство активное и деятельное, предполагающее неустанную борьбу за передовые идеалы и непримиримую ненависть к злу, насилию, реакции. Он учит беззаветно любить трудового человека и беспощадно искоренять зло, не останавливаясь перед применением силы против силы. Огромный гуманистический смысл заключен в словах: «Если враг не сдается, — его уничтожают». Они могли бы стоять эпиграфом ко всем произведениям, входящим в золотой фонд советской литературы.

Ревизионисты стремятся «защитить» литературу от партийного влияния. Для честного советского художника это влияние необходимо, как воздух, и связь его творчества с идеями партии сегодня естественна и неразрывна, как естественно его активное участие в повседневном созидательном труде народа. Художественные произведения, глубоко выражающие партийную позицию, помогают утверждению действительного гуманизма борьбы и свершений, разоблачению абстрактного морализирования. А это задача, имеющая огромное значение для всего переживаемого нами исторического периода.

В. И. Ленин в своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ указывал: «Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».

В ореоле такой нравственности изображается в нашей литературе передовой советский человек. Положительными героями советского искусства, естественно, стали не слюнвявые нытики, но волевые, энергичные деятели, чей образ может быть глубоко и верно раскрыт прежде всего в живом деле, в революционной практике во имя реального утверждения лучшей жизни, ее социалистических начал. Этими героями движут идеи пролетарского гуманизма, того самого гуманизма, за который всю жизнь боролся Горький.

«Гуманизм революционного пролетариата, — писал он, — прямолинеен. Он не говорит громких и сладких слов о любви к людям. Его цель: освободить пролетариат всего мира от позорного, кровавого, безумного гнета капиталистов, научить людей не считать себя товаром, который продается-покупается, сырьем для фабрикации золота и роскоши мещан...

Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, — ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей».

Эта-то активность в борьбе с миром насилия и претит некоторым современным псевдогуманистам, ограничивающимся сентиментальными заявлениями о любви к человеку и умалчивающим о решающем — непримиримой борьбе за утверждение социальной системы, только и дающей возможность осуществить принципы подлинного человеколюбия, — социалистической системы, «забывающим» призвать к активным действиям против врагов этой системы, а значит, и врагов гуманизма.

Выступая в принципе против всяческого насилия над людьми, коммунисты не закрывают с институтской стыдливостью глаза перед тем реальным фактом, что порой

неумолимая история порождает моменты, когда «применение народом насилия по отношению к насильникам над народом» становится необходимым. Без борьбы с классовым врагом трудовой народ не может избавиться от ига эксплуатации, без диктатуры пролетариата невозможно завоевать и отстоять власть, построить социализм. И эта борьба является высшим проявлением гуманизма, ибо она ведется за самые главные, величайшие интересы человечества, за уничтожение всякого неравенства, деления общества на классы, против войн и насилия. Тем, кто этого не понимает или не хочет понять, стоило бы вспомнить замечательные слова Ромена Роллана: «Если вам даже хочется отрицать понятие классовой борьбы, господствующий класс силой навяжет вам эту идею...»

Советская литература отразила основные этапы строительства социализма в нашей стране, взволнованно рассказала о становлении новой, социалистической личности, о развертывании творческой энергии и инициативы миллионов простых людей. Формирование и рост нового человека — ее главная тема. Но картина этого роста лишена какой бы то ни было идилличности. Как показали советские писатели, человек определяется и растет в жестокой, кровавой борьбе с силами старого мира, с врагами трудового народа, в борьбе с пережитками прошлого в собственном сознании. И если ему удается преодолеть любые трудности, то только потому, что он действует не в одиночку, а как частица могучего сплоченного коллектива, ведомого в бой авангардом рабочего класса — Коммунистической партией.

Жизнь показала, что теориям абстрактного гуманизма нужно давать более решительный отпор, чем это делали порой наши критики и литературоведы. Между тем иногда литературно-критическим работам и художественным произведениям нашего времени недостает активности в утверждении идей боевого социалистического гуманизма. Это относится и к истолкованию проблемы положительного героя. В представлении ревизионистов-морализаторов ведущим литературным героем современности является человек раздвоенной души, мягкотелый, раздраемый внутренними противоречиями, неспособный слить личные интересы с общественными. Этому «идеалу» с достаточной полнотой удовлетворяет герой повести Говарда Фаста «От Иоанна» —

мелкобуржуазный интеллигент, постепенно и последовательно вынашивающий идею предательства по отношению к рабочему классу и компартии, в которой он состоит. Удивительное, но, как теперь ясно, не случайное совпадение судьбы литературного персонажа и его создателя!

Люди смятенной души, безыдейные рефлексивные «гамлетики» не могут претендовать на роль положительных героев социалистической литературы, как бы ни хотелось этого ревизионистам и нигилистам. При всем индивидуальном несходстве человеческих типов, изображаемых нашим искусством, главным его героем был и остается «человек миропонимания», по выражению Горького, революционный борец, в ком олицетворены силы воинственного, переделывающего мир социалистического гуманизма.

Наибольшую любовь читателя завоевали книги, изображающие большие, крупные характеры советских людей, героев и победителей. Чувство социалистического первородства испытывает каждый, перечитывая строки «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, где рассказано, как комиссар Семен Воробьев сумел пробудить к активной жизни лишившегося обеих ног летчика Алексея Мересьева. Не действовали никакие аргументы, и тогда Воробьев выдвинул решающий:

«— Но ты же советский человек! — настаивал Комиссар.

— Советский человек, — машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаз от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно радостным взглядом».

Вот лучший ответ на вражеские домыслы о том, будто социализм обедняет человеческую личность! До каких высот духа поднимаются люди, воспитанные партией коммунистов, сколько в них несгибаемой нравственной силы, внутренней красоты! Советский человек — какое идейное и духовное богатство стоит за этими словами! Широким философским обобщением выглядит концовка рассказа Алексея Толстого «Русский характер»: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила — человеческая красота».

Ревизионисты хотели бы лишить эти понятия — «советский человек», «русский характер» — их действительного значения,

выдать их за некие условные заклинания. Это желание тщетно. История нашего общества наполнила эти слова огромным, вдохновляющим содержанием, вызывающим у каждого из нас множество конкретных ассоциаций.

А. Н. Толстой в «Русском характере» образно выразил мысль, проходящую красной нитью через десятки литературных произведений. О высочайших моральных качествах советских людей рассказал Л. Леонов в пьесе «Нашествие»; прекрасные, гордые слова говорит перед казнью своим товарищам партизанам Ольга Таланова: «Идти в ногу, глядеть легко, весело... Красивыми, красивыми быть, товарищи!» А разве не это же ощущение всемирно-исторической миссии советского народа выражено в речи героя павленковского «Счастья» — Воропаева — на митинге в честь победы: «— На передний край человечества вышел советский человек... Отныне и вечно будем мы стоять перед глазами человечества, как самые сильные и справедливые люди на земле!..»

Самые сильные и самые справедливые — эти определения естественно стоят рядом, когда идет разговор о передовых советских людях. Их отличает непримиримость к враждебной идеологии и гуманистическая забота о судьбе трудового люда всех стран и народов. Рисую таких положительных героев, советские писатели активно утверждают силу и непобедимость новых, социалистических отношений, видят свой долг в том, чтобы активно, наступательно бороться против всех и всяческих попыток заразить советских людей ядом безыдейности, пессимизма, скепсиса.

Критика, которой недавно подверглись произведения, чернящие жизнь, исходила из необходимости развенчать тенденции одностороннего негативного отношения некоторых авторов к действительности, отсутствие у них пафоса борьбы за гуманистические идеалы. В таких книгах не нашлось места полнокровным положительным героям, здесь действовали либо маниаки-одиночки, противостоящие коллективу и истощно вопящие о засилии бюрократов, либо лицемеры, по-разному ведущие себя на собрании и в неофициальной обстанов-

ке, либо персонажи, у которых настолько переплелись хорошие и дурные задатки, что в мнимой «сложности» их характеров уже никто не в силах разобраться. Это не герои современности, а жалкие обыватели, уныло брюзжащие о своих «обидях», а иногда внезапно поднимающие крик о чьей-то несправедливости, о «смелости» и т. д.

Стремительное развитие народной жизни, ясная и последовательная политика партии помогают нам быстро и точно оценить писания нигилистического толка и нейтрализовать их растлевающее влияние. Не менее важно до конца преодолеть некоторые предрассудки, проявившиеся в нашей литературной практике. Порой даже вдумчивые, серьезно работающие писатели задумываются над тем, не приведет ли яркое, подчеркнутое изображение нового в людях к лакировке и возрождению справедливо осужденной теории бесконфликтности? Такое сомнение неосновательно. Ведь новое в жизни и людях утверждается путем ожесточенной борьбы со всем косным, устаревшим, и честный художник никогда не обойдет этой борьбы, он покажет и те силы, которые тормозят наше движение. Художник социалистического реализма, видящий действительность в ее развитии, с присущими этому развитию противоречиями и борьбой, не может прийти на этом пути к лакировке и бесконфликтности, ибо тут он погрешит против жизненной правды. Что же касается больших характеров, ярких страстей, то они присущи не равнодушным ко всему обывателям, а борцам, энтузиастам, новаторам, и рассказ о том, как приобретаются такие качества, поможет читателям в их политическом и нравственном росте. Никого не удовлетворяют книги, где в качестве положительных действуют бесхребетные, вечно рефлектирующие персонажи. Народу, как воздух, нужны произведения о людях сильных, мужественных, убежденных, и если эти подлинные герои нашего времени будут изображены во весь рост, во всей нравственной значимости, это сделает их образы еще более убедительными и масштабными. Это будут образы активных борцов за коммунизм — тех самых людей, кто перестраивает мир и кому принадлежит будущее.

Е. ГАЛЬПЕРИНА

★

АФРИКА ГНЕВА И НАДЕЖДЫ

(Заметки о современной африканской поэзии)

Повсюду в Африке, в независимой Гане и в сражающемся Алжире, в Сенегале и Нигерии, в португальских колониях и на Мадагаскаре, вырастает сейчас передовая поэзия. Данная статья посвящена поэтам, пишущим на французском языке, поэтам Сенегала, Берега Слоновой Кости, Французской Гвинеи, Конго, а также поэтам Мадагаскара (подборка стихов этих поэтов опубликована в № 5 «Нового мира»).

Мы еще так мало знакомы с современной литературой Африки, что стихи эти удивляют нас. Они удивляют прежде всего многообразием непривычных для нас образов, тем, поэтических форм. Эти стихи самобытны, но многие из них показывают естественное овладение большой европейской культурой. Мы как-то не ожидали увидеть сразу столько африканских поэтов, столь не похожих друг на друга, таких, как Бернар Дадье и Леопольд Седар Сенгор, Давид Диоп и Поль Нигер, Марсиаль Синда и Нене Кхали, или поэты Мадагаскара — Жак Рабеманандзара и Флавьен Ранаиво.

Среди них есть и известные политические деятели, как Сенгор и Рабеманандзара, и люди, подобно Дадье, занявшие заметное место в культурном движении Африки, и совсем молодые поэты, как Синда и Кхали.

И все же всех их объединяет борьба против колониализма, стремление создать независимую и свободную Африку, хотя пути, ведущие к этой цели, вероятно, понимаются ими различно.

В пробуждении огромного африканского континента литература начинает играть все большую роль, причем поэзия — это вполне естественно — обгоняет прозу и находящуюся в зачатке драматургию. Бурное развитие современной африканской

поэзии, создаваемой на французском языке, началось в годы второй мировой войны. Значительной вехой в объединении сил этой поэзии явился 1948 год, когда вышли большая Антология негритянской и мальгашской поэзии Сэнгора, где поэты Африки и Мадагаскара были представлены наряду с негритянскими поэтами Антильских островов, Антология народной африканской поэзии Л. Дамá и составленный им же сборник «Поэты, пишущие на французском языке». Особенно много поэтических сборников появилось в 1956 году, к открытию в Париже Первого всемирного конгресса деятелей негритянской культуры. Тогда вышли книги стихов Сенгора, Дадье, Давида Диопа, Боламба, Синды, Кхали и других. В 1957 году в Париже издан сборник стихов Феликса Чикайи «Огонь бруссы». В последние годы обостренный интерес к Африке и ее культуре в самых различных странах и в самых различных кругах вызвал появление антологий негритянской и африканской поэзии и статей о ней.

Мы еще слишком мало знаем эту поэзию, чтобы делать какие-то серьезные обобщения, хотя знакомство с этими антологиями и сборниками и позволяет высказать первые впечатления.

Но прежде чем говорить об общих вопросах, надо хотя бы вкратце представить читателю наших африканских друзей.

Бернар Буа Дадье (р. 1916) — поэт, романист, собиратель фольклора — хорошо известен как один из передовых деятелей африканской культуры. Родина Дадье — Берег Слоновой Кости. В романе «Клембье», вышедшем в 1956 году, повидимому, много автобиографического. Чувствуется, что Дадье, вышедший из демокра-

тических низов, сам прошел через трудное, одинокое детство. Служба в колониальной администрации была полна для него унижений. Можно ли удивляться тому, что он стал в ряды борцов за новую, свободную Африку, что он выступил как поэт-трибун. Стихотворение Дадье «Ты — хозяин», созданное на большой волне национально-освободительного движения конца 40-х годов, прозвучало как мужественный, страстный призыв ко всем народам Африки стать хозяевами своей земли, своей судьбы. Написанное в широкой, размашистой манере, оно близко к современным формам европейской политической поэзии. Через несколько лет после первого сборника «Африка во весь рост» (1950) вышел второй сборник Дадье «Чередой дней» (1956). За годы, прошедшие между ними, Дадье выпустил книгу африканских легенд, книгу сказок, и занятия фольклором отразились на формах его поэзии. Вплетая в современную политическую лирику поэтические приемы фольклора, он создает новый образ африканца — не того несчастного бедняка, каким его видит белый, не только человека, несущего на себе все страдания мира, но и человека, «богатого мечтами», ощущающего за собой могучую страну с большим прошлым и великим будущим. В лучших стихах, таких, как «Ты—хозяин» или «Не люблю!», он создал образы большой силы.

Известный политический деятель, депутат Национального собрания Франции от Сенегала, Леопольд Седар Сенгор (р. 1906) является и одним из наиболее известных и образованных поэтов Африки. Родившийся в Сенегале, Сенгор закончил образование во Франции, получив там ученую степень доктора наук. Он преподавал греческий и латинский языки в высших школах Франции. В последние годы Сенгор играл видную роль в объединении антиколониальных движений французской Западной Африки, в организации Национального фронта. Талантливый и своеобразный поэт, Сенгор — автор нескольких сборников стихов: «Песни в сумраке» (1945), «Черные жертвы» (1948), «Песни для Наэтт» (1949), «Эфиопские мотивы» (1956), а также многих работ об африканской поэзии.

Поэзия Сенгора сложна, интеллектуальна, часто перегружена субъективными ассоциациями, и многие стихи Сенгора трудны для восприятия. В стихах Сенгора постоянно проходит образ блудного сына, возвращаю-

щегося к родине после скитаний по чуждой Европе (например, в поэме «Возвращение блудного сына»). Холодной европейской цивилизации противопоставляется родина, часто возникающая у Сенгора в теплых образах детства, в воспоминаниях о ее природе, могучей («Конго») или нежной, о ее обрядах и т. д. Уже в самом перечислении предметов дорогого ему «царства детства» Сенгор видит пророчество о будущем возрожденной, независимой Африки. В еще большей мере это относится к ее исторической традиции, занимающей очень большое место в поэзии Сенгора.

В произведениях Сенгора часто встает проблема сложных взаимоотношений личного и общественного, политики и поэзии. Болезненное ощущение постоянных противоречий между политикой и поэзией сближало Сенгора со многими буржуазными и, в частности, французскими писателями XX века. В лирике Сенгора, как и в его поэме «Чака», мы встречаем мысль о том, что человек действия, человек политической борьбы будто бы обречен на то, чтобы отречься от любви, личного счастья. Но позднее эти противоречия, по-видимому, снимаются и в жизни и в творчестве Сенгора. Во всяком случае, в интервью 1957 года Сенгор говорил о том, что деятельность политика и поэта для него неразделима, что политическая деятельность, обратив его к другим людям, обогатила его творчество. Сенгор связывает это со всем социальным и действительным, по его словам, характером африканского искусства. В разрыве же между политикой и поэзией он видит явление европейского декаданса.

Стиль Сенгора своеобразен. Отказываясь от рифмы, сам Сенгор подчеркивает решающее значение для африканской поэзии ритма и образа. Пышный, изобилующий сложными образами стих Сенгора видоизменяется в различных его сборниках, оставаясь в целом философическим и торжественным. Очень естественным кажется поэтому для Сенгора использование эпических ритмов греческого стиха. Это своеобразно сочетается с изобилием образов, порой близких к образности французских сюрреалистов. Но не эти влияния определяют стиль Сенгора. Напротив, они сами отвечают его потребности в торжественно-эпической интонации, его стремлению отойти от классической европейской строфики и рифмы. Сам Сенгор подчеркивает, что истоки его стиха — в на-

родной поэзии, которую он многие годы упорно собирает и изучает.

Среди молодых поэтов Африки выделяется талантливый Давид Диоп (р. 1927), сенегалец по отцу, родившийся во Франции. Уже ранние его стихи, опубликованные в 1948 году в антологии Сенгора («Время страдания», «Вызов насилью», «Мучайся, бедный негр»), говорили о ярком даровании. Это поэзия ясной мысли и резких чувств, направленная против колониализма, поэзия лобового удара. Лучшие стихотворения Диопа лаконичны и отточены. И в них современный свободный стих своеобразно сочетается с чертами народных песен, с их повторами и параллелизмами, например:

Белый убил моего отца,
 Был горд мой отец.
 Белый опозорил мать мою,
 Была красавицей мать...

В сборнике стихов Диопа «Удары пестика» (1956) тема национально-освободительной борьбы развивается полнее и шире, чем в ранних стихах, может быть несколько теряя в лаконизме выражения. Горизонт поэта раздвигается, борьба Африки приобретает международную перспективу, возникает переключка между освободительной борьбой Вьетнама и Африки, мотив братства народов. Давид Диоп принадлежит к тем африканским поэтам, у которых любовь к родине наиболее органично сливается с идеями интернационализма.

Совершенно своеобразен облик сенегальского поэта старшего поколения Бираго Диопа (р. 1906). Это тонкий знаток африканского фольклора, о чем говорят его изящные «Сказки Амаду Кумба» (1947). Работая врачом и разъезжая по глухим африканским селениям, Бираго Диоп сохраняет тесную связь с крестьянством. Может быть, поэтому он так естественно воплощает старинные верования и предания не только в поэтической прозе сказок, но и в стихах. Примером этого являются его «Дыханье предков» или «Диптих». Как ни странно, но именно Бираго Диоп, столь погруженный в африканский фольклор, превосходно владеет классическими формами европейского стиха, свободно чувствует себя среди рифм, являясь в этом, пожалуй, исключением среди своих собратьев. Стихом он владеет мастерски, развивая ту игру аллитераций, внутренних рифм и повторов, которые свойственны африканской народной поэзии. Так, например, в интересном стихотворении «Аккорды»

он блестяще передает аллитерациями перебор струн.

Близость ритмов новой поэзии к ритмам там-тама видна в стихотворениях молодого поэта Французской Гвинеи Нене Кхали (р. 1930). Стихи его небольшой книжки «Лагуны» (1956) стремятся передать пьянящие ритмы там-тама и народных плясок. Порой они дают острое ощущение могучей природы Африки, изобилия земли и полноты жизни. Однако в ряде стихотворений Кхали мы видим такое воспевание старинных жестоких обычаев, связанных с древними верованиями, такое чрезмерное погружение в чувственность, которое для молодой прогрессивной поэзии является весьма спорным.

Еще неровны стихи в первой книге молодого студента с Конго Марсалия Синды «Первая песнь отъезда» (1956). Но несколько стихотворений обращают внимание своими сильными призывами покончить с молчанием и терпением. В них слышится гневный голос молодого поколения африканцев. Не умирающая в сознании негра память о страшном, душном мире рабства («Свет зари»), столь осязательная, что мы вместе с автором ощущаем запах веревки на человеческой шее, вызывает в молодом поэте не только отчаяние, но жажду действия. Очень своеобразно и стихотворение «Даба», где африканская мотыга стала символом страдающего крестьянства. «Даба» написана в форме народной песни. И повторами самого крика «дабы» и повторами угрожающей фразы: «Слышите, это даба кричит?» — стих Синды, неуклюжий, тяжелый, как глыба земли, дает ощущение медленно нарастающей грозной силы.

Все стихи единственного сборника Поля Нигера «Посвящение» (1954), датированы 1944—1946 гг. — годами, когда среди битв мировой войны с новой силой пробудились надежды колониальных народов на коренные перемены в их судьбе. Уже отмечали, что Африка предстает в стихах Нигера под своеобразным углом зрения. Он видит ее и свежим глазом пришельца (он родился на Гваделупе) и глазами человека, который нашел в ней свою родину и глубоко лично переживает ее судьбы. Поэма «Я Африку такую не люблю» заслуженно вошла в несколько антологий негритянской поэзии. Это произведение философско-исторических размышлений и глубокого лиризма. Все в нем необычно — и форма белого стиха, и неожиданные образы, и гневная, ироническая ин-

тонация, доходящая до сарказма, и резкие переходы от сарказма к лиризму. Нигер пытается осмыслить судьбы Африки на переломном этапе ее истории. Он страстно отрицает в ней «страну молчания и терпения», какой хотели бы видеть ее колонизаторы. Его гневные богохульства, его иронические рассказы о том, как цинично белый бог поступил с Африкой, становятся понятными, если вспомнить, как умело колонизаторы использовали католицизм для насаждения «терпения и молчания». Политическая страстность поэмы ощущается не только в ее сарказмах, но и в мечте Нигера о том, чтобы Африка стала землей, где человек снова обретет свое достоинство, станет Человеком. В лирической концовке поэмы, говорящей о том новом ритме, который может принести миру пробудившаяся Африка, сквозит часто повторяющаяся у африканских поэтов мысль об исконной поэзии и человечности, гаящихся в народах Африки, которые они должны сохранить в себе, усвоив все лучшее, что есть в современной цивилизации. В другой своей поэме — «Ночь вблизи Мекру» — Нигер опять возвращается к размышлениям о путях Африки. Он равно далек и от иронического презрения к «бездушной технической цивилизации Европы» и от всякой идеализации африканской отсталости. Разве не странно, как бы говорит поэт, что он, Нигер, несет самые простые орудия цивилизации тем, кто уже столетия назад воздвигал большие города и лил бронзу. Путь Африки, очевидно, в понимании Нигера, ведет от этих традиций народов-созидателей через овладение техникой Европы к новому гуманизму. Поэмы Нигера очень привлекают тем, что резко выраженное национальное своеобразие их лишено всякой стилизации. Оно естественно и современно.

В чем же своеобразие африканской поэзии, «душа» ее?

Хочется сразу же начать с возражений против мыслей, высказанных по поводу африканской поэзии некоторыми западными литераторами. С легкой руки Ж.-П. Сартра, озаглавившего свою большую статью в антологии Сенгора «Черный Орфей», это выражение стало модным. Образ Орфея возник потому, что существеннейшую черту африканских поэтов видят в том, что они, подобно Орфею, спускаются в ад своей черноты, своей «негритянской сущности». Но своеобразие современного положения афри-

канцев состоит как раз в том, что они энергично выбираются из ада колониального рабства на широкую дорожку развития вместе со всеми другими народами.

Дело, конечно, не в неудачном образе. Дело в том, что на Западе не только часто подчеркивают в творчестве поэтов Африки его своеобразие (это, разумеется, законно), но и стремятся как бы стеной отделить его от творчества других народов. Так поступают не только враги, но нередко и те, кто пишет об африканской поэзии с симпатией и даже с восхищением. Порой противопоставляют африканские народы, как народы исконно поэтического восприятия мира, народам Европы, борьба которых будто бы лишена поэзии и ограничена политическими лозунгами и мелкими будничными требованиями. Исконную поэтичность африканских народов видят в целостном восприятии мира, в непосредственном единстве с природой, свойственном крестьянскому укладу жизни. Их поэзию и искусство неразрывно связывают с магией, религией, анимизмом. Так, например, в послесловии к немецкой антологии «Черный Орфей», вышедшей в Мюнхене в 1954 году, ее составитель Х. Ян, ссылаясь на работу Темпельса о философии банту, пытается ограничить сознание современных африканцев культом предков, той философией, которая столетиями отливалась в анимистских верованиях и представляется как бы застывшей. Подчеркивается некая извечная мистическая «душа негра», которую охотно сближают с декадентским искусством Запада, с идеалистической физикой, с философией экзистенциализма.

Не так ли в конце прошлого века извращали во Франции Толстого и Достоевского? Столько слов было сказано по поводу «извечной мистики славянской души», патриархально-мужицкой природы русского человека! Теперь говорят об извечной мистике «черной души». Конечно, не зная философских и религиозных представлений африканских народов, трудно понять многие образы современной африканской поэзии. Но, сводя нынешние идеи, чувства, стремления и надежды этих народов к магии и анимизму, понять ее вовсе невозможно.

На Западе мы видим упорные попытки сблизить все виды африканского искусства с модернизмом, с кубистской живописью, с сюрреалистской поэзией, с идеалистической современной философией. Иногда это демагогия колонизаторов, порой — искреннее восхищение тех, кто считает искусством

уродства модернизма. Но во всех случаях это — искажение, ибо основой этих сближений является понимание современного мировоззрения и искусства африканских народов как застывших на той стадии, на которой они стояли столетия назад. Да и столетия назад Африка знала искусство высокого реализма.

В этой связи знаменательна дискуссия о поэзии, развернувшаяся в 1955—1957 годах в прогрессивном африканском журнале «Презанс Африкэн», в которой приняли участие поэты Африки и Антильских островов. В итоге дискуссии выяснилось, что большинство передовых поэтов Африки выступает сейчас за реализм поэзии, за ее участие в современной борьбе, за национальную форму и использование традиций народного творчества. Антильский поэт Депорт определял современную поэзию как школу героизма и душевного величия. По словам Давида Диопа, поэт вносит свой вклад в возрождение национальных культур, отражая современную Африку во всех ее противоречиях, утверждая ее веру в будущее, борясь стихом за уничтожение колониального режима. Не только в прозе, но и в поэзии молодая африканская литература твердо становится на позиции реализма. Прогрессивный африканский ученый и публицист Шейх Анта Диоп в своей известной книге «Негритянские нации и культура» подчеркнул не только наличие реалистического искусства в прошлом Африки, но и необходимость его в наши дни. Задача художника, писал он, — ставить социальные проблемы, быть в центре событий, чтобы помочь своему народу открыть и понять действительность, задача художника в том, чтобы дать народу идеал величия, и тогда художник ответит запросам эпохи и своего народа.

Современную африканскую поэзию можно понять только в свете той новой роли, которую гигантские континенты Азия и вслед за ней Африка начинают играть в мировом соотношении сил ныне, когда распадаются недавно еще мощные колониальные империи. «Душа» африканской поэзии сейчас в освободительной борьбе. Поэты хотят активно участвовать в процессах становления и формирования новых наций на гигантском африканском континенте. Поэты видят свою важнейшую задачу в пробуждении национального самосознания в народах Африки.

Читая стихи Сенгора и Давида Диопа,

Дадье и Нигера, Бираго Диопа или поэтов Мадагаскара, мы видим, что они стремятся пробудить национальное самосознание самыми различными средствами от прямого удара по своему врагу — колониализму до иных, более косвенных форм, будет ли это воспевание африканского пейзажа или бережное собрание народного творчества.

Эти стихи говорят о чрезвычайном разнообразии поэтических образов, в которых зреет самосознание нации.

Новые песни уже не похожи на «спиритчуэлз», эти протяжные, заунывные песнопения черных рабов. Конечно, ужасы рабства не могут просто изгладиться из памяти униженных в прошлом народов. Но эта память исторгает у поэтов не стон, но стих, гневный и резкий, подобно удару хлыста, какой мы встречаем у Давида Диопа или Бернара Дадье. Появилась и новая интонация, которую сразу заметили во Франции, — интонация откровенного презрения к белым колонизаторам и их цивилизации. Презрение звучит и потому, что появилась уже уверенность в своей силе, и потому, что была сила противника все более подтачивается. А главное, молодые поэты Африки начинают глядеть на своего противника с высоты идей нового гуманизма.

Годами колонизаторы внушали, что черный человек — человек низшей породы, и во многих африканцах это неизбежно рождало ощущение своей неполноценности. В новой поэзии мы видим попытку переосмыслить свою «черноту». «Нет, чернота моей кожи — это не знак беды!» — восклицает Бернар Дадье. Не только не знак беды, но красота. В воспевании поэтами Африки прелести черных женщин в таких образах, как «черное вино любви» или «черная ночная роза», мы видим естественное стремление поэтов свое понимание красоты поставить в один ряд с идеалом красоты других народов.

Идеологи молодой Африки не случайно подчеркивают сейчас роль истории для них. Когда народ начинает строить свое будущее, в нем должна жить память о его прошлом. В поэзии теме национальных традиций, традиций древнеафриканских государств, независимых, мощных, с большими городами и развитыми ремеслами, уделяется огромное место. Речь идет не только о произведениях, специально посвященных этой теме. Почти все творчество Сенгора, поэтов Мадагаскара, поэмы Нигера, многие стихи Дадье пронизаны отзвуками и образами бы-

лого величия Африки. Правда, у некоторых поэтов реже встретишь упоминание о труде народов-созидателей, чем имена завоевателей, основателей и членов королевских династий. Но у народов, идущих к созданию новых независимых государств, интерес к государственным традициям прошлого вполне понятен.

Эти черты особенно ярки в поэзии Сенгора. Его поэма «Возвращение блудного сына» переполнена обращениями поэта к властителям древних королевств Судана, к основателям и членам королевских династий Сенегала, к тем царственным предкам, которых согласно обычаям Африки величают именами Львов или Слонов (сигонимы величия, храбрости, силы). Традиция предстает таким образом у Сенгора в несколько одностороннем освещении. Но постоянные воспоминания о величии древних государств, о мудрости и отваге их собирателей имеют, конечно, вполне современный смысл. Они связаны с мечтой поэта о новых мощных, независимых африканских государствах. Это очень своеобразно проявилось и в драматической поэме Сенгора «Чака» (1951), посвященной знаменитому вождю зулусов Южной Африки, жившему в первой половине XIX века. Историческая роль Чаки, талантливого военачальника, была в том, что он содействовал объединению в единое целое разрозненных зулусских племен. Европейские реакционные историки замолчали эту прогрессивную сторону деятельности Чаки и извратили его облик, чрезвычайно обыграв те черты личной жестокости, которые, по-видимому, действительно были ему свойственны. Для этих историков фигура Чаки, как и вообще все прошлое Африки, сводится к варварству и жестокости. В поэме Сенгора, в словах, которые произносит «белый голос», воплощено то, что история сказала о Чаке устами белых колонизаторов. Сенгор восстанавливает положительный смысл деятельности вождя зулусов и, модернизируя его образ, дает его устами резкую критику европейской цивилизации, обезчеловечивающей, лишаящей народы колоний радости труда.

Утверждению национального самосознания служат и многочисленные образы родины, красочные пейзажи африканской поэзии. Часто встречается образ «пламенного дерева» с алыми огненными цветами, которое стало уже в поэзии постоянным символом расцвета и свободы роди-

ны. Земля Африки часто возникает в образах изобилия — изобилия дождей, лесов, плодов. И это тоже знак перехода от поэзии страдания к поэзии утверждающей — народ как бы уже превосходит то время, когда его освобожденная земля заиграет всеми красками. Он ощущает себя не только сыном, но в недалеком будущем — подлинным хозяином своей земли. И эта черта роднит сегодня африканскую поэзию с передовой поэзией всех народов, идущих к своему освобождению.

Даже глубоко личные темы приобретают у поэтов Африки своеобразное патристическое звучание. Так, образы матери или возлюбленной поэта сливаются, в особенности у поэтов, живущих на чужбине, с образом далекой и прекрасной родины, Родины-Матери, Родины-Возлюбленной. Это можно видеть и в поэме Сенгора «Конго» и в его «Песнях для Наэтт». Это рождает такие образы его, как «чистый горизонт твоего лица», образы, которые кажутся нам причудливыми, но совершенно естественными у поэта, для которого облик возлюбленной сливается с обликом родины.

Африканская поэзия в гораздо большей степени, чем думают, — поэзия мысли, а не только неистовых чувств. Мы находим в ней постоянное раздумье о судьбах Африки, о путях ее развития, о ее месте и роли в мировой истории. Все чаще возникает сопоставление двух цивилизаций — африканской, древней, естественной, человеческой, и западной, потерявшей живую душу, технизированной, погрязшей в войнах. В резкой и презрительной критике западной цивилизации, которую поэты Африки судят беспощадным судом пострадавших, есть много справедливого. Их упреки бьют по обезчелоченности буржуазного мира. Однако нельзя не заметить, что порой у африканских поэтов западная цивилизация предстает слишком единой, нерасчлененной. И противопоставление Африки, приносящей миру душу и человечность, технизированному Западу кажется тогда несколько искусственным. Такой оттенок есть, например, и в поэме Сенгора «Нью-Йорк». Однако большинство передовых поэтов Африки, конечно, не мечтает о сохранении примитивных форм жизни или о возвращении к провинциальным этапам истории. Их стихи дают основание думать, что они, подобно Шейху Анта Диопу, считают, что прийти к новой Африке можно, лишь обогатив свой опыт научным, техни-

ческим и общественным опытом всего современного мира.

Все чаще у передовых поэтов Африки патристическое чувство срастается с чувством международного братства. Это ощущается и в стихах Дады, посвященных международным фестивалям, и в сближении Давидом Диопом освободительной борьбы Африки и Вьетнама, и в подчеркивании Сенгором различий между белыми колонизаторами и «голубоглазыми братьями нашими». И это также говорит о том, что наступил совершенно новый этап освободительной борьбы африканских народов, неотделимый ныне от борьбы всех народов мира.

Африканской поэзии присущ особый, резко повышенный жизненный тонус, столь ярко проявляющийся в напряженных ритмах там-тама, неистовость чувств, сила страстей. Многие связывают эти черты со своеобразной философией древней Африки, философией, в которой бог, предки, люди, животные и растения представляют лишь разные ступени, как бы разную степень конденсации жизненной силы. Мы далеки от мысли, что эти тысячелетние понятия не играют роли в становлении новой поэзии. Они слишком срослись с бытом, музыкой, ритмами там-тама, с народной поэзией. И все же едва ли можно только с этим связывать то постоянное мощное воспевание жизни, которое пронизывает всю современную африканскую поэзию. Это — новая уверенность в себе и в будущем своих народов. Древние понятия переходят сейчас в новое миропонимание, связаны с новой философией, уже лишенной религиозного оттенка, с новыми перспективами общественного развития. Думается, что в своеобразном сплетении черт, идущих еще с древних времен, с современным оптимизмом и рождается то восторженное утверждение жизни, которое в самых разных формах предстает в стихах Сенгора, Жака Рабеманандзары, Давида Диопа.

Быть может, именно с этим связан и особый, несколько непривычный для нас характер любовной лирики африканских поэтов, ее обостренная чувственность, лишенная, однако, всякой фривольности, напротив, выражаемая часто в торжественных интонациях гимна. Даже пейзажи нередко полны образов чрезвычайной и подчеркнутой чувственности. Это непривычно для нас, но, по-видимому, представляет черту, входящую в национальную форму африканской поэзии.

Это резко повышенное ощущение силы и полноты жизни в огромной степени определяет поэтические особенности африканских стихов, в которых чувства и краски почти всегда лишены полутонов, в которых так часты переходы от глубокой ночи к ярчайшему солнцу, от безмерности страдания к восторженному славословию жизни.

У всех этих поэтов, от Сенгора до Синды, сложное и трудное положение — они пишут на французском языке, чуждом и непонятном для их народов. Они вынуждены это делать отчасти потому, что, при богатстве языков и устной поэзии, письменность у их народов порой недостаточно развита. Другая же причина в том, что большая часть поэтов, как и вообще африканской интеллигенции, получала образование во французских школах Африки и заканчивала его во Франции. Французский язык чужой для них, но вместе с тем это язык, на котором они учились, усваивали культуру и сами создают ее.

Но чужой язык — не просто внешняя форма стиха. Он несет с собой и неизбежное влияние другой культуры, тем более столь сильной, как французская. Бессмысленно было бы отрицать влияния французской литературы (романтиков, неоромантиков, Рембо, современной поэзии) на молодых африканских поэтов. Важно другое — случайны ли эти влияния, подавляют ли они своеобразный облик поэта? Мы видим, что каждый поэт берет у французской культуры то, что отвечает его видению мира. Если Сенгору близок Рембо, а Жаку Рабеманандзару — неоромантики, то молодому Давиду Диопу созвучна современная политическая поэзия. И поэтому, при очевидных влияниях, стихи поэтов Африки по идеям, чувствам, образности и ритмам глубоко своеобразны и национальны. Эти поэты сознательно идут прежде всего от форм народной африканской поэзии. Это подчеркивали участники поэтической дискуссии, отказываясь механически усваивать чуждые им формы традиционной европейской строфики или рифмы, несвойственные их народной поэзии. Основным организующим началом стиха они часто, как, например, Сенгор, считают образ и ритм, и прежде всего ритм там-тама, играющего такую большую роль во всей жизни африканских народов; ведь в Африке там-там и передает вести, и сообщает о событиях, и вторит песням народных сказителей-гриотов, ритм постоянно сопровождает народные

пляски и празднества. Вот почему у африканских поэтов мы встречаем такие восторженные воспевания там-тама, такие образы, как, например: «Там-там рождает ночь и селенья вокруг» (Сенгор). Подчеркивая значение ритма, почти все поэты предпочитают белый стих, чрезвычайно разностопный, более близкий их народной поэзии. Но, стремясь сохранить национальную форму поэзии, лучшие из поэтов не просто повторяют формы народных песен, но обновляют и развивают их, достигая органического слияния их с новым содержанием. Так, например, в современную поэзию очень часто вводятся повторы и параллелизмы народных песен, которые воспринимаются как существенный элемент ритма. Они очень своеобразно сливаются с резко современными политическими образами в стихах Дадые или Давида Диопа. Таковы переходящие, усиливающиеся повторы:

Не люблю я звона ключей,
Ключей в руках часовых,
Часовых у каменных тюрем,
Тюрем возле кладбищ.

(Б. Дадые)

Или:

Голодны дети твои,
Голодны, а лачуга пуста,
Пуста: ведь жена твоя спит,
Спит в господской постели.

(Д. Диоп)

На параллелизмах построены такие острые политические стихотворения, как «Время страдания» Давида Диопа и «Не люблю!» Бернара Дадые. Особенно это последнее стихотворение заинтересовывает нас как превосходный образец африканской политической поэзии. Безумие военной Европы раскрыто здесь через восприятие ее простым африканцем в образах, казалось бы, неожиданных и чрезвычайно сильных: галстук воспринимается как ошейник, солдатский ремень — цепь, каска — железный колпак, часы — смерть.

Исследователи подчеркивают значение звукоподражания в языках африканских народов и богатую игру ассонансов, внутренних рифм, аллитераций в народной поэзии. Конечно, вобрать их в поэзию, создаваемую на чужом языке, очень трудно. Но многим поэтам это удается, и, например, Бираго Диоп достигает в этом большого мастерства.

Народная поэзия в Африке неотделима от музыки. Ее не читают, но произносят или поют. По словам Л. Дама, любое событие, любой факт, хотя бы и самый мелкий,

вызывает рождение таких песен, создаваемых народом и для народа. Вот почему, по-видимому, некоторые из африканских поэтов ищут такие формы, которые снова сблизили бы стихи с музыкой. Так, например, Сенгор в послесловии к сборнику «Эфиопские мотивы» пишет, что характер исполнения не менее важен, чем самый текст. Поэтому так часто он дает к своим стихам указания: для флейты, кóры, балафонга или для нескольких инструментов. Можно читать эти стихи, сопровождая их музыкой, или читать их на сплошном фоне музыки, или, наконец, петь эти стихи. Сенгор тяготеет к той слитности различных родов искусств, которая связана с народными празднествами, и пытается использовать подобные формы в своих драматических поэмах, где наряду с героем выступают корифей и хор.

В этом плане интересны и попытки Кейта Фодоба использовать традиционную старую форму народного сказания или песни гриота для воплощения острого современного политического содержания. Имя Кейта Фодоба, руководителя африканского балета, связано с рождением африканского театра и хорошо известно в Европе. В своем выступлении на Первом конгрессе деятелей негритянской культуры он подчеркнул как роль национальной традиции для современного искусства Африки, так и необходимость живого обновления этих традиций, живого современного содержания. Его стихотворение в прозе «Рассвет над Африкой» — это как бы песнь или, может быть, канва для песни, которую исполняет гриот под звуки африканских инструментов — кóры, там-тама, балафонга. Но это новая песнь. История крестьянина Намана, черного сенегальского солдата, расстрелянного французами, становится символическим, обобщенным образом надежд африканского народа, обманутых в конце второй мировой войны. Так острый политический сюжет становится доступным для множества неграмотных слушателей. Подобная попытка преодолеть расстояние между современной африканской поэзией и африканской народной аудиторией представляет несомненный интерес.

Как бы ни шло в дальнейшем развитие передовой поэзии Африки, но современность, социальная действенность и национальная форма поэзии — залог того, что она сможет выразить чаяния африканских народов.

* * *

Совершенно своеобразна поэзия Мадагаскара, которая резко отличается от поэзии Африки. Это и естественно. Несмотря на территориальную близость к африканскому континенту, Мадагаскар по своей истории, по этническому составу населения, быту, языку, фольклору, искусству глубоко своеобразен. Здесь не место говорить подробно об истории мальгашского народа. Но трудно понять поэзию Мадагаскара, не зная, что происхождение племен, населяющих остров, крайне различно. Историки, этнографы, лингвисты доказывают, что происхождение многих из них восходит к Индонезии и Полинезии. В отдаленные времена из Индонезии приплыли предки ряда племен, которые ныне населяют Мадагаскар, и в их смешении с африканцами, полинезийцами и другими племенами и возникло современное население острова. Много в языке, культуре, музыке, поэзии Мадагаскара напоминает Индонезию: и своеобразная «гитара» — валиха, сделанная из ствола бамбука, и меланхолическая мягкость песен, и тонкость, изящество поэзии.

Во всяком случае, племена мерина, населяющие центральную часть острова, Имерину, по своему типу и культуре резко отличны от африканцев. А именно с Имериной связано творчество таких поэтов, как Ж. Рабеаривело и Ф. Рананиво.

Французские авторы охотно подчеркивают, что островной характер Мадагаскара, отсутствие длительных войн, как и мягкий климат, породили особые черты характера мальгашей — отсутствие в них воинственности и закаленности. Но история говорит другое. Десятилетия произвола французских колониальных властей воспитали в мальгашах дух сопротивления. Нараставшее уже в 30-х годах национально-освободительное движение пережило, как и всюду в колониальных странах, резкий подъем к концу второй мировой войны и в первые годы после нее. Но надежды народа были обмануты и здесь, как в Северной и Западной Африке. Провокации французских властей вызвали в 1947 году восстание, жестоко подавленное колонизаторами. Были арестованы и осуждены мальгашские депутаты парламента (среди них поэт Жак Рабеманандзара), в кровавых репрессиях погибли тысячи мальгашей. Мадагаскар пережил свое боевое крещение.

На Мадагаскаре существует поэзия, со-

здаваемая на родном языке. Она совершенно не известна у нас. Но есть и ряд поэтов, пишущих на французском языке, творчество которых более нам доступно.

Яркой фигурой передовой интеллигенции Мадагаскара, его культуры и поэзии является поэт Жак Рабеманандзара (р. 1913), имя которого широко известно и за пределами родины. В молодости он был под сильным влиянием французской культуры, и это сказалось на его ранних стихах. В 1939 году, будучи на службе в колониальной администрации, он был послан стажером во Францию, в Министерство колоний, где его и застала война. Резкий перелом в жизни и в творчестве поэта связан с 1947 годом. Незадолго до этого выбранный депутатом Национального собрания, Рабеманандзара был арестован в 1947 году, во время политических волнений на Мадагаскаре, и провел в тюрьме и ссылке почти десять лет. В 1956 году, вскоре после своего освобождения, Рабеманандзара принял участие в Конгрессе деятелей негритянской культуры. Основные книги его стихов — «Тысячелетний обряд» (1955), поэма «Семиструнная лира», впервые опубликованная в 1948 году в антологии Сенгора, «Антза» (1956) и «Ламба» (1956). Ему принадлежит драма в стихах «Мальгашские боги» (1942), а также политические статьи и выступления, направленные против колониализма.

Может быть, парадоксально, что о Жаке Рабеманандзаре, теснее других связанном с передовыми общественными движениями своей родины, иногда говорят как о поэте «королевских традиций». Действительно, для него характерны приподнятость, восторженная преувеличенность образов, торжественная интонация гимна. Его стихи отчасти близки к французской неоромантической поэзии. Это видно, например, в его книге любовной лирики «Тысячелетний обряд», переполненной литературными ассоциациями, именами героев и богов, Дианами и Джокондами. Этот гимн любви к белой северянке, при всей его искренности, несколько утомляет своей чрезмерной изысканностью, что отмечалось и критикой. Однако надо понять причины этих литературных влияний. Во всех книгах поэта видна глубокая потребность в торжественной, романтически приподнятой поэзии, которая, думается нам, возникает как своеобразная реакция, как ответ на страдания и унижения колониальных народов. Эта потребность

утверждать и возвеличивать силу и красоту чувств, поднимая их даже на грань легендарного, идет от жизни, а не от литературы. Но образчик поэт, к сожалению, находил порой в декоративной вычурной поэзии неоромантизма. В «Семиструнной лире», где «холодной» и «старой» Европе, разрушенной войной, противопоставляется прекрасная родина, приподнятость стиха кажется несколько более оправданной: поэт прославляет героические традиции родины, ее прошлое, ее красоту. При всем различии поэтического стиля Сенгора и Рабеманандзары, они схожи в одном — в постоянном ощущении «высоких» исторических традиций, которые они сами называют «королевскими», имея в виду не столько королей, сколько независимые древние государства своих стран до колонизации.

По-новому звучит стих поэта в книгах «Ламба» и «Антза», написанных в тюрьме, — звучит как страстный гимн свободе и Мадагаскару. Две струи поэзии Рабеманандзары — пылкое свободолюбие и прославление чувственной страсти — сливаются воедино в этой восторженной лирике. Ламба, национальная одежда Мадагаскара, становится для поэта, отторгнутого от родины, ее символом. Одно только перечисление имен, плодов, пейзажей, девушек Мадагаскара превращается в «Ламбе» в патристический гимн, гимн, утверждающий родину, отрицающий ее поражение.

Когда, о когда же наши державные руки
 Смогут сорвать вас, плоды, на праздниках ^{хозяев}
 Вы — наши по праву, наш голод ^{осени пышной} должны
 Плоды, набухшие медом, будто созревшие ^{утолить вы,}
 Захана из Амбонго и гроздь прозрачных ^{груди,}
 Ноноки Алассура, и спелый виноград, и ^{воара,}
 Ведь горечь этих зим не в силах изменить ^{манго Мангабе.}
 Негронутую сладость ваших соков.

Правда, и в этих книгах немало темнот и вычурности. Но ведь то, что порой нам может показаться изысканностью и экзотикой, — все эти «воара», «ноноки» — для Мадагаскара столь же привычны, как для нас яблоко или груша. Важно другое. Через почти десятилетие после кровавого разгрома эти книги славят непокоренный Мадагаскар, требуют свободы, воспевают красоту земли, утверждают право ее народа владеть ее плодами.

Не всем может нравиться «красивость» образов Рабеманандзары. Но неистовая страсть его к родине и свободе, ломающая прежний его стих, порождающая гиперболы, нагромождения, преувеличения, неистовая сила жизни в его стихах по-своему впечатляют. Это подлинно патристическая поэзия, вызывающая уважение, тем более, что красота слова подкреплена здесь мужественной жизнью поэта.

Трагической была судьба рано погибшего даровитого поэта Жана-Жозефа Рабеаривело (1901—1937), покончившего с собой. Эта судьба по-своему поучительна. Биографы Рабеаривело рассказывают, что перед смертью его волновал образ Антея, героя, черпавшего силу в близости к родной земле. Рабеаривело чувствовал, что его трагедия — трагедия одаренного поэта, который, погрузившись в чужую культуру, не смог найти настоящие пути к живым истокам своего народа. Он ощущал себя духовным изгнанником, хотя он и родился и провел свою короткую жизнь в самом сердце Мадагаскара — Имерине. Юноша из обедневшей знатной семьи, он благодаря упорному труду свободно овладел французским языком и литературной культурой Франции. Было бы поверхностным свести причины его смерти к материальной нужде — они лежат глубже. Рабеаривело, по-видимому, принадлежал к тем одаренным интеллигентам колоний, талант которых оплодотворен чуждой культурой, но которые вместе с тем не в силах отстоять до конца свою творческую самостоятельность. Они не в силах преодолеть противоречивость своего положения, не могут противостоять тем декадентским ядам, которые несет с собой буржуазная культура Европы. В отличие от многих поэтов Африки, в отличие от Жака Рабеманандзары, Рабеаривело не сумел свободно использовать французскую культуру для утверждения современных ценностей своей родины. Он и сам ощущал это и всячески пытался пробиться к народным истокам. Но, по-видимому, это удавалось ему лишь частично. Об этом говорят его лучшие стихи, порой напоминающие мучительные признания Артюра Рембо в «Сезоне в аду».

Стихи ранних сборников Рабеаривело 20-х годов — «Чаша пепла», «Сильвы» — написаны в классических европейских формах. Его сонеты напоминают то парнасцев, то — своей мечтательной меланхолией — французских неоромантиков. И все же не-

докладом о мальгашском фольклоре. Отмечая, что из-за островной замкнутости фольклор до XX века оставался неприкосновенным, он подчеркнул роль сказок и особенно пословиц. Разумеется, пословицы и поговорки — особенность не только Мадагаскара. Всем народам свойственна любовь к их сжатой силе, в которой отливается многовековой жизненный опыт народа, его мудрость. Но, судя по отзывам исследователей Мадагаскара, в его народе живет какая-то особая вера в силу слова, любовь и уважение к красноречию. Недаром пословица утверждает, что мальгаш, умеющий хорошо говорить, все может довести до успешного конца. По-видимому, именно сжатая сила пословиц и поговорок и составляет душу хайн-теней, своеобразной поэтической формы мальгашей, взятой в основу стихов Ранаиво. Что такое хайн-тени? Их определяют по-разному, одни — как поэтическую форму спора: «Хайн-тени не произносят, ими сражаются» (Фобле), другие подчеркивают их шуточный или любовный характер или их неразрывную связь с музыкой. Ранаиво назвал все определения односторонними, говоря о разнообразии хайн-теней. Но он подчеркивает сжатость их, обилие в них образов и поговорок, богатство аллитераций, музыку слова. Хайн-тени предельно сжаты, пословицы и поговорки теснятся в них вплотную, как сельди в бочонке, и это приводит часто к опущению второстепенных частей речи.

Стихи Ранаиво, конечно, не просто хайн-тени, но вне этой народной поэзии непонятна ни сжатость «Песенки простодушного влюбленного», ни непрерывный поток поговорок в «Советах новобрачным». Особенно привлекательно это последнее стихотворение

с его скороговорками, с его лукавой назидательностью, которая русскому читателю вдруг неожиданно напоминает интонации Козьмы Прутковка, например:

Еще совет подать хочу:
Безмерные желания опасны...

В подлиннике и народные хайн-тени и стихи Ранаиво лишены рифмы. В русском переводе введение рифмы представляет некоторую вольность, пожалуй оправданную тем, что она хорошо подчеркивает шуточно-балагурную интонацию обоих стихотворений, в которых за шуткой играет и искрится мысль. Народные хайн-тени не только вбирают в себя пословицы и поговорки, но и вводят в обиход новые. Многие строки стихов Ранаиво могут также войти в быт, настолько их легкий и тонкий юмор прост и доступен каждому.

Ж. Рабеманандзара, Ж.-Ж. Рабеаривело и Ф. Ранаиво — поэты, совершенно различные по своим воззрениям, биографиям, истокам и формам творчества, — знакомят нас с разными сторонами поэзии Мадагаскара.

* *

Эти заметки написаны не специалистом в области африканистики и, естественно, не претендуют на глубокое исследование африканской поэзии. Автор стремился определить место ряда африканских поэтов в национально-освободительной борьбе их народов против колониализма, а также облегчить читателям восприятие тех стихов, которые опубликованы в пятой и шестой книгах «Нового мира»,

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

И. Эвентов. Роман в стихах.— **Дмитрий Осин.** Через бурные пороги.—
С. Гиацинтова. Любовь побеждает.— **Юрий Полетика.** Судьба Неда Гордона.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Г. Давыдов. Синтез — тема журнала.— Доктор медицинских наук **В. Загорянская.** Книга о советском здравоохранении.— **Олег Писаржевский.** Искусство видеть мир.— Кандидат исторических наук **А. Монгайт.** Средневековая Москва.— Кандидат технических наук **М. Кулаев.** Человек на крыльях.—
А. Бельская. Политика, противоречащая интересам народа.

Литература и искусство

Роман в стихах

Роман в стихах — едва ли не сложнейший жанр поэтического искусства. Еще в большей степени, чем стихотворная повесть или поэма, он призван отражать многообразие жизни, пути формирования человеческих характеров.

Иногда отличительной его особенностью является широко разветвленный сюжет: повествование строится по законам прозаического романа. В других случаях звенья сюжета лишь едва просвечивают в общем потоке повествования — на первый план выдвигаются эпические зарисовки, лирические раздумья автора. «Дом на Мойке» Ильи Авраменко напоминает именно такой тип поэтического романа. Его трудно пересказать, но он дает читателю возможность живо ощутить эпоху, узнать людей, постичь глубину авторского чувства. Поэт обещает читателю:

листочками дневников перед тобой
пройду, открытый в радостях
и в горе,

Ясность поэтического мироощущения автора придает рассказу особую значимость. Здесь не только правда фактов (ко-

Илья Авраменко. Дом на Мойке. Роман в стихах. Редактор **Б. Лихарев.** 192 стр. «Советский писатель». Л. 1957.

торая сама по себе чрезвычайно важна в эпическом повествовании), но и правда чувств, неукоснительное стремление автора к тому, «чтоб со страниц правдивой книги этой дохнуло ветром тех далеких лет».

Дом на Мойке... В этом старинном петербургском жилье поэт сосредоточил своих героев, с которыми он сам в свое время делил превратности судьбы. Заселенный вначале последышами старого мира, осколками столичной аристократии и зажиточного мешанства, дом этот в двадцатые годы преобразуется. Рассказчика, молодого сибиряка Андрея Иртышова, сюда приводит любовь к студентке Ольге, дочери старого большевика; конармеец Бородин и рабфаковец Шаповал приходят сюда как полноправные жильцы; за ними следуют швея Орлова с дочерью, грузчик Кузьма Семипалатинцев с семьей. Андрей женится на Ольге, и у них рождается сын. Население старой барской квартиры превращается в трудовую дружную семью, где находят свое место и лучшие из старожиллов. Дом на Мойке имеет свою биографию — ей посвящено в романе много хороших строк, но весь смысл ее — в истории жизни людей, в биографии общества, в судьбе поколений.

Так вкратце можно очертить замысел и масштабы романа. У каждого героя своя

судьба. Поэт рисует эти судьбы то в подробностях (история жизни Орловых), то в общих чертах (Кузьма, Ольга, Шаповал). Неповторимые черты молодежи нашей страны, которые воссозданы поэтом, так или иначе связаны с историей жизни героев.

Мы проходим по университетским коридорам двадцатых годов, присутствуем на лекциях знаменитых ученых (здесь автор, стремясь к достоверности, дает не вымышленные, а исторические имена), слышим голос Маяковского в актовом зале, участвуем в жизни молодежной трудартели, наблюдаем «и жар дискуссионных вечеров, и бестолочь студенческого быта». Мы становимся свидетелями жестокой классовой борьбы, развернувшейся тогда в экономике, в политике, в науке. «Быт не устроен. Жизнь еще груба», но неуклонно и верно растет повсюду новое, одолевая сопротивленные и жалких нытиков и непримиримых врагов.

Потом приходят тридцатые годы с грохотом новостроек, пафосом освоения техники, переделки быта, утверждения новой морали. В жизнь героев врываются события тревожные и волнующие: убийство Кирова, легендарный полет Чкалова, нападение фашистов на Абиссинию, гражданская война в Испании. В описании этих событий нет бесстрастной хроникальности: они прошли через души героев, ибо всколыхнули миллионы советских людей. Никто не чувствовал себя вдали от схватки:

Мы не могли остаться в стороне,
когда терзало острое железо
и пламя жгло
полотна Веласкеса,—
мы сердцем были тоже
в том огне.

Наконец рассказ о прошлом сливается с повествованием об Отечественной войне: приходят события 1941 года. Здесь особенно сильно звучит авторская исповедь о пережитом — и в описании фронтовых редакционных будней (рассказчик был военным журналистом) и в показе великого мужества ленинградцев, отстоявших свой город от врагов.

Иным, чем прежде, предстает здесь образ дома на Мойке. Мертвый, заброшенный, расколотый взрывной волной, в зияющих черных проломах, он высится памятником горестных испытаний, выпавших на долю защитников Ленинграда. Но жильцы опустевшего дома в строю: они возводят укреп-

ления, трудятся на фабриках, воюют на фронте. И автор верит:

войдет в него однажды,
ворвется жизнь — и в грохоте труда
возникнет ослепительное зданье,
и старый дом
исчезнет навсегда.
Так пусть о нем живет воспоминанье!..

Сложный по замыслу и довольно широкий по охвату событий, роман читается легко. Он написан гибким, четким стихом. Бытовые зарисовки, городские пейзажи, фронтовые сцены реалистически красочны и наглядны.

Автор трудился над романом на протяжении многих лет. Однако признать эту работу законченной еще нельзя. Бросается в глаза прежде всего громоздкое произведение, определяемая не столько объемом (свыше шести тысяч строк), сколько построением. Избрав закономерный принцип изложения — лирическое переплетение дневниковых записей и воспоминаний, — автор не нашел, однако, того легкого и гармоничного композиционного решения, которое позволило бы свободно развернуть все основные темы романа. Рассказ о человеческих судьбах выделен в специальные главы, которые весьма непрочны связаны с остальными; одна из них (глава четвертая, о семье Орловых) ощущается как отдельная повесть. Совсем не найдена автором концовка: уже после завершения основных линий романа, после рассказа о великой победе, одержанной над германским фашизмом, дана в виде финала картина мирного дня, предшествовавшего... началу войны.

Есть в романе и неудачные строки, выделяющиеся из остального текста. Едва ли пройдет читатель мимо таких поэтических «красот», как «бушует смерть в безумстве карнавала» или «кто звал вас, чужеземцы, в этот край, в комедию втравил огня и крови?» Или мимо таких неловких словосочетаний, как «наплывы отступления», «те дни той первой осени» и другие.

Сложность работы над стихотворным романом заключена не только в том, что содержание его должно быть весьма емким, а форма монументальной, но и в необходимости добиться четкой слаженности всех его композиционных элементов и точности всех словесных деталей. Надо думать, автор учтет это в работе над текстом, которая, на наш взгляд, должна быть продолжена.

И. ЭВЕНТОВ.

Через бурные пороги

Среди белорусских поэтов Алексей Зарицкий выделяется любовью к емкому, драматическому стиху, неустанными поисками наиболее выразительных возможностей своей поэзии. Эти качества можно проследить в ряде его произведений. В поэме «Наш сын» он рассказывал о том, как участники оперативной группы, заброшенной в тыл противника, подобрали на лесной белорусской дороге осиротевшего мальчишку и сберегли его в дни боев. Поэма полна большого жизнеутверждающего гуманизма. А. Зарицкий нашел удивительно верный и естественный тон поэтического повествования в этом небольшом по размеру, но емком произведении.

Выполняя боевое задание, идут советские разведчики. Им поручено обеспечить выброску десанта.

Но вдруг в тишине за озерком
нам голос послышался детский.
Спустились с лесного пригорка,
спешим мы на крик перелеском.
И видим:
в кустах на полянке
с котомкой лежит полонянка.
А рядом, в пеленках, спросонок
заходится криком ребенок.
А дальше — погасший окурок,
остывшая гильза пустая...

И стали мы, стихнув понуро,
пилотки неловко снимая.

Молчим мы над мертвою,
тесно
застывшие губы сжимаем.
— Откуда?
— И кто она?..
Нам не известно,
и вряд ли о том мы узнаем.

Пристала дорогой она подневольной,
выбилась с ношей из сил,
и, время не тратя, конвойный
в кустах тут ее пристрелил.

И, бросив окурок, спокойно
вослед поспешил за колонной,
решив по-немецки резонно,
что жаль на мальчишку патрона,—
что сгинет и сам тот, негодный,
голодный,
среди ночи холодной...

(Перевод мой.— Д. О.)

Алексей Зарицкий. Праздники бурных порогов. Редактор Р. Няхай. 86 стр. Минск. 1957 (Алексей Зарицкий. Через бурные пороги. Редактор Г. Нехай. 86 стр. Минск. 1957).

Несмотря на многие годы и события, отделяющие нас от минувшей войны, поэма эта и сегодня читается с волнением.

В «Повести о золотом дне» Алексей Зарицкий выступил уже не только как лирик, но и как тонкий, острый сатирик. Мастерским пером обрисованы персонажи этой повести в стихах: профессор-машинист Крушина, его ассистент Виктор Шпунт, рыцари кабинетной науки, оторвавшиеся от народа и его жизни.

Присущее автору чувство драматического лиризма не изменяет ему в сценах любви молодых героев повести — Якуба и Ирины, в чудесных и ярких описаниях полесской природы.

Новый поэтический сборник А. Зарицкого, вышедший в Минске на белорусском языке, радует прежде всего тремя небольшими поэмами: «На двинских порогах», «Пятеро», «Товарищ Саша». Они свидетельствуют о дальнейшем росте и развитии эпического дарования поэта. Автор находит прекрасное в самых, казалось бы, обыденных явлениях и событиях народной жизни.

Поэтична поэма «На двинских порогах», написанная отличным повествовательным стихом, который так любит и в котором так силен А. Зарицкий.

Как только весна полной грудью вздохнет,
как только стремительный паводок

льдины
в низовье широкой Двины понесет,
на взморье далекое через стремнины,—
тогда собирается в путь плотогом,
спешит он на берег с неясной тревогой:
и, словно журавль перед дальней дорогой,
в простор заглянув, беспокоится он.

(Перевод А. Прокофьева)

Трогательная история о том, как белорусский паренек-плотогон и латышская девушка-батрачка полюбили друг друга, рассказана поэтом с той житейской достоверностью и убедительностью, когда самое обычное явление жизни становится как бы изваянным, необыкновенно пластичным и предстает перед нами как произведение искусства.

Полна внутренней горечи и боли небольшая поэма «Пятеро». Это рассказ молодого парня, выходца из Западной Белоруссии, попавшего в польское войско накануне войны с гитлеровцами.

Фашистский зверь вот-вот бросится на Польшу. Но ее правителям и горя мало. Они воображают, что сумеют устоять и справиться с ним один на один.

Дежурный офицер после отбоя, скучая, проверяет караул.
Я слышу, как протяжно он зевнул.
То взводный наш. Его на той неделе спросили мы, что интенданты ждут, — мы до сих пор все ходим без шинелей, когда их нам в конце концов дадут?
А он тогда, шляхетская задира, в ответ надменно, словно генерал:
— В шинелях на Москву пойдем, —
сказал, —
а с немцами управимся в мундирах.

(Перевод Н. Рыленкова)

По-разному сложилась судьба пяти польских солдат — героев этой поэмы. Одни погибли в первые часы войны, другие бежали из фашистского плена и в новом Войске Польском вместе с советскими братьями освободили родную Польшу от вражьего гнета.

Партизанской борьбе посвящена третья поэма «Товарищ Саша». Образ подпольщика-коммуниста, прошедшего застенки дефензивы и испытания партизанской борьбы в тылу врага, встает со страниц этого поэтического повествования. А. Зарицкий сумел показать его жизнь в самом существенном, тепло, сердечно и впечатляюще.

Хуже обстоит дело в сборнике со стихами. Их, правда, немного. Но после поэм — цельных и содержательных — новые стихи в книге А. Зарицкого производят впечатление собранных наспех, случайно.

Вот, например, стихотворение «Ехать или нет?». Рассказывается в нем о том, как кого-то из писателей зовут в деревню, обещают поставить дом, дать вишневый сад, грядки с огурцами, «укроп, мак и под яблоней гамак». Писатель соблазняется, решает поехать, но вдруг задумывается. А что, если ни поэмой, ни романом не обрадует он тех, кто его приглашает? И, поразмыслив, остается...

Думается, что большая, важнейшая задача нашего искусства, задача тесной

связи с жизнью, с творчеством и трудовыми устремлениями советского народа, заслуживает более серьезного и глубокого осмысления, а не такого легковесно-фельетонного решения.

Неудачно, как нам кажется, и стихотворение «Насчет собак». В Западном Берлине поэт увидел парикмахерскую для собак. Размышление о гримасах буржуазной культуры приводит его к неожиданному желанию увидеть в той собачьей парикмахерской... одного «сукиного сына» из Минска. Он, правда, не мопс, не дог, но зато имеет референтский чин — готовит для начальства предложения. Аллегория, мягко говоря, сомнительная. К тому же, обличая подхалимов, поэт все зло видит только в них, а не в тех, кто, по выражению С. Михалкова, «обожает подхалимаж».

Неясно, нечетко и стихотворение «Старый слон». Идет по Минску в непогоду, в службу старый, усталый слон. И вдруг по необъяснимой ассоциации поэт «вспоминает свою пору молодую».

Жалею слона...
Тротуаром иду я —
и сам вспоминаю пору молодую.
Давно от меня даже дальше она,
чем зной африканский сейчас от слона.

Не слон,
на коня я крылатого сяду,
за нею помчусь...

(Перевод мой. — Д. О.)

А. Зарицкий затратил несколько строф, чтобы уйти от возникнувшей параллели, уверить читателя, что «он не слон». Он, дескать, поэт: имеет крылатого коня Пегаса и полетит, догонит на нем ушедшую молодость. И все же ничего путного из этой аллегии не получилось.

Примитивны и стихи «О человеческой годности», «Пан и барабан». Вряд ли стоило включать их в книгу.

И вот, оказывается, Пегасом надо управлять, если хочешь ехать, куда задумал. Ощущение этого невольно не оставляет читателя, особенно когда после сильных, впечатляющих поэм А. Зарицкого знакомишься с его неудачными сатирическими стихами.

Дмитрий ОСИН.

Любовь побеждает

Немало московских и периферийных театров ставят пьесу молодого чешского драматурга Павла Когоута «Такая любовь». Чем же привлекло это произведение разные по творческому почерку коллективы?

Пьеса интересно построена. События, происходящие на сцене, мы видим как бы в «обратном порядке» — от конца к началу. Мы знакомимся с героями тогда, когда уже все, составляющее действие, совершилось: погибла прелестная девушка Лида Матисова, повержен в отчаяние любивший ее Милан Стибор; Петр, которого любила Лида Матисова, и его жена Лида Петрусова, мать Стибора, подруга Матисовой — Майка, работник отдела кадров Тошек, товарищ Петра — Краль и даже официант из кафе, где встречались герои, — каждый по своему, каждый по мелочам оказался втянутым в то страшное, что произошло.

И вот в двух отделениях, из которых состоит пьеса, постепенно, шаг за шагом, и выясняется, кто что в прошлом сделал, кто что сказал и как из всех этих почти незаметных житейских, повседневных слов и дел вышло большое несчастье. Выясняет все это Человек в мантии — судья героев, хотя и не совершающих поступков, подсудных юристам, но ответственных перед собственной совестью, перед обществом, живущим по новым этическим, подлинно человеческим законам морали. Человек в мантии — лицо почти символическое: он призван не только излагать точку зрения автора, не только, подобно хору античных трагедий, предвосхищать, комментировать и оценивать события. Он существует прежде всего для того, чтобы активизировать зрительный зал, заставить каждого человека, смотрящего на сцену, не просто «переживать» остро сюжетные перипетии, а, глядя на подмошки, решать для самого себя важные моральные проблемы.

Пьеса «Такая любовь» тенденциозна в лучшем смысле слова, но тенденция здесь нашла выразительную театральную форму.

И все-таки я уверена, что не форма, избранная Когоутом для своей пьесы, привлекла внимание театров и читателей. Старая истина, что форма сама по себе,

как бы ни была она оригинальна и интересна, — ничто, если она не наполнена большими идеями и глубоким содержанием, находит свое подтверждение и на примере пьесы «Такая любовь». Все дело в том, что идея, пронизывающая эту пьесу, близка нам по духу, ибо людям социалистического общества, независимо от того, играют ли они на сцене или сидят в зрительном зале, хочется сделать и самих себя и окружающих лучше — такими, чтобы все мы были достойны коммунизма, который строится нашими же руками.

Настоящая — самоотверженная и сильная — любовь побеждает в пьесе. Побеждает несмотря и вопреки тому, что гибнет героиня; побеждает как идея, побеждает как мысль, постепенно — от картины к картине — овладевающая зрителем, проникающая в его сердце.

Любовь в пьесе Когоута многогранна, как в жизни. Это и первая любовь девушки — чувство, которое не может уничтожить ни разлука, ни внимание другого юноши, ни осуждение окружающих. Это и любовь зрелого человека — эгоистичная, не рассуждающая, способная заглушить голос совести. Это и любовь к своей работе (показанная автором мимоходом, но убедительно: Лида Петрусова — врач, Петр — юрист, Стиборова — учительница, — все они очень привязаны к своему делу и относятся к нему не только с огромным уважением, но с истинной увлеченностью). Это и любовь матери, с наибольшей полнотой выраженная в образе Стиборовой.

Эта роль выписана автором, пожалуй, с наибольшей полнотой. Когда я читаю любую пьесу, я всегда играю ее для себя, играю и за мужчин и за женщин — юных и старых, все равно... И вот в какой-нибудь одной роли нахожу нечто дорогое для своего актерского «я». Действительно, трудно себе представить более поглощающую любовь, чем любовь этой женщины к своему сыну Милану. Она отдала ему все, любовь к сыну заменила ей все радости жизни, она любит, не рассуждая, — сердцем, инстинктом, разумом (хотя меньше всего разумом!) и вне сына, вне его блага (часто понятого исключительно со своих матерински эгоистических позиций), вне любви к нему нет для нее ничего. На долю Стиборовой выпадает тяжелое испытание: она видит страдания своего сына,

Павел Когоут. Такая любовь. Пьеса. Перевод с чешского Н. Аросевой и С. Шмераль. Журнал «Иностранная литература» № 12. 1957.

она испытывает двойное унижение — за него и за себя, когда Лида отвергает Милана, она борется всеми доступными ей средствами за счастье своего сына, за счастье, как она его сама понимает. Не желая терять привязанность Милана, заранее болезненно ревнуя к избранной им девушке, она так встречает ее при их первом знакомстве, что это не может не вызывать неприязни в Лиде, это неизбежно должно оттолкнуть ее от семьи Стиборовых. В пьесе дважды повторена одна и та же сцена матери и Лиды. Вначале мы узнаем о происшедшем диалоге по переписке матери: ничего не значащие, но все-таки любезные, даже теплые слова... Потом тот же разговор возникает по требованию Человека в мантии: те же ничего не значащие слова, но окрашенные иной тональностью, сопровождающиеся иной мимикой, — и мгновенно возникающее чувство антипатии матери к Лиде становится господствующим в сцене. Вот уж поистине «тон делает музыку»... И в незаслуженно обиженной девушке естественно крепнут «силы отталкивания». Милан — любящий, нежный и внимательный — невольно (и именно благодаря предшествующим подсознательным, эгоистичным стараниям матери) начинает утрачивать в глазах Лиды свою привлекательность. Так великая, чрезмерная материнская любовь оборачивается эгоизмом — идет во вред другим, даже самым близким людям... Но, повторяю, с точки зрения актрисы этот негативный, себялюбивый элемент характера Стиборовой делает ее роль еще более интересной для исполнительницы.

Но и другие роли хороши. Хороши тем, что действующие лица не выполняют заранее заданные функции, а имеют свою индивидуальность, свою жизненную среду, которая их породила и окружает, свой характер. Едва ли не в каждом есть те живые человеческие черты, которые и определяют желание артиста играть ту или иную роль.

На что уж кажется символическим Человек в мантии, но и ему, оказывается, ничто человеческое не чуждо. Чувство юмора, способность смущаться, порой сердиться — все это снимает Человека в мантии с котурн, лишает условности, и потому эта роль становится важной вдвойне: исполнителю интересно и приятно над ней работать, а зрителю становится понятным, что «высший судия» — это просто человек,

такой же, как я, как мой сосед, и все мы, разумеется, можем воспитать в себе такого «внутреннего судью» своих слов и поступков, судью, который будет направлять нас по дороге честности и бережного, любовного отношения к людям...

Лида Матисова — молодая, влюбленная девушка — могла бы оказаться такой непроходимо «голубой» ролью! Но юная героиня наделена разным и чертами характера. Помимо самоотверженности, тут и безобидное кокетство молодости, и капризность, даже взбалмошность, и печаль, и ревность...

Лида Петрусова действует всего в нескольких сценах. Это спокойный, холодный, суховатый, уже немолодой человек. Казалось бы, одна краска. Но мы читаем, мы слышим ее монолог о любви к Петру — и внезапно, как это бывает в жизни, перед нами возникает женщина таких больших, сильных страстей, что актрисе придется основательно подумать над тем, как сделать образ правдивым, таким, чтобы в нем убедительно сочетались столь противоречивые черты. Но, собственно, в этих думах и поисках и состоит суть артистической работы — мучительной и счастливой...

Трудная, очень трудная роль Стибора. Артиста подстерегают многие опасности. Ведь роль Милана построена таким образом, что поначалу она воспринимается как средоточие сугубо положительных человеческих черт и чувств. Да, его любовь велика: она способна простить и забыть все в прошлом во имя будущего. Но само стремление Милана к будущему, к будущему с Лидой «во что бы то ни стало», как раз и обнаруживает ахиллесову пяту нашего героя: в какие-то очень ответственные, очень важные минуты жизни, от которых и зависит это будущее, вдруг выступают и его эгоистические черточки: поглощенный своим действительно большим чувством, он оказывается неспособным подумать о любимой, о ее чувстве, разобратся в ее смятении, тонко, действительно помочь ей понять истинную — ничтожную — цену Петра с его мнимой душевной сложностью и «мучительной раздвоенностью».

Эгоизм Петра отличен от эгоизма Милана и его матери, он бесчестнее и откровеннее, хотя внешне все это прикрито очень привлекательным флером. Петр способен обманывать не только окружающих,

но даже самого себя в решающие, поворотные моменты драмы, когда все могло бы измениться, если бы у него хватило мужества взглянуть правде в глаза. Петр — вот кто, на мой взгляд, главный носитель лжи в пьесе. Поэтому позиция ее автора, который как бы хочет подсказать нам, что все (или почти все) «понемногу фарисеи» и что все (или почти все) способствовали гибели Лиды, представляется мне малоубедительной.

Когоут прав, когда он бьет в набат, завидев проявления лжи и фальши в отношениях между людьми, когда требует от каждого человечности и сердечности. Когоут, как мне кажется, заблуждается, доказывая, что ханжество и фарисейство — это некая внешняя сила, стоящая над героями. Она воплощена автором в образе... работника отдела кадров Тошека (отчасти и в Майке). Но, право же, отдел кадров здесь совсем ни при чем. Если вдуматься в логику характеров, выведенных в пьесе, нельзя не понять, что именно Петр, его малодушие и двойственность, а не некие вонне его стоящие силы фарисейства предают Лиду и ее любовь. И он первый ответчик, главный виновник несчастья, хотя, конечно, и другие — каждый по-своему — не без греха...

Петр, чья нравственная неполноценность тем опаснее (общественно опаснее!), чем

больше в нем черт личного обаяния, в сущности, должен был стать главным объектом гнева и обвинений автора. Но тогда образ Петра должен быть ярче, выпуклее, сценически многограннее. А между тем роль его, по-моему, не во всем отвечает этим требованиям. Мы уже встречали аналогичные ситуации (и в пьесах и, увы, в жизни). Для внутренней сущности подобных людей характерно противоречие между взглядами, которые проповедаются ими на людях, и их собственным поведением. Петр, читающий студентам юридического факультета лекции по семейному праву, разглагольствующий о принципах новой морали, оказывается, не имеет на это внутреннего права. Вероятно, для этой роли следовало найти более оригинальные положения и различные «нюансы цвета». Этого не случилось.

Но в пьесе много хорошего, увлекательного и сильного! Сцены гибели Лиды Матисовой; встречи матери с Лидой Матисовой и Лидой Петрусовой; монологи главных героев, полные горячего и непосредственного чувства; наконец, главное в пьесе — ее мысль, мысль о любви, любви побеждающей, — если не целиком примиряют нас с ее просчетами, то все же заставляют радоваться, что «Такая любовь» опубликована и ставится на сценах многих театров.

Народная артистка СССР
С. ГИАЦИНТОВА.

★

Судьба Неда Гордона

«Какую смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний» находит читатель в романе Джеймса Олдриджа «Герои пустынных горизонтов»? Как пестры и великолепны краски его писательской палитры! Арабский владыка, осуществляющий феодальное правосудие, лично отрубая руку человеку, укравшему оружие. Отставной английский сержант в чине паши. Два арабских Гавроша. Английский генерал с наклонностями философа и добродетелями Яго. Социалист из «Интеллидженс сервис», отравляющий колодцы в пустыне. Перезревшая дева, мечтающая о смирении души в католическом монастыре. «Тихий американец». Консерватор с повадками Черчилля.

Джеймс Олдридж. Герои пустынных горизонтов. Перевод Е. Калашниковой. Редактор Р. Гальперина. 494 стр. Издательство иностранной литературы. М. 1958.

Министр, пытающийся казаться горняком. Историк-бизнесмен. Чайльд Гарольд в арабском бурнусе. Бастующие докеры. Придворный поэт с амулетом на шее и часиками на руке. Головорезы-телохранители. Лейбористский «ловец человеков». Девятнадцатилетняя любительница бальзамирования человеческих трупов. Арабы. Их женщины. Констебли с дубинками и без дубинок. Брат эмира. И между ними, как тень Банко среди придворных, покойный разведчик Лоуренс-Аравийский, фамилия которого склоняется на многих страницах романа...

Иногда они пьют чай. Иногда стреляют друг в друга. Иногда ездят на верблюдах, а иногда на танках. Они очень много думают, но еще больше спорят. Спорят азартно. О чем? Да о том, о чем всегда спорят герои Олдриджа: о человеческих судьбах,

о месте человека в мире, о назначении человека, о социальных путях и национальных перепутьях, о коммунизме и капитализме. Но в этом романе они спорят еще и о «догме».

...В вымышленном государстве Бахраз (его создали англичане после первой мировой войны) восстали кочевые племена против полуфеодального гнета и эксплуатации. В свое время англичане включили эти племена в состав Бахраза, чтобы обеспечить порядок и спокойствие в пустыне, где находились крупные английские нефтепромыслы. Теперь, после четырехлетней борьбы восставших, в руках правительства Бахраза, а фактически англичан, остались только аэродром на севере, откуда подавлялись прежние восстания племен, и нефтепромыслы на юге.

Что даст восстанию решительную победу — захват аэродрома или нефтепромыслов? Куда нанести удар — на север или на юг? Этим спором руководителей восстания открывается роман Олдриджа.

— Нефтепромыслы! — утверждает феодальный владыка восставших племен, эмир Хамид. Жизненный опыт подсказывает ему, что именно нефтепромыслы были причиной насильственного включения племен в состав Бахраза. После их захвата англичане будут вынуждены договариваться с племенами.

— Аэродром! — возражает Хамиду его названный брат, другой руководитель восстания, бывший историк и востоковед, арабизировавшийся англичанин Нед Гордон. Бедствия кочевников он объясняет полицейскими преследованиями племен со стороны Бахраза. Стоит захватить аэродром, этот бастион полицейского угнетения, и кочевники будут свободны...

Пробравшийся через пустыню с опасностью для жизни (его спас Гордон) представитель революционных организаций Бахраза коммунист Зейн предлагает отложить решительный удар и объединить восстание кочевников с готовящимся восстанием народных масс Бахраза. Вместе они свергнут феодальную, продавшуюся англичанам клику, порознь их действия обречены на неудачу.

Хамид колеблется — ему непривычна мысль объединиться с Бахразом, который всегда угнетал кочевников. Гордон категорически против объединения с коммунистами. Восставшим племенам «ни к чему учение о том, как мастеровых возвысить до

уровня богов», что проповедуют «догматики» — так презрительно он называет Зейна и других коммунистов. По его мнению, всякий Бахраз, даже революционный, несет гибель кочевникам. Чтобы машина ворвалась в пустыню и растлила «извечно свободную» душу араба? Да это же гибель свободы! Нет и нет!!

Под влиянием Гордона Хамид отклоняет предложенное Зейном объединение восстаний. Отчаянной ночной атакой Гордон после резни захватывает аэродром. Победа! Теперь объединение с революционерами Бахраза уже не нужно, и машина никогда не ворвется в пустыню. Гордон сам спасет племена «от развращения и гибели, от чудовищной деградации», сам, по своему рецепту, вопреки тупым, по его мнению, «догмам» Зейна.

Но Бахраз еще в силах расправиться с кочевниками. Его войска окружают аэродром. Отрядам Хамида и Гордона грозит полное истребление. Подлинным хозяева Бахраза, англичане, чтобы сохранить в пустыне «равновесие сил», предлагают Хамиду почетный мир: племенам гарантируется прощение, а Гордону — сохранение жизни, если он даст честное слово навсегда покинуть Аравию и уехать на родину.

Гордон вынужден согласиться...

Политико-философские аспекты романа Олдриджа глубоки и остро злободневны. Роман написан в 1954 году. Его страницы освещены заревом борьбы с колониалистами, в них пышет пламя национально-освободительных революций. Олдридж ощущает необратимость исторического процесса, чего упорно не хотят замечать многие западно-европейские интеллигенты.

Но эта сторона еще не исчерпывает значения романа.

Яркую и значительную фигуру современного Запада представляет собой «герой пустынных горизонтов» Нед Гордон. Утонченно аристократична его духовная генеалогия: он прямой потомок бунтарей и отщепенцев — лишних людей прошлого века, отвергавших буржуазное общество за его угнетательский, бесчеловечный характер.

Это сильная, богато одаренная личность, способная увлекать и вести за собой массы. В его храбрости и уме, искренности, личной честности не сомневаются ни прожженный империалист генерал Мартин, ни эмир Хамид, назвавший его своим братом, ни коммунист Зейн, любящий его и высоко ценящий.

Гордон, ненавидящий угнетательскую цивилизацию, навсегда решил остаться в Аравии, куда его забросила вторая мировая война. Здесь, а не в Англии («это ли свобода — затеряться в хаосе среди миллионов? Где там человек, личность, воля?») нашел он настоящую родину и дело, ради которого стоит жить. В кочевниках увидел он «богоподобные» существа, воплощающие его идею свободной личности и свободы. «...Даже под пятой бахразских захватчиков араб пустыни остается единственным человеком на земле, который знает, что такое свобода. Это у него в крови, и этого нельзя отнять», — говорит он.

Но этот Чайльд Гарольд в арабском бурнусе даже в пустыне не обрел желанной свободы: он «не араб». Он «слишком подвержен терзаниям души и слишком помнит о других мирах». Быть свободным ему якобы мешает родимое пятно западной — угнетательской! — цивилизации.

Отчаянная храбрость, решительность, ум быстро выдвинули Гордона в вожди восстания. Не дорожа жизнью, он бьется за освобождение племен, потому что «успех в этой борьбе будет... доказательством того, что свободы можно добиться». Восстание является для него своеобразным политико-идеологическим «полигоном», это «опытный участок, где испытываются надежды на свободу человека вообще» и проверяется способность самого Гордона быть «спасителем человечества».

Но понимание свободы Гордоном несет на себе печать мелкобуржуазного интеллигентского анархизма. «Восставшие племена ведут борьбу за свободу личности, за ничем не стесненную свободную волю», — так формулирует он цели восстания.

Во имя идей «абсолютной», внеклассовой свободы Гордон отвергает всякую «догму», как он говорит, откуда бы она ни исходила. В жизни народов он отвергает государство, которое «несовместимо со свободой», в религии — «и Люцифера и Иегову», в политике — коммунизм и капитализм. «Свобода — это и значит, что каждый сам по себе ищет, что лучше, и сам по себе старается поступать, как лучше».

И вот этот добровольный «арабский пленник», проваливший восстание племен, в сущности, именно из-за своих представлений о свободе, возвратился на родину. Среди тернеровских ландшафтов Средней Англии, в многомиллионном Лондоне, в промышленных городах он чувствует себя

чужим. Родина кажется ему огромной тюрьмой. «Даже те, кто еще не родился, были узниками этой тюрьмы». Как жить в этой тюрьме, особенно если еще вчера ты творил историю, а сегодня оказался «тихо, без шума запертым в тесной комнатке на Фулхэм-род»? Его пытаются привлечь к себе лейбористы и консерваторы, оценившие эту яркую, недюжинную фигуру. Однако он понимает, что стать членом какой-нибудь из этих партий — «все равно, что играть в орел и решку фальшивой монетой».

Но и попытки любимой им девушки, коммунистки Тесс, свести этого мечтателя с облаков на землю, доказать ему пустоту и бесполезность его идей абстрактной свободы, неизбежность классовой борьбы терпят крах. Гордон верен себе: «Не о классах сейчас нужно заботиться: нужно спасать то, что еще осталось в человеке человеческого среди безумия, охватившего мир», — доктринерски поучает он Тесс.

Так же в штывы встречал он раньше и справедливые отповеди коммуниста Зейна. «Нам ни к чему отвлеченные идеалы, о которых вздыхали свободные люди Запада, пока мы здесь тонули в беспросветной нужде», — говорил ему Зейн. — Их время прошло... А для нас будущее — это новый мир, где мы сами будем хозяевами своей жизни, своей земли, своих станков и орудий. Пойми это, Гордон, а не поймешь — прочь с дороги!».

Как пустоцвет, как лишний человек, проходит Гордон по жизни, не находя дела. Этот свобододолюбец не в силах «прорваться к людям», так как не хочет хоть как-то «связать» себя. Именно поэтому он не может помочь ни брату, ни сестре, ни матери, ждущим от него помощи. Не может помочь даже названному брату эмиру Хамиду, умоляющему его «открыть глаза» англичанам на бедствия кочевников. Никому! Ничем! Всюду у него на первом месте свое «я».

«Мне иногда приходит на ум, что вы своего рода солипсист, — говорит ему генерал Мартин. — Если вы и признаете существование внешнего мира, то лишь в той мере, в какой это нужно, чтобы оправдать ваше представление о нем».

Это — сущность Гордона!

Тесс ведет этого «свободолюбца» к бастующим докерам — пусть у них он поучится, как стоять «плечом к плечу», бороться за человечество. Размах митинга поражает

Гордона, победа народного Китая убеждает его, что коммунизм — это огромная идейная сила. «Чтобы совершить сдвиг в такой стране, как Китай, нужна была идея. Так что же это за идея? Какое такое слово сумел сказать Мао своим четырёмстам миллионам крестьян?»

Но тут же его охватывает ужас: в новом мире, творимом этими миллионами, он будет ничтожной, незаметной песчинкой. «А неповторимое своеобразие личности? А привилегия разума? А величие обособленной души? Никогда еще не стоял он на краю такой страшной пропасти, перед такой угрозой всем ценностям его жизни».

Но Тесс уже поняла, кто этот «мученик» и «страстотерпец» свободы и чего стоят его рассуждения о «божественно свободной личности»: «...Что это за особенная, безупречная, богоданная личность, которую нужно спасать за счет других? Личность, о которой ты беспокоишься... это ты сам».

Одна за другой рвутся связи, соединяющие Гордона с жизнью. Перенаселенная Англия оказывается для него безлюдной пустыней. Нет дела. Нет соратников. Не было и нет друзей. Нет семьи. И даже нет Тесс, которая порвала с ним. Впереди — опустошенность и безнадежность. Он уже ощутил свое одиночество, понял, что заколдованный круг абсолютов должен привести его к гибели. Спасаясь от нее, он нарушает свое слово и возвращается в Аравию, где в его отсутствие победила идея Зейна — вспыхнуло уже совместное и потому победоносное восстание народных масс Бахраза и кочевников.

Гордон убежал из Англии. Но не от самого себя! Он вернулся на «полигон». Но испытания уже не нужны. Он уже не собирается спасать все человечество, но хочет спасти кочевников: в случае победы объединенного восстания ненавистная Гордону машина ворвется в пустыню.

Последние главы романа рисуют уже патологию души Гордона, разрушенной одиночеством, отчаянием, охваченной маниакальной одержимостью.

«Спасая» арабов «от марксизма и машины», он пытается взорвать захваченную им электростанцию нефтепромыслов — это на двадцать лет задержит вторжение машины и переделку «богоподобных» арабов в рабочих и пахарей.

При попытке взрыва Гордон смертельно ранен автоматной очередью Зейна, ко-

торый принял его за английского диверсанта.

«Так живое осталось с живыми, а мертвое было отдано мертвым», — этими многозначительными словами заканчивает Олдридж свой острый, пронизанный глубокими раздумьями над современностью роман.

...В истории молодого человека девятнадцатого столетия, начатой страданиями молодого Вертера и оборванной на испепеляющих сомнениях людей «без догмата», родившийся в двадцатом веке «мученик свободы» Гордон является последышем индивидуализма. Он несомненный «сын века», но не нашего, а уже ушедшего, потому что глубоко корыстен и себялюбив, хотя сам и не сознает этого. При всей преданности делу племени, при готовности умереть за их освобождение он, в сущности, ищет свободы только для себя, бьется, подобно Жюльену Сорелю, за свое «место под солнцем». Ради этого места он и спасает арабов по своему рецепту, не считаясь ни с объективным ходом истории, ни с подлинными интересами масс. Опоздав родиться и оказавшись в веке пролетарских революций, он пытается враси в него, не отказываясь от идеалов и предрассудков века прошлого. А это невозможно!

Жизнь смела прочь этого человека за долго до его физической смерти.

Можно, конечно, вздохнуть над «личной трагедией» Гордона, опоздавшего родиться. Но правильное и честнее задуматься над трагедией народа, которая стала бы неизбежной, если бы гордоны получили возможность претворять в жизнь свои идеалы.

По существу гордоны проваливают то дело, за которое, казалось бы, бьются, — проваливают ради сохранения своего привилегированного положения. Не случайно через весь роман отдаленным рефреном звучит и повторяется имя знаменитого разведчика Лоуренса-Аравийского, агента «Интеллидженс сервис». Этим рефреном Олдридж, по-видимому, хотел намекнуть читателю, что в каких-то точках общественная практика Лоуренса и Гордона объективно сближается, несмотря на враждебность политических позиций и разность субъективных побуждений. Захват Гордоном аэродрома увел восставших с их прямого пути, усложнил задачи восстания. Взрыв электростанции был бы на руку колониалистам, задержав возрождение пустыни. Совсем не случайно прожженный им-

периалист генерал Мартин то и дело «пересекает» путь Гордона, заботливо его опекая и даже выручая,— пока Гордон отвергает «догматиков», не исключена возможность, что этот блудный сын английского империализма когда-нибудь вернется в его лоно...

Что ж! Когда-то империализм выручали лоуренсы. Теперь их с успехом заменяют гордоны. Кликушеству о «свободе», о «правах личности», они шустро карабкаются на авансцену истории, пытаясь пышной фразой прикрыть замшелый груз.

Значит ли это, что права Тесс, покинувшая Гордона, что мы должны были с самого начала сказать ему то, что старый цыган у Пушкина сказал Алеко: «Оставь нас, гордый человек... Ты для себя лишь хочешь воли?»

Ничуть! Нельзя отказать гордонам в личной честности. Но нельзя и доверяться

ей. Они могут прийти к нам, на что надеялся Зейн, но могут уйти и к врагам. Поэтому за них нужно бороться, им нужно помогать в поисках правильного пути.

Образ «мученика свободы» Гордона вылеплен Олдриджем с большой силой и выразительностью, заострен до «идеальности»— таких «чистых» гордонов в природе найти так же трудно, как трудно найти чистого Дон-Кихота.

Но гордоны — это не миф, а вполне реальное явление наших дней, явление, очень существенное для Запада и объясняющее многие его политико-философские зигзаги. В этом образе собраны, обобщены, типизированы идейные шатания современной западноевропейской политической и философской мысли.

В этом — творческая заслуга Олдриджа.

Юрий ПОЛЕТИКА.

★

Политика и наука

Синтез — тема журнала

В рисунок обложки журнала «Наука и жизнь» № 3 за этот год врезана надпись: «Синтез в химии, технике, биологии, физике, медицине... Синтез— вот тема этого номера журнала». Его выход в свет накануне майского Пленума ЦК КПСС, посвященного ускоренному развитию химической промышленности в нашей стране, был как нельзя более своевременным. Доходчивый язык и многочисленные рисунки облегчают читателю овладение содержательным и разнообразным, но подчас сложным материалом.

К участию в журнале редакции удалось привлечь ряд виднейших советских ученых. Их выступления, несомненно, сыграют большую роль в важнейшем деле пропаганды современной науки и техники, с которыми так или иначе соприкасаются все слои народа. Нужно пожелать, чтобы ведущие ученые регулярно, а не от случая к случаю выступали на страницах печати с популярными статьями. Авторитетное слово ученого, донесенное до читателей, далеко не всегда могут заменить даже самые удачные выступления литераторов-популяризаторов.

Журнал открывается вступительной статьей президента Академии наук СССР

«Наука и жизнь» № 3, 1958. Главный редактор А. С. Федоров.

А. Н. Несмеянова. В ней много глубоких мыслей о роли и задачах науки в нашем обществе.

«С каждым днем,— начинает свою статью академик А. Н. Несмеянов,— все более возрастает роль науки в жизни общества. И в первую очередь это следует сказать о нашей стране, строящей коммунизм». В развитии науки, продолжает он, можно отметить две тенденции. Наряду со все прогрессирующей дифференциацией научных знаний, порождающей все новые и новые ветви, совершается процесс соприкосновения и взаимопроникновения наук, иногда смежных, иногда очень далеко отстоящих друг от друга. Это позволяет одной научной дисциплине использовать идеи и методы другой. И часто развитие возникающей таким образом новой пограничной области совершается необычайно быстро, широко и плодотворно. Например, на стыке физики и химии сформировалась химическая физика; на грани биологии и органической химии возникла и бурно прогрессирует биохимия. На сегодняшний день синтез является уже не только важнейшей стороной познавательной деятельности человека, а следовательно, и развития науки, но и неотъемлемой частью всей нашей повседневной практики.

«Век полимеров» — так называется статья лауреата Нобелевской премии академика Н. Н. Семенова, одного из основоположников современной науки о цепных реакциях. Наука эта охватывает грандиозный комплекс химических процессов, начиная от деления урана и кончая процессами, ведущими к образованию полимеров. В статье нарисована захватывающая картина создания и практического применения полимеров, этих гигантских молекул разнообразных материалов, свойства которых конструируются химиками в зависимости от тех или иных требований промышленности.

Статья профессора А. А. Берлина «Химия больших молекул» в известной мере дополняет предыдущую. Мы находим в ней обстоятельный, сопровождаемый множеством выразительных примеров рассказ о том, как происходит сложный процесс полимеризации.

Изготовление синтетических, искусственных волокон — это та область химии, где лаборатория особенно успешно соревнуется с природой. В статье доктора технических наук З. А. Роговина эта проблема освещена полно и увлекательно. Синтетические волокна превосходят по своим механическим свойствам волокно из шерсти, шелка, льна и хлопка.

Наряду с искусственным волокном широко применение в промышленности, сельском хозяйстве, в быту нашла искусственная кожа. Об этом мы узнаем из статьи Г. Ястребова «Соперники кожи». Показательны следующие цифры. В 1955 году у нас было выпущено полмиллиона квадратных метров искусственной кожи: такое количество можно получить от 250 тысяч голов крупного рогатого скота. В 1960 году предполагается выработать свыше пятидесяти миллионов квадратных метров искусственной кожи.

Кандидат химических наук С. В. Рогожин рассказывает о работах Института элементоорганических соединений Академии наук СССР. Мы знакомимся с трудами известных всей стране ученых — академика И. Л. Кнунянца, членов-корреспондентов Академии наук СССР М. И. Кабачника, Д. Н. Курсанова, В. В. Коршака, К. А. Андрианова и других. О работах каждого из них можно было бы написать интереснейший очерк.

О разнообразии содержания рецензируемого номера журнала говорят и следующие

материалы. В статье Е. М. Лейкина «В недрах Солнца» излагаются вопросы, связанные с ядерным синтезом и термоядерной энергетикой будущего. А в статье кандидата химических наук Н. Н. Суворова «Плодотворные поиски» рассказывается о новых идеях синтеза лекарственных препаратов. Химики, фармакологи, врачи, фармацевты объединенными усилиями создают новые лечебные средства, которые должны избавить человечество от многих болезней.

В Казани — этом классическом городе химии, где начинал свою научную деятельность А. М. Бутлеров, один из творцов современного учения о строении органических соединений, — ныне живет и работает маститый советский академик А. Е. Арбузов. О его научном подвиге в области химии фосфоорганических соединений рассказывает С. Бахтиаров в корреспонденции из Казани, озаглавленной «Во имя науки».

Несмотря на неисчерпаемую гамму свойств полимеров, они изготавливаются из широкодоступных материалов, какими являются, например, продукты химической переработки нефти. Об этой основе органического синтеза читатель узнает из статьи кандидата химических наук Б. А. Кренцеля.

Синтезу каучука — гордости советской науки — посвящена статья кандидата химических наук Ф. И. Яшунской.

Новым увлекательным разделом науки и техники является синтез кристаллов. Много интересных и малоизвестных широкому кругу читателей сведений мы получаем из статьи доктора геолого-минералогических наук Н. Н. Шефталя. Синтез самого твердого в природе минерала — алмаза — дает новый мощный толчок всей многообразной технике обработки материалов. «Работу по синтезу кристаллов, — пишет Н. Н. Шефталя, — можно сравнить с изысканиями геолога, задачей которого является открытие новых месторождений полезных ископаемых».

В многочисленных статьях, заметках, подборках рецензируемого номера журнала «Наука и жизнь» мы ощущаем дыхание новой, созидательной химии, химии синтетических материалов. Этот номер может служить удачным образцом целеустремленной живой пропаганды достижений советской науки.

Г. ДАВИДОВ.

Книга о советском здравоохранении

Этот сборник состоит из обстоятельных статей, написанных крупнейшими деятелями отечественной медицины. Читатель получает представление не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне медицинской науки в СССР.

В книге много цифр и таблиц, которые на первый взгляд могут показаться суховатыми. Однако, если читатель вникнет в сущность этих цифр, поймет, какие наполненные жизненной правдой факты стоят за ними, он неизбежно призадумается. Цифры покажутся ему красноречивыми и волнующими, а порой он почувствует в них трепетное дыхание «чуда». Ибо как, если не чудом, можно назвать тот ошеломляющий факт, что на протяжении недолгого времени — одного поколения! — средняя продолжительность человеческой жизни в огромной стране удвоилась?

В самые последние годы XIX века, когда родились многие наши современники, средняя продолжительность жизни в России составляла всего 32 года и была вдвое короче жизни в других европейских странах. В 1926 году продолжительность жизни в СССР составила уже 44 года, а в 1955 году достигла 64 лет.

Средняя продолжительность жизни населения неразрывно связана со средней смертностью. Посмотрим, какие сдвиги произошли за минувшее сорокалетие в этой области.

В нашей стране до революции была поистине ужасающая детская смертность. Отсталая и нищая царская Россия оставила Советской власти тяжелое наследие — из каждой тысячи родившихся умирало на первом году жизни 273. Таким образом, каждый четвертый новорожденный был обречен на скорую смерть. На ликвидацию этого страшного бедствия были брошены первые медицинские силы молодой Советской республики. Результаты оказались разительными. Детская смертность начала быстро падать.

В царской России в 1913 году общая смертность была несколько выше 30 человек на тысячу. Для США она составляла 13,8, для Англии — 14, для Франции 17,7.

По официальной статистике 1956 года, эти показатели стали выглядеть так: СССР — 7,7, США — 9,4, Англия — 11,7, Франция — 12,4. Таким образом, средняя смертность в нашей стране сократилась в советское время примерно вчетверо!

И это произошло всего лишь за сорок лет — мгновение в исчисляющейся тысячами лет истории народа.

Многие страшные инфекционные болезни, такие, как чума, холера, оспа, возвратный тиф, в Советском Союзе ликвидированы полностью. Заболеваемость малярией — этим стихийным бедствием южных районов — с 1913 по 1956 год снизилась в совершенно фантастической пропорции: в 330 раз! Нет никакого сомнения в том, что в ближайшие годы с малярией будет покончено, как покончено с оспой и чумой.

Весьма поучительны также цифры, характеризующие подготовку в нашей стране медицинских кадров и насыщение ими лечебно-профилактической сети.

Накануне революции на всех медицинских факультетах России обучалось в общей сложности 8 600 студентов. Средний годовой выпуск врачей составлял тысячу человек в год. Для населения бывшей Российской империи этого было чрезвычайно мало — на одного врача приходилось в среднем 6 900 жителей.

Уже в 1918—1922 годах было открыто 16 новых высших медицинских учебных заведений, и число врачей стало быстро расти. В 1928 году выпуск составил 6 200 врачей, а в 1954 году он определялся солидным числом в 14 500 человек. Общее количество врачей в стране достигло 329,4 тысячи человек. Сейчас на одного врача в Советском Союзе приходится 625 жителей — меньше, чем в любой другой стране мира. Для примера укажем, что в США на врача приходится 770 жителей, а в Швейцарии — 1 355 человек.

С каждым годом, в каждом новом бюджете нашего государства ассигнуемые на народное здравоохранение средства продолжают неуклонно увеличиваться. Наступление на болезни развертывается все шире. Со все увеличивающейся силой ведется наступление на рак.

Медицинская промышленность снабжает армию советских врачей все более совер-

шенным оружием. Появляются новые лечебные препараты и новые методы лечения заболеваний, считавшихся прежде неизлечимыми.

Прогресс ядерной физики открыл небывалые возможности для лучевой терапии, до сих пор применявшейся недостаточно. Можно считать, что в принципе проблема борьбы со злокачественными опухолями вскоре будет решена. Основное теперь заключается в том, как скоро сумеет медицинская наука разработать практическую методику лучевой терапии.

Обо всех этих и многих других замечательных успехах советской медицины рассказывает рецензируемая книга.

«Сорок лет советского здравоохранения» — капитальный труд большого коллектива наших передовых ученых. Книга убедительно свидетельствует о том, какого расцвета в Советском Союзе достигли здравоохранение и медицина.

Доктор медицинских наук
В. ЗАГОРЯНСКАЯ.

★

Искусство видеть мир

Даже трудно прикинуть на глаз, из какого числа капель-страниц сливается море написанного и напечатанного во всем мире об одной только физике атома и связанных с ее развитием новых технических возможностях и тревогах человечества. Научные труды и специальные журналы приносят нам наиболее непосредственные и наименее понятные массовому читателю вести из этого нового мира. Опытные специалисты-популяризаторы работают над сооружением зыбких мостков, по которым мог бы быть проложен путь от привычных категорий нашего сознания к новым понятиям, рождающимся в атомном мире ничтожно малых размеров и чудовищных скоростей. Для описания происходящих в нем явлений в нашем обыденном языке нет ни подходящих слов, ни соответственных образов.

Острая потребность читателя окунуться в мир идей современной науки во всей его сложности, не прячущейся за обманчивыми декорациями ложной простоты, намалеванными неумелыми популяризаторами, — эта актуальная потребность остается в основном неутоленной. Удачи можно перечислить по пальцам. К ним мы отнесем прекрасную книгу Н. Михайлова «Иду по меридиану», с блеском написанные очерки Вл. Орлова «Россия атомная», запоминающиеся портреты ученых Е. Строговой, темпераментные повести А. Шарова. Вадим Сафонов не так давно в «Рассказе о крутых вершинах» предпринял интересную попытку ввергнуть читателя в накаленную

атмосферу дискуссий, которые пылают сейчас вокруг биологической науки.

Тема нашей статьи — очерки Д. Данина, собранные в книге «Для человека». Книгу эту закрываешь с чувством доброй признательности к собеседнику — именно собеседнику, потому что Данин ни на мгновение не теряет живого контакта с читателем. Если бы мне пришлось ответить на вопрос, что больше всего интересовало Данина в его работе над очерками, я бы, не задумываясь, ответил: читатель и его восприятие. Еще оставаясь наедине с рукописью, он уже видел своего читателя за книгой, заранее старался угадать все его вопросы и, садясь за письменный стол, уже знал заранее многие его недоумения. Нет сомнения, что читатель будет благодарен работяге-автору, который собрал огромный материал и преподнес его в ясной, отчетливой форме.

Но мне хотелось бы провести именно здесь резкую грань между собственно познавательной литературой и художественным очерком о науке. Автор совсем не собирается брать на себя функции облегченного справочника. Его осведомленность совсем особого рода. Он не просто владеет темой. Он живет в ней и обращается с ней так, как ему нужно, нимало не смущаясь в изложении научных фактов несовпадением их последовательности с железной логикой учебника. И это вполне естественно. Ведь в учебнике мы находим готовые, отстоявшиеся, сложившиеся результаты научного процесса, а очеркиста — и читателя, которого он ведет за собой! — интересуют прежде всего приключения человеческой мысли на нехоженых тропях познания. Для того

Д. Данин. Для человека. Публицистические очерки. Редактор Л. И. Левин. 312 стр. «Советский писатель». М. 1957.

чтобы попасть на них, не нужно даже обращаться к сверхновым поискам на сверхпередовых рубежах. Надо лишь обладать достаточной смелостью мысли, чтобы воспользоваться магической и прекрасной способностью литературы возобновлять на страницах повествования те бури, которые бушевали в головах ученых, когда их обступали со всех сторон неразрешимые, казалось, противоречия. Достаточно вспомнить фантазмагорическую странность в поведении радия, которую сама исследовательница, открывшая этот чудодейственный элемент, Мария Кюри (Склодовская), называла «вызовом современной науке»...

В части очерков Данина, посвященных «доброму атому», спрятано чисто литературное полемическое острие. Данин безжалостно разоблачает, например, псевдолитературные популяризаторские приемы, из которых, пожалуй, наиболее распространенным является сюсюкающее обыгрывание разнообразных «тайн природы». «Природа вовсе не скрывает своих тайн, — вызывающе заявляет он. — У природы их вообще нет. Все совершается открыто — и таяние Солнца, и распад урана, и бег электронов по проводам. Даже атомное ядро «открыто для обозрения». Но масштаб человеческой наблюдательности ограничен: для одних процессов — слишком мал, для других — слишком велик. Природа, не знающая чудес, не снабдила человека волшебной палочкой, чтобы мог он без труда превращаться в микрочеловечка, путешествующего по атому, или в гиганта, путешествующего от звезды к звезде. Средства для обнаружения и верного истолкования всевозможных «проявлений вовне» сложных законов природы человек создал сам. Создал и создает непрерывно. В этом, в сущности, и состоит вся история естествознания».

Особенно яростно Данин ополчается против дешевой метафоричности, которая является неизбежной спутницей ложной беллетристики. Кто не встречался с «дежурными» сравнениями, кочующими из книги в книгу и теряющими мало-помалу и тот скромный смысл, который первоначально был в них заложен. Ученые-консультанты иной раз пропускают эти метафоры-обманки морщась, но активно не протестуя, поскольку они явно не противоречат физическому смыслу явления, которое призваны описывать. Конечно же, это результаты компромисса. Данин не хочет с ним мириться.

Вот, к примеру, внешне очень убедительно звучат такие привычные выражения, как «бомбардировка ядра», «удар», «раскалывание»... С ними тотчас связываются наглядные, житейски понятные представления, и «кажется даже, — иронизирует автор, — что начинаешь в зримой картине рисовать себе все происходящее: вот летит нейтрон, вот попадает на его пути атом, вот он врезается в ядро, и оно разбивается вдребезги. Что еще тут нужно объяснять! Все ясно!»

Однако все ли? Стоит только пригласить читателя мысленно внимательнее всмотреться в эту воображаемую картину механического удара, как на ней начинают возникать одно за другим темные пятна и в конце концов она, эта картина «раскалывания от удара», становится совершенно непонятной.

«Нет, нет, житейски зримая картина сокрушительных ударов только обманчиво ясна, — заключает автор. — Дело куда сложнее, и все здесь гораздо интересней». В этой последней фразе содержится ключ к объяснению успеха Данина: читая его очерк, ощущаешь, что автору действительно очень интересно все, что происходит в лабораториях ученых с атомным ядром. Раскрывая научный материал, он в значительной степени делает это вместе с читателем.

Критиковать легко. А как же сам Данин справляется с образным строем своего изложения? Нет ли в его собственном подходе к материалу оттенка научного пурризма и не приводит ли это к тому, что выцветает и теряет краски словесная ткань повествования?

Нет, Данин черпает свои образы из той сферы действительности, которую он как художник осваивает. Известно, что чем точнее образ, тем эффективнее он работает.

Вот один пример из многих. Советский теоретик Я. Смородинский, изучая данные опытов на мощном ускорителе частиц, несколько лет тому назад нашел, что радиус протона примерно в три раза меньше, чем радиус действия внутриядерных сил.

В чем важность этого события? Вообще в чем тут дело?

«...Представьте себе водоворот на реке, — поясняет Д. Данин. — В него опасно попасть — затянет, не выберешься. Но уже невдалеке от самой середины водоворота силы его иссякают. Они не исчезают совсем, но с расстоянием так быстро угасают, что круговорот становится неощутимой. Что

же можно сказать о радиусе такого водоворота? В Сибири говорят: «Сосун у нас на реке метров в пять! А дальше вода свободная». В этом образе выражена довольно точная аналогия с тем, как ученые обозначают и границы действия ядерных сил: они огромны, но иссякают уже на очень малых расстояниях от протона или нейтрона.

Образ, удачно найденный автором, отнюдь не поэтическая аллегория. Он позволяет понять, почему частицы так тесно сбиты в ядро. «Каждая из них располагается в середине могучего силового «водоворотика» очень малого радиуса... который только потому и существует, что его порождает сама частица».

Как же отличить ее размер от размеров такого «водоворота»? Физики и не умели этого делать, а теперь для радиуса протонов получена новая величина. Значит, физики уже пробиваются через силовую преграду к самому протону!

«Это оказывается делом гораздо более трудным,— продолжает автор,— чем пробиться через электронное облако атома к его ядру. Но в чем бы тогда и состоял прогресс науки, если бы ей не приходилось решать все более и более трудные задачи? Так физики сегодня вновь подтверждают справедливость философского прогноза Ленина. И, право же, нынче еще более осторожно, чем когда бы то ни было, говорят о внутриатомных частицах как о простейших частицах материи».

Как видим, художественный образ легко переходит в обобщение. Как построена вся книга. Яркость литературного изложения соседствует в ней с подлинной научностью.

Я не сказал еще о конструкции заглавного и, пожалуй, самого удачного очерка книги — «Добрый атом». Данин до сих пор был известен главным образом в литературной критике. Книгой «Для человека» он заявил себя как даровитый очеркист и увлекательный рассказчик. Конструкция очерка «Добрый атом» (как, впрочем, и остальных, в каждом случае своеобразных) очень сложна. Исходным пунктом повествования служит «маленький островок в море привычных примет современной техники» — первая опытная атомная электростанция Академии наук СССР. Переходя из зала в зал, от одного агрегата к другому, Данин совершает «попутно» далекие экскурсии в историю науки, и каждый раз, возвращаясь к исходному плацдарму, он с новой сторо-

ны показывает всю значимость и величественную красоту первого советского детища атомной энергетики.

Книга современна в самом высшем — политическом — смысле этого слова. Poleмика с нашими идейными противниками ведется здесь в полный голос. Данин находит точные и гневные слова для того, чтобы заклеймить тех, по чьей вине получилось так, что новый огонь — огонь атомной энергии — «сперва обжег людей вместо того, чтобы согреть их», что сначала были выпущены на волю недобрые силы атома. Он полемизирует с грустной репликой Энрико Ферми, великого итальянца, запустившего в Америке первый атомный реактор: «Быть может, жизнь теперь станет менее счастливой...» В образе первой атомной электростанции, работающей на мирные цели, Данин справедливо видит опровержение этого печального предчувствия. Для наших ученых-атомников не существует вопроса, который все с большей настойчивостью ставит жизнь перед учеными Запада: «А кто воспользуется открытием, которое я сделал?» Данин не упускает случая, говоря о самой трудной проблеме атомного производства — разделении урана, — с улыбкой напомнить брошюрку двух американцев, изданную у нас в 1948 году: «Когда у русских будет атомная бомба?» Ведь она у нас, в сущности, уже была, когда американцы с самодовольным превосходством предсказывали, что советские техники и экономисты долгие годы не смогут справиться с получением чистого легкого урана. Превосходство осталось на нашей стороне...

Острая злободневность книги проявляется и в ее философской направленности. Данин не жалеет ни времени, ни места для того, чтобы подробно и, главное, доказательно убедить читателя в том, что нелепое истолкование физического факта превращения массы в энергию и обратно как исчезновения материи и рождения ее из чего-то нематериального, — вполне сознательный идеалистический вздор, а физически — просто бессмыслица.

Мы уделили много внимания первому очерку книги, оставив в тени остальные, не только потому, что он наиболее интересен по теме. Нам хотелось более конкретно представить читателю Данина-рассказчика. Читатель не разочаруется, встретившись с ним в последующих очерках: «Циклопическая кладка», «Два века молодости», «Город оптимизма» и «В центре Москвы».

Журнальные поводы для появления каждого из этих очерков — о строительстве Москвы, о новом Московском университете, о Сельскохозяйственной и Промышленной выставках и о лаборатории новых предметов домашнего обихода (Всесоюзная торговая палата) — отошли во вчерашний день. Но каждый из них интересен не только по своему материалу, а и по мыслям и выводам, к которым автор подводит читателя.

Недостатки? Они есть, конечно, и проявляются прежде всего в неравнозначности того материала, который представлен в книге. Сравнения оказываются не в пользу завершающих очерков сборника. Они гораздо более локальны по теме и менее богаты обобщениями. Более детальный анализ не-

которых просчетов автора потребовал бы более основательного разбора очерков, что не входит в нашу задачу, ибо неизбежно такой разбор вылился бы в обстоятельный разговор на предложенные автором темы. Беседа так беседа: она требует и времени и места... Пусть ее примет на себя читатель.

Книга Д. Данина «Для человека» вышла в издательстве «Советский писатель». Она прокладывает в числе немногих других путь к признанию литературного равноправия публицистического очерка с другими жанрами литературы. Мы говорим о равноправии, не пытаюсь строить иерархию жанров. В каждом из них есть свои удачи и свои провалы. Будем ориентироваться на удачу.

Олег ЛИСАРЖЕВСКИЙ.

★

Средневековая Москва

Об истории Москвы написано так много, как ни о каком другом русском городе. Русские писатели и иностранные путешественники, историки и краеведы в книгах разного жанра — от романов и воспоминаний до научных исследований и путеводителей — запечатлели облик Москвы боярской, дворянской и купеческой. Несомненно, что история великого города интересна всему передовому человечеству, связывающему со словом «Москва» свои чаяния и надежды.

Немалый вклад в изучение прошлого нашей столицы внес академик М. Н. Тихомиров. В 1947 году вышла его книга «Древняя Москва», а недавно — «Средневековая Москва в XIV—XV веках».

Естественно, возникает вопрос: что нового содержит эта работа по сравнению с огромной литературой предшествующего времени?

Десять лет назад еще нужно было доказывать, что «Москва со времени первого появления своего на страницах летописей была городом, а не боярской усадьбой, что она развивалась вначале как небольшой, а позже как крупный торговый и ремесленный город Восточной Европы, связанный с большим международным обменом, в который были втянуты страны Востока и Средиземноморья, а позже Запада». Теперь

это положение, сформулированное М. Н. Тихомировым, уже принято в нашей исторической литературе. В своей новой книге автор ставит своей задачей всестороннее освещение жизни русского средневекового города. Эта задача очень сложна, так как, несмотря на видимое изобилие письменных источников, они не касаются целого ряда явлений.

Перед историком возникает, например, вопрос: как восстановить древнюю московскую топографию? Ведь при росте и переустройстве города стерлись его древние черты, которые по обрывочным заметкам летописей и актов полностью восстановить нельзя. На помощь могли бы прийти археологические раскопки, но в большом современном городе они не могут носить систематического характера: свободных для исследования участков не много. Кое-что удалось выяснить при строительстве первой очереди метро, на котором работы велись открытым способом и где исследования ученых дали материалы для изучения древней топографии города. Раскопки в Гончарной слободе при устье реки Яузы, в Зарядье на территории строительства гостиницы и наблюдения при строительстве коммуникаций и отдельных зданий — вот, собственно, и все, что удалось пока сделать археологам.

Автор книги, специалист по письменным источникам, внимательно отнесся ко всем этим данным. Но их оказалось слишком мало, чтобы судить об изменениях, которые

М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. Редактор А. В. Арциховский. 318 стр. Издательство Московского университета. 1957.

претерпел первоначальный ландшафт местности, где был расположен город. Об этом можно судить по другим источникам, в первую очередь по названиям городских площадей, улиц и зданий. Эти порой странные названия, связанные с первоначальной топографией Москвы, сохранились на протяжении столетий.

М. Н. Тихомиров, используя данные различных источников, дает в своей новой книге очерк роста и заселения городской территории. Приведем один лишь пример. В XIV веке на обширной территории, где ныне расположено здание Артиллерийской академии, был находившийся за чертой города Васильевский луг, который соединялся с Кулишками (район площади Ногина). К слову сказать, Кулишки казались тогда такой далекой окраиной, что возникла даже поговорка: «У черта на куличках». На том месте, где в XV веке находилось село Красное, теперь проходит Красносельская улица.

На московскую топографию наложили своеобразный отпечаток ремесленные специальности. В Москве было много урочищ с названиями «в гончарах», «в кожевниках», «в бронниках». В московское ремесло XIV—XV веков входило производство оружия, кузнечное, ювелирное и книжное дело, гончарное производство и кожевенное дело, портновское мастерство и изготовление дорогого шитья, иконное, плотничье дело и каменное строительство, производство пушек и литье колоколов. Все эти разнообразные отрасли ремесла достаточно полно описаны в книге М. Н. Тихомирова.

Интересные выводы сделал автор относительно книжного дела. Крупнейшим центром которого наряду с Новгородом и Псковом была Москва. Уже с конца XIV столетия она как бы законодательствовала в этих вопросах, устанавливая манеру письма для всей тогдашней России. Здесь-то и возник красивый и четкий почерк, известный под названием «русского устава». Постоянные кадры московских писцов-ремесленников переписывали тысячи книг.

Говоря об иконном деле и каменном зодчестве, автор, к сожалению, не дает характеристики художественного своеобразия московской живописи и архитектуры и рассматривает их лишь как отрасли ремесленного производства.

Очень трудно дать очерк общественной жизни средневекового города, так как архивы исчезли почти целиком. М. Н. Тихоми-

ров делает смелую попытку доказать на примере Москвы возможность составить такой очерк по очень фрагментарным материалам. Он начинает не с изучения городских владений бояр и духовенства, что, исходя из сохранившихся источников, сделать было бы легче, а с характеристики экономического и общественного положения основного населения русских городов — «черных» людей, как тогда называлось свободное, но податное население в отличие от бояр и духовенства. Организация городского населения в «сотни», существование дворцовых, княжеских, боярских и монастырских слобод, положение ремесленников, беглых крестьян и холопов в Москве и ряд других подобных фактов социальной жизни города являются объектом внимания М. Н. Тихомирова.

Важнейшие направления московской торговли были первоначально связаны с речными путями, но по мере увеличения населения и развития торговли усиливалось и значение сухопутных дорог. На это важное обстоятельство не все исследователи обращают достаточно внимания. Автор рассказывает о средневековой организации торговли, о концентрации богатств в руках отдельных купеческих родов.

В книге М. Н. Тихомирова нашли отражение и такие темы, как совместное владение Москвой великими князьями и их сородичами, положение иностранцев.

Большой интерес представляет глава о классовой борьбе и восстаниях простых людей. Наши источники содержат об этом мало сведений. Летописи посвящены главным образом описанию событий, происходивших в княжеской и духовной среде, и лишь изредка отмечают отдельные факты борьбы между «большими» и «меньшими» людьми. Под термином «меньшие» люди понимались широкие массы населения феодального города: мелкие ремесленники и торговцы, поденщики, беглые холопы. Во многих русских городах в XI—XIII веках «меньшие» люди выступали против бояр. В XIV веке классовая борьба нашла свое отражение в том, что «меньшие» люди стремились сохранить последний остаток городской вольности — вече. Крупным событием в истории классовой борьбы является московское восстание 1382 года. Оно связано с походом татарских войск хана Тохтамыша на Москву. Феодалы хотели бежать из города и сдать его врагу. «Черные» люди организовали его оборону. Грозная опас-

ность, нависшая над Москвой, разделила население на две группы. Начался мятеж, в котором отразились глубокие социальные противоречия. В 1480 году волнения посадских людей оказали влияние на действия князей, выступавших против татар.

М. Н. Тихомиров уделяет место в своей работе городским бедствиям и «чрезвычайным происшествиям»: пожарам, подчас уничтожившим большую часть деревянного города, эпидемиям, погубившим множество людей, внезапным вражеским набегам.

С неослабным вниманием читаются страницы, описывающие просвещение и литературу того времени. М. Н. Тихомиров доказывает, что, хотя образование в средние века было уделом немногих, грамотность была распространена в русском обществе шире, чем это обычно предполагалось. Среди духовенства встречались высокообразованные люди; бояре и даже рядовые горожане часто умели читать и писать. В монастырях создавались школы переписчиков и переводчиков, накапливались крупные книжные богатства. Правда, московская письменность не имела таких глубоких корней, как новгородская, — в XII—XIII веках Москва была еще новым городом, — однако в конце XIV века возникает уже московская литература, отмеченная такими выдающимися произведениями, как «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Житие Дмитрия Донского». К этим трем литературным памятникам М. Н. Тихомиров добавляет и другие, не сохранившиеся в особых списках, а вошедшие в русские летописи. Таковы сказания о Тохтамышевом нашествии, повесть о Митяе (архимандрите Михаиле, неудачливом

княжеском ставленнике в митрополиты) и хождение митрополита Пимина в Царьград — красочный рассказ о путешествии, написанный церковником, но носящий все черты светской литературы. Таким образом, список московской литературы конца XIV века заметно расширился.

В следующем столетии наряду с церковным продолжало развиваться и гражданское направление литературы. К сожалению, относящиеся к нему произведения сохранились только в составе летописей, хронографов, степенных книг. М. Н. Тихомиров призывает историков литературы изучать эти отдельные летописные сказания.

В заключение нужно сказать, что книга «Средневековая Москва в XIV—XV веках» при всей своей содержательности все же не исчерпывает целиком темы. Автору можно бросить упрек в том, что он не коснулся такого существенного вопроса, как денежное обращение, тесно связанное с экономикой. Подмосковные села охарактеризованы только с точки зрения сведений по топографии Москвы, а как центр сельскохозяйственной округи Москва не рассматривается. Между тем сам М. Н. Тихомиров в другой своей книге, «Древнерусские города», обратил внимание на эту важную роль русского средневекового города. Скупо описан быт горожан, внешний облик древней Москвы.

В целом же книга дает яркое представление о жизни города, обогащает знания даже осведомленного читателя и является ценным вкладом в обширную литературу по истории Москвы.

Кандидат исторических наук
А. МОНГАЙТ.

★

Человек на крыльях

В этой книге, рассчитанной на молодого читателя, М. Арлазоров задался целью проследить путь смелой технической мысли — от первых воздушных шаров до искусственных спутников Земли, то есть составить своеобразную научно-художественную монографию об авиации.

Прежде всего книга знакомит читателя с атмосферой — средой, в которой происходит полет, рассказывает о первых попытках завоевания воздуха, излагает основы аэроди-

намики. Так постепенно, страница за страницей, читатель получает подготовку, необходимую для восприятия физической сущности тех сложных явлений, без знания которых не могла быть создана ни авиация больших скоростей, ни современная ракетная техника. Закрывающая книгу тема искусственных спутников Земли, рассказ о фотонных ракетах, которые должны открыть возможность межзвездных путешествий, выглядит логическим продолжением сложного пути, по которому развивалась авиация.

М. Арлазоров. Человек на крыльях.
Редактор А. И. Григорьева. 276 стр. Издательство ДОСААФ. М. 1958.

Нет нужды подробно останавливаться на первых главах книги. Большое количество ранее не известных материалов по истории авиации нашей Родины, опубликованных за последние годы, позволило автору живо обрисовать облик Можайского, Циолковского, Жуковского и других деятелей отечественной науки, совершивших подлинные подвиги во имя того будущего, каким было для них наше настоящее.

Интересные факты узнает читатель из новейшей (если можно так выразиться) истории авиации.

Перед Великой Отечественной войной С. В. Ильюшин создал штурмовик «ИЛ-2», прозванный гитлеровцами «черной смертью». Оснащенные ракетным оружием, надежно бронированные, штурмовики действовали на малых высотах, нанося огромный урон живой силе и технике врага. А ведь еще за два десятилетия до начала войны задача создания такого самолета считалась неразрешимой. Все попытки, предпринимавшиеся в этом направлении немецкими, итальянскими, американскими, да и нашими конструкторами, не привели к успеху. Скорость и броневая защита вступали друг с другом в такое противоречие, что, казалось, выхода не было. Тяжелые самолеты были тихоходными, скоростные, вследствие слабости брони, оказывались уязвимыми для зенитного огня. Ильюшин был первым, кому удалось преодолеть эти противоречия. Вот почему с таким интересом читается глава «Конструктор летающих танков», где впервые в популярной литературе излагается история создания замечательного штурмовика «ИЛ-2».

А вот другой пример. Как известно, первый полет на ракетном самолете был совершен летчиком Г. Бахчиванджи 15 мая 1942 года на машине конструктора В. Болховитинова. Об этом важном событии популяризаторы писали мало. Автор подробно рассказывает о рождении экспериментальной машины, о подвиге коллектива конструкторов, которые труднейшей зимой 1941/42 года на заводе, мало пригодном для выпуска экспериментальных самолетов, сумели создать первый советский ракетный истребитель.

Ознакомив читателей с принципами работы реактивных двигателей разного типа,

с особенностями аэродинамики сверхзвуковых скоростей, автор не ограничивается рассказом об уже преодоленном «звуковом барьере». Читатель попадает в творческую лабораторию ученых наших дней, борющихся с новыми барьерами, вставшими на пути самолета, — «тепловым» и надвигающимся «электрическим».

Глава «Быстрее звука» — о новых конструктивных решениях скоростных самолетов, о воздействии ускорений на человеческий организм — показывает ту роль, которую играют в современной авиации вопросы автоматизации, телемеханики, кибернетики, биологии и т. д.

Следует сказать, что события в области авиационной техники за последнее время развиваются особенно быстро, и поэтому трудно упрекнуть автора в том, что за некоторыми из них (например, за аэродинамическими опытами с плазмой) он просто не поспел: книга была уже в производстве.

Хочется отметить важную особенность книги. Автор не пошел по легкому пути замены рассказа о трудностях поисков нового эффективным подбором достигнутых результатов. Тема труда, без которого невозможно открытие нового, настойчиво проходит через всю книгу.

Есть в книге и недостатки. В ряде случаев автор углубляется в узкоспециальные и трудные для объяснения области аэродинамики. В результате кое-где в погоне за популярностью изложения в жертву приносятся точность.

В упрек автору можно поставить и разнотильность книги. Отдельные главы написаны живым, образным языком, а через несколько страниц автор начинает злоупотреблять цитатами, цифрами, датами. Занимательные по фактическому материалу эпизоды перегружаются несущественными подробностями.

Интересно рассказав об ученых, инженерах, летчиках, автор не всегда, к сожалению, находит теплые слова в адрес рядовых тружеников, замечательных умельцев, чьими руками воплощаются замыслы ученых и конструкторов. Этих недостатков хорошей в общем книги нетрудно было избежать.

Кандидат технических наук
М. КУЛАЕВ.

Политика, противоречащая интересам народа

На протяжении долгих десятилетий Англия играла ведущую роль на международной арене. В резиденции британского премьер-министра, на лондонской Даунинг-стрит, определялась и направлялась политика европейских государств. Игра в «равновесие сил», при которой Англия, противопоставляя друг другу две или несколько крупных держав, выступала в качестве арбитра, считалась в конце прошлого и начале нынешнего века «специальностью» английской дипломатии. Такая политика позволяла Англии оставаться в положении «третьего радующегося» при возникновении международных конфликтов и сохранять неприкосновенной свою мощь.

В Лондоне в то время бился пульс гигантской колониальной империи. Система английских банков охватывала весь мир. Мощный британский военно-морской флот господствовал на морях и океанах: Англия всегда располагала силами, равными флотам двух любых крупнейших морских держав.

Однако еще до начала первой мировой войны стали заметно усиливаться два конкурента — молодой германский и американский империализм. США и Германия упорно и последовательно вытесняли Англию с важнейших мировых рынков. Стремление британских правящих кругов устранить германское соперничество сыграло немалую роль в возникновении войны 1914—1918 годов.

Победа над вильгельмовской Германией не укрепила, а ослабила британские экономические и военно-стратегические позиции. В положении «третьего радующегося» на этот раз оказались Соединенные Штаты Америки, нажившиеся и непомерно разбогатевшие за время первой мировой войны. Англии не удалось выправить положение в промежутке между двумя войнами. Ни хитроумные маневры британской дипломатии, ни попытки Чемберлена и других мюнхенцев натравить в конце тридцатых годов фашистскую Германию на Советский Союз не принесли тех результатов, на которые рассчитывали мастера игры в «равновесие сил». В 1939 году Англия вновь оказалась свергнутой в кровопролитную войну.

В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии после второй мировой войны (Краткий очерк). Редактор Ю. Егоров. 336 стр. Госполитиздат. М. 1957.

Прошло тринадцать лет после окончания второй мировой войны, из которой Англия вышла победительницей вместе с другими странами антигитлеровской коалиции. Конечно, Великобритания сохранила свое место крупной европейской державы, производительные силы ее по-прежнему велики. Но распределение ролей в капиталистическом мире в корне изменилось. Не Англии, а Соединенным Штатам Америки принадлежит теперь первое слово при определении политики западноевропейских стран. Британские военные и политические позиции пошатнулись не только в Европе, но и в Африке и Азии.

Разумеется, кризис, переживаемый Британской империей, представляет лишь часть общего глубокого кризиса всей капиталистической системы. Однако серьезные затруднения, которые испытывает сейчас эта страна, являются также и прямым следствием близорукой политики ее правящих кругов в послевоенный период.

Внешней политике Англии после окончания второй мировой войны и посвящена книга В. Трухановского.

Автор подчеркивает тот факт, что еще во время второй мировой войны Великобритания оказалась в военно-экономической зависимости от США. В послевоенные годы американские монополии не преминули использовать затруднения своего союзника для усиленного наступления на английские позиции во всех частях света.

Могло ли сложиться иное положение? Были ли у британских правящих кругов возможности оздоровления экономики Англии, был ли иной путь, кроме ее подчинения интересам американских монополий?

Безусловно, был. Англо-советский договор 1942 года открыл перед Англией широкие перспективы. Экономическое сотрудничество с Советским Союзом, с Китайской Народной Республикой, со странами народной демократии, всемерное расширение торговых связей, капиталовложения в мирные отрасли промышленности — все это, несомненно, могло бы вывести британскую экономику из тупика. Но для этого необходимо было отказаться от антисоветской программы, намеченной в пресловутой фултонской речи Уинстона Черчилля в 1946 году, и совершить коренной переворот во внешней политике.

Этого не сделали, находясь у власти, ни консерваторы, ни лейбористы. В. Трухановский показывает преимущество внешней политики обеих партий, проводивших один и тот же внешнеполитический курс. За фултонской речью последовала «доктрина Трумэна», а в 1949 году был подписан агрессивный Североатлантический пакт, положивший начало лихорадочной гонке вооружений, сколачиванию военных блоков. Участие в Атлантическом блоке обязало Англию нести огромные военные расходы. И что самое главное, это узаконило, закрепило подчиненное положение Великобритании по отношению к США. Название «младший партнер» прочно вошло в обиход, когда речь шла об Англии.

В 1948 году английское правительство дало согласие на создание на Британских островах американских военно-воздушных баз. Так впервые в истории Англии на ее земле в мирное время появились чужеземные войска. Это было началом. За первыми девятнадцатью американскими базами появились новые аэродромы, склады американского атомного оружия. Наконец, в декабре 1957 года на сессии Совета НАТО было принято решение создать на английской территории стартовые площадки для американских ракет среднего радиуса действия.

Англия поддерживает Соединенные Штаты Америки в их политике сколачивания других военных блоков — СЕАТО и Багдадского пакта. Она следует за «старшим партнером» в гонке ядерных вооружений. Английские правящие круги, забыв уроки недавнего прошлого, способствуют возрождению германского милитаризма, превращению Федеративной Республики Германии в очаг атомной войны. Автор книги показывает, как Англия неизменно отвергала в послевоенные годы советские предложения о создании в Европе эффективной системы коллективной безопасности.

К чему это привело? Непосильные военные расходы, гонка вооружений еще больше ухудшили экономическое положение страны. Дефицит платежного баланса стал постоянным явлением. Золотые и долларо-вые запасы сокращаются из года в год, и зависимость Англии от заокеанского кредитора растет. И все же рассудку вопреки правительство Гарольда Макмиллана продолжает идти по тому же пути — по пути

к катастрофе. В книге хорошо показано, как британские правящие круги препятствуют разоружению, как мешают достижению соглашения о запрещении ядерного оружия. Известно, что британское правительство не согласилось последовать примеру Советского Союза, не откликнулось на его призыв прекратить испытания ядерного оружия.

В последнее время, уже после выхода книги В. Трухановского, английская печать много пишет о необходимости для Англии обладать «своими собственными водородными бомбами», своими «собственными баллистическими ракетами». Оружие массового разрушения преподносится общественному мнению как средство для сохранения «величия Англии». В то же время Данкен Сэндис — британский министр обороны — и его ведомство заняты поисками новых стратегических позиций взамен тех, которые утрачены за последние годы на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии, Африке. При этом откровенно говорится, что Англия хочет создать свою систему военно-морских и военно-воздушных баз, которые позволили бы ей не зависеть от США.

Общность агрессивной политики, ненависть США и Англии к странам социализма не снимают глубоких империалистических противоречий между этими державами. Напротив, они принимают с каждым годом все более острый характер. Борьба за источники сырья, за ближневосточную нефть, за стратегические позиции — такова оборотная сторона англо-американского альянса. «Младший партнер» не хочет сдаваться без боя.

В работе В. Трухановского собран большой фактический материал, несомненно пополняющий сведения читателя об Англии. К сожалению, композиция книги лишена стройности, и это приводит подчас к повторениям. Жаль также, что автор не попытался сделать книгу более публичной, менее сухой по языку, перегрузил ее цитатами и цифровым материалом. К стати говоря, этот недостаток свойствен многим работам, посвященным международным вопросам. Между тем большая свобода изложения, отнюдь не мешая глубине содержания, сделала бы такие книги интереснее и популярнее.

А. БЕЛЬСКАЯ.

ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО

— кажется я спутали отчество Ваше неверно написал? На всякий случай — извиняюсь!

К делу.

Прочитанные мною ваши переводы с мадьярского и ваша — как го-

ворите вы — любовь к Мадачу позволяют мне с уверенностью думать, что перевод «Трагедии» вы сделаете хорошо. Я просил бы вас приняться за эту работу сейчас же, если вы можете.

Перевод ваш будет издан отдельной книгой в фирме «Знание». Условия, т. е. плату за перевод — вы назначите сами.

Не торопитесь, прошу, но сделайте, как можете, хорошо!

Примите во внимание следующее: круг читателей в России расширяется за счет так называемого «народа», т. е. крестьянина, рабочего. Этот новый читатель требует простоты и ясности. Поэтому: по возможности избегайте «мудреных» слов.

И еще: не напишете ли вы как бы вроде предисловия — нечто вроде биографии Мадача в связи с историей мадьярской литературы? Это очень бы нужно.

Это уже оригинальная работа и за нее вы назначите другой гонорар по усмотрению вашему.

Было бы очень славно, если б книгу Мадача мы с вами успели выпустить из типографии в сентябре—октябре.

Всего доброго!

А. Пешков.

Запоздал с ответом лишь потому, что вчера только вернулся домой.

В остальных письмах, хранящихся у З. Г. Крашенинниковой, Алексей Максимович запрашивает о ходе работы над переводом, просит переводчицу прийти для обсуждения ее рукописи в гостиницу «Княжий двор» в Москве, где Алексей Максимович останавливался в январе 1904 года. Зинаида Германовна вспоминает, что в связи с переводом драмы Мадача она не менее трех раз виделась с Горьким.

Имре Мадач (1823—1864) — выдающийся венгерский поэт и драматург. Драма «Трагедия человека», опубликованная в 1862 году, сделала его знаменитым как автора «венгерского Фауста». Поразительно, что Горький, знакомый с драмой Мадача только по журнальной статье, так хорошо запомнил ее содержание и смысл.

ГОРЬКИЙ И ИМРЕ МАДАЧ

(Неизвестные письма
А. М. Горького)

«Шесть писем А. М. Горького ко мне (1903—1904 гг.)» — написано на обертке, внутри которой мы видим знакомый почерк писателя.

Зинаида Германовна Крашенинникова — почти ровесница Горького, ей 89 лет. Она рассказывает, что в молодости по совету своего отца — музыкального критика и профессора Московской консерватории Г. А. Лароша — изучила венгерский язык, занималась переводами. Однажды она получила следующее письмо из Нижнего Новгорода:

«М. Г. Зинаида Германовна!

У мадьяр есть писатель — ныне, кажется, умерший — Эмерик Мадач.

Он написал поэму «Человеческая трагикомедия», — так, если не ошибаюсь. Я знаю эту поэму по статье, помещенной — лет десять тому назад — в «Русс[ком] Вест[нике]». Суть поэмы — если верно помню — такова: Дьявол рассказывает Адаму и Еве будущее их потомства, со всеми ужасами; славные наши праотцы несколько смущаются, — но потом все же решают вкушать от древа познания добра и зла.

Так вот — если смысл этого произведения именно таков, каковым я его изложил, т. е. — если это бодрая и гордая вещь — мне очень хотелось бы видеть ее переведенной на русский язык.

Возьметесь? Кажется — это стихи. Но вы переведите прозой, хорошей, сильной прозой. Вы, очевидно, можете сделать это. Я прочитал ваши переводы и — кажется — вижу индивидуальность авторов. Условия — ваши.

Всего хорошего!

А. Пешков».

На письме нет даты, но сохранился конверт с почтовым штемпелем «Нижний Новгород. 30.IV.1903». Следующее письмо имеет штемпель «Нижний Новгород. 23.V.1903». В нем говорится:

«Милостивая Государыня Зинаида Михайловна!

Статья о Мадаче, которую читал Горький, — «Эмерик Мадач и его «Трагедия человека» — была напечатана в июле 1893 года, но не в «Русском вестнике», а в «Русском обозрении».

Перевод З. Г. Крашенинниковой — «Имре Мадач. Человеческая трагедия. Драматическая поэма» — с ее предисловием был издан товариществом «Знание» в 1905 году.

Письма Горького к З. Г. Крашенинниковой публикуются здесь впервые.

А. ХРАБРОВИЦКИЙ.

★

АВТОР СТИХОТВОРЕНИЯ «ДЕКАБРИСТАМ»

В нашей литературе хорошо известно стихотворение «Декабристам», опубликованное сто лет тому назад и являющееся ярким показателем свободолобивых настроений передовых слоев русского общества. Стихотворение посвящено памяти пяти казненных декабристов и предвещает неминуемое торжество народной революции, которая уничтожит царское самовластье и освободит народ от его поработителей и угнетателей.

Приводим это стихотворение.

ДЕКАБРИСТАМ

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
Над ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.

Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует,
И кажется незыблем трон.

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посеяли, взойдет,
Чего желали вы так страстно —
Все, все исполнится, придет.

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род —
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

В победный день, в день славной тризны,
Свершится роковая месть —
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

Стихотворение написано, по всей вероятности, в середине 1830-х годов. Об этом свидетельствуют слова «поэт, венчанный славой», под которым имеется, должно быть, в виду Пушкин как еще живой человек,

Впервые это стихотворение было напечатано в 1858 году в четвертой книге герценовской «Полярной звезды». Оно неоднократно перепечатывалось затем в многочисленных нелегальных сборниках «потаенной» русской революционной поэзии в России и за рубежом. Библиограф Н. М. Ченцов указывает около двадцати известных ему публикаций стихотворения. В России стихотворение могло появиться легально в печати только после революции 1905 года.

Несмотря на вековую давность и широкую популярность стихотворения, имя его автора остается неустановленным. Авторство приписывали Пушкину, Огареву и особенно часто профессору античной литературы Московского университета Д. Л. Крюкову.

Все эти определения носили, однако, случайный характер. Так, например, Н. Л. Бродский считал автором стихотворения «Декабристам» Н. П. Огарева, исходя, видимо, из близости мотивов этого стихотворения к мотивам ряда произведений Огарева, посвященных памяти декабристов, и из того факта, что оно впервые было напечатано в «Полярной звезде» и затем в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», изданном Герценом и Огаревым в 1861 году.

Литературовед Н. О. Лернер приписывал стихотворение «Декабристам» Д. Л. Крюкову на основании подписи «Крюков» (без инициалов), сделанной в принадлежавшем ему экземпляре сборника «Русская потаенная литература XIX столетия» рукой неизвестного читателя, хорошо, по словам исследователя, осведомленного об авторах многих других «крамольных» стихотворений, напечатанных в этом сборнике. Однако вопрос об авторе стихотворения «Декабристам» оставался до самого последнего времени нерешенным. Достаточно указать, что в одном из томов «Поэзия декабристов», изданном в 1950 году, стихотворение напечатано как произведение неизвестного автора, а автор комментариев Б. С. Мейлах указывает, что предположение о принадлежности стихотворения Д. Л. Крюкову не является обоснованным. Другой исследователь, В. Н. Орлов, предполагает, что автором стихотворения мог быть Н. П. Крюков, офицер, привлеченный в 1826 году к следствию по делу декабристов. Однако исследователь отнюдь не настаивает на своей гипотезе и оставляет вопрос об авторе стихотворения открытым.

Любопытные сведения, по-новому освещающие вопрос об авторе стихотворения «Декабристам», мною найдены в рукописном сборнике различных редких произведений, в том числе и запретных, составленном известным библиографом и литератором прошлого века П. А. Ефремовым. Он был одним из старательных собирателей произведений «потаенной» поэзии и, в частности, декабристской.

Составленный П. А. Ефремовым сборник хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (фонд И. А. Шляпкина, № 55). Под стихотворением «Декабристам» здесь стоит подпись: «И. В. Крюков». П. А. Ефремов сделал следующее примечание к подписи: «Константин Николаевич Бестужев-Рюмин назвал мне имя автора (в Казани), от которого сам получил это стихотворение».

Среди казанских поэтов начала XIX века действительно находим поэта Ивана Крюкова, автора ряда произведений (например, драмы «Ополчение», «Подражание оде на англичан господина Буало» и других), изданных в Казани в 1813 году. Иных сведений об И. Крюкове нам найти не удалось. Однако вряд ли он мог быть автором стихотворения «Декабристам». К тому же непонятно, каким образом мог получить от него лично текст стихотворения К. Н. Бестужев-Рюмин. Это просто хронологически невероятно, так как Бестужев-Рюмин (1829—1897) принадлежит к общественным деятелям второй половины XIX века.

Все это наводит на мысль, что в сборник П. А. Ефремова скорее всего вкралась досадная описка. Имя поэта, стоящее в сборнике Ефремова под стихотворением, написано карандашом и затем обведено чернилами, вероятно позднейшим владельцем сборника, профессором И. А. Шляпкиным. Думается, что П. А. Ефремов имел в виду казанского поэта Ивана Васильевича Кроткова, которого И. А. Шляпкин или другой владелец сборника преобразил в И. В. Крюкова. Такое преобразование могло, конечно, легко произойти благодаря существовавшему обыкновению приписывать стихотворение «Декабристам» Крюкову и искушающей близости фамилий Крюков — Кротков.

Принадлежность стихотворения И. В. Кроткову подтверждается хронологически, историко-литературными и текстологическими данными. И. В. Кротков, уроженец Пензенской губернии (сын дьячка), учился

в Пензенской духовной семинарии, затем перешел в Казанский университет, который закончил с отличием. Много лет затем И. В. Кротков преподавал в гимназиях литературу, или, как тогда говорили, словесность. Его биограф указывает, что он глубоко знал свой предмет и пользовался большим уважением у слушателей как по своим знаниям, так и по гуманному отношению к учащимся. Об огнемном знании предмета свидетельствуют и работы, выполненные и прочитанные И. В. Кротковым на торжественных актах в гимназии, как, например, «О психологическом значении литературного образования», «О трагедии Пушкина «Борис Годунов», «О стихотворениях Лермонтова», «Об эстетической критике и современной русской поэзии» и другие.

И. В. Кротков не придерживался, очевидно, в своем преподавании казенных шаблонов и прививал учащимся взгляды, которые не укладывались в рамки официальной программы. В 1860 году царский министр народного просвещения Ковалевский при посещении казанской гимназии и проверке знаний гимназистов нашел ответы учеников Кроткова слишком «отвлеченными» и «непрактичными», и он был уволен в отставку.

В 1856 году И. В. Кротков издал сборник своих стихотворений. Сопоставление их со стихотворением «Декабристам» также может, на мой взгляд, подтвердить принадлежность ему этого произведения. Совпадают во многом лексические особенности, эпитеты и метафоры. Не представляет хронологического парадокса и возможность получения К. Н. Бестужевым-Рюминым текста стихотворения «Декабристам» именно у И. В. Кроткова. С ним Бестужев-Рюмин был знаком еще по нижегородской гимназии, в которой Кротков преподавал.

И. В. Кротков был малоизвестным и мало заметным поэтом. В своей поэзии он в основном следовал пушкинской школе. В стихотворении «Декабристам» явно чувствуется подражание известному пушкинскому посланию декабристам в Сибирь. Стихотворение было написано на животрепещущую и волновавшую умы социальную тему, и этим оно заслужило память потомства.

Окончательным установлением его авторства может быть разрешена любопытная, имеющая почти вековую давность литературная загадка.

Кандидат филологических наук
Л. СВЕТЛОВ.

СУДЬБА ОДНОГО АРХИВА

«Книги имеют свою судьбу». Свою судьбу имеют и книжные собрания, библиотеки, архивы.

Сложна и интересна была судьба архива филоматов. Филоматами (дословно — «любящими науку») называли себя участники тайного польского студенческого общества, существовавшего в Вильнюсском университете с 1817 года. Члены этого общества, не будучи революционерами, все же живо интересовались социальными проблемами, проповедовали передовые общественные идеи, боролись за национальное освобождение.

Архив филоматов является наиболее полным источником по истории общественного движения в Литве первой четверти XIX века. Во время деятельности филоматов о содержании архива было известно, естественно, только людям, близким к тайному обществу. Однако о существовании архива узнали и правительственные органы. В самый разгар репрессий Новосильцева против тайных студенческих обществ Вильнюсского университета (1823) архив усиленно разыскивался. Архивариус и секретарь общества филоматов Онуфрий Петрашкевич сумел спасти архив. Он вывез его в деревню к своему брату Михаилу. Здесь, в сельской глуши, архив и пролежал до возвращения Онуфрия Петрашкевича из сибирской ссылки. Вернувшись на родину, Петрашкевич обосновался у второго своего брата, доктора Иосифа Петрашкевича, сюда же он немедленно перевез и весь архив филоматов. В своих воспоминаниях современники описывают, как подорвавший в ссылке свое здоровье и постаревший Онуфрий Петрашкевич проводил дни и ночи, любовно перебирая пожелтевшие листки архива и погружаясь в воспоминания. Он умер в 1863 году. Архив остался в заботливых руках его брата Иосифа, а после смерти последнего (1871) перешел к старшему сыну Иосифа Петрашкевича — Феликсу.

Уже в то время не раз возникал вопрос об опубликовании архивных материалов, однако в эпоху царившей тогда реакции и национального гнета попытка осуществить этот замысел могла бы повести к иным последствиям: книга не увидела бы света, а документы могли быть конфискованы.

После смерти Феликса Петрашкевича (1900) архив перешел на хранение к его

младшему брату — доктору Яну Петрашкевичу, известному вильнюсскому врачу. Несмотря на обширную врачебную практику, Ян Петрашкевич находил время для упорядочения бумаг филоматов. Ему помогала дочь — Станислава Петрашкевич, которая несколько лет спустя стала главной хранительницей архива. В 1906 году Краковская академия наук, узнав о существовании архива филоматов, обратилась к семье Петрашкевичей с просьбой передать его на временное хранение в академию для научной обработки и подготовки к опубликованию. Этот план начал осуществляться в 1908 году, после чего архив был возвращен академией в Вильнюс семье Петрашкевичей.

Богатейшие материалы архива произвели целый переворот в толковании многих исторических фактов в жизни литовского и польского общества в период 1815—1823 годов.

Благодаря архиву выяснились политическое лицо и характер деятельности самого общества филоматов. До этого времени о деятельности этого передового общества судили только по отдельным высказываниям бывших его членов (например, Игнатия Домейки) и на основании куцых протокольных записей следственной комиссии. Архив филоматов раскрыл перед исследователями всю жизнь этого общества — ведь в архиве сохранились протоколы заседаний общества, его устав, отчеты, выступления его членов и прочие документы. Благодаря этим материалам обнаружили широкие связи филоматов не только с родственными организациями в Вильнюсе, но далеко за пределами города и даже Литвы, а также глубокое духовное влияние этого общества на широкие круги передовой молодежи. И главное, архив филоматов дал богатейшие новые материалы для биографии молодого Адама Мицкевича, одного из организаторов и активнейших членов общества. В архиве были обнаружены совершенно неизвестные «пробы пера» молодого поэта, многочисленные его письма, литературные рецензии, выступления и прочее. Архив тщательно исследовался. В результате этих исследований были изданы неизвестные письма Адама Мицкевича (издание профессора Калленбаха, 1910). Кроме того, Краковская академия наук опубликовала под редакцией Яна Чубека корреспонденцию филоматов (1913) и их поэзию (1922).

Дальнейшим работам над архивом поме-

шала война 1939 года и особенно немецко-фашистская оккупация, которая нанесла архиву непоправимый ущерб. По показаниям свидетелей, дом, в котором проживала последняя престарелая хранительница архива Станислава Петрашкевич и где хранился архив филоматов, был варварски подожжен и часть архива погибла. Сохранилась только та его часть, которую самоотверженно успела спасти из пылающего дома Станислава Петрашкевич.

В настоящее время архив передан на хранение в Научную библиотеку Вильнюсского государственного университета. Несмотря на большие потери, причиненные архиву войной, он представляет и теперь значительный научный и культурно-исторический интерес. В его составе шесть папок, включающих переписку Онуфрия Петрашкевича с Адамом Мицкевичем и другими филоматами (99 писем), переписку Фр. Малевского с А. Мицкевичем, Я. Чечетом, Т. Заном, Ю. Ежовским и другими (137 писем), 36 писем основателя общества филоматов Томаша Зана к членам этого общества и другим лицам, переписка братьев Адама Мицкевича — Францишка и Александра, письма Мих. Рукевича. Как известно, филомат Рукевич был одним из организаторов литовского «Общества военных друзей», тесно связанного с декабристами.

Часть этой корреспонденции и особенно поздние письма Онуфрия Петрашкевича,

писанные им из ссылки (из Москвы, Могилева, Тобольска и других мест), до сих пор нигде не опубликованы.

Общество филоматов черпало свою силу в славном прошлом литовского народа, в его героической борьбе за свою самостоятельность, против рыцарей-крестоносцев. В сохранившейся части архива находится рукопись патриотической «Жмудской повести Баулис» и собрание песен древних литовцев. Эти патриотические народные песни были записаны филоматом Яном Чечетом в районе Новогрудка, они воспевают дела Миндовга, Гедимина, Ольгерда, Кейстута, Витовта и других литовских князей и богатырей. Особый интерес представляют сохранившиеся в архиве две забытые в настоящее время лирические народные песенки на литовском языке, еще раз доказывающие интерес филоматов не только к историческому прошлому литовского народа, но и к его языку и к богатому народному творчеству.

Всего в сохранившейся части архива около 370 документов. Очень печально, что в архиве не уцелело ни одного автографа Адама Мицкевича; вероятно, все они погибли в огне. Однако не исключена возможность, что до сих пор эти автографы еще находятся в частных руках. Сотрудники Научной библиотеки Вильнюсского университета ведут дальнейшие работы по разысканию остатков этого ценного архива.

Л. ВЛАДИМИРОВ.

Вильнюс.

РЕПЛИКИ

ИЗ ОПЫТА ХЕЛЬСИНКИ...

Недавно, находясь в Хельсинки, я сказал переводчице о том, что мне хотелось бы узнать, в каком кинотеатре идет чаплинский фильм «Король в Нью-Йорке» или картина «Прощай, оружие» по роману Хемингуэя.

Наталья Львовна Смирнова, человек обязательный, сразу же подошла к телефону и набрала какой-то номер.

По телефону, как мне казалось, ей никто не отвечает, — да и не на что было отвечать, так как она не только не задала ни единого вопроса, но вообще не произнесла ни слова, — но Наталья Львовна, прижав к уху трубку, безмолвно и внимательно слушала. Потом, положив трубку на рычаг, она сказала:

— «Король в Нью-Йорке» в Хельсинки сейчас ни в одном театре не идет. А вот «Прощай, оружие» идет в «Рексе».

— Откуда же вы знаете, вы ведь даже не назвали картины, которая нам нужна?

Оказалось, что здесь в любую минуту можно набрать определенный номер телефона, — как, к примеру, у нас в Москве, когда хотят узнать точное время, — и четкий голос прочитает вам сегодняшнюю программу театров, кино, концертов и всех зрелищ.

В московской суматохе был такой день, когда мне,

не помню почему, необходимо было прослушать по радио «Последние известия». Но как раз в те минуты, когда их передавали, я не мог включить приемник, так как был занят неотложными делами.

Об этом суматошливом дне я также вспомнил в Хельсинки, узнав, что у них «Последние известия» передаются не только по радио, но и по телефону.

Вы набираете определенный номер, и голос, записанный на пленку, читает «Последние известия», те же самые, которые были по радио. И точно так же, как и по радио, в течение суток последовательно бывает несколько выпусков. Люди, имеющие в своем распоряжении телефон, в любое подходящее для себя время могут получить последнюю политическую информацию.

Был и такой случай. Мой друг, секретарь Общества финляндско-советской дружбы Аскео Сало, поспорил с одним поэтом о том, как пишется какое-то финское слово. Спор был краток. Набрав известный номер телефона, Аскео Сало получил точный ответ и о начертании слова и о том, на каком слоге следует делать ударение.

Оказывается, в Хельсинки есть и такое учреждение, как «бюро правописания», где специалисты дают любому позвонившему по телефону точную справку, как пишется то или иное слово.

Просто, удобно...

Правда, содержание этого бюро обходится, вероятно, немного дороже, чем магнитофонные пленки с

«Последними известиями» или программой зрелищ.

Так же, как Запорожье с Тампере, Оулу с Одессой, Ленинград с Турку, Кеми со Сталинградом, — Москва и Хельсинки связаны друг с другом договором о взаимной дружбе городов, о взаимном шефстве.

В прошлом году Хельсинки посетила делегация Моссовета, недавно в Москву приезжала делегация Хельсингского муниципалитета... Многое им понравилось в Москве, какой-то наш опыт они, по всей видимости, будут осваивать. Многое и из опыта жизни Хельсинки заслуживает нашего внимания, особенно если эти нововведения доставляют удобства населению и не требуют капитальных затрат.

«Последние известия по телефону», «программа зрелищ по телефону» принадлежат к числу таких диктуемых потребностями населения мероприятий.

Не знаю, зависит это от Управления московской телефонной сети или от какого-нибудь отдела Моссовета, от Министерства связи или Московского совнархоза, — я решил прибегнуть к печатному слову, которое, минуя книгу «входящих и исходящих», сразу может дойти до тех, кого это касается.

И хотя многие печатаемые на страницах журнала реплики остаются без ответа, я надеюсь, что с этим предложением дело будет обстоять иначе. И когда через месяц-другой я сниму трубку телефона, то услышу «Последние известия», сообщения собственных корреспондентов из разных городов Советского Союза и телеграммы из-за рубежа.

Геннадий ФИШ.

ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ГРАММАТИКУ

В «Справочнике корректора» К. И. Былинского и Л. И. Служивова на стр. 198 напечатано:

«В особом положении названия городов, оканчивающихся на О. При косвенных падежах родового наименования их употребляют в форме именительного падежа, если опасаются, что форма косвенного падежа не дает точного определения о начальной форме имени собственного:

В городе Кирова, из города Люблино.

По формам «в Кирове, из Люблина» нельзя было бы определить, какой город фигурирует перед нами — «Киров» или «Кирово», «Люблин» или «Люблино».

Не согласуют иногда в косвенных падежах с нарицательным существительным и те названия деревень, сел, местечек, хуторов, косвенные падежи которых не дают точного представления о начальной форме.

Вместо «у деревни Бересточки», «о селе Каше» пишут: «у деревни Берестечко», «о селе Каша», чтобы читатель не подумал, что деревня носит название «Берестечка», а не «Берестечко», что село называется «Каш», а не «Каша».

Чаще всего такое отсутствие согласования наблюдается тогда, когда название населенного пункта выражено существительным другого рода или стоит в другом числе, чем нарицательное имя.

Такие отступления от общих норм согласования

следует допускать только в том случае, если читатели данного текста могут не знать точного наименования населенного пункта».

Но ведь авторам «Справочника» должно быть известно, что «опасность» эта, когда «форма косвенного падежа не дает точного (?) представления о начальной форме» существительного, встречается очень часто, и никаких средств против этого «опасного» явления, не посягая на правила грамматики, придумать невозможно, да и не нужно.

Причем это совсем не какое-то «особое положение» и касается оно не только названий городов, оканчивающихся на «о», в таком же точно положении города, оканчивающиеся на «а» и на любую согласную, словом, почти все русские города и веси.

В самом деле, по форме «в Туле» тоже нельзя определить, «какой город фигурирует перед нами»: «Тул», «Тула» или «Туло». «В Луге», «в Устюге» не дают «точного» представления об именительном падеже: «Луг» или «Луга», «Устюг» или «Устюга». Примеры эти можно умножать до бесконечности.

Конечно, случается, и даже нередко, что иные читатели данного текста, — как говорят составители «Справочника», — могут не знать точного наименования населенного пункта, но неужели ради такой чрезвычайной okazji следует выдумывать особые грамматические правила?

Кстати, если деревня носит название «Берестечко»,

то в родительном падеже единственно правильной будет форма — «Берестечка» (а вовсе не «Бересточки»), и, следовательно, у читателя нет никаких оснований полагать, что деревня называется «Берестечка». Авторы «Справочника» сами запутались в своих путаных «правилах».

Думаю, что не следует поощрять отсутствие согласования и в тех случаях, когда название населенного пункта другого рода или числа, чем нарицательное имя: «село Кромы», «город Калуга»; «под селом Кромами», «в городе Калуге» все-таки более в духе языка и русских классиков, чем «под селом Кромы» или «в городе Калуга».

Эти ничем не оправданные «правила» только дезориентируют корректоров и ведут к тому, что, к соблазну школьников, в газетах, журналах, даже в книгах встречаются сплошь и рядом странно несклоняемые «Тушино», «Останкино», «Горелово», «Неелово», как будто это не коренные русские названия, а иностранные, как «Токио» или «Бордо».

Инфекция проникает даже в устную речь. Не раз доводилось слышать по радио: «температура воздуха в Иваново», «гостиница во Владыкино», «парад в Тушино», «дом отдыха в Голицыно».

Авторам «Справочника корректора» следует изъять этот неудачный пункт из их книги; он приводит к порче русского языка.

Н. КУЗЬМИН.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

Л. БЕЛОУСОВ. Веление долга. «Молодая гвардия». М. 1958. 62 стр. Цена 1 р. 10 к.

1938 год. При выполнении боевого задания у летчика Белоусова загорелась кабина самолета. Он получил тяжелые ожоги. Летчик перенес свыше двадцати мучительных пластических операций — своими на лице остались только глаза...

Великая Отечественная война застаёт Белоусова среди героических защитников полуострова Ханко. В трудные для Ленинграда дни эскадрилья истребителей, которой командует Белоусов, мужественно охраняет подступы к городу. Однажды летчикам пришлось вынести своего командира из кабины: отказались служить ноги. Началась гангрена — осложнение после ожога. Врачи были вынуждены ампутировать ноги.

Страшное горе не сломило волю сильного человека. Огромное упорство, глубокое чувство патриотического долга, неукротимое желание летать побеждают. Белоусов возвращается в боевой полк.

Л. Белоусов рассказывает о своем жизненном пути сдержанно и даже лаконично, но читать его воспоминания невозможно без большого волнения. «...То, что совершил он во имя Отечества, достойно еще одной повести о настоящем советском человеке, жизнь которого может быть названа великим подвигом», — так писала «Правда» 11 апреля 1957 года в связи с присвоением Л. Г. Белоусову звания Героя Советского Союза.

А. КОТОВ. Статьи о русских писателях. Гослитиздат, М. 1958. 160 стр. Цена 3 р. 30 к.

В книге собраны статьи ныне покойного талантливого литературоведа и критика А. К. Котова, много лет плодотворно работавшего в советской литературе.

Сборник не случайно открывается его статьей о записных книжках Короленко: писатель этот всегда интересовал А. Котова, изучением его творчества он занимался более двадцати лет.

В своей работе критик преимущественно уделял внимание исследованию русской литературы конца XIX — начала XX века. Значительный интерес представляют статьи о Чехове, Горьком, Подъячеве, Серафимовиче, также вошедшие в сборник. Кро-

ме того, в книге помещены статьи о романе Гончарова «Обломов» и о русском поэте и прославленном партизане Отечественной войны 1812 года Ленисе Давыдове.

В. В. СТАСОВ. Письма к родным. Том II (1880—1894). Государственное музыкальное издательство, М. 1958. 546 стр. Цена 20 р. 90 к.

Четыре года назад наши читатели ознакомились с первым томом «Писем к родным» В. В. Стасова. Второй том хронологически продолжает публикацию. Он охватывает период от 1880 до 1894 года. Последнее письмо, опубликованное в нем, написано семидесятилетним Стасовым. Письма чрезвычайно интересны и тем, что они весьма полно, с точки зрения передового русского интеллигента, характеризуют сложную пору российской действительности тех лет, и тем, что показывают, с каким мужеством и энергией их автор боролся в «кашеевом царстве победоносцевых» за сплочение и процветание прогрессивного русского искусства, считая эту борьбу составной частью великой борьбы русского народа за свое освобождение.

В книге собрано 254 письма Стасова; почти к каждому письму даются весьма подробные примечания, составленные Л. Болотинным и Е. Стасовой. Вступительная статья написана редакторами книги Ю. Кельдышем и М. Янковским.

Б. КРЕМНЕВ. Вольфганг Амадей Моцарт. «Молодая гвардия». М. 1958. 288 стр. Цена 6 р. 30 к.

Гениальный австрийский композитор и музыкант, автор бессмертного «Фигаро», чье имя знает теперь каждый ребенок, умер в отчаянной нищете и похоронен в безыменной могиле на венском кладбище св. Марка.

Книга Б. Кремнева, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», представляет собой художественную биографию Моцарта.

Автор прослеживает жизненный путь композитора со дня рождения и до смерти, раскрывает перед читателем прелесть и неповторимое обаяние его музыки, стремится выяснить причины, приведшие музыканта к ранней гибели. Читатель познакомится с политической и общественной обстановкой на родине Моцарта во второй половине XVIII века, с людьми, которые окружали

композитора, с его семьей. Есть страницы в книге, рассказывающие об огромном влиянии Моцарта на русскую культуру.

Советские читатели, глубоко любящие музыку этого великого композитора, почерпнут из аннотируемой книги много интересных сведений о его жизни и творчестве.

ХУЛИО МАТЕУ. Две родины. Стихи. Перевод с испанского. «Молодая гвардия». М. 1958. 12 стр. Цена 2 р. 35 к.

Хулио Матеу, испанский поэт-коммунист, активный участник борьбы с фашизмом, приехавший в Советский Союз в 1939 году, по праву называет нашу страну своей второй родиной.

«Две родины» — так озаглавил поэт свою первую книгу на русском языке.

Две родины в сердце ношу я,
две родины всюду со мной,
с одной научился я счастью,
и плачу я вместе с другой.

Великие свершения в нашей «стране чудес» и горечь за раздавленную фашистами Испанскую республику, безграничная благодарность советским людям и непримиримая ненависть к врагам свободы — об этом страстно рассказывает в своем творчестве испанский поэт.

Сердечные стихи посвящает Матеу братьям-испанцам, страдающим и борющимся: «Ожидая...», «Волк-голод», «Нищий», «Пролетарский театр», «Отчизна-мать, родные камни!» и другие.

Душевные, удивительно нежные слова сказаны о русской матери, принявшей к себе двадцать лет назад испанских детей, взрастившей и воспитавшей их для трудной борьбы за счастливое будущее на их родине.

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ. Год 1917. Госполитиздат. М. 1958. 192 стр. Цена 2 р. 50 к.

С первой же страницы книги вас захватывает поток исторических событий. Имя автора говорит само за себя. Николай Ильич Подвойский — старейший большевик, видный деятель революционного движения в России, активный участник подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Неоценимую помощь окажет книга историку, литератору, педагогу, студенту, школьнику — каждому, кто хочет из первоисточника углубленно, живо представить себе, как зрели и накапливались силы народные, как вооружалась революция, внедрялась в сознание масс авангардная роль партии, каким нетерпением и гневом кипели люди, шедшие на штурм Зимнего...

Особенный интерес представляют страницы, на которых возникает образ вождя революции Владимира Ильича Ленина. Читатель найдет также в книге интересные портретные характеристики многих замечательных большевиков, выдающихся деятелей Октябрьской революции — Антонова-Овсеенко, Урицкого, Луначарского, Крыленко и других.

О. КОТОВСКАЯ. Верный сын советского народа. Госиздат Молдавии. Кишинев. 1958. 56 стр. Цена 75 к.

Малая эта книжка не уступит, пожалуй, иной многолистной монографии — столь объемно, рельефно показан в ней образ Г. И. Котовского. О важнейших событиях военной биографии легендарного героя гражданской войны автор книжки — его жена рассказала живым языком участника и очевидца: она была врачом в тех же частях Красной конницы.

Автор говорит и о начале революционной деятельности Котовского, когда он в 1905 году поднимал бессарабских крестьян на восстание против помещиков, за что попал в каторжные работы. С первых же дней гражданской войны Котовский стал в ряды защитников Советской власти. Со своими кавалеристами громил он и германских оккупантов, и белополяков, и банды петлюровцев, денкинцев, махновцев, антоновцев.

Малоизвестный и потому наиболее интересный материал содержит глава «В мирные дни». Здесь читатель еще ближе знакомится с Котовским, больше узнает об особенностях его характера и моральных качествах, ярко проявившихся в условиях социалистического строительства.

СЕМЕН СКЛЯРЕНКО. Легендарный начдив. Крымиздат. Симферополь. 1958. 115 стр. Цена 3 р. 10 к.

Большое и человеческое сердце было у Николая Шорса, полное ненависти к врагам и пламенной любви к трудящимся. Неразрывно связанный с народом, преданный его интересам, Шорс жил революцией, боролся за светлое будущее, за коммунизм.

В книге «Легендарный начдив» читатель найдет описание детства и юношества Шорса, узнает подробности жизни и деятельности славного пролетарского полководца, будет захвачен волнующими примерами его большевистской отваги и находчивости в минуты опасности, его сердечности в отношении к товарищам.

Автор показывает, каким талантливым организатором был Шорс: из отдельных людей и небольших разрозненных партизанских отрядов создал он бесстрашный революционный полк богунцев, беспримерное мужество которого увековечено в истории гражданской войны.

В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ. Якутия. Природа — люди — хозяйство. Издательство Академии наук СССР. М. 1957. 200 стр. Цена 3 р. 20 к.

«Проезд от Иркутска до Якутска, — писал Н. Г. Чернышевский, — тяжелое и рискованное предприятие; труднее, чем какое-нибудь путешествие по внутренней Африке». Сейчас скоростной самолет доставляет путешественника из Иркутска в Якутск — столицу Якутской АССР — за 9 часов, а из Москвы — за 32 летных часа.

Автор знакомит нас с сегодняшней Якутией и показывает, как преобразуется советскими людьми этот холодный край, по территории равный почти двум тремьям пло-

щади всей Европы (кроме СССР). Перед читателем проходят картины якутской природы—тайга и тундра, реки и горные хребты. Сочетая изложение данных науки с собственными впечатлениями, В. Покшишевский рассказывает о природных сокровищах Якутии—железных рудах Алдана, коксующихся углях Чульмана, богатейших алмазных россыпях, горючих газах, соли. И читатель убеждается, что далекий суровый край стоит перед новым стремительным скачком вперед.

ЕВГ. РЯБЧИКОВ. Так идут к звездам. «Советская Россия». М. 1957. 88 стр. Цена 1 р. 55 к.

...Первое мая 1933 года. По радио звучит вдохновенная речь основоположника звездоплавания К. Э. Циолковского, заканчивающаяся словами: «Сорок лет я работал над реактивным двигателем и думал, что прогулка на Марс начнется лишь через много сотен лет. Но сроки меняются».

Автору книги посчастливилось бывать у Циолковского и вместе с ним как бы совершить воображаемый полет к звездам. Лучшие страницы книги посвящены знаменитому ученому.

И. АЛЕКСАНДРОВ и Г. ГРИГОРЬЕВ. Михаил Курако. «Молодая гвардия». М. 1958. 144 стр. Цена 3 р. 80 к.

История русской металлургии знает немало славных имен. Но среди них особо выделяется имя доменщика Курако. Об этом замечательном человеке и рассказывают авторы повести.

В книге изображена техническая отсталость и косность старой России. На этом неприглядном фоне ярко выделяется самобытный русский талант, вдохновенный,

смелый, неутомимый новатор, пылкий искатель, раскрывающий тайны доменного металлургического процесса.

Курако—человек необычной биографии. Выходец из аристократической семьи, шестнадцатилетний юноша решительно и бесповоротно порывает с роскошью и уютом родительского крова и, сбросив гимназическую форму, натягивает на себя грубую рабочую робу.

Шаг за шагом авторы прослеживают, как развивался и вызревал этот не отмеченный никаким ученым званием замечательный русский умелец, талантливый металлург, конструктор и строитель доменных печей, пламенный патриот Родины.

Б. Т. РУБЦОВ. Ян Гус. Госполитиздат. М. 1958. 72 стр. Цена 85 к.

В самые тяжелые для чешского народа годы имя великого патриота Яна Гуса звучало как призыв к неустанной борьбе за высокие идеи правды и справедливости. 6 июля 1415 года, почти пять с половиной столетий назад, Ян Гус мужественно взошел на костер, не желая отречься от своих убеждений.

Советский историк Б. Рубцов в своей книжке создал запоминающийся образ борца и мыслителя, близкого всему передовому человечеству. Отличительной чертой книжки служит то, что автор показывает Яна Гуса и как страстного приверженца дружбы славянских народов. В ранее опубликованных работах о Гусе этому важному вопросу не уделялось достаточного внимания.

Книжка хорошо иллюстрирована. Большинство фотографий появляется в нашей печати впервые.

СДАЮТСЯ В ПЕЧАТЬ...

В начале этого года в Москве создано Издательство социально-экономической литературы. Союзгиз будет издавать научные монографии по политической экономии социализма, экономике капитализма и докапиталистических формаций, истории народов СССР и всеобщей истории, истории международных отношений и дипломатии, по диалектическому и историческому материализму, по истории философии, а также научно-популярную, учебную и справочную литературу по этим разделам общественных наук. На издательство возложена научная публикация исторических и дипломатических документов, переиздание произведений выдающихся представителей общественной мысли прошлого, выпуск на русском языке произведений современных прогрессивных экономистов, историков и философов зарубежных стран.

Назовем некоторые книги, находящиеся в производстве.

Союзгиз продолжает издание фундаментальной «Всемирной истории», начатое Госполитиздатом. В текущем году уже вышел

в свет четвертый том, а в августе—сентябре подписчики получат пятый том.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС бережно хранится книга, изданная в 1869 году в С.-Петербурге: «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского». На этой книге имеются собственноручные пометки Карла Маркса, не только прочитавшего эту книгу и давшего ей высокую оценку, но и использовавшего ее при изучении русского языка. Теперь Союзгиз готовит к изданию эту работу, ставшую уже библиографической редкостью.

В нынешнем году исполнилось семьдесят пять лет со дня смерти Маркса и сто сорок лет со дня его рождения. О великом основоположнике научного коммунизма рассказывает книга Л. Леонтьева «Маркс и современность».

«Борьба В. И. Ленина против философских основ ревизионизма»—такое название носит работа А. Окулова. В работе исследована обширная зарубежная литература.

В сборнике «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции» опубликованы оригинальные статьи, написанные частью на основе архивных материалов. Наряду с советскими авторами в сборнике принимали участие историки стран народной демократии.

Три года назад вышла первая часть первого тома капитального издания «История русской экономической мысли». Сейчас печатается вторая часть. Книга охватывает период разложения и кризиса крепостничества. В ней подробно разобраны экономические взгляды идеологов революционно-демократического направления, и в особенности декабристов, Герцена, Чернышевского.

Выходит в свет монография Ф. Полянского «Первоначальное накопление капитала в России». Опираясь на архивный материал, автор вводит в научный оборот много новых документов и освещает ряд вопросов, связанных с возникновением капитализма в России.

В работе коллектива авторов Научно-исследовательского института труда «Условия быта рабочих в дореволюционной России» широко использованы материалы бюджетных обследований того времени.

Привлекают внимание два посмертных издания наших виднейших ученых Б. Грекова и Е. Тарле, публикуемые впервые.

«Краткий очерк истории русского крестьянства», принадлежащий перу академика Б. Грекова, охватывает обширный период IX—XVIII веков. Особое внимание уделено классовой борьбе в деревне, выступлениям крестьян против феодального гнета.

Монография академика Е. Тарле «Северная война» рисует картину сражений русских войск с вторгшимися в Польшу, Прибалтику и на Украину шведами, подробно рассказывает об участии народов России в этой трудной борьбе, завершившейся славным Полтавским боем.

Будет издана работа Н. Разумовича «Философские и социально-политические взгляды Д. И. Писарева». Читатель найдет в книге также обзор литературы о русском мыслителе, в частности сведения о вышедших за последнее время работах зарубежных авторов.

Характеристике мировоззрения великого грузинского писателя-демократа, общественного деятеля и мыслителя посвящена книга П. Ратиани «Илья Чавчавадзе. Философские и социально-политические взгляды».

В брошюре Н. Серовой «Василий Серов» раскрывается обаятельный образ кристально чистого человека, который с 1902 года связал свою судьбу с большевистской партией. Он погиб в 1918 году, защищая молодую Советскую власть.

В. Вознесенская подготовила работу «Экономические воззрения великих социа-

листов-утопистов Запада», в которой дан обстоятельный анализ взглядов Фурье, Сен-Симона, Оуэна.

Книга С. Меньшикова «Американские монополии на мировом капиталистическом рынке» представляет собой попытку дать развернутый научный анализ конкурентной борьбы монополий США и их экспансии на основных товарных рынках.

В работе С. Тюльпанова «Распад колониальной системы империализма» рассматриваются черты кризиса британской и французской колониальных систем, новые формы колониализма, осуществляемые американским империализмом.

Пресловутый «народный капитализм» разоблачают в научно-популярной брошюре «Новые эксперименты с «народным капитализмом» (Западная Германия и Австрия)» Г. Ардаев и А. Вебер.

Ценным пособием для научных работников, преподавателей вузов и средних школ, студентов, пропагандистов и агитаторов явится труд М. Вольфа и В. Клупа «Статистический справочник по экономической географии зарубежных социалистических и капиталистических стран». Подобное издание не выходило у нас на протяжении уже двух десятилетий. Справочник содержит обширный статистический материал, характеризующий экономику всех зарубежных стран с 1860 по 1957 год.

Книга, подготовленная коллективом авторов Конъюнктурного научно-исследовательского института, носит название «Экономика капиталистических стран». Это экономико-статистический справочник, представляющий собой сочетание разностороннего, богатого справочного материала с монографическим исследованием.

Брошюра «Симон Боливар» посвящена героической жизни одного из вождей войны за независимость испанских колоний в начале XIX века. С именем Боливара связано возникновение пяти латиноамериканских республик, одна из которых — Боливия — названа в его честь.

Впервые на русском языке издается третья часть «Лекций по эстетике» Гегеля, где великий немецкий философ рассматривает теоретические проблемы живописи, музыки, литературы. Книга составит XIV том сочинений Гегеля, издание которых начато еще в тридцатых годах и ныне заканчивается.

В нашей философской литературе нет книг, где бы разбиралась микросоциология — идеалистическое направление в буржуазной социологии, широко распространенное в США и во Франции и претендующее на решение многих актуальных проблем. Книга М. Бахитова «Об одной «новой» социальной утопии. (Критические заметки о микросоциологии)» является у нас первым опытом последовательной критики этого философского течения.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Ленин о социалистической собственности. Сборник. 336 стр. Цена 5 р. 60 к.

Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу товарища Н. С. Хрущева, принятое 7 мая 1958 года.

Доклад товарища Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 6 мая 1958 года. 64 стр. Цена 75 к.

История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.). Учебное пособие. 772 стр. Цена 16 р.

М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. Статьи и речи (1919—1946). 712 стр. Цена 13 р.

И. С. Кардашов. Что такое пролетарский интернационализм и в чем его сила. 132 стр. Цена 1 р. 65 к.

Франциска Кугельман. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса. 24 стр. Цена 25 к.

Поль Лафарг. Воспоминания о Марксе. 24 стр. Цена 30 к.

Вильгельм Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе. 52 стр. Цена 70 к.

Г. Меркуров. Борьба немецкого народа за мир и единство Германии. 152 стр. Цена 2 р.

В. Никольский. За мирный путь развития Японии. 112 стр. Цена 1 р. 50 к.

Они встречались с Марксом. Воспоминания русских общественных деятелей. 32 стр. Цена 35 к.

Л. Перепелов. Строим для себя. 56 стр. Цена 65 к.

Н. И. Подвойский. Год 1917. 192 стр. Цена 2 р. 50 к.

Б. Т. Рубцов. Ян Гус. 72 стр. Цена 85 к.

И. Слепов. Индустриализация строительства и ее народнохозяйственное значение. 264 стр. Цена 5 р.

Г. Филиппович. Книга идет по свету. 96 стр. Цена 1 р. 20 к.

С. Г. Шаумян. Избранные произведения в двух томах. Том II. 1917—1918 гг. 412 стр. Цена 6 р.

СОЦЭКГИЗ

Всемирная история. Том IV. 824 стр. Цена 40 р.

Я. И. Пекер. О книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». 136 стр. Цена 2 р. 50 к.

Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Том IV. 900 стр. Цена 13 р.

И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала. 436 стр. Цена 14 р. 70 к.

И. А. Хренов. Лодзинское восстание. 168 стр. Цена 3 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Аткай. Рабият. Поэма. Перевод с кумыкского. 60 стр. Цена 1 р.

Р. Баумволь. Стихотворения. Перевод с еврейского. 225 стр. Цена 2 р. 85 к.

Р. Бершадский. Две повести о тайнах истории. 176 стр. Цена 3 р. 90 к.

П. Бровка. Когда сливаются реки. Роман. Перевод с белорусского. 364 стр. Цена 6 р. 35 к.

И. Гофф. Точка кипения. 244 стр. Цена 3 р. 15 к.

Д. Гофштейн. Избранное. Перевод с еврейского. 392 стр. Цена 6 р.

В. Звягинцева. Зимняя звезда. Стихи. 128 стр. Цена 2 р. 60 к.

Е. Катерли. Восемь морей и один океан. 144 стр. Цена 4 р. 35 к.

В. Кетлинская. Китай сегодня и завтра. 386 стр. Цена 6 р. 85 к.

П. Козланюк. Юрко Крук. Роман. Перевод с украинского. 224 стр. Цена 4 р. 40 к.

Л. Кондырев. Вихри. Стихи. 176 стр. Цена 2 р. 65 к.

Лев Толстой об искусстве и литературе. Сборник. Том 1 608 стр. Цена 14 р. 95 к. Том 2. 576 стр. Цена 14 р. 20 к.

В. Луговской. Середина века. Стихи. 256 стр. Цена 8 р. 25 к.

К. Левин. Солдаты вышли из окопов. 476 стр. Цена 8 р. 50 к.

Я. Мавр. Избранное. Перевод с белорусского. 564 стр. Цена 10 р.

А. Мерзляков. Стихотворения. 328 стр. Цена 6 р. 55 к.

Л. Мышковская. Мастерство Л. Толстого. 436 стр. Цена 2 р. 20 к.

Поэты Коми. Стихи. 88 стр. Цена 1 р. 55 к.

Рабочий Урал. Рассказы и очерки. 592 стр. Цена 10 р.

И. Снегова. Лирические стихи. -120 стр. Цена 2 р.

В. Соколов. Трава под снегом. Стихи. 164 стр. Цена 1 р. 90 к.

Н. Соколов. Мастерство Г. Успенского. 256 стр. Цена 6 р.

Б. Степанюк. Родной очаг. Стихи. Перевод с украинского. 128 стр. Цена 2 р. 10 к.

А. Сусеев. Сын степей. Поэма. Перевод с калмыцкого. 130 стр. Цена 2 р. 15 к.

П. Сычев. У Тихого океана. 312 стр. Цена 5 р. 65 к.

Н. Тряпкин. Распевы. Стихи. 136 стр. Цена 1 р. 50 к.

Г. Туманян. Стихи. Перевод с армянского. 120 стр. Цена 1 р. 65 к.

В. Фролов. Жанры советской драматургии. 336 стр. Цена 8 р. 10 к.

А. Хижняк. По Швеции. 156 стр. Цена 3 р. 55 к.

А. Явич. Ранний свет. 424 стр. Цена 7 р.

ГОСЛИТИЗДАТ

Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. 203 стр. Цена 4 р. 20 к.

Валериан Гаприндашвили. Избранное. Перевод с грузинского. 227 стр. Цена 3 р. 35 к.

И. А. Гончаров в русской критике. Сборник статей. 359 стр. Цена 6 р. 35 к.

И. Гринберг. Поэзия Алексея Суркова. 144 стр. Цена 3 р. 15 к.

Джангар. Калмыцкий народный эпос. 363 стр. Цена 16 р. 40 к.

Янко Есенский. Провинциальные рассказы. Перевод со словацкого. 272 стр. Цена 2 р.

Мих. Зошенко. Рассказы, фельетоны, повести. 524 стр. Цена 9 р. 50 к.

Аттила Йожеф. Стихотворения. Переводы с венгерского. 223 стр. Цена 4 р. 50 к.

Юзеф Игнаций Крашевский. История колышка в плетне, составленная и записанная по достоверным источникам. Перевод с польского. 104 стр. Цена 1 р. 10 к.

Иван Микитенко. Утро. Роман. Перевод с украинского. 335 стр. Цена 6 р. 75 к.

Панас Мирный. Бес попутал и другие рассказы. Перевод с украинского. 232 стр. Цена 2 р. 40 к.

Е. Наумов. М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей. 407 стр. Цена 10 р. 90 к.

Александр Неверов. Избранные произведения. 712 стр. Цена 12 р. 30 к.

Архип Тесленко. Избранное. Перевод с украинского. 271 стр. Цена 5 р. 40 к.

Александр Хьеллани. Избранные произведения. Перевод с норвежского. 780 стр. Цена 13 р. 80 к.

Клара Цеткин о литературе и искусстве. 132 стр. Цена 2 р. 75 к.

Чжао Шу-ля. Избранное. Перевод с китайского. 698 стр. Цена 13 р. 20 к.

Николай Шундик. Быстроногий олень. Роман в четырех частях. 458 стр. Цена 8 р. 80 к.

Степан Щипачев. Стихи. 263 стр. Цена 3 р. 75 к.

А. И. Эртель. Записки Степняка. Очерки и рассказы. 612 стр. Цена 9 р. 60 к.

Японские сказки. Перевод с японского. 215 стр. Цена 2 р. 85 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник. 383 стр. Цена 7 р. 40 к.

Резолюции и документы XIII съезда ВЛКСМ. Сборник. 48 стр. Цена 50 к.

Н. С. Хрущев. Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества. 30 стр. Цена 30 к.

И. Арсентьев. Трудное счастье. Повесть. 160 стр. Цена 2 р. 35 к.

Олег Бедарев. Салют. Стихи. 64 стр. Цена 2 р. 15 к.

Л. Белоусов. Веление долга. 64 стр. Цена 1 р. 10 к.

Феликс Дзержинский. Дневник. Письма к родным. 270 стр. Цена 5 р. 90 к. 2-е исправленное и дополненное издание.

Андрей Дугинец. На бессудной земле. Повесть. 224 стр. Цена 4 р. 70 к.

Борис Заходер. Никто и другие. Стихи. 104 стр. Цена 3 р. 25 к.

Владимир Красильщиков. Дороге навстречу. Очерк. 159 стр. Цена 1 р. 25 к.

Иржи Марек. Страна под экватором. Путевые заметки. Перевод с чешского. 176 стр. Цена 4 р. 65 к.

Мирмухсин. Джамия. Повесть. 120 стр. Цена 3 р. 15 к.

Вл. Монастырев. Горная баллада. Повести и рассказы. 272 стр. Цена 5 р. 65 к.

Степан Олейник. В степи донецкой. Сатира и юмор. Перевод с украинского. 96 стр. Цена 2 р. 50 к.

Валерий Осипов. Тайна сибирской платформы. Очерки. 280 стр. Цена 6 р. 60 к.

Евгений Пермяк. Высокие ступени. 128 стр. Цена 4 р. 15 к.

Тери Симона. Сердце, полное солнца. Повесть. Перевод с французского. 206 стр. Цена 3 р. 10 к.

Сергей Смирнов. В гостях и дома. Стихи. 184 стр. Цена 2 р. 85 к.

Танцы разных народов. Сборник. 280 стр. Цена 10 р. 10 к.

Екатерина Шевелева. В японской столице. 96 стр. Цена 1 р. 15 к.

ДЕТГИЗ

К. Борин. О чем шепчут колосья. Литературная запись А. Дунаевского. 224 стр. Цена 5 р. 50 к.

Г. Борян. Дороги. Стихи. Перевод с армянского. 14 стр. Цена 2 р.

А. Васильев. Семнадцатый. Третья книга повести «Смело, товарищи, в ногу». 336 стр. Цена 6 р. 25 к.

Г. Войшвилло. Большие огни. 29 стр. Цена 4 р. 55 к.

Г. Кублицкий. Фритыоф Нансен, его жизнь и необыкновенные приключения. 336 стр. Цена 5 р. 40 к.

Е. Мар. Человек строит дом. 116 стр. Цена 11 р. 25 к.

А. Мошковский. Твоя Антарктида. Рассказы. 184 стр. Цена 4 р. 35 к.

Б. Небылицкий. От Волги к Дону. Записки кинооператора. 160 стр. Цена 4 р. 40 к.

С. Обрант. Школа корабелов. Историческая повесть. 208 стр. Цена 4 р. 40 к.

Н. Плавильщиков. Гомункулус. Очерки из истории биологии. 432 стр. Цена 12 р.

Л. Петров, А. Стругацкий, Пепел Бикини. Повесть. 152 стр. Цена 3 р. 30 к.

Я. Тайц. Послушный дождик. Рассказы. 12 стр. Цена 1 р. 80 к.

Б. Тихомолов. Сапар-Батыр. Рассказы летчика. 64 стр. Цена 1 р. 5 к.

Тысяча работников. Рассказы о машинах. 400 стр. Цена 7 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А. В. Благовещенский. Биохимия обмена азотосодержащих веществ у растений. 346 стр. Цена 21 р. 95 к.

Г. П. Задорожный. Внешняя функция современного империалистического государства. 328 стр. 11 р. 50 к.

В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. 206 стр. Цена 10 р.

Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака. 593 стр. Цена 24 р. 95 к.

М. Ф. Нестурх. Происхождение человека. 387 стр. Цена 15 р.

Я. М. Паушкин. Химический состав и свойства реактивных топлив. 376 стр. Цена 19 р. 30 к.

М. М. Персиц. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917—1919 гг.). 196 стр. Цена 5 р. 60 к.

Поэма Маяковского «Хорошо!». Сборник статей. 315 стр. Цена 13 р. 70 к.

А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой 1941—1942. 223 стр. Цена 4 р. 75 к.

Л. Б. Светлов, А. Н. Радишев. Критико-биографический очерк. 303 стр. Цена 5 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Э. Дзелени. Правда о Кипре. Перевод с французского. 63 стр. Цена 1 р. 10 к.

Шарль Исави. Египет в середине XX века. (Экономический обзор). Перевод с английского. 440 стр. Цена 16 р. 50 к.

История войны на Тихом океане. Том III. Первый период войны. Перевод с японского. 437 стр. Цена 14 р.

История экономического развития Китая 1840—1948 гг. Сборник статистических материалов. Перевод с китайского. 378 стр. Цена 23 р. 65 к.

Джон Итон. Маркс против Кейнса. Ответ на «социализм» Герберта Моррисона. Перевод с английского. 124 стр. Цена 3 р. 85 к.

Карло Кассола. Рубка леса. Перевод с итальянского. 95 стр. Цена 2 р. 50 к.

Жан Лаффит. Весенние ласточки. Роман. Перевод с французского. 266 стр. Цена 8 р. 30 к.

Азис Несин. Собачьи хвосты. Юмористические рассказы. Перевод с турецкого. 94 стр. Цена 2 р. 25 к.

Тодор Павлов. Основное в учении И. П. Павлова в свете диалектического материализма. Авторизованный перевод с болгарского. 223 стр. Цена 8 р. 50 к.

Рассказы сирийских писателей. Перевод с арабского. 111 стр. Цена 2 р. 60 к.

Арчибалд Робертсон. Рационализм в теории и на практике. Перевод с английского. 138 стр. Цена 4 р. 15 к.

Эрнст Тельман. Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения. Том II. (Ноябрь 1928 года—сентябрь 1930 года.) Перевод с немецкого. 395 стр. Цена 17 р. 30 к.

Алан Уиннингтон. Тибет. Рассказ о путешествии. Перевод с английского. 342 стр. Цена 8 р.

МЕДГИЗ

В. Г. Блюмин, Р. А. Прагер и др. Врачебно-физкультурный диспансер. 176 стр. Цена 4 р. 80 к.

Н. И. Гращенков, Ю. П. Лисицын. Здравоохранение в СССР и достижения советской медицины. 124 стр. Цена 1 р. 70 к.

Н. М. Дмитриева, В. А. Лебедева. Детский санаторий. 204 стр. Цена 8 р.

П. И. Калью, Н. Н. Морозова. Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. 340 стр. Цена 11 р. 55 к.

Н. Н. Трауготт, Л. Я. Балонов и А. Е. Личко. Очерки физиологии высшей нервной деятельности человека. 248 стр. Цена 8 р. 90 к.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов, С. Н. Голубов, А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора),
Б. А. Лавренев, М. К. Луконин, А. М. Марьямов, Е. Успенская, К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 22/V-58 г.

Подписано к печати 25/VI-58 г.

А 05256. Формат бумаги 70×108/16. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 140 000. Заказ 1040.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.